

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

32101 074201037

16
92
PT. 2

Library of

Princeton University.

ЗАПИСКИ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Томъ VII

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ

Подъ редакціей Управляющаго отдѣленіемъ

С. Ѳ. ПЛАТОНОВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43)

1907

Изданія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

Записки Имп. Русск. Арх. Общ. Т. XI (ост. въ продажѣ нѣтъ).	3 р.—к.
Извѣстія Имп. Русск. Арх. Общ. Тт. III, IV, VII, VIII—по 3 р.;	
IX и X по 15 р. (тт. I, II и VI въ продажѣ нѣтъ).	42 » — »
Записки Имп. Русск. Арх. Общ. Новая серія. Т. I—2 р. 50 к.,	
т. II—3 р., т. III—4 р., т. IV—4 р., т. V—5 р., тт. VI, VII,	
VIII, IX, X, XI—по 4 р., т. XII—5 р.	47 » 50 »
Труды Восточнаго Отдѣленія. Т. IX—3 р., т. XIV—3 р.,	
т. XVII—2 р., тт. XX, XXI, XXII—по 3 р. (остальныхъ нѣтъ въ	
продажѣ).	17 » — »
Записки Восточнаго Отдѣленія. Тт. I—XVII—по 4 р.	68 » — »
Указатель къ томамъ I—X Записокъ Восточнаго Отдѣленія.	1 » 50 »
Записки Отдѣленія Русской и Славянской Археологін. Т. III—	
2 р. 50 к., т. IV—4 р., т. V—4 р., т. VI—4 р., т. VII—4 р.,	
т. VIII (вып. I)—2 р. (тт. I и II въ продажѣ нѣтъ)	20 » 50 »
Записки Классическаго Отдѣленія. Т. I—4 р., т. II—3 р.,	
т. III—4 р.	11 » — »
Записки Нумизматическаго Отдѣленія. Т. I (вып. I)	1 » 50 »
Древности Россійскаго Государства. Кіево-Софійскій соборъ.	
Вып. I—III—18 р. и IV—12 р.	30 » — »
Сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ. Facsimile съ Сильвестровскаго	
списка XVI вѣка, съ предисл. И. И. Срезневскаго.	6 » — »
Памятники церковныхъ древностей въ Нижегородской губ.,	
архим. Макарія	3 » — »
Описание Новгородскаго Софійскаго собора, сост. прот. П. И.	
Соловьевымъ. Съ указателемъ П. И. Саввантова.	1 » 50 »
Жизнь и труды П. С. Савельева. В. В. Григорьева.	2 » — »
Каталогъ русскимъ медалямъ и монетамъ, хранящимся въ	
музеѣ Имп. Русск. Арх. Общ. Д. И. Прозоровскаго, изд. 2-е	1 » — »
Исслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ. В. В.	
Вельяминова-Зернова: Т. I—3 р.; тт. II, III по 2 р. 50 к.; т. IV,	
вып. 1—1 р. 25 к.	9 » 25 »
Словарь джагатайско-турецкій В. В. Вельяминова-Зернова	2 » — »
Записка для обозрѣнія русскихъ древностей	— » 20 »
О древнихъ христіанскихъ надписяхъ въ Аоннахъ. Архим.	
Антонина.	1 » 50 »
Труды 2-го Археологическаго съѣзда, съ атласомъ	5 » — »

ЗАПИСКИ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ АРХЕОЛОГІИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Томъ VII
ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ

Подъ редакціей Управляющаго Отдѣленіемъ
С. Ф. ПЛАТОНОВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. А. Александрова (Надсѣдннская, 43)
1907

Напечатано по постановленію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

Секретарь *Б. Фармаковский.*

СОДЕРЖАНІЕ

	СТРАН.
Павловъ-Сильванскій, Н. Мѣстная грамота XIV вѣка. Изъ бумагъ кабинеть-министра Артемія Волынскаго	1
Приваловъ, Н. Лира (ліра, рыле и реле). Русскій народный музыкаль-ный инструментъ	23
Списокъ съ грамоты царя Василя Іоанновича въ Муромъ 7115 (1606) года декабря 15	47
Шляпкинъ, И. Древніе русскіе кресты. Кресты новгородскіе до XV вѣка, неподвижныя и не церковной службы	49
Едемскій, М. Кокшенъгская старина	85
Приваловъ, Н. Музыкальные духовые инструменты русскаго народа въ связи съ соотвѣтствующими инструментами другихъ странъ	97
Трусманъ, Георгій. Древнѣйшая Ливонская хроника и ея авторъ	204
А. С. Раскопки близъ слоб. Гусевки Царицынскаго у.	226
А. С. Изъ собранія Н. К. Рериха	232
А. С. Отчетъ о раскопкахъ, произведенныхъ въ 1906 г. В. Н. Глазовымъ въ Смоленской губ.	237
Рѣрихъ, Н. и Спицынъ, А. Мелкія замѣтки.	241
Грамоты на кормленія XVI вѣка.	258
Протоколы засѣданій Отдѣленія Славянской и Русской Археологии Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества за 1905 и 1906 годы	260

(RECAP)

562821

Мѣстная грамота XIV вѣка.

Изъ бумагъ кабинетъ-министра Артемія Волинскаго.

Въ продолжительномъ, четырехъ-вѣковомъ удѣльномъ періодѣ нашей исторіи много неяснаго, манящаго своею загадочностью и разгадываемаго лишь при путеводномъ свѣтѣ аналогій. Время, уничтожившее безъ возврата громадную часть памятниковъ этой эпохи, будто посмѣялось надъ историками, сохранивъ имъ извѣстія въ прихотливо случайномъ выборѣ. Лѣтописей сохранилось достаточно; но лѣтописцы монахи писали больше всего о войнахъ и мелкихъ княжескихъ междоусобіяхъ, о рожденіи, смерти и свадьбахъ великихъ князей, о подвигахъ духовныхъ владыкъ, о сооруженіи церквей, и въ ихъ краткихъ разсказахъ извѣстія о другихъ сторонахъ жизни, о внутреннихъ основаніяхъ событій приходится собирать по крупинамъ, вчитываясь въ каждое слово. Столь же односторонни и грамоты удѣльнаго времени: изучая ихъ, нельзя забывать ни на минуту правила, часто забываемаго, что отъ факта умолчанія источниковъ нельзя дѣлать заключенія къ факту небытія. Сохранилось много жалованныхъ грамотъ, много договорныхъ, купчихъ и другихъ. Но нѣкоторые типы грамотъ, касающіяся важныхъ основаній свободнаго удѣльнаго порядка, или извѣстны по одному-двумъ образцамъ, или остаются для насъ вовсе неизвѣстными.

Мѣстная или мѣстническая грамота XIV вѣка, сохранившаяся случайно въ позднемъ спискѣ времени Петра Великаго, въ дѣлахъ кабинетъ-министра А. П. Волинскаго, доселѣ была единственнымъ образцомъ грамотъ этого типа, и лишь два года тому назадъ въ бумагахъ купца Мазурина, завѣщанныхъ московскому архиву министерства иностранныхъ дѣлъ, найдена была вторая мѣстная грамота, также въ очень позднемъ и неисправномъ спискѣ.

Эта вторая, Мазуринская грамота пока еще не издана и извѣстна мнѣ лишь по краткому изложенію В. О. Ключевскаго. Первая же, по списку Волинскаго, была напечатана Соловьевымъ въ приложеніяхъ къ

XX тому «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ». Я печатаю здѣсь списокъ этой грамоты цѣликомъ, съ приписками, пропущенными Соловьевымъ, и воспроизвожу его цинкографически, потому что онъ несомнѣнно заслуживаетъ внимательнаго изученія.

Въ грамотѣ этой есть нѣкоторыя странности. Сохранилась она въ позднемъ спискѣ, и очень многое въ ней не подтверждается другими источниками; но, съ другой стороны, въ ней нѣтъ и ни одного рѣзкаго противорѣчія съ иными источниками, ни одной явной несообразности, и нѣкоторыя ея данныя косвенно все таки подтверждаются лѣтописями. И по языку, и по формѣ она близко подходитъ къ грамотамъ XIV—XV вѣковъ. Такъ что, если это поддѣлка, то очень тонкая и искусная, основанная на неизвѣстныхъ намъ грамотахъ ранняго времени. Странности грамоты, данныя ея, оказывающіяся для насъ новыми, объясняются большею частью тѣмъ, что знанія наши о событіяхъ и порядкахъ удѣльной эпохи очень ограничены, вслѣдствіе крайней скудости источниковъ.

Великій князь Дмитрій Константиновичъ, давшій мѣстную грамоту, довольно хорошо извѣстенъ по лѣтописямъ. Онъ былъ современникомъ Дмитрія Донскаго, и его тестемъ, по дочери Евдокии; умеръ онъ въ 1383 г., 5-го іюля; 61 года отъ роду; княжилъ въ Нижнемъ-Новгородѣ съ 1365 г. до своей смерти. 18 лѣтъ его княженія прошли въ постоянныхъ тревогахъ. Два раза ушкуйники изъ Новгорода грабили Нижегородскія области (1366, 1375); напала мордва, болгары и нѣсколько разъ татары (въ 1367, 1374, 1375, 1377, 1378 гг.). При нападеніи въ 1377 г. ордынскаго царевича Арапши русскіе были разбиты на р. Пьяцѣ, потому что не ожидали врага, и «медь піаху до піана»; татары взяли и сожгли Нижній Новгородъ; и вновь напали на княжество въ слѣдующемъ году и снова жгли городъ ¹⁾). Одинъ только походъ на болгаръ въ 1376 г. увѣнчался блестящимъ успѣхомъ: русскіе полки осадили Казань и болгарскіе князья откупились деньгами.— Съ именемъ нижегородскаго вел. князя Дмитрія связанъ одинъ изъ лучшихъ памятниковъ древней русской исторіографіи—извѣстный Лаврентьевскій списокъ лѣтописи; «многогрѣшный рабъ Божій Лаврентей мнихъ» говоритъ въ послѣсловіи, что онъ писалъ свой лѣтописецъ «для великаго князя Дмитрія Константиновича» (1377 г.).

Нижегородское княжество было соединено, съ XIII еще вѣка, съ старымъ княжествомъ Суздальскимъ. Дмитрій Константиновичъ правилъ

¹⁾ А. Экземплярскій, Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси, т. II. стр. 408—416.

Суздаlemъ при жизни своего старшаго брата (съ 1356 г.) и впоследствии, будучи нижегородскимъ великимъ княземъ, также владѣлъ Суздальскимъ княжествомъ, отдавъ его въ удѣлъ старшему своему сыну Семену. Лѣтопись Никоновская, въ виду этого, постоянно называетъ его великимъ княземъ Суздальскимъ и Новагорода Нижняго; лѣтопись Воскресенская, по имени старѣйшаго изъ принадлежавшихъ ему городовъ, называетъ его даже только великимъ княземъ Суздальскимъ ¹⁾. Между тѣмъ, наша мѣстная грамота, въ противность лѣтописямъ, вовсе опускаетъ въ титулѣ Дмитрія Константиновича городъ Суздаль: «князь великій Дмитрій Костаптинвичъ Нижняго Новаграда и городецкой и курмышской». И тутъ въ грамотѣ, быть можетъ, не ошибка, а указаніе на неизвѣстный намъ фактъ, что въ первые годы нижегородскаго княженія Дмитрія Константиновича Суздаль ему не принадлежалъ, а находился, какъ можно думать, подъ властью быстро усиливавшагося московскаго великаго князя Дмитрія Донскаго. Подтверженіе этому находимъ въ событіяхъ, предшествовавшихъ вокняженію Дмитрія Константиновича въ Нижнемъ Новгородѣ въ 1365 г. Въ 1363 г. онъ получилъ изъ орды отъ хана Амурата ярлыкъ на великое княженіе Владимірское и занялъ стольный городъ Владиміръ. Но Дмитрій Донской немедленно пошелъ на него ратью, согналъ съ Володимера и осадилъ гор. Суздаль, куда онъ скрылся. Тогда Дмитрій Константиновичъ заключилъ съ нимъ миръ, но, повидимому, отдалъ Суздаль побѣдителю; по крайней мѣрѣ, лѣтопись говоритъ, что онъ, «вземъ миръ», «пойде изъ Суздаля въ Нижній Новгородъ къ великому князю Андрею Константиновичу, къ старѣйшему брату своему» (Никон. XI, 2). Затѣмъ, въ 1365 г. онъ получилъ Нижній Новгородъ лишь при помощи московскаго войска, которое помогло ему отнять этотъ городъ отъ его младшаго брата Бориса. Московскій князь за эту военную помощь, вѣроятно, сохранилъ за собою Суздаль. Рассказывая о вокняженіи Дмитрія Константиновича, лѣтопись говоритъ, что онъ «сяде» «на великомъ княженіи въ Нижнемъ Новгородѣ, а брату своему меньшому князю Борису Константиновичу даде Городецъ» — и не упоминаетъ о Суздаль.

На отдѣленіе Суздальскаго княжества отъ Нижегородскаго въ это время указываетъ и титулъ епископа въ нашей грамотѣ: «по благословенію владыки Серапіона нижегородскаго и городецкого и сарскаго и курмышскаго». Въ прежнее и послѣдующее время епископы нижегород-

¹⁾ Никоновская: П. С. Р. Л., т. XI, с. 12 (1370), с. 83 (1383). Иногда также и „городецкимъ“ с. 5 (1365).—Воскресенская: П. С. Р. Л., т. VIII с. 42 (1382), с. 43 (1383).—Братъ его „великій князь Андрей Константиновичъ, Суздальскій и Новаграда Нижняго и городецкій“ (Никон., XI, 4).

скіе, также какъ великіе князья, были одновременно и суздальскими. И относительно этого раздѣленія митрополій, суздальской и нижегородской, лѣтопись косвенно подтверждаетъ нашу грамоту, сообщая, что въ 1365 г. «Алексѣй митрополить отня епископію новгородскую и городецкую отъ владыки суздальскаго Алексѣя» ¹⁾).

Имя епископа Серапіона XIV вѣка неизвѣстно по другимъ источникамъ ²⁾. Тутъ опять мы встрѣчаемъ въ нашей грамотѣ новое извѣстіе, которое не подтверждается лѣтописями, но и не противорѣчитъ имъ. По лѣтописямъ мы знаемъ: 1) что въ 1365 г. Нижній Новгородъ былъ отдѣленъ отъ суздальской епархіи и 2) что черезъ девять лѣтъ, посвященный въ епископы въ 1374 г., основатель нижегородскаго Печерскаго монастыря Діонисій соединилъ епархіи суздальскую и нижегородскую ³⁾. Девятилѣтній же промежутокъ между этими точными извѣстіями 1365—1374 г.г. представляется темнымъ періодомъ въ исторіи суздальско-нижегородской іерархіи ⁴⁾. Наша грамота восполняетъ недостатокъ извѣстій отъ этого періода, показывая, что около 1368 г. нижегородская епархія была отдѣлена отъ суздальской, и нижегородскую кафедру занималъ владыка Серапіонъ.

Также какъ епископъ Серапіонъ, неизвѣстенъ по другимъ источникамъ архимандритъ нижегородскаго Печерскаго монастыря Іона. «Мы ожидали бы—говоритъ В. О. Ключевскій—Діонисія, основателя и перваго архимандрита этой обители». Грамота наша, нигдѣ не противорѣча прямо другимъ источникамъ, часто обманываетъ ожиданія.

¹⁾ Никоновская лѣтоп., П. С. Р. Л., т. XI, с. 5. Тоже въ другихъ лѣтописяхъ, см. О. Діевъ, Суздальская іерархія, съ предисловіемъ А. А. Титова: Чтенія въ Общ. любит. дух. просвѣщенія, за 1891 г., и отд., с. 30. О. Діевъ успѣшно доказываетъ, что это извѣстіе относится къ Новгороду Нижнему, а не къ Новгороду Великому (вопреки мнѣнію Карамзина: Исторія, т. V, прим. 132).—Приняшу благодарность А. А. Титову за любезныя указанія по исторіи суздальской іерархіи.

²⁾ Извѣстенъ другой епископъ владимірскій, суздальскій и новгородскій Серапіонъ, жившій столѣтіемъ раньше и умершій въ 1275 г., авторъ поучительныхъ словъ: Сузд. іерархія, с. 24—25.

³⁾ „Въ лѣто 6882 (1374) преосвященный Алексѣй митрополить кіевскій и всея Руси постави въ Суздадѣ епископа Діонисія, архимандрита Печерскаго“. (Никон., т. XI, с. 20. Тоже въ другихъ лѣтоп.). Но монахъ Лаврентій въ 1377 г. называетъ Діонисія „епископомъ суздальскимъ и новгородскимъ и городскимъ“ (Лавр. лѣт., с. 463). И изъ Никоновской лѣтописи видно, что въ 1375 г. епископъ Діонисій находился въ Нижнемъ Новгородѣ (См. также Суздальская іерархія, с. 36—37).

⁴⁾ Въ Суздадѣ въ эти годы, по неопредѣленнымъ извѣстіямъ, былъ епископомъ Іоаннъ, около 1366 г., и затѣмъ Даніиль II.—О. Діевъ предполагаетъ, что, отнявъ Нижній Новгородъ и Городецъ отъ суздальской епархіи, митрополить Алексій въ 1365 г. приписалъ эти города къ своей митрополичьей области: Сузд. іерархія, с. 30, 34—35.

Наибольшія недоумѣнія вызываютъ въ ней имена князей, неизвѣстныхъ по родословнымъ, и въ особенности отношенія ихъ къ великому князю нижегородскому.

В. О. Ключевскій говоритъ объ этихъ князьяхъ слѣдующее: «Любопытная черта нижегородскаго боярскаго совѣта, описываемаго въ грамотѣ,—численное преобладаніе князей. Лѣтописецъ, рассказавъ, какъ московскій великій князь Дмитрій въ самомъ началѣ своего княженія взялъ волю надъ княземъ ростовскимъ, а галицкаго и стародубскаго согналъ съ ихъ княженій, прибавляетъ, что тогда «все князи» отлѣхали въ Нижній, «скорбяще о княженіяхъ своихъ». Сличая княжескія имена въ грамотѣ съ родословной стародубскихъ князей, можно догадываться, что нѣкоторые изъ нихъ сидѣли въ совѣтѣ нижегородскаго великаго князя» (Б. Дума, с. 540). Я, однако, не нашелъ въ родословныхъ ни одного изъ князей, упомянутыхъ въ грамотѣ, и думаю, что не нашелъ не оттого, что нехорошо искалъ.

Князь Ѳеодоръ Андреевичъ Польскій нашей грамоты вполнѣ подходитъ и по имени, и по времени жизни къ стародубскому князю Ѳеодору Андреевичу. Этотъ стародубскій князь былъ вторымъ сыномъ князя Андрея Ѳеодоровича, который княжилъ въ Стародубѣ послѣ своего брата Ивана, (въ 1363 г. изгнаннаго изъ этого княженія Дмитріемъ Донскимъ); онъ въ 1375 г. участвовалъ въ походѣ московскаго князя на Тверь и былъ родоначальникомъ многочисленныхъ вѣтвей князей Стародубскихъ: князей Пожарскихъ, Ряполовскихъ, Ромодановскихъ, Палецкихъ и проч. ¹⁾. Однако, наша грамота называетъ Ѳеодора Андреевича княземъ Польскимъ, по имени г. Юрьева-Польскаго или волости Польской (отъ Поле), лежавшей между Суздалемъ и Юрьевымъ-Польскимъ, и тянувшей къ владѣніямъ князей суздальскихъ, а не стародубскихъ. Въ Стародубскомъ княжествѣ была волость Ополе на берегахъ рр. Клязьмы и Колокши, подъ г. Владиміромъ ²⁾. Но Ополе, конечно, не то же, что Поле, и

¹⁾ Родословная книга князей и дворянъ (бархатная книга), М. 1787, ч. II, с. 58—59. Временникъ, кн. X.—Никон. лѣтоп., XI, (1363) с. 2, (1375) с. 22.—А. Экземплярскій, Великіе и удѣльные князья, т. II, с. 181—184.

²⁾ Мѣстоположеніе Польской волости опредѣляется по Писцовой книгѣ Польскаго стана, который лежалъ по рѣкамъ Тумъ и Ирмису, правымъ притокамъ р. Нерли: Писцов. книги, I, с. 857—858. И позднѣе въ XV вѣкѣ волость эта тянула къ Суздалю (ср. село Шухобалово въ договорной грамотѣ 1446 г. № 62, и тоже село въ Польскомъ станѣ по писцовой книгѣ).—Положеніе Ополя также точно опредѣляется писцовой книгой, между Клязьмой и двумя ея лѣвыми притоками: Колокша и Рпень: см. Н. Н. Дебольскій, Дух. и догов. грамоты моск. князей II, с. 25: Зап. русск. отд. Импер. Русск. Археологич. Общ. т. I, 1902. Что Ополе принадлежало къ стародубскимъ владѣніямъ, видно хотя бы изъ того, что и въ XV и XVI вв. князья Стародубскіе владѣли здѣсь вотчинами: см. С. Рождественскій, Служ. Землевладѣніе, с. 179.

слѣдовательно, нашъ князь Ѳеодоръ Андреевичъ Польскій - Суздальскій не можетъ быть узнавъ въ соименномъ князѣ Стародубскомъ, извѣстномъ по родословцамъ.— Чьимъ сыномъ могъ быть князь Ѳеодоръ Андреевичъ Польскій? По всей вѣроятности, сыномъ великаго князя суздальскаго-нижегородскаго Андрея Константиновича, умершаго въ 1365 г. По родословнымъ Андрей Константиновичъ умеръ бездѣтнымъ, хотя былъ женатъ (на Анастасіи Кіясовской). Но въ родословныхъ замѣчено не мало подобныхъ пробѣловъ и ошибокъ ¹⁾.

Изъ нашей грамоты видно, что великій князь Дмитрій Константиновичъ, братъ этого Андрея, около 1368 г. былъ только княземъ нижегородскимъ, но не суздальскимъ. А теперь оказывается, что онъ черезъ своего племянника Ѳедора Андреевича Польскаго, сидѣвшаго въ его думѣ, владѣлъ по крайней мѣрѣ частью Суздальскаго княжества, волостью Польской. Въ этомъ нѣтъ никакого разпорѣчія. Извѣстно, что великіе князья въ это время, лишаясь стольнаго города и связанной съ нимъ великокняжеской власти, часто сохраняли за собою волости и вотчины въ утерянномъ княженіи.

Другихъ князей нашей грамоты: 1) Ивана Васильевича Городецкаго, 2) Петра Ивановича Березопольскаго и 3) Дмитрія Ѳеодоровича Курмышскаго совершенно нельзя найти въ родословныхъ, хотя въ это время, во второй половинѣ XIV вѣка, число князей было еще сравнительно не велико и родословныя даютъ о нихъ довольно точныя свѣдѣнія, въ сравненіи съ временемъ позднѣйшимъ ²⁾. И несомнѣнно, что эти три князя не были близкими родичами мѣстнаго нижегородскаго великаго князя, хотя они владѣли всѣми тремя главными волостями княжества (Городецъ, Березополье, Курмышъ). Получается очень странная картина для насъ, привыкшихъ къ междукняжескимъ отношеніямъ того времени. Во всѣхъ другихъ княжествахъ мелкими удѣлами владѣютъ

¹⁾ Объ Андрѣе Константиновичѣ см. Экземплярскій, т. II, с. 407 и пред.

²⁾ У вел. кн. Дмитрія Константиновича былъ внукъ Иванъ Васильевичъ (сынъ Василя Кирдяпы); но такъ какъ Дмитрій Константиновичъ род. въ 1322 г., то внуку его въ годъ написанія грамоты не могло быть болѣе 12 лѣтъ. Другой князь Иванъ Васильевичъ, жившій около этого времени (сынъ князя Василя, 1380 г.), княжилъ на Бѣлоозерѣ, въ удѣлахъ Коргопольскомъ и Ухтомскомъ, и едва ли могъ попасть въ Нижній Новгородъ. Князь Дмитрій Ѳеодоровичъ Курмышскій не можетъ быть княземъ Дмитріемъ Галицкимъ, котораго Дмитрій Донской изгналъ изъ Галича въ 1369 г. 1) потому, что, по своему происхожденію, этотъ князь могъ быть Ивановичемъ или Борисовичемъ, но не Ѳеодоровичемъ (Экземплярскій, II, 213), и 2) особенно потому, что бывшій великій князь не могъ бы сидѣть въ нижегородской думѣ на послѣднемъ мѣстѣ.— Особенно страннымъ является третій князь Петръ Ивановичъ, потому что имя Петръ появляется въ княжескихъ родахъ позднѣе, въ XV вѣкѣ.

ближайшіе родичи великаго князя; удѣлы возникаютъ вслѣдствіе постепеннаго наслѣдственнаго дробленія княжества, и ходъ этого дробленія довольно ясенъ. Здѣсь же все великое княжество, нижегородское, разделено, но не между родичами великаго князя, и когда и какъ произошло это дѣленіе—неизвѣстно. Единственный родичъ великаго князя, племянникъ его, Федоръ Андреевичъ владѣеть не нижегородской, а суздальской волостью, Полемя.

Далѣе, во всѣхъ другихъ княжествахъ мелкіе удѣльные князья являются князьями-вотчичами, сохраняющими свои земли даже тогда, когда княжество прекращаетъ свое самостоятельное существованіе, переходя подъ власть Москвы. Стародубское княжество исчезаетъ, но мелкіе стародубскіе князья, Пожарскіе, Ромодановскіе, Палецкіе, сохраняютъ свои удѣльныя вотчины до XVI, а иные до XVII вѣка, и, даже потерявъ наслѣдственныя земли, сохраняютъ родовыя прозванія по именамъ своимъ удѣловъ. Отъ князей же нашей нижегородской грамоты не осталось родовыхъ прозваній: нигдѣ, ни въ родословныхъ, ни въ актахъ не находимъ мы князей Курмышскихъ и Березопольскихъ.

Князья нашей грамоты, однако, могли быть кормленщиками, можетъ быть, они были пожалованы землями въ кормленіе «за ихъ выѣздъ». Въ особенности относится это къ князю Ивану Васильевичу Городецкому, сидѣвшему въ Думѣ рядомъ съ тысяцкимъ кн. Д. А. Волынскимъ. Городецъ въ это время принадлежалъ брату великаго князя Борису Константиновичу. Городъ этотъ данъ былъ ему въ удѣлъ еще при жизни отца (Андрея Константиновича) въ 1356 г. Когда отецъ его умеръ, Борисъ Константиновичъ, въ 1365 г. захватилъ Нижній Новгородъ и уступилъ его своему старшему брату Дмитрію только тогда, когда онъ явился съ московскими и суздальскими полками. Память объ этомъ междоусобіи братьевъ сохранилась въ мѣстной пословицѣ: «Дмитрій да Борисъ за городъ подрались». Братья помирились и Борисъ вынужденъ былъ по прежнему довольствоваться Городецкимъ удѣломъ. По лѣтописи князь Борисъ, въ 1369 г. (около года написанія нашей грамоты) «на Городцѣ постави церковь соборную святого архангела Михаила» (Никон., т. XI, с. 12).—Какъ же согласовать эти извѣстія лѣтописей о княжившемъ въ Городцѣ князѣ Борисѣ Константиновичѣ съ извѣстіемъ нашей грамоты о князѣ Иванѣ Васильевичѣ Городецкомъ? Единственное, кажется, объясненіе въ томъ, что этотъ князь Иванъ Васильевичъ былъ кормленщикомъ въ Городской волости, будучи подвластенъ мѣстному удѣльному князю Борису.

Князья въ думѣ нижегородскаго великаго князя сидѣли на лавкѣ

въ слѣдующемъ порядкѣ: на первомъ мѣстѣ отъ великаго князя сидѣль тысяцкій, князь Волинскій, затѣмъ подъ рядъ князя Городецкій, Польскій, Березопольскій и Курмышскій. Они занимали мѣста въ порядкѣ значительности ихъ владѣній. Городецъ, какъ старѣйшій и богатѣйшій городъ въ княжествѣ послѣ Нижняго Новгорода — на первомъ мѣстѣ; за нимъ Поле—волость стараго богатаго суздальскаго княженія, затѣмъ Березополье—волость на р. Кудымѣ, близъ стольнаго города, Нижняго Новгорода, и въ концѣ волость Курмышъ по р.р. Курмышу и Сурѣ, на окраинѣ княжества, которая получила большее значеніе лишь позднѣе, когда на Курмышѣ въ 1372 г. построенъ былъ городъ (см. карту).

Противъ пяти князей, сидѣвшихъ «въ лавкѣ», особо сидѣли «въ скамьѣ» три боярина не княжескаго рода. На первомъ мѣстѣ въ скамьѣ сидѣль Дмитрій Ивановичъ Лобановъ, не имѣющій ничего общаго съ позднѣе явившимися князьями Лобановыми-Ростовскими. Затѣмъ два брата Новосильцовы, гости, пожалованные въ бояре.

Тысяцкій, князь Дмитрій Алибуртовичъ Волинскій, былъ, какъ предполагаетъ В. О. Ключевскій, сыномъ князя волинскаго, литовца Любарта; по родословнымъ этотъ Любартъ былъ седьмымъ сыномъ Гедимина, и князь Волыни, за неимѣніемъ собственныхъ сыновей, взялъ его «къ дочцѣ своей на свое мѣсто на княженіе». «Старшій сынъ Любарта (упоминаемый въ родословныхъ Федоръ) княжилъ послѣ отца на Волыни, — говоритъ Ключевскій, — а младшій тревожными судьбами того времени занесенъ былъ на берега Волги и служилъ нижегородскимъ тысяцкимъ»¹⁾.

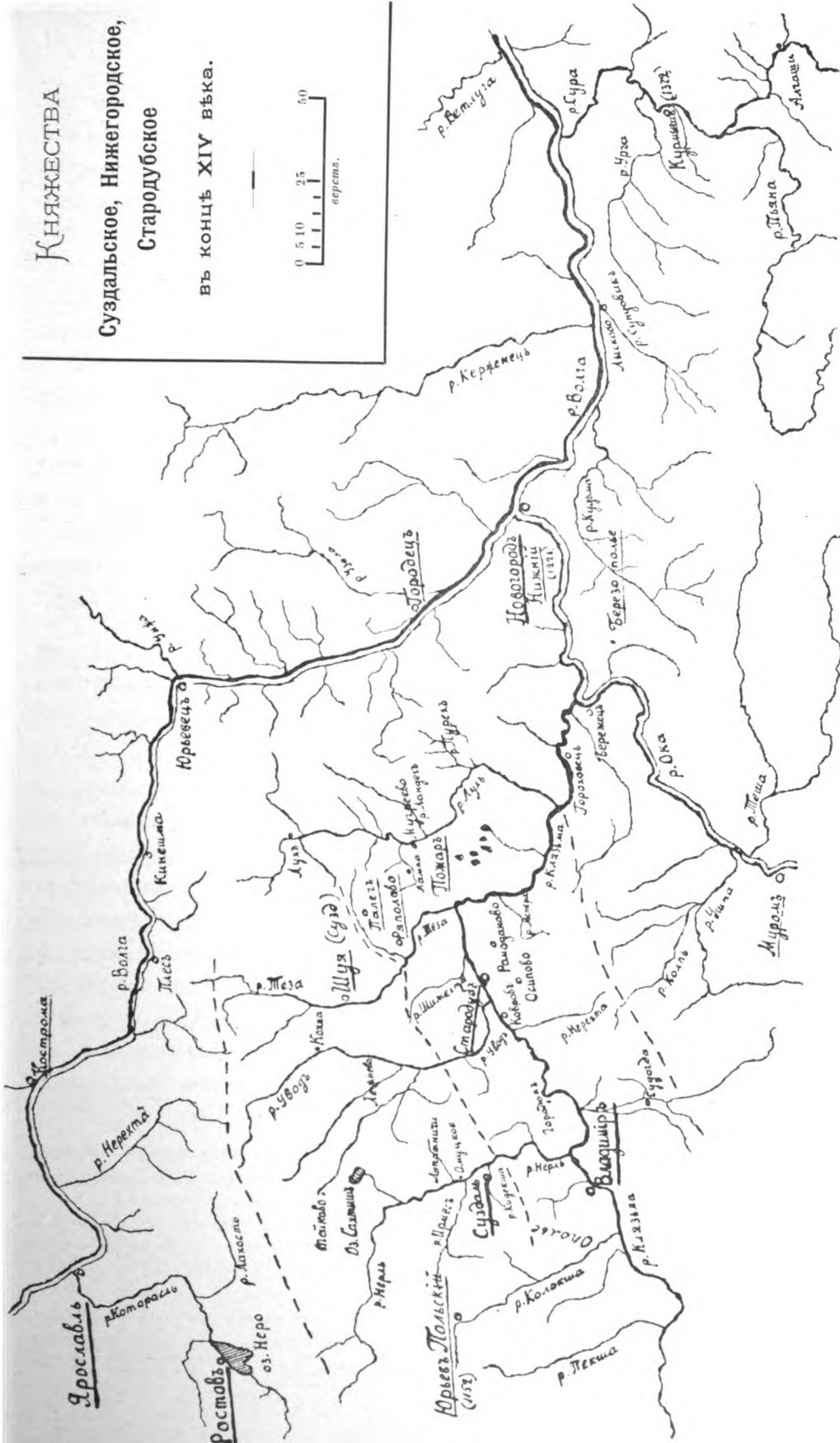
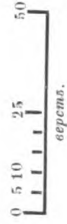
Такъ какъ другихъ князей Волинскихъ, кромѣ сыновей Любарта, въ это время не было, то князь Волинскій, Дмитрій Алибуртовичъ (Любартовичъ), нашей грамоты можетъ быть тождественъ съ княземъ Волинскимъ, Дмитріемъ Михайловичемъ, извѣстнымъ героемъ Куликовской битвы и зятемъ великаго князя Дмитрія Донскаго. Имена у нихъ одинаковы, различны отчества. Но непривычное для сѣверной Руси отчество «Алибуртовичъ» могло быть замѣнено другимъ, когда пріѣзжій князь нѣсколько обрусѣлъ. Примѣры такого обрусѣнія извѣстны и изъ недавняго прошлаго: такъ, напримѣръ, николаевскій канцлеръ графъ Нессельродъ, сынъ графа Вильгельма, звался официально Карломъ Васильевичемъ. Извѣстіе нашей грамоты о службѣ князя Волинскаго ты-

¹⁾ Временникъ, кн. X, с. 84. — Любартъ звался Дмитріемъ-Любартомъ княземъ Владимірекимъ: Р. Истор. Библ. VI, прилож. № 6. См. „Боярская Дума“, изд. 3, с. 539—540. Отъ Федора Любартовича „пошли Салкутковскіе князи, да Карбинскіе князи“: Бархатная книга, I, с. 50.

КНЯЖЕСТВА

Суздальское, Нижегородское,
Стародубское

въ концѣ XIV вѣка.

сяцкимъ въ Нижнемъ Новгородѣ вполне согласуется съ извѣстіями лѣтописей о службѣ князя Волынскаго въ Москвѣ. Нижегородскимъ тысяцкимъ онъ служилъ въ 1368 г. или около этого года, когда написана наша грамота. Извѣстія же о службѣ князя Волынскаго московскому великому князю начинаются съ декабря 1371 года. Въ промежуткѣ между 1368 и 1371 г.г. онъ могъ перейти отъ нижегородскаго князя къ московскому; въ то время не только выѣзжіе, но и мѣстные князья и бояре нерѣдко отказывались отъ одного князя и приказывались другому. Московскій великій князь могъ привлечь его къ себѣ на службу потому, что онъ не только, какъ выразился Карамзинъ, «усердствовалъ отличать подвигами мужества», но и обладалъ талантомъ для такихъ «подвиговъ мужества». Всѣ походы, въ которыхъ онъ участвовалъ, какъ московскій воевода,—походъ на Рязань въ 1371 г., на болгаръ въ 1376 г. и на Литву въ 1379 г.—были весьма успѣшны ¹⁾, не говоря объ искусномъ ударѣ на татаръ изъ засады, рѣшившемъ успѣхъ русскихъ въ Куликовской битвѣ.

Разсмотрѣнныя выше имена и титулы великаго князя, архіепископа, архимандрита, князей и бояръ не обнаруживаютъ ни одной явной несообразности. Наиболѣе странныя титулы князей: Березопольскій и Курмышскій, также допускаютъ извѣстное объясненіе. Порядокъ мѣсть князей вполне соотвѣтствуетъ значительности ихъ владѣній; бояре сидятъ отдѣльно на скамьѣ, противъ князей, сидящихъ на лавкѣ; и этотъ порядокъ мѣсть скрытъ, какъ въ шарадѣ, въ указаніяхъ грамоты, «кто подъ кѣмъ сидитъ», очень запутанныхъ и неясныхъ при чтеніи. Главная формула пожалованія вполне соотвѣтствуетъ грамотамъ XIV вѣка: «пожаловалъ есмь бояръ своихъ и князей, далъ имъ мѣстную грамоту, по ихъ челобитью и по печалованью... отца своего духовнаго и по благословенію владычю» ²⁾. Не возбуждаютъ сомнѣній сами по себѣ и, не встрѣчаемыя въ другихъ грамотахъ, выраженія: «Кому съ кѣмъ сидѣть и кому подъ кѣмъ сидѣть. Велѣлъ садитись отъ своего мѣста тысяцкому своему Дмитрію... а подъ Дмитріемъ садиться» ³⁾.

¹⁾ А. Экземплярскій, т. I, с. 103, 109, 111.—Н. Карамзинъ, кн. II, т. V, с. 24, прим. къ т. V, № 29 и др. Собр. гос. гр. и дог., I, № 31 (1371).

²⁾ Сравни: «Пожаловалъ есмь архимарита... далъ въ домъ» (А. А. Э. I, № 12, 1393); «Пожаловалъ есмь бояръ своихъ» (тоже, № 13, около 1398 г.); «По благословенію отца нашего митрополита» (Догов. грамоты); «Отецъ мой духовный» (Дух. ок. 1350 г.: А. Юрид., № 409, V).

³⁾ Сравни иныя выраженія XVI вѣка: «какъ доведется кому съ кѣмъ по тому щету сидѣти»; «билъ челомъ государю... въ счетъ о мѣстѣхъ»; «а то ему не въ мѣсто»; «невѣстная грамота»: Русск. Истор. Сборникъ, т. II, V.

Во всемъ этомъ трудно заподозрить поддѣлку, позднѣйшій вымыселъ. Въ грамотѣ нашей несомнѣнно есть подлинная древняя основа; въ ней несомнѣнно есть данныя, которыя кажутся на первый взглядъ странными лишь потому, что свѣдѣнія наши объ удѣльномъ времени очень ограничены.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ признать, что въ нашей грамотѣ есть и мѣста весьма сомнительныя, что она, если въ цѣломъ и не вымышлена, то, вѣроятно, была интерполирована.

Сомнительнымъ представляется вставочное замѣчаніе о казначей бояринѣ Тарасіи Петровичѣ Новосильцовѣ: «а пожаловаль его боярствомъ за то, что онъ окупилъ изъ полону государя своего дважды, великого князя Дмитрія Константиновича, а въ третье окупилъ великую княгиню Мароу». Особенно лишними кажутся подчеркнутыя мною слова, а вся вставка какъ-то странно схожа со слѣдующей замѣткой Нижегородскаго лѣтописца о богатомъ гостѣ «Тарасѣ Петровѣ сынѣ» (подъ 1371 годомъ)¹⁾:

„Въ то же время въ Нижнемъ Новгородѣ былъ гость Тарасъ Петровъ сынъ; больше его изъ гостей не было; откупилъ онъ полону множество всякихъ чиновъ людей своею казною, и купилъ онъ себѣ вотчины у великаго князя за Кудьюмоу рѣкою на рѣчкѣ на Сундовакѣ [р. Сундовикъ, см. карту] шесть сель: Садовъ, въ немъ церковь Бориса и Глѣба, да Риховское, Запрудное, Заляпчиково, да Мухарни; а какъ запуслъ отъ татаръ тотъ уѣздъ, тогда и гость съѣхаль изъ Нижняго къ Москвѣ“²⁾.

Весьма сомнителенъ также, по замѣчанію Н. П. Лихачева³⁾, титулъ великаго князя съ формальной стороны: «князь великій Дмитрей Костянтиновичъ Нижняго Новаграда и Городецкой и Курмышской». Въ грамотахъ XIV и XV вѣка владѣнія великихъ князей въ титулахъ ихъ никогда не перечисляются; иногда встрѣчается титулъ «князь великій Иванъ Даниловичъ всея Руси»; обыкновенно же писали просто «князь великій» и его имя и отчество⁴⁾.

¹⁾ На это въ засѣданіи Археологическаго Общества, когда я читалъ рефератъ о разсматриваемой грамотѣ, обратилъ въ особенности мое вниманіе С. Ѳ. Платоновъ.

²⁾ Кратчайшія о Н. Новгородѣ извѣстія: Др. Росс. Вивл., ч. XVIII, с. 78. Тоже, съ мелкими разночтеніями въ другихъ спискахъ мѣстной лѣтописи: А. Гацискіи, Нижегородскій лѣтописецъ, 1886, с. 16.

³⁾ Изложенныя замѣчанія высказаны были Н. П. Лихачевымъ въ засѣданіи Археологич. Общества. Въ печати на сомнительность мѣстной грамоты онъ обратилъ вниманіе въ статьѣ: „Государевъ родословець и родъ Адашевыхъ“, Лѣтоп. зан. Арх. Ком., вып. XI, с. 102, прим.

⁴⁾ Тоже въ грамотѣ Нижегородскаго князя: „се язъ князь великій Борисъ Костянтиновичъ пожаловаль“: А. А. Э., I, № 12, 1393 г., и № 18, 1410—1417.—Въ титулахъ архіепископовъ, однако, рано встрѣчается перечисленіе кафедръ: „Се язъ архіепископъ Ѳеодосей Ростовскы и Ярославски и Бѣлозерски“ 1453 г.: А. А. Э., I, № 54.

Странно съ формальной стороны, по замѣчанію Н. П. Лихачева, и упоминаніе дьяка съ отчествомъ: «а мѣстную грамоту писалъ великого князя дьякъ Петръ Давыдовъ сынъ Русинъ». Такъ подписывались дьяки въ позднѣйшее время, а въ XIV—XV вѣкахъ они писали проще: «а грамоту писалъ Нестерко» (1356), «а писалъ Внукъ» (1389), «а грамоту писалъ Мещеринъ» (1410), «а грамоту писалъ мой дьякъ Тимофей Ачкасовъ» (1423) ¹⁾.

Нѣсколько неожиданнымъ для XIV вѣка является и рукоприкладство архимандрита и боярь, о которомъ переписчикъ замѣтилъ: «А позади мѣстныя грамоты семь рукъ приложены. Къ сей грамотѣ архимандритъ Печерской Иона руку приложилъ. Да боярскіе руки». Грамоты въ это время скрѣплялись помѣтой одного лица, боярина, на оборотѣ ²⁾. Для мѣстнической грамоты, однако, легко допустить отступленіе отъ этого обыкновенія; устанавливая столь важный для боярь мѣстническій распорядокъ, великій князь естественно могъ предложить всѣмъ боярамъ закрѣпить соглашеніе своими подписями.

Указанія на печать, приложенную или привѣшенную къ грамотѣ, нѣтъ. И это даетъ прочный признакъ, что наша копія снята была не съ подлинника. Въ древнѣйшее время даже частныя грамоты, не только великокняжескія, скрѣплялись печатью, которая иногда прикладывалась, а чаще привѣшивалась на шнуркѣ.

Въ списокѣ нашей грамоты есть двѣ крупныя ошибки, объясняемыя недосмотромъ переписчика: 1) Въ немъ пропущены въ началѣ слова «Се язъ», необходимыя слова твердо установившейся формулы пожалованія, встрѣчаемыя во всѣхъ великокняжескихъ и княжескихъ грамотахъ. Переписчикъ XVIII вѣка, можетъ быть, пропустилъ эти слова, не разобравъ ихъ, потому что въ грамотѣ, которую онъ копировалъ, они были написаны крупною вязью (какъ ихъ писали въ XVII вѣкѣ, но не въ XIV).

2) Ошибочно указана дата грамоты «лѣта 6806 - го», или 1298 года. Великій князь Дмитрій Константиновичъ, давшій мѣстную грамоту, княжилъ гораздо позже, съ 1365 года. Судя по имени епископа, какъ указано выше, грамота была написана между 1365 и 1374 г.г. Ошибка въ датѣ произошла, повидимому, вслѣдствіе опечатки; *šwš* вмѣсто *šwšs*, т. е. 6806 вмѣсто 6876 или 1368 годъ. Если это такъ, то наша грамота относится къ тому же году, 1368-му, когда на-

¹⁾ Собр. Госуд. Грам. и Догов., I, с. 41, 62, 79, 82.

²⁾ См. Н. П. Лихачевъ, Отвѣтъ суровому критику, М. 1890 г., с. 25.

писана была и другая мѣстная нижегородская грамота изъ Мазуринскаго собранія.

Приписка, (пропущенная Соловьевымъ), точно указываетъ, когда списана была наша копія съ грамоты, а именно въ 1721 году: «Итого сей грамотѣ по нынѣшней отъ созданія мира 7229 годъ, отъ рождества же Бога слова 1721 годъ, — 423 лѣта». Въ этомъ счетѣ лѣтъ, прошедшихъ отъ времени составленія списка до года снятія копіи, переписчикъ основывался на ошибочно прочтенной имъ датѣ подлинника: 6806—1298 годъ (1721—1298=423).

Послѣднія двѣ приписки о времени основанія Нижняго Новгорода и сооруженія въ немъ каменной стѣны сами по себѣ не имѣютъ значенія, но даютъ возможность опредѣлить, откуда они заимствованы переписчикомъ. По лучшимъ лѣтописямъ (Лаврентьевской, Воскресенской, Никоновской) Нижний Новгородъ основанъ былъ въ 1221 г. Переписчикъ же грамоты указываетъ 1212 годъ, встрѣчаемый въ спискахъ нижегородскаго лѣтописца. Точно также въ припискѣ сказано, что «каменный городъ заложенъ бысть вел. княземъ Борисомъ Константиновичемъ въ лѣто 6873» (1365). Къ тому же 1365 г. отнесено начало постройки этихъ каменныхъ укрѣпленій въ Макарьевскомъ спискѣ нижегородскаго лѣтописца ¹⁾.

Эти элементарныя поясненія въ припискахъ, лѣтописные источники которыхъ мы легко узнаемъ, показываютъ, что грамота была написана не тѣмъ лицомъ, которое снимало съ нея копію въ 1721 году. Для этого времени вообще трудно допустить тонкую поддѣлку грамоты. Поддѣлки начала XVIII вѣка очень неискусны, въ родѣ того сказанія о Куликовской битвѣ, которое, какъ я расскажу ниже, было составлено для А. П. Волынскаго.

Грамота могла быть поддѣлана въ XVII вѣкѣ и раньше. Отъ второй половины XVII вѣка извѣстно нѣсколько подложныхъ грамотъ, возникшихъ въ связи съ составленіемъ вымышленныхъ родословныхъ росписей. Д. О. Кобеко выяснилъ недостоверность грамоты 1469 г., данной боярину Я. Г. Рюмъ-Бестужево ²⁾. Н. П. Лихачевъ доказалъ подложность жалованной грамоты 1506 г. А. О. Бѣдову; межевой грамоты 1512 г. съ упоминаніемъ о бояринѣ Я. К. Головкинѣ; грамоты, яко бы

¹⁾ А. Гацискій, о. с., с. 12: „подъ городовую стѣну и башни повелѣлъ оной князь ровъ копати“. По списку же Археогр. Комиссіи, копанье рва, „гдѣ бытъ каменной городской стѣнѣ и башнямъ“, относится къ 6878 (1370) г. По Никои. лѣтоп. Новгородъ Нижний заложенъ „камень“ въ 1372 г.

²⁾ О разработкѣ генеалогическихъ данныхъ въ смыслѣ пособия для русской археологіи: Зап. И. Р. Арх. Общ., т. II, с. 271, и Дополнит. замѣтки, тамъ же, т. III с. 194, т. IV, с. 75.

данной родоначальнику Измайловыхъ Ивану Шанну въ 1257 г. и заподозрѣнной еще Карамзинымъ, и другихъ ¹⁾). Недавно С. О. Платоновъ выяснилъ интерполяцію рѣчей Иоанна Грознаго въ Степенной книгѣ ²⁾

Подложныя грамоты, конечно, составлялись и раньше XVII вѣка. Иеромонахъ Арсеній, доказавшій подложность жалованной грамоты Дмитрія Донского «святому» Сергію, привелъ вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельства, что грамота эта была написана до начала XVII вѣка. Еще въ 1621 г. при разборѣ архива Троицко-Сергіевой лавры «жалованныя грамоты в. кн. Дмитрея Донского» «по книгамъ не сыскали». Въ XVI вѣкѣ поддѣлана была и другая Троицкая грамота: «данье въ Сергіевъ монастырь» ³⁾.

Въ мѣстническомъ дѣлѣ 1576 г. находимъ любопытныя разсужденія о подложности жалованной грамоты, представленной суду Василиемъ Зюзинымъ, въ доказательство своихъ правъ на мѣстническое старшинство. Зюзинъ представилъ списокъ съ жалованной грамоты тверского великаго князя боярину Ооонасью Шетневу. Отвѣтчикъ Федоръ Нагой, выслушавъ эту грамоту, выразилъ сомнѣніе въ ея подлинности, сказавъ: «та де и грамота кабы приставная, а не жалованная». При этомъ онъ обратилъ вниманіе на слѣдующія слова въ ней: «что де у него земли, на нашей отчинѣ въ великомъ княжествѣ, во Тверской землѣ, и ожъ будетъ такъ»; Нагой замѣтилъ объ этихъ словахъ, что грамота «писана съ ожемъ; а грамоты жалованныя даются бояромъ безъ ожа», т.-е. что, давая жалованныя грамоты на боярскія вотчины, князья знали эти вотчины и не выражали сомнѣнія въ ихъ существованіи («ожъ будетъ такъ»), какъ они дѣлали иногда, давая грамоты на отдаленныя земли мало извѣстныхъ имъ лицъ. Другое сомнительное мѣсто грамоты,—по объясненію О. Нагого,—то, что въ ней пожалованный, Ооонасій Шетневъ именуется бояриномъ, а между тѣмъ написанъ безъ «вича», т.-е. безъ отчества ⁴⁾: «да въ той же грамотѣ Ооонасью и вича нѣ, а написанъ Ооонасій бояриномъ» ⁵⁾.

¹⁾ Разрядные дѣяки XVI вѣка, с. 357, 432—433. — Родоприсхождение Головкиныхъ, 1903, с. 48—51.

²⁾ Статьи по русской исторіи, 1903, с. 223. — Интерполяція эта косвенно связана съ именемъ конфидента Волинскаго, А. О. Хрущова, такъ какъ ему именно принадлежитъ тотъ списокъ Степенной книги, въ который вшитъ былъ листокъ съ рѣчами Грознаго; но интерполяція произведена была не Хрущовымъ, а раньше, въ XVII вѣкѣ.

³⁾ Иер. Арсеній. О вотчинныхъ владѣніяхъ Троицкаго монастыря: Лѣтопись зан. Арх. Ком., вып. VII, с. 170—171, 142. — О признакахъ подложности грамоты святому Сергію (А. Э., I, № 7) см. также Н. Павловъ-Сильванскій, Погрѣшности Актовъ Арх. Эксп.: Лѣтоп. занятій Арх. Комиссіи, съ протоколами за 1905 годъ.

⁴⁾ Дѣйствительно, въ списокѣ хотя въ началѣ Шетневъ и названъ одинъ разъ „Ооонасьемъ Ивановичемъ“, но дальше названъ просто „Ооонасьемъ“ (с. 10—11).

⁵⁾ Р. Истор. Сборн., т. V, с. 10—11, 20; П. Ивановъ, Мѣстничество.

О поддѣлкахъ грамотъ въ еще болѣе древнее время, въ XV вѣкѣ, какъ указалъ Н. П. Лихачевъ, свидѣтельствуесть лѣтопись въ извѣстїи подъ 1493 г. о томъ, что чудовскаго архимарита, князя Ухтомскаго и Хомутова «били въ торгу кнутъемъ», «про то, что здѣлали грамоты на землю», яко бы пожалованную Вологодскимъ княземъ Спасо-Каменному монастырю ¹⁾.

Въ числѣ указанныхъ выше поддѣльныхъ грамотъ есть грамоты, завѣдомо подложныя, сплошь вымышленныя и при томъ очень неумѣло, безъ соблюденія соотвѣтствующей формы акта. Таково «данье великаго князя Дмитрея Ивановича Донскаго въ Сергіевъ монастырь» 1393 г. (Дмитрій Донской умеръ раньше въ 1389 г., и самъ себя не могъ именовать «Донскимъ»); такова и жалованная грамота святому Сергію (Сергія при жизни его не могли назвать въ актѣ «святымъ»). Эти грамоты наполнены грубыми, точно выясняемыми, ошибками.

Но болѣею частью грамоты не вымышлялись, а интерполировались вставками фразъ и словъ; такъ, на примѣръ, въ жалованной грамотѣ Оеонасю Шетневу, какъ доказывали еще въ XVI вѣкѣ, вставлено, повидимому, слово «боярину». Если вставки не ограничивались двумя-тремя словами, то онѣ обыкновенно заключаютъ въ себѣ тѣ или другія явныя несообразности, какъ, на примѣръ, въ межевой грамотѣ 1512 г. (!) фраза: «и по ихъ прошенію я, князь Юрьи Ивановичъ, велѣлъ ближнему и вѣрному своему боярину Яну Кучюкомовичю Головкину» ²⁾.

Наша мѣстная грамота, подобно этимъ грамотамъ, повидимому, не была вымышлена цѣликомъ, а лишь интерполирована. Грубыхъ несообразностей въ ней, какъ показано выше, нѣтъ. Искусствомъ поддѣлки она отличается отъ многихъ другихъ «воровскихъ, составныхъ», или «нарядныхъ» грамотъ древняго времени.

Списокъ съ грамоты, воспроизводимый здѣсь цинкографически, съ уменьшеніемъ въ два съ половиною раза, написанъ на большомъ листѣ бумаги, крупнымъ полууставнымъ почеркомъ, въ подражаніе старинному, съ красными заглавными буквами. Хранится онъ въ дѣлѣ Государственнаго архива VI разряда № 276, л. 308, въ папкѣ писемъ и бумагъ А. П. Волинскаго, которая была отобрана слѣдственной комиссіей

¹⁾ Н. Лихачевъ, Разрядные дьяки, с. 429, примѣчаніе. Лѣтописецъ русскій, изд. Н. Львова, 1792.

²⁾ Н. П. Лихачевъ, Родопроисхожденіе Головкиныхъ, 1903, с. 48.

1740 г.; на этихъ письмахъ мѣста, обратившія вниманіе комиссіи, отчеркнуты краснымъ карандашемъ ¹⁾).

Копія снята была для Волинскаго, конечно, потому, что въ грамотѣ упоминается его предокъ Дмитрій Алибуртовичъ, князь Волинскій. Честолюбивый кабинетъ-министръ очень интересовался своими предками-князьями и особенно участникомъ Куликовской битвы 1380 г. и затемъ великаго князя Дмитрія Донскаго, княземъ Д. М. Волинскимъ.

Гдѣ хранился оригиналь мѣстной грамоты, неизвѣстно. Изъ бумагъ Волинскаго видно только, что черезъ девять лѣтъ послѣ того, какъ снята была копія съ этой грамоты, а именно въ 1730 г., совѣтникъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ П. В. Курбатовъ ²⁾ доставилъ ему по его просьбѣ изъ Московскаго архива коллегіи «государственный гербовникъ», писанный «на холстинѣ». Пересылая этотъ гербовникъ изъ Москвы къ Волинскому, его довѣренный человекъ (Остайковъ) писалъ ему въ іюлѣ 1730 г. «изволили мнѣ приказать Петръ Васильевичъ (Курбатовъ) къ вашему превосходительству отписать, ежели какія курьезныя вещи надобны, чтобъ вы изволили къ нему писать; а у себя, сказалъ, всякихъ книгъ много, и общалъ вашему превосходительству въ томъ служить» ³⁾.

Особенно заинтересовался А. П. Волинскій своею родословной, когда послѣ долгаго губернаторства въ Астрахани и Казани, началъ преуспѣвать въ придворной службѣ, и въ 1734 г. назначенъ былъ генераль-адъютантомъ императрицы Анны, затѣмъ, 27 января 1736 г., оберъ-егермейстеромъ и наконецъ, 3 апрѣля 1738 г., кабинетъ-министромъ. Въ это время, въ 1737 г. составлено было для него баснословное обширное сказаніе о приѣздѣ въ Москву и объ участіи въ Куликовской битвѣ Дмитрія Волинскаго. «Transmigratio principis Wolhynensis Demetrii filii Ioannis principis Ostrogiensis in Moscoviensem principatum, . . . ex annalibus moscoviticis deducta». Въ этомъ сказаніи приѣздъ Дмитрія, сына князя Ивана Острожскаго въ Москву неправильно приурочивается къ Куликовской битвѣ; Дмитрій, будто бы, съ войскомъ, набраннымъ острожскимъ княземъ, прибылъ на р. Непрядву, прямо къ

¹⁾ Дѣло названо: „Частная переписка Волинскаго съ родными, знакомыми и подчиненными, а также разныя домашнія бумаги его“, VI, № 276.

²⁾ Петръ Васильевичъ Курбатовъ въ февралѣ 1716 г. былъ секретаремъ посольской канцеляріи, въ 1725 ассесоромъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, 19 іюня 1727 г. назначенъ былъ совѣтникомъ этой коллегіи и въ 1740 г. состоялъ членомъ ея, статскимъ совѣтникомъ. Умеръ 16 октября 1747 г.—П. Барановъ, Опись Высоч. указамъ и повел., хранящимся въ архивѣ Сената, т. I и II.

³⁾ Письмо Бориса Остайкова изъ Москвы, 20 іюля 1730 г.: Госуд. арх., VI, № 276, ч. II, л. л. 309—310.

началу сраженія ¹⁾). Между тѣмъ, по лѣтописямъ, какъ указано выше, князь Д. Волинскій служилъ московскому князю съ 1371 года.—Также какъ лѣтописи, сказаніе приписываетъ Д. Волинскому всю честь побѣды: онъ «черезъ своего генерала распорядилъ все московское войско» (130.000), затѣмъ къ концу баталіи вывелъ во время «въ лѣсахъ утаенное ауксиліарное войско» и рѣшилъ этимъ успѣхъ русскихъ. Но составитель сказанія счелъ это недостаточнымъ для славы Дмитрія Волинскаго и его потомка; вопреки лѣтописямъ, онъ продлилъ битву на второй день, и заставилъ раненаго великаго князя во второй, рѣшительный день сраженія вѣрнуть Д. Волинскому команду надъ всѣмъ войскомъ. Затѣмъ, съ цѣлью объяснить утрату родомъ Волинскихъ княжескаго титула, авторъ сказанія подробно повѣствуетъ, какъ Дмитрій Волинскій, которому всѣ «приписывали всецѣло славную викторію надъ татарскимъ ханомъ», породнился съ великимъ княземъ черезъ бракъ съ его дочерью Анною, приобрѣлъ всеобщую любовь народа, какъ великій князь Дмитрій Иоанновичъ, по навѣтамъ придворныхъ, началъ опасаться, чтобы его зять не захватилъ престола, и какъ Волинскій разсѣялъ всѣ его опасенія, великодушно отказавшись отъ княжескаго титула ²⁾).

Доставъ съ Куликова поля древнюю саблю, А. П. Волинскій составилъ слѣдующій текстъ надписи, которую хотѣлъ вырѣзать на клинкѣ ея или на ножнахъ: «Найдена сія сабельная полоса въ степи, изъ земли выкопана въ урочищѣ на Куликовскомъ полѣ близъ рѣки Непрядвы, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ 6887 году, а отъ Рождества Христова въ 1379 году была баталія съ многочисленными татарскими войски, бывшими съ ханомъ Мамаемъ, во время государствующаго тогда въ Россіи благовѣрнаго государя и великаго князя Дмитрія Иоанновича Московскаго и всея Россіи. На которой баталіи російскимъ воинствомъ самъ великій князь командовалъ, съ нимъ же и помощные ему были войски: литовскіе и прочіе, подъ приводомъ благовѣрнаго князя Дмитрія Михайловича Волинскаго ³⁾), за котораго потомъ великій князь Дмитрій москов-

¹⁾ Въ родословныхъ XVII вѣка выѣздъ князя Д. М. Волинскаго также приурочивается къ 1380 г.: см. выписка изъ росписи 1688 г. іюня 1, въ архивѣ Департ. герольдіи: дѣло № 482, 1798 г.

²⁾ Латинское сказаніе и современный русскій переводъ въ Госуд. арх., дѣло VI, № 278. Въ переводѣ Волинскій называется Волгинскимъ—Wolhynensis. Время написанія опредѣляется послѣдними словами: „и того рода живой свидѣтель г. Артемій Волинскій ...оберъ-егермейстеръ, генераль-лейтенантъ, посланникъ на конгрессѣ въ Немировѣ“ (т. е. 1737 г.).

³⁾ Артемій Петровичъ не слѣдовалъ тутъ изложенному выше сказанію и не приписалъ князю Дмитрію Волинскому главнаго командованія надъ всѣмъ московскимъ войскомъ.

скій отдавъ въ супружество сестру свою родную, благовѣрную княжну Анну Іоанновну» ¹⁾).

О доблестномъ подвигѣ своего предка А. П. Волинскій упомянулъ и въ краткомъ историческомъ введеніи къ своему «Генеральному разсужденію о поправленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ». Судьи Волинскаго въ 1740 году поставили ему въ вину, что онъ въ этомъ введеніи, «исторіи о великихъ государяхъ россійскихъ отъ великаго князя Володимира», «при упоминаніи о вел. князѣ Дмитріи Іоанновичѣ Донскомъ написалъ и о выѣзжемъ Дмитріѣ Волинцѣ». Злой умыслъ увидѣли они также и въ томъ, что онъ «великаго государя Іоанна Васильевича написалъ тираномъ», о царяхъ Θεодорѣ Алексѣевичѣ, Іоаннѣ Алексѣевичѣ, о императрицѣ Екатеринѣ I и о Петрѣ II «ни словомъ не упомянулъ, яко бы ихъ величества никогда не государствовали: а о дѣлахъ государя императора Петра Великаго и пынѣ благополучно царствующей государыни императрицы (Анны Іоанновны), хотя упоминаль, но кратко, съ неудовольствіемъ» ²⁾).

Наконецъ, по указаніямъ кабинетъ-министра, конфидентъ его Петръ Еропкинь нарисовалъ чертежъ родословнаго дерева, съ изображеніемъ внизу князя Д. Волинскаго и великой княжны Анны. По показанію другого его конфидента, Андрея Хруцова, «оную картину хотѣлъ онъ, Волинскій, въ чужихъ краяхъ напечатать и разослать въ Россіи и въ другія государства, дабы знали въ народѣ, что онъ близокъ свойствомъ къ императорской фамиліи, и что у него ума столько есть, чтобъ самому государствомъ править». Картина эта въ «Изображеніи о государственныхъ безбожныхъ тяжкихъ преступленіяхъ и злодѣйственныхъ воровскихъ замыслахъ Артемья Волинскаго и сообщниковъ его» описана такъ:

„Онъ, Волинскій, написалъ о родѣ своемъ одну картину, которую ему нарисовалъ на бумагѣ Петръ Еропкинь, а на оной картинѣ написалъ одно древо съ вѣтвями, а въ низу того древа персоны вышепомянутыхъ Дмитрія Волинца и великой княжны Анны. И для тонкости породы ихъ написалъ того Волинца подъ польскимъ верхнимъ платьемъ въ латахъ, и шапка съ перомъ, а въ рукѣ палку, въ знакъ воинскаго полководца. А великую княжну написалъ въ русскомъ платьѣ, и при ней младенца съ крыльями, держащаго въ одной

¹⁾ Надпись крупными буквами на длинной полосѣ бумаги, внутри чертежа сабли въ натуральную величину: Госуд. арх., д. VI, № 211, ч. I.

²⁾ Гос. арх., д. VI, № 208. Изображеніе о преступленіяхъ Волинскаго, п. 15.— „Генеральное разсужденіе“, какъ извѣстно, не сохранилось.—Въ прошломъ году, при разборѣ дѣлъ Тайной Канцеляріи въ Государственномъ архивѣ найдено довольно много новыхъ бумагъ Волинскаго по управленію его пмѣніями и писемъ его къ приказчикамъ, но рукописи этого Генеральнаго разсужденія не нашлось.

рукъ великаго княжества московскаго корону, а въ другой гербъ великаго жъ княжества московскаго, а выше тѣхъ персонъ на древѣ написаль щить, на которомъ надпись такава: „Князь Дмитрей Михайловичъ Волинскій и супруга его благовѣрная и великая княжна московская Анна, отъ которыхъ пошла фамилія Волинскихъ“, и хотѣлъ онъ, Волинскій, въ кружкахъ, на ономъ древѣ по вѣтвіямъ написанныхъ, всю свою фамилію, и себя, и сына своего вписать, а для себя и для сына своего велѣлъ кружки написать, отъ другихъ со отмѣною, побольше. На другой сторонѣ того древа написаль педесталь въ проспектѣ, а по бокамъ того педестала прикованныхъ на цѣпяхъ двухъ турокъ, а повыше педестала трофей съ арматурою и внутрь того трофея щить съ обыкновенною его, Волинскаго, печатью. А сверхъ трофея императорскій гербъ двоеглаваго орла, со всеми принадлежащими къ нему клейнотами, противъ кабинетной печати, которую отъ пакета умышленно, какъ самъ онъ Волинскій объявилъ, отрѣзалъ для того, чтобъ противъ той печати на картинѣ роду его императорскій гербъ точно былъ нарисованъ. Какъ оный и дѣйствительно на оной картинѣ нарисованъ и написанъ былъ. И онъ, Волинскій, объявилъ, что онъ тотъ императорскій гербъ на картинѣ написаль для того, что онъ по московской великой княжнѣ Аннѣ причитался свойствомъ къ Высочайшей Е. И. В. фамиліи.“¹⁾

Всѣмъ этимъ генеалогическимъ розысканіямъ Волинскаго судьи его придали важное политическое значеніе. Его обвинили въ зломъ умыслѣ на царскій престолъ. Друзья его, подъ угрозой пытокъ, поддерживали это обвиненіе, придавая особый смыслъ многимъ его неосторожнымъ рѣчамъ. Андрей Хрущовъ вспомнилъ, какъ Волинскій говорилъ, что «у него ума довольно есть, чтобы государствомъ править». Петръ Еропкинъ придалъ подсказанный судьями криминальный смыслъ словамъ Волинскаго: «царица въ монастырѣ, а разстрига растеть въ Литвѣ, същется и царь Василій Шуйскій».

Отвѣтамъ Волинскаго на эти обвиненія (по пункту 11-му) слѣдственная комиссія придавала такое значеніе, что показанія, данныя имъ 16-го мая 1740 г., были переданы императрицѣ въ запечатанномъ конвертѣ. По этому пункту его допрашивали вновь, 20-го мая; онъ разсказалъ, было, испугавшись пытки, что имѣлъ въ виду, какъ Михайль Оедоровичъ избранъ былъ на престолъ по свойству съ московскою великою княжною, и разсчитывалъ, что подобно этому: «когда фамилія ея императорскаго величества пресѣчется, то де и по его съ московскою же великою княжною Анною свойству могутъ дѣти или внучаты или правнучаты его російскаго престола преемниками быть». Но едва разсказавъ это, Волинскій тотчасъ отрекся отъ своихъ словъ, заявивъ, что «показаль о томъ отъ страха, боясь розыску». Черезъ два дня, 22-го мая, его пытали; онъ винился во всемъ, но твердо стоялъ на томъ, что «такого злого своего намѣренія

¹⁾ Гос. арх., д. VI, № 208. „Изображеніе“, п. 39 и 40.

и умыслу, чтобъ себя чрезъ что нибудь сдѣлать государемъ никогда онъ, Волынскій, не имѣлъ». Ему сказали, что конфиденты его (Федоръ Соймоновъ, Андрей Хрущовъ, Петръ Еропкинь и человѣкъ его Василій Кубанецъ), «каждый порознь, и всѣ четверо единогласно о такомъ его зломъ намѣреніи и замыслахъ его явно показываютъ». Обвиняемый рѣшительно отрицалъ эту вину ¹⁾.

Несмотря на это, судьи Волынскаго, на основаніи его генеалогическихъ розысканій, сохранившихъ для насъ рѣдчайшій списокъ грамоты, составили одинъ изъ важныхъ пунктовъ обвинительнаго акта, по которому онъ былъ приговоренъ къ смертной казни.

Н. П. Павловъ-Сильванскій.

¹⁾ Гос. арх., д. VI, № 199. Вопросы, отвѣты и пыточныя показанія Арт. Волынскаго съ 15-го апрѣля по 7-е іюня 1740 г. У Соловьева есть только намекъ на это обвиненіе (кн. IV, с. 1633); очень кратко говорить о немъ и проф. Корсаковъ: „А. П. Волынскій и его конфиденты“: Русск. Стар. 1885 г. т. XLVIII, с. 17—54.

Мѣстная грамота нижегородскаго великаго князя Дмитрія Константиновича,
1368 г., или 1365—1374 г.г. По списку А. П. Вольнскаго.

* д. рукопись великаго князя Дмитрія Константиновича нижегородскаго

Списокъ зъ грамоты мѣсныѣ.

Кнѣзь великій Дмитрей Константиновичъ Нижняго Нова Града . и Городецкой
 и Курмышской . Пожаловалъ семи бояръ своихъ и кнѣзей . далъ имъ
 мѣстную грамоту . по ихъ челобитю . и по печалованью Архимандрита нижегоро
 дскогъ печерскогъ . Оца своего духовнаго Юны . и по благословенію Бл҃гую
 Серапіиѣ нижегородскогъ и городишкогъ . и сарскогъ и курмышскогъ : кому ека
 снѣсть . и кому поскѣмъ снѣсть . велѣлъ сдѣлать въскогъ мѣста пылашскому
 своему Дмитрію Александровичу кнѣзю Болынікомъ . а подмириѣмъ сдѣлать
 кнѣзю Иванъ Васильевичъ городишскому . да пропиемъ егѡ въ скарѣе сдѣлать
 Дмитрію Ивановичу Лобанову . да вѣдѣемъ по кнѣземъ Иваномъ кнѣзю Федору
 Полскому Андрѣевичу . да сдѣлать боярину егѡ Василью Петровичу новоси
 цову . а пожаловалъ егѡ боярствомъ Запѡ . чѡ онъ вѣхнулъ и поло
 ну гра своего дяди . Великогъ князя Дмитрія Константиновича .
 а стрѣпѣе вѣхнулъ великую кнѣжню марѡ . да сдѣлать боярину кнѣзю
 Петру Ивановичу березополскому . да сдѣлать вѣвѣт кнѣзю Дмитрію Дево
 говичу курмышскому . а кѣмѣной грамотѣ . кнѣзь великій велѣлъ боя
 ромъ своимъ . и далъ рѣки прикадывати . а мѣстную грамоту писа
 великогъ князя далъ Петру дещову сѣмъ рѣки . аѣта . 575 . г .

А назади мѣсныѣ грамоты се рѣки приложены .
Кей грамотѣ архимандри печерской Юны рѣки приложилъ .
 да бодрѣе рѣки . а того сѣ грамотѣ . поинѣшнѣи ѡгозднѣа мира =
 574 . го . ѡрѣтъмѣ еѣа слова . аѣкаго . аѣтѣ . аѣта .

анижнѣи городъ заложнѣи великимъ кнѣземъ Юрьемъ всеволодичемъ аѣта .
 575 . го .

а каменнѡй городъ заложнѣи вѣтъ великимъ кнѣземъ Борисомъ конста
 тинновичемъ . вѣтѣ . 576 . годѣ .

Списокъ зъ грамоты мѣсныѣ.

[Се язъ] Князь великій Дмитрей Костянтиновичъ Нижняго Нова
града и Городецкой и Курмышкой пожаловалъ семи бояръ своихъ и

князей, далъ имъ мѣсную грамоту, по ихъ челобитью и по печалованью Архимандрита Нижегородскаго Печерскаго, отца своего духовнаго Ионы, и по благословенію владычю Серапіона Нижегородскаго и Городецкаго и Сарскаго и Курмышскаго: кому съ кѣмъ сидѣть и кому подѣ кѣмъ сидѣть. Велѣлъ садитись отъ своего мѣста тысяцкому своему Дмитрію Алибуртовичу князю Волынскому, а подѣ Дмитріемъ садится князю Ивану Васильевичу Городецкому, да противъ его въ скамье садитца Дмитрію Ивановичу Лобанову, да въ лавкѣ же подѣ княземъ Иваномъ князю Ѳедору Полскому Андреевичу, да садитись боярину его Василью Петровичю Новосильцову, да противъ въ скамье садитись казначею боярину Тарасію Петровичу Новосильцову; а пожаловалъ его боярствомъ за то, что онъ окупилъ ис полону государя своего дважды, великаго князя Дмитрія Константиновича, а въ третьи окупилъ великую княгиню Марю; да садитись боярину князю Петру Ивановичу Березопольскому, да садитись въ лавкѣ князю Дмитрію Ѳедоровичу Курмышскому.

А къ мѣсной грамотѣ князь великій велѣлъ бояромъ своимъ и дьяку руки прикладывать. А мѣсную грамоту писалъ великаго князя дьякъ Петръ Давыдовъ сынъ Русинъ. Лѣта 6806-го (1298?).

А назади мѣсные грамоты семь рукъ приложены. Къ сей грамотѣ архимандритъ Печерской Иона руку приложилъ. Да боярскіе руки.

Итого сей грамотѣ по нынѣшней отъ созданія мира 7229 годъ, отъ Рождества же Бога Слова 1721 годъ, 423 лѣта.

А Нижнѣй Новгородъ заложенъ великимъ княземъ Юрьемъ Всеволодовичемъ лѣта 6720-го году (1212).

А каменной городъ заложенъ бысть великимъ княземъ Борисомъ Константиновичемъ въ лѣто 6873-мъ году (1365).

ЛИРА

(лира, рыле и реле).

Русскій народный музыкальный инструментъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ.

Magillon: „Catalogue descriptif et analitique du musée instrumentale du Conservatoire royal de musique de Bruxelles“. 1893, 1900. *Пятуховъ*: „Народные музыкальные инструменты музея Спб. консерватори“. 1884 г. *Михневичъ*: Историческіе этюды русской жизни“, т. I (очерки исторіи музыки въ Россіи въ культурномъ отношеніи) 1879 г. *Ровинскій*: „Русскія народныя картинки“. 1900 г. *Науманъ*: „Иллюстрированная всеобщая исторія музыки“. 1897 г. *Фетисъ*: „Музыка понятная для всѣхъ“. 1833 г. пер. Вѣликова. *Paul Lacroix*: „Les arts au moyen age“. 1873. (Paris). *Сахаровъ*: „Сказанія русскаго народа“ т. II. Спб. 1849. *Кулишъ*: „Записки о южной Руси“. 1856 г. *Лысенко*: „Кобзарь Остапъ Вересай“ (Кіевъ, 1874 г.). *Meyer*: „Konversations Lexikon“ (Leipzig, Wien). *Горбуновъ*: „Очерки въ исторіи театра“. *Лисовскій*: Музыкальный альманахъ на 1891 г. *Памятная книжка* Кіевской губерніи за 1904 г. Корреспонденція 11-го января 1904 г. („Новое Время“). *Древности* (Труды Московскаго Археол. О-ва, т. II подъ ред. Герца и Румянцева. Москва 1873). *Кондаковъ*: „Исторія византійскаго искусства и иконографіи по миниатюрамъ греческихъ рукописей“. Одесса 1876 г. *А. М. (Михель)*: „Энциклопедія смычковыхъ инструментовъ“. Москва 1894 г. *Устряловъ*: „Дневникъ Маскевича“ (сказанія о Дмитріи Самозванцѣ). *Linde*: „Słownik Języka polskiego“. 1807. *Sowiński*: „Les musiciens polonais et slaves anciens et modernes“. 1857.

I.

Ли́ра въ Западной Европѣ.

Въ эпоху, предшествовавшую среднимъ вѣкамъ, въ З. Европѣ еще были свѣжи воспоминанія классической древности; поэтому появилась мода на многіе вновь изобрѣтаемые предметы переносить античныя названія. Такимъ образомъ и одинъ изъ первыхъ появившихся въ Европѣ прототиповъ смычковыхъ музыкальныхъ орудій получилъ названіе *лиры*,— инструмента, въ древнемъ мірѣ хорошо извѣстнаго и ничего общаго по характеру съ смычковыми музыкальными инструментами не имѣющаго.

Въ статьѣ о гудкѣ (см. предыдущій выпускъ Записокъ Имп. Рускаго Арх. Общ.) я уже разсматривалъ разновидности древнѣйшихъ смычковыхъ орудій въ З. Европѣ, а также указывалъ на появленіе ихъ тамъ съ IX ст. по Р. Х.; отмѣчалъ также сходство европейскихъ инструментовъ этого рода съ восточными, которыхъ несомнѣнно надо считать предками западно-европейскихъ смычковыхъ.

Первобытнѣйшимъ изъ восточныхъ смычковыхъ инструментовъ надо считать *однострунный ребабъ*, извѣстный также и въ Европѣ на Балканскомъ полуостровѣ подъ именемъ *гуслей* (сербскихъ, далматскихъ, черногорскихъ и т. д.).

Первое упоминаніе о *лирѣ*, въ числѣ музыкальныхъ инструментовъ, служащихъ для прославленія небеснаго блаженства, находится въ евангелической гармоніи бенедиктинца Готфрида, жившаго въ IX вѣкѣ. Аббатъ Гербертъ въ своемъ сочиненіи о музыкѣ среднихъ вѣковъ даетъ изображеніе *лиры*, заимствованное имъ изъ кодекса св. Власія. Судя по этому рисунку, древнѣйшая форма западно-европейской лиры имѣла только одну струну, т.-е. представляла собою очевидное заимствованіе съ Востока древнѣйшей изъ смычковыхъ формъ. Извѣстный намъ по рукописямъ IX ст. *крутъ* (см. ст. о гудкѣ) имѣлъ три струны, т.-е. былъ уже инструментомъ болѣе совершеннымъ, позднѣйшей формы. Стало быть, смычковые инструменты появились въ З. Европѣ раньше IX столѣтія, будучи занесены съ Востока, и *однострунную лиру надо считать первымъ смычковымъ музыкальнымъ европейскимъ орудіемъ*. Въ античной древности употребленія смычка не знали: еще Фетисъ въ первой половинѣ XIX ст. писалъ, что не было найдено ни одного изображенія, ни одного указанія на смычковые инструменты въ классическомъ мірѣ; это положеніе надо считать установленнымъ фактомъ; такъ то же самое можно сказать и въ настоящее время.

Въ Финляндіи до сихъ поръ сохранился весьма первобытной однострунный инструментъ, такъ называемая *финская скрипка* (рис. 1), на который переносится иногда названіе *кантеле*¹⁾. Изображеніе игрока на немъ я приводилъ въ статьѣ о гудкѣ: инструментъ, представляющій видъ длиннаго ящика, ставится передъ игрокомъ на столъ. Пальцами лѣвой руки музыкантъ придавливаетъ струну сверху къ ладамъ (сдѣланнымъ въ видѣ зарубокъ на особой деревянной пластинкѣ), а правою рукою держитъ смычекъ, водя имъ сверху по струнѣ.

¹⁾ Это перенесеніе названія, однако, совершенно произвольно, такъ какъ установившійся типъ финской кантеле представляетъ собою родъ гуслей.

По Преториусу (Synt. mus.) такіе инструменты, но уже снабженные тремя струнами извѣстны были въ 3. Европѣ въ XVII ст. (см. ст. о гудкѣ).

„*Кантеле*“ изъ моей коллекціи

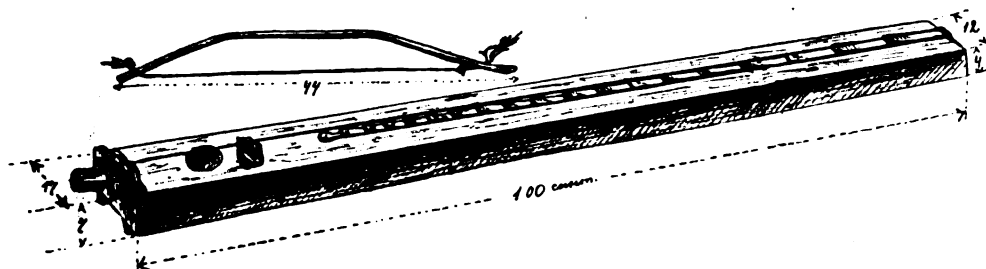

Рис. 1.

На рис. 2 воспроизвожу вышеупомянутое изображеніе древнѣйшей европейской лиры изъ кодекса св. Власія. Она представляла, какъ уже сказано выше, однострунный смычковый инструментъ, съ подставкою, нижнимъ гриффомъ и двумя подковообразными вырѣзами по обѣимъ сторонамъ подставки. Форма кузова была овальная, т.-е. приближающаяся къ общему типу восточныхъ музыкальныхъ инструментовъ. Судя по изо-

браженію руки игрока, это музыкальное орудіе, при исполненіи на немъ, имѣло положеніе такое же, какъ и при игрѣ на финской скрипкѣ т.-е. ставилось на столъ передъ игрокомъ.

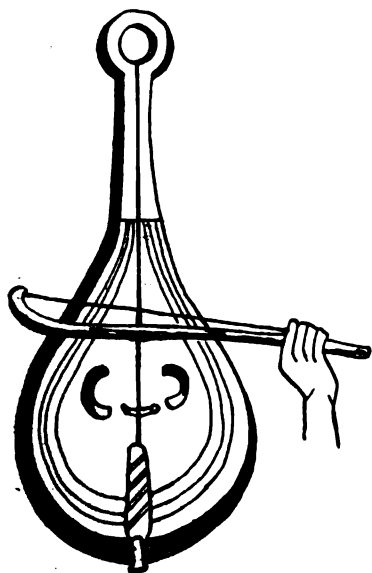

Рис. 2.

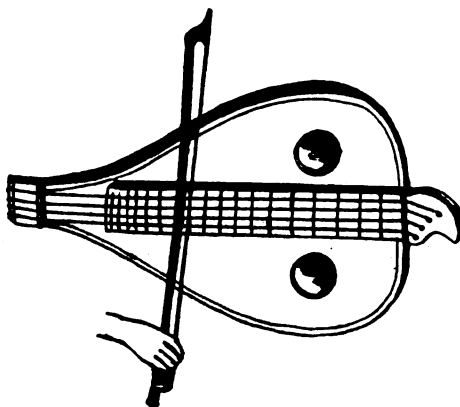

Рис. 3.

Въ этомъ видѣ, но съ прибавленіемъ количества струнъ и со введеніемъ ладоваго гриффа инструментъ сохранился въ Германіи и Австріи до настоящаго времени, получивъ названіе: *philomele* (съ 2 и 3 струнами) и *streichzither* (съ 4 струнами) (рис. 3).

Смычковые инструменты въ 3. Европѣ совершенствовались, получая разныя названія и выливаясь въ различныя формы. Сохранялся, однако основной типъ — музыкальнаго орудія, на которомъ, при игрѣ смычкомъ, струны укорачивались прижиманіемъ къ гриффу. На *лирѣ* это прижиманіе стало производиться, однако черезъ посредство особыхъ

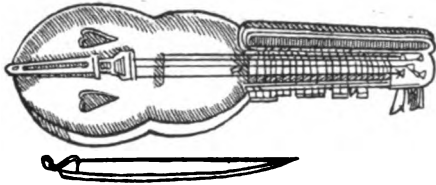

Рис. 4.

клавишей, устраиваемыхъ вдоль гриффа. На таблицахъ Преторіуса XVII в. (*Synt. mus.*) изображена такъ называемая *народная лира* (*Bawren Lygen*), вмѣющая три струны съ клавишами вдоль нихъ и луковидный смычекъ (рис. 4).

Но уже съ IX вѣка, вмѣсто смычка, начали придѣлывать колесо, бортъ котораго натирался канифолью. Подставленное снизу подъ струнами и приводимое во вращеніе особою рукоятью, оно производитъ треніе по

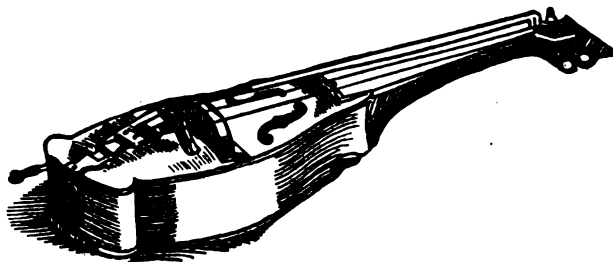

Рис. 5.

струнамъ, почти равносильное дѣйствию смычка. Въ XVII ст. извѣстны были изображенныя Преторіусомъ подъ однимъ общимъ названіемъ *народной лиры* три

разновидности: 1) уже описанная (см. рис. 4)

съ клавишами и смычкомъ, 2) съ колесомъ, но безъ клавишей (рис. 5)

и 3) съ клавишами и колесомъ; послѣдній типъ надо считать для лиры

установленнымъ окончательно.

Устройство его характерно и ясно изъ рисунка Преторіуса (рис. 6).

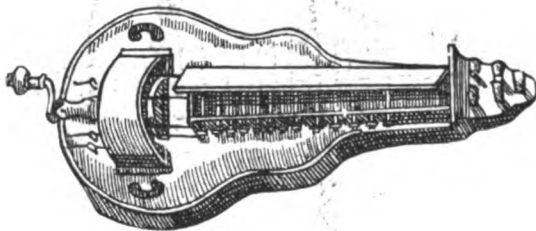

Рис. 6.

Кромѣ основного своего названія, *лира* получала и другія. Такъ, въ IX вѣкѣ извѣстенъ былъ музыкальный

инструментъ *organistrum*, представляющій всѣ характерныя признаки лиры (рис. 7). Изображеніе его взято изъ церковной мозаики (*de Saint-Blaise*). Форма его имѣетъ видъ корпуса гитары, т.-е. съ выемками по сторонамъ кузова. Можно различить на рисункѣ и рукоять колеса. *Organistrum* имѣлъ солидные размѣры, судя по изображеніямъ на ка-

пителяхъ церкви св. Георга въ Бошервилѣ въ Нормандіи (X столѣтія) (рис. 8). Играли на немъ два музыканта, держа инструментъ на кольцахъ: одинъ нажималъ клавиши, другой вертѣлъ рукоятъ колеса.

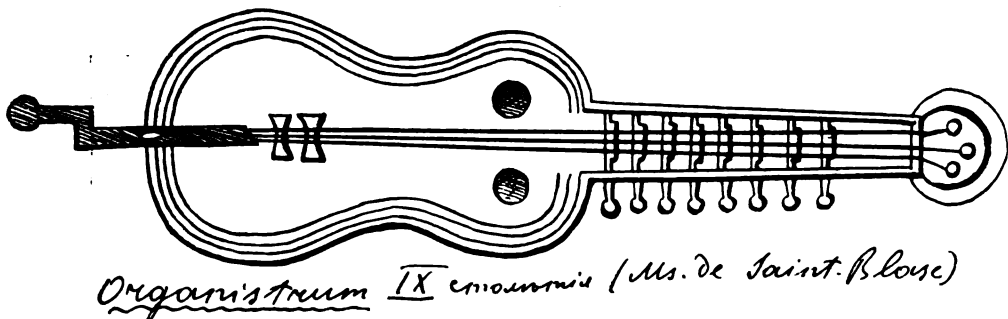

Рис. 7.

Лира или *organistrum* извѣстна была и въ Византіи. Это очевидно при взглядѣ на изображеніе, взятое изъ лицевой Псалтири, — по однимъ изслѣдованіямъ XIII—XIV вв., по другимъ XV в., — но во всякомъ случаѣ представляющей копію съ древняго греческаго оригинала. По изслѣдованію Н. П. Кондакова, Псалтирь эта (бывшая г. Лобкова, нынѣ принадлежащая А. И. Хлудову) сохраняетъ всѣ характерные признаки византійскаго творчества VIII—IX в. (розовый и голубой тона одеждъ, черные волосы, красота молодыхъ лицъ, античная, хотя и огрубѣлая, моделировка формъ) (рис. 9, заглавный листъ съ надписью: «Царь Давидъ составляетъ Псалтирь»). Судя по палеографическимъ признакамъ, гдѣ-то въ Новгородскихъ предѣлахъ въ XIII—XV столѣтіяхъ снята была копія съ древней Псалтири, рисунки которой представляютъ, такимъ образомъ, повтореніе византійскаго оригинала VIII—IX в. Для насъ здѣсь интересна центральная фигура царя Давида, окруженнаго поющими и играющими музыкантами, — и самого въ свою очередь играющаго на инструментѣ весьма схожемъ съ изображенными на рис. 7 и 8 *organistrum*. Аналогія будетъ еще очевиднѣе, если вспомнимъ, что и эпохи обоихъ изображеній сходятся: византійское VIII—IX ст., западно-европейское IX—X ст.: первое не-

Рис. 8.

многимъ старше второго, потому что восточное вліяніе на пути въ З. Европу шло черезъ Византію, отражаясь на послѣдней немногимъ раньше.

Съ теченіемъ времени лира въ западной Европѣ очень распространилась, причемъ получила нѣкоторыя измѣненія, сохраняя однако основной

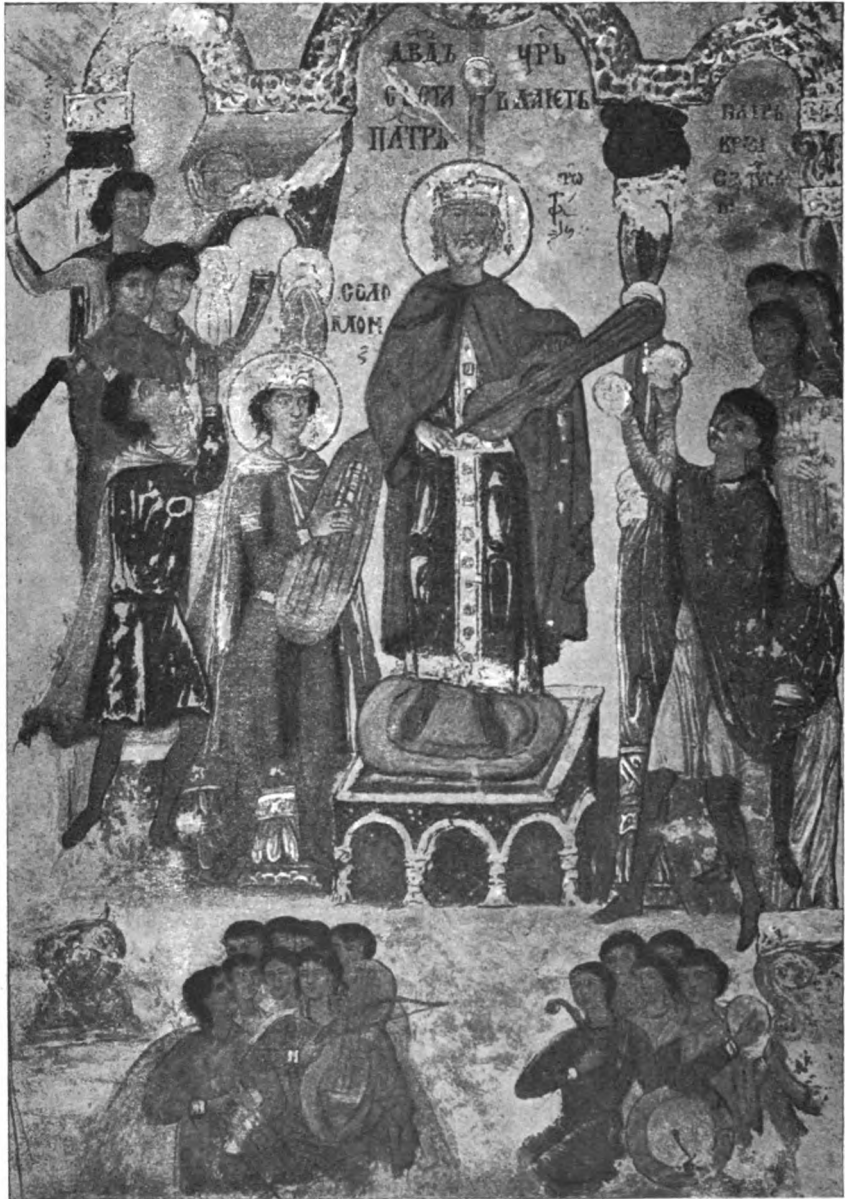

Рис. 9.

типъ свой (т.-е. клавиши и колесо). Уже одно разнообразіе названій этого инструмента указываетъ на его популярность: такъ напримѣръ, въ старин-

ныхъ французскихъ рукописяхъ при описаніи и перечисленіи музыкальныхъ орудій простого народа и трубадуровъ, мы встрѣчаемъ: *symphonie*, *sifonie*, *chifonie*, *chinforgne* (еще недавно встрѣчавшійся во Франціи), *rubelle*, *rebel* (очевидно,

происшедшія отъ восточнаго названія *rebec*). Въ Германіи Преторіусъ и другіе авторы (какъ, на примѣръ, Meyer) упоминаютъ: *dehleyer*, *dreileyer*, *dorfleyer*, *bawren leyer* (Bauern-leyer). Привожу здѣсь изображеніе игрока на одной изъ разновидностей *leyer* (съ аккомпаниментомъ волынки), заимствованное Науманомъ

Рис. 10.

(Всеобщ. ист. муз.) изъ средневѣковой нѣмецкой гравюры (рис. 10). Въ *Анліи* инструментъ этотъ получилъ мѣстное звукоподражательное названіе, *hurdy-gurdy*. Въ *Италіи*—*lira rustica*, *lira tedesca*, *gironda ribecca*, *stampella*, *viola da orbo*.

Magillon пишетъ что лира въ средніе вѣка была очень распространена среди западно-европейской интеллигенціи, но съ XVIII столѣтія постепенно начала выходить изъ употребленія и появилась въ рукахъ музыкантовъ — представителей легкаго увеселительнаго жанра. Отъ нихъ инструментъ этотъ перешелъ затѣмъ и въ народъ. Дѣйствительно, на приведенномъ здѣсь современномъ рисункѣ (рис. 11), представляющемъ внутренность мастерской извѣ-

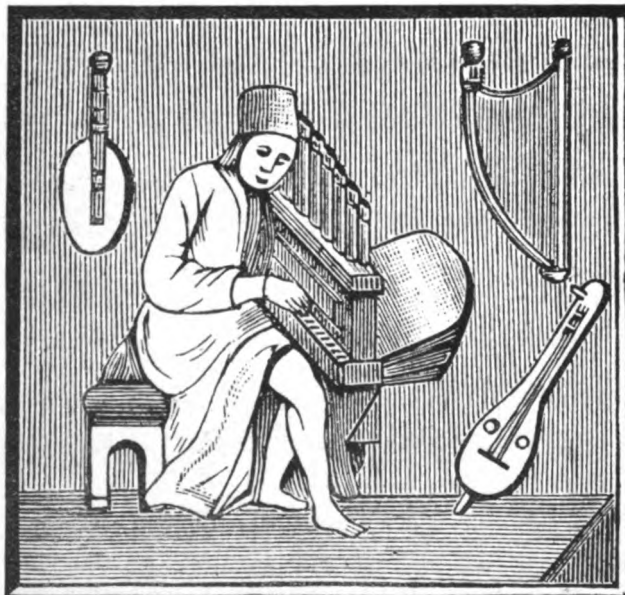

Рис. 11.

стиаго Нюренбергскаго музыкальнаго мастера XV вѣка Конрада Наумана, въ числѣ изготовляемыхъ имъ лютней, арфъ и органовъ, можно видѣть *лиру*: это указываетъ на такую же распространенность лиры въ эту эпоху, какъ и всѣ только что перечисленные инструменты.

По Magillon'у и Фетису самое большое распространение лира имѣла все-таки во Франціи, гдѣ и получила специальное названіе *vielle*.

Рис. 12.

Правда, наименованіе это по средне-вѣковымъ рукописямъ присваивается иногда и другимъ разновидностямъ смычковыхъ инструментовъ, но для французской лиры его надо считать характернымъ; подъ этимъ названіемъ (*vielle*) она дошла въ качествѣ французскаго пароднаго инструмента и до настоящаго времени. Извѣстные *савояры* — мальчики, уроженцы Ю. Франціи, еще недавно (до конца XIX ст.) бродили по всей Европѣ и по Россіи, добывая себѣ пропитаніе

уличною игрою на *vielle*, подъ аккомпаниментъ которой они развлекали народъ пѣніемъ національныхъ пѣсенъ, а иногда присоединяли къ этому представленіе куколъ и ручнаго сурка. На рис. 12 воспро-

Рис. 13.

извожу изображеніе одного изъ такихъ мальчиковъ, а на рис. 13 — орудія его ремесла, разбросанныя въ сараѣ во время ночнаго отдыха музыканта (*vielle*, куклы и сурокъ). Оба рисунка заимствованы мною изъ нѣмецкихъ журналовъ.

Кромѣ вышеупомянутаго Конрада Наумана, извѣстными строителями и совершенствователями *vielle* были (по Chucet) мастера лютней: *Батонъ* отецъ и сынъ (1732—1750 г.) въ Веспеннѣ, П. Лувэ. Въ

1770-хъ годахъ проф. Д. Ленъ придалъ инструменту неизвѣстный до-толѣ двойной унисонный рядъ струнъ.

Magillon различаетъ два типа *vielle*: 1) *гитарообразная* (*vielle en guitare*) — съ плоскимъ дномъ и 2) *лютневидная* (*vielle en luth*) — съ выпуклымъ дномъ. Во всемъ прочемъ обѣ разновидности инструментовъ совершенно между собою одинаковы. Въ своемъ каталогѣ Magillon воспроизводитъ изображеніе одной изъ имѣющихся въ Музеѣ Брюссельской консерваторіи *vielle en guitare* и приводитъ описаніе его внѣшняго вида, строя и способовъ игры. Все это я здѣсь и воспроизвожу въ русскомъ переводѣ ¹⁾, въ виду характерности описанія установившагося типа и терминологіи частей з. европейской *vielle* (рис. 14):

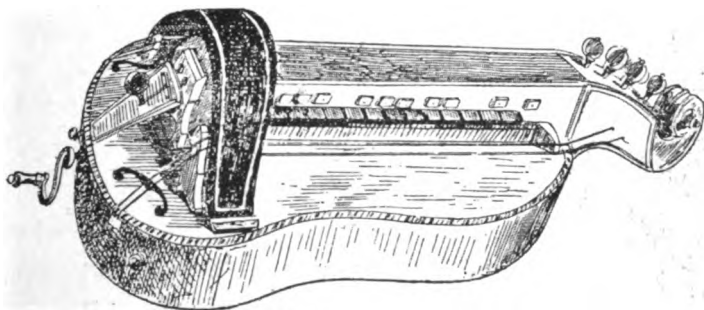

Рис. 14.

«Общая длина инструмента 57 сантиметровъ, наибольшая ширина кузова 23,5 сант. Струны кишечныя, въ числѣ 6, навиваемыя концами на колки, которые воткнуты сверху въ рукоять инструмента. Двѣ струны, проходящія черезъ верхній край колеса по длинѣ средняго ящика, называются *ведущими юлосъ* (*chanterelles*). Четыре остальныхъ расположены попарно, и носятъ названія: *первая пара* (впереди ящика по прилагаемому рисунку) — *малый басъ* (*petit bourdon*) и *большой басъ* (*grand bourdon*); *вторая пара* (за ящикомъ) — *труба* (*trompette*) и *муха* (*mouche*). Для того, чтобы колесо производило треніе, бортъ его натираютъ канифолью. По длинѣ ящика расположены черныя и бѣлыя клавиши, нажиманіемъ которыхъ двѣ струны *chanterelles* укорачиваются въ длинѣ колеблющихся частей. Будучи настроены унисономъ въ *соль*

, эти двѣ струны при послѣдовательномъ нажиманіи клавишей даютъ 23 тона хроматической гаммы вверхъ. Остальныя четыре струны постоянно звучатъ во всю длину».

¹⁾ Catalogue, p. 334—337.

На *vielle* можно играть лишь въ тонахъ *соль (g)* и *до (c)*. Когда играютъ въ *c*, то *trompette* настраиваютъ въ *до* , *mouche* въ *соль* , *petit bourdon* въ *до* , *grand bourdon* совсѣмъ снимаютъ съ колеса. Когда хотятъ играть въ *g*, то настраиваютъ *trompette* въ *d* , *mouche* оставляютъ по прежнему въ *g* , *petit bourdon* снимаютъ съ колеса, *grand bourdon* строятъ въ *g* . Иногда *vielle* имѣла четыре двойныхъ струны, строящихся попарно слѣдующимъ образомъ:

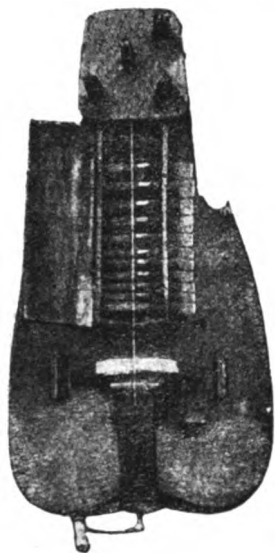
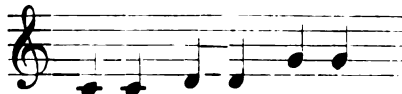

Рис. 15.

Vielle en luth въ большинствѣ случаевъ имѣла такой же строй, какъ и *vielle en gutare*, а иногда и особый ¹⁾:

На рис. 15 воспроизвожу *нѣмецкую* лиру, также находящуюся въ Музеѣ Брюссельской консерватори.

II.

Лира въ старой Руси.

Первыя упоминанія объ этомъ инструментѣ въ употребленіи русскихъ людей относятся къ концу XVI и началу XVII вѣка. Въ азбуковникѣ отца Памвы Берынды (1632 г.) ²⁾ «Сказаніе о неудобъ понимаемыхъ вещахъ» (И. Сахаровъ, Сказ. рус. нар., т. II, с. 172,

¹⁾ Одинъ мой хорошій знакомый, побывавшій лѣтомъ 1904 г. въ Парижѣ, видѣлъ тамъ въ лавкахъ старьевщиковъ прекрасные экземпляры *Vielle*, украшенные перламутровою инкрустаціею.

²⁾ Памва Берында родился въ Молдавіи отъ православныхъ родителей въ XVI ст. и постригся въ Іерусалимѣ. Львовскій епископъ Гедеоиъ Балобанъ вызвалъ его для исправленія и печатанія св. книгъ. Здѣсь онъ началъ свой словарь. По смерти Балобана Берында вызванъ въ Кіевъ Елисеємъ Плетенецкимъ, гдѣ и умеръ въ Кіево-Печерской Лаврѣ. Первое изданіе словаря Берынды напечатано въ 1627 г. въ Кіево-Печерской типографіи.

Спб. 1849 г.) слово «*мусикія*» объясняется слѣдующимъ образомъ: «гуденіе, рекше игра гусельная и клавировъ, рекше *лырей* и доляръ, всякаго рода устроенія гудебнаго. Родъ же мусикиннъ: трубы, свирѣли, еже и пиголами наричутся, пѣсневецъ, рекше псалтырь, самбикія, еже есть цѣвница, киниры, сирѣчь *лыри*, тимпаны, кимвалы».

Стало быть, *лыри* или въ русской перефразировкѣ *лыри* въ XVI ст. уже извѣстны были въ Россіи,—по крайней мѣрѣ въ южныхъ ея окраинахъ, откуда происходилъ Берында.

Маскевичъ, бывшій въ Москвѣ въ 1605—1606 г., даетъ не только исполнѣ опредѣленное указаніе на употребленіе *лыри* въ Московской Руси, но и описаніе, не оставляющее никакого сомнѣнія. (См. Устряловъ: дневникъ Маскевича—сказанія о Дмитріѣ Самозванцѣ, II, 51). Онъ говоритъ, что на русскихъ пирахъ шутамъ иногда приказываютъ *играть на лирѣ* (*gras na lirze*), «слѣдую польскому обычаю»¹⁾. По его описанію инструментъ этотъ «похожъ на скрипку, только вмѣсто смычка употребляютъ колесо, приправленное посрединѣ; одною рукою кружатъ колесо и трогаютъ имъ струны снизу; другою прижимаютъ клавиши, конхъ на шейкѣ инструмента находится около 10. Каждый придавленный клавишъ сообщаетъ струнѣ звукъ топѣе». «Впрочемъ—добавляетъ Маскевичъ,—играютъ и припѣваютъ на этой лирѣ на одну только ноту».

В. Михневичъ въ своихъ очеркахъ «Ист. муз. въ Россіи» (1879 г.) высказываетъ заключеніе, что «лира—въ старину *кимаръ* была очень любимымъ инструментомъ въ Великороссіи, какъ можно заключить потому, что игра на ней сдѣлалась даже темою для нѣкоторыхъ старинныхъ лубочныхъ картинокъ».

Дѣйствительно, въ собраніи Ровинскаго я нашель двѣ такихъ картинки XVIII столѣтія: 1) въ томѣ II на рис. № 280, среди изображеній шутовъ (скомпанованныхъ съ Калло, Callot), есть фигура женщины, играющей на лирѣ (рис. 16). Судя по костюму и вообще по характеру рисунка, онъ тоже заимствованъ съ иностраннаго оригинала, подпись же русская: «пожалуй заиграй в рыле»; 2) въ томѣ II на рис. № 284 изображена также женщина (рис. 17) съ лирою въ рукахъ и съ слѣдующею подписью:

«Держи книгу врукахъ ниже, чтобъ видѣть можно ближе, буду я врыле играть, апокниге стану припевать... ты посвоей matka охоте врыле играешь поноте... ахъ та меня утешаетъ, что хорошо врыле играетъ».

Какъ видно изъ имѣвшейся у И. Ф. Горбунова печатной брошюры 30-го февраля 1763 г. (составляющей библиографическую рѣдкость;

¹⁾ „*Dziaryusz*“ въ сборн. „*Pamiętniki do Historji Rossyi i Polski wieku XVI i XVII*“. 1838.

теперь она напечатана въ полн. собр. соч. Горбунова, изд. Маркса, с. 426) это названіе *рыли* хорошо было извѣстно въ Россіи въ XVIII столѣтіи. Тамъ описано праздничное шествіе по случаю коронаванія императрицы Екатерины II подъ названіемъ: «торжество Минервы». Въ числѣ другихъ участниковъ процессіи названы: «цѣловальники съ мѣрками и пасосами, и двѣ стойки съ питьемъ, на коихъ посажены чумаки съ гудками, балалайками, съ *рылями* и *волынками*».

Еще раньше, а именно въ 1714 г., при описаніи маскарадной процессіи на свадьбѣ «князь-папы» (Н. М. Зотова) въ числѣ другихъ инструментовъ упоминается «5 игра рыле» (Голиковъ. дѣянія Петра В. т. VI, 280).

Рис. 16.

Рис. 17.

Въ статьѣ о *гудкѣ* я приводилъ уже описаніе Мейера изъ «Konversation's Lexikon»: «гудокъ—родъ скрипки съ одною только струною на гриффѣ и двумя крайними». Весьма возможно, что авторъ подразумѣвалъ здѣсь *русскую лиру*, тѣмъ болѣе, что далѣе онъ прямо говорить: «звукъ этого инструмента похожъ на *dehleyer*».

Въ духовной и административной письменности XVII столѣтія, указывающей на мпогіе музыкальные инструменты, бывшіе въ рукахъ русскаго народа, упоминанія о лирѣ вовсе не встрѣчается. Тѣмъ не менѣе приведенныя выше свидѣтельства Маскевича, Берынды и народныя русскія картинки, а также обрусенное названіе (*лыря*, *рыле*) не оставляютъ сомнѣнія, что въ XVI и XVII столѣтіяхъ лира извѣстна была и *великорусскому* народу. Въ XVIII ст. она упоминается (см. брошюру «торжество Минервы») въ рукахъ чумаковъ, т.-е. *малороссовъ*. Въ XIX в. уже не найдено ни одного примѣра употребленія лиры въ Великороссіи

и вообще не имѣется на этотъ счетъ никакого указанія. Наоборотъ, въ юго-западныхъ окраинахъ русскаго государства,—и особенно въ Малороссіи,—этотъ инструментъ получилъ очень большое распространеніе.

III.

Ли́ра въ Малороссіи.

Въ памятной книжкѣ Кіевской губерніи за 1904 г. В. Н. Доманицкій обрабатываетъ матеріалъ, собранный Кіевскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ по порученію М-ва Внутреннихъ Дѣлъ (черезъ мировыхъ посредниковъ и исправниковъ) о существующихъ въ настоящее время въ Кіевской губерніи кобзаряхъ и лирникахъ ¹⁾. Наиболѣе интереснымъ для насъ является въ этой книжкѣ показаніе мирового посредника Бердичевского уѣзда г. Логвиновскаго, который говоритъ слѣдующее: «съ паденіемъ Сѣчи, подавленіемъ гайдамачества кобзарское искусство стало постепенно на Украинѣ исчезать; приблизительно съ 20-хъ годовъ XIX вѣка бандуру (или кобзу), по словамъ самихъ бандуристовъ началъ вытѣснять крикливый, неповоротливый инструментъ, но болѣе удобный для игры на немъ, такъ называемая *ли́ра*».

Прибавимъ со своей стороны, что вообще ли́ра появилась въ Малороссіи гораздо ранѣе 20-хъ годовъ XIX вѣка, но съ этого времени она начинаетъ получать народное распространеніе, принявшее особенно широкіе размѣры къ 60-мъ годамъ. Въ «Запискахъ о южной Руси» (1856 г.) Кулишъ говоритъ, что на вопросъ его знаменитому малорусскому бандуристу Остапу Вересаю, отчего онъ не научить своему искусству молодыхъ,—«щобъ твоя слава не сгинула»,—бандуристъ отвѣчалъ: «не хоче ніхто перейматы, тай годі!» «усе з лірами видумали чортъ зна-що!»—прибавляетъ далѣе Остапъ ²⁾.

Хотя малорусскій народъ все еще продолжаетъ съ благоговѣйнымъ чувствомъ слушать своихъ пѣвцовъ, но вкусъ его къ думамъ и стариннымъ пѣснямъ мало-по-малу, по мѣрѣ забвенія старинныхъ національныхъ воспоминаній, начинаетъ исчезать, и къ исполнителямъ предъявляются менѣе высокія требованія: народъ теперь охотнѣе слушаетъ шуточные и плясовые пѣсни, чѣмъ старинныя думы. Между кобзарями (бандуристами) и лирниками существуетъ крупная разни́ца и въ отно-

¹⁾ Доманицкій приводитъ также подробный перечень литературы о кобзаряхъ и лирникахъ и адреса наиболѣе выдающихся изъ нихъ въ Кіевской, Полтавской, Харьковской, Черниговской, Подольской и Волынской губерніяхъ.

²⁾ См. ст. Русова въ брош. „Кобзарь О. Вересай“, с. 24.

шеніи инструмента, и въ манерѣ пѣнія. и въ отношеніи репертуара. Бандура или кобза по своей конструкціи напоминаетъ гитару, арфу или гусли: звуки ея тихіе. мелодичныя. Звуки же лиры болѣе рѣзкіе и визгливыя, вслѣдствіе чего лирникъ долженъ напрягать свой голосъ, для того чтобы слушатели могли разобрать слова. Отъ этого пѣніе лирника грубѣе, чѣмъ у кобзари, и менѣе музыкально дѣйствуетъ на толпу. Наконецъ, различіе касается и репертуара, въ особенности въ послѣднее время: кобзари, кромѣ пѣсень, извѣстныхъ лирникамъ, поютъ еще и думы, т.-е. историческія малорусскія пѣсни. Но послѣднее отличіе теперь уже не существенно: попадаютъ кобзари, не знающіе историческихъ пѣсень, и лирники, которымъ извѣстны кое-какія думы.

Въ 60-хъ годахъ Кулишъ писалъ о какомъ то Архипѣ, который объяснилъ, что оставилъ бандуру (кобзу) для лиры, такъ какъ послѣдняя громче голоситъ и на ней удобнѣе играть на свадьбахъ, гдѣ постоянно бываетъ шумно. Въ настоящее время лирники мало сохранили въ себѣ чертъ прежнихъ народныхъ пѣвцовъ, и лирничество, имѣя въ своей основѣ чисто идеальныя запросы жизни, начинаетъ пріобрѣтать характеръ профессіи, служащей источникомъ пропитанія исключительно для однихъ слѣпыхъ. И на этомъ основаніи лира въ Малороссіи въ наше время не только не исчезаетъ, но распространеніе ея тамъ даже увеличивается. Часто лирники имѣютъ недвижимое имущество, и вообще по достатку стоятъ нерѣдко выше средняго благосостоянія крестьянина, но все таки берутся за лиру, считая долгомъ посвятить жизнь свою благочестивому занятію въ искупленіе за слѣпоту, какъ-бы ниспосланную въ видѣ Божьяго наказанія. Доказательствомъ, что они такъ смотрятъ на это, служитъ то обстоятельство, что крестьяне ни за что не дозволятъ зрячему заниматься лирничествомъ.

По этимъ же причинамъ и репертуаръ лирниковъ, какъ свидѣтельствуе г. Логвиновскій, носитъ нравственно поучительный или религиозный характеръ; въ ихъ пѣсняхъ или оплакивается горькая доля сироты, или смерть бѣдняка, какъ успокоеніе въ его злосчастной, исполненной страданій жизни; берутъ также сюжеты изъ св. Писанія, изъ которыхъ особенною популярностью пользуется притча о благочестивомъ Лазарѣ. Въ соотвѣтствіи съ родомъ занятій находится и нравственный обликъ лирниковъ. По своимъ личнымъ качествамъ, они въ большинствѣ случаевъ являются людьми благочестивыми, смиренными и набожными, а иногда мизантропически-мрачно настроенными. У каждаго пѣвца есть обыкновенно свой опредѣленный районъ, въ предѣлахъ котораго онъ и переходитъ съ мѣста на мѣсто, пріурочивая свои посѣщенія

къ праздничнымъ и ярмарочнымъ днямъ, когда бываетъ значительное стеченіе народа. Но нѣкоторые заходятъ и за предѣлы Малороссіи: такъ напримѣръ на берегу Волги близъ Саратова одинъ мой знакомый слышалъ игру лирника; точно также въ Смоленскую губернію заходятъ они нерѣдко. Лирникъ Марченко изъ Полтавской губ. привезенъ былъ въ Спб. и игралъ на кустарной выставкѣ 1902 г.

Въ Малороссіи, среди разнообразнаго шума ярмарокъ, всегда можно услышать заунывные голоса лирниковъ, чинно расположившихся на землѣ, среди снующей ярмарочной толпы, которая никогда не прочь послушать незатѣйливый напѣвъ, сопровождаемый время отъ времени жалобнымъ акомпаниментомъ лиры, и наградить ея обладателя щедрыми подаваніями. Вообще крестьяне относятся къ лирникамъ сочувственно и окружаютъ ихъ всевозможными заботами и уваженіемъ. Вліяніе лирничества на окружающую среду если не прямо благотворно, то по крайней мѣрѣ, безразлично, и оно, съ появленіемъ грамотности и распространеніемъ интереса къ книгѣ, мало-по-малу начинаетъ терять подъ собою почву. Но лирничество не лишено, конечно, и отрицательныхъ сторонъ: хотя слѣпота и обычный поводъ для крестьянина сдѣлаться лирникомъ, но профессиональный характеръ этого искусства и его привилегированное положеніе создаетъ тѣ темныя стороны, которыя общи нищенству во всѣхъ его формахъ. На этой почвѣ возникаютъ тѣ возмутительные случаи искусственнаго увѣчья, съ цѣлью вызвать у зрителя состраданіе, которыми въ послѣднее время все чаще и чаще пополняются судебныя хроники.

Вслѣдствіе специфическаго характера искусства лирниковъ, очень трудно заставить ихъ играть и пѣть веселыя пѣсни, которыя несвойственны обычному ихъ репертуару, и однако многимъ изъ нихъ знакомы. Профессоръ Спб. Духовной Семинаріи Х. М. Поповъ слышалъ плясовыя пѣсни, которыя превосходно игралъ передъ нимъ лирникъ-слѣпецъ. Упоминаемый выше Марченко также исполнялъ въ Спб. подъ акомпаниментъ лиры нѣкоторыя «пochастушки».

Обучаются лирники своему искусству обыкновенно другъ отъ друга, или у болѣе извѣстныхъ стариковъ профессионаловъ, такъ называемыхъ «дѣдовъ». Въ нихъ нельзя не видѣть отголоска прежнихъ «маістровъ» или «старечыихъ королей», которые существовали въ Малороссіи до конца XVIII и даже до начала XIX столѣтія: это были извѣстные пѣвцы и бандуристы, подъ старость удалившіеся съ арены общественной дѣятельности. Они заводили родъ школъ, въ которыхъ и обучали своему искусству: ученики не только ничего не платили, но еще снабжались инструментами и платьемъ, но зато обязаны были часть своего заработка

отдавать учителю, когда они расходились потомъ по всей Украинѣ. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ были еще живы нѣкоторые изъ этихъ «майстровъ», какъ напримѣръ Андрей Шуть и Остапъ Вересай, о которомъ писали Кулишъ, Руссовъ и Лисенко,— послѣдній успѣлъ даже записать нѣкоторыя мелодіи думокъ Вересая, съ сопровожденіемъ бандуры.

Но кромѣ обученія у лирниковъ, потерявшіе зрѣніе могутъ еще обращаться въ одинъ изъ южно-русскихъ монастырей, который считаетъ это дѣло одною изъ религіозныхъ функцій своей дѣятельности. Слепѣцъ также безвозмездно получаетъ тамъ лиру и обучается игрѣ на ней и пѣснопѣніямъ религіознаго характера, а затѣмъ выпускается добывать себѣ хлѣбъ, воспѣвая славу Божию. Сообщившій мнѣ эти свѣдѣнія вышеупомянутый проф. Поновъ не могъ, къ сожалѣнію, назвать мнѣ болѣе точно, какой именно монастырь является этою своего рода консерваторіею, систематически организованная дѣятельность которой продолжается уже четвертый десятокъ лѣтъ. Объ этомъ учрежденіи сообщали ему встрѣчаемые лирники.

Относительно музыкальныхъ достоинствъ исполненія на лирѣ уже по приведеннымъ мною примѣрамъ можно судить, что слышавшіе его не особенно хорошо о немъ отзываются. Вспомнимъ, однако, что все это говорилось по сравненію лиры съ бандурою, инструмента по музыкальнымъ качествамъ стоящаго, конечно, выше лиры. Михневичъ называетъ игру на лирѣ «трескучимъ и нескладнымъ рокотомъ». Эти мнѣнія нельзя не признать односторонними, такъ какъ исполнителями являлись люди изъ простаго народа, въ большинствѣ случаевъ немусикальные, посвятившіе себя этому искусству не по внутреннему душевному призванію, а случайно, въ силу внѣшнихъ обстоятельствъ,— да притомъ еще и слѣпцы: а музыка слѣпцовъ, даже въ наилучшемъ исполненіи, оставляетъ всегда гнетущее настроеніе. Самые инструменты, на которыхъ они играли, всегда были примитивные, очень плохого изготовленія и невѣрнаго тона. При этихъ условіяхъ трудно ожидать хорошаго исполненія, — между тѣмъ какъ даже игра Марченко, челоука мрачнаго, угрюмаго, мало подвижнаго и по природѣ немусикальнаго, была довольно пріятна. Я слышалъ его на кустарной выставкѣ въ Спб. въ 1902 г., стоя рядомъ съ композиторомъ Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ, который съ видимымъ интересомъ относился къ исполненію Марченко и даже кое-что записывалъ. Обычный пріемъ игры Марченко былъ таковъ: слѣпѣцъ пѣлъ куплетъ пѣсни, а потомъ замолкалъ и дѣлалъ отыгрышъ на лирѣ. Такъ и чередовалось пѣніе съ лирою. Звукъ лиры былъ нѣжный, и если заключалъ въ себѣ нѣкоторую дозу шуршанія колеса о стру-

пы, то не болѣе, чѣмъ въ современныхъ граммофонахъ, имѣть которые, пожалуй, сдѣлается скоро въ Россіи, признакомъ хорошаго тона!

Другіе слушатели, какъ напримѣръ упоминаемые выше проф. Поповъ и господинъ, слышавшій лирника въ г. Саратовѣ, прямо-таки съ восторгомъ отзываются о пріятномъ скрипичномъ тонѣ инструмента, въ исполненіи музыкальныхъ игроковъ неотразимо дѣйствовавшемъ на слушателей, изъ которыхъ многіе, при веселыхъ пѣсняхъ, пускались даже въ плясъ.

Очевидно, инструментъ, распространенный когда-то въ З. Европѣ, долженъ былъ имѣть несомнѣнныя музыкальныя достоинства.

Перейду теперь къ описанію вышшняго вида и строя нѣкоторыхъ образцовъ встрѣчаемыхъ мною малорусскихъ лиръ, а также приведу извѣстныя мнѣ о нихъ описанія и ихъ изображенія.

IV.

Современные малороссійскіе лирники и ихъ инструменты.

Рис. 18. Лира (правописаніе подлинника). Музея Спб. консерваторіи. Пожертвована А. И. Рубцомъ и описана М. О. Пѣтуховымъ въ

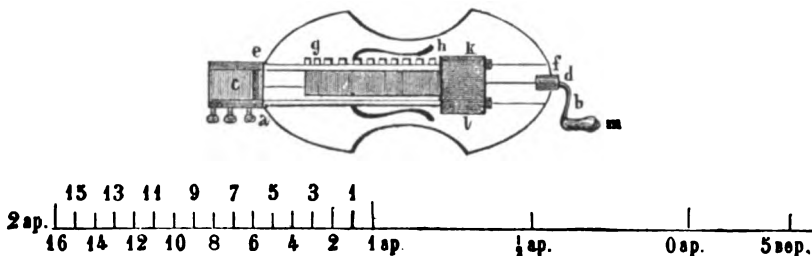

Рис. 18.

его книжкѣ «Нар. музык. INSTR. Музея Спб. конс.» Формою напоминает *vielle en guitare*¹⁾. Струны — числомъ *три* — кишечныя, строятся (по указанію Рубца) въ унисонъ, и двѣ крайнія звучатъ свободно, а средняя снабжена 11 нажимателями; устройство каждаго изъ этихъ нажимателей слѣдующее (*рис. 19*): гребешокъ *a* укрѣпленъ на стержнѣ, который можетъ двигаться взадъ и впередъ въ отверстіяхъ поперечныхъ стѣнокъ продольной коробки 00, рас-

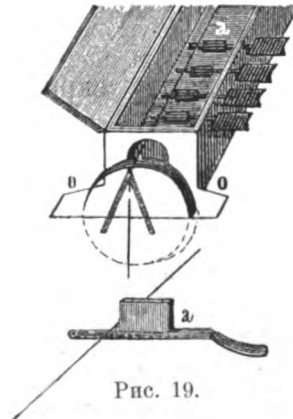

Рис. 19.

¹⁾ Вообще получившую въ Россіи исключительное распространеніе.

положенной наверху вдоль корпуса *ліры*; оканчивается каждый стержень паружнымъ клавишемъ *g*. При нажиманіи на послѣдній пальцами игрока, гребешокъ *a* надавливаетъ на среднюю струну, укорачивая длину ея колеблющихся частей; при отпусканіи клавиша, давленіемъ струны на гребешокъ *a* нажиматель отбрасывается обратно и освобождаетъ струну. Всѣ три струны *f*, *d*, *b* проходятъ черезъ колесо *kl*, намазанное по борту канифолью; въ мѣстахъ, соприкосновенія съ колесомъ струны (для ихъ сохраненія) обматываются шерстью; *h*—голосовые вырѣзы на верхней декѣ въ формѣ скрипичныхъ \S (эфовъ).

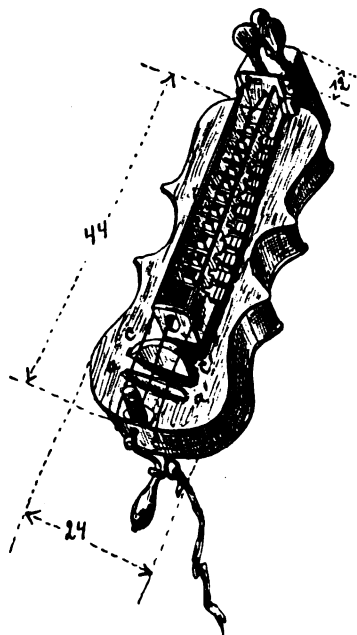

Рис. 20.

Рис. 20. Малороссійская лира изъ моей коллекціи. Устройство ея почти не отличается устройства предыдущей *ліры*. Размѣры указаны въ сантиметрахъ. Высота кузова 9 сант.; *aa'*—подставка, черезъ которую проходятъ три струны, идущія потомъ черезъ колесо *cc'*. Нажимателей съ клавишами—11, дающихъ (не совсѣмъ вѣрно) діатоническую гамму. Верхняя дека вырѣзовъ не имѣетъ.

Рис. 21. Лира Музея кн. М. К. Тенишевой въ г. Смоленскѣ. Работы арестанта малоросса, заключеннаго въ тюрьмѣ въ Пермской гу-

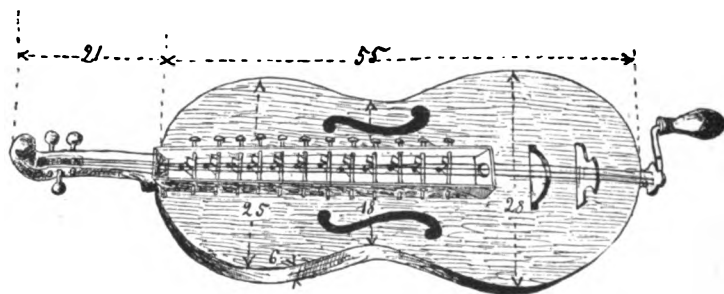

Рис. 21.

берніи; приобрѣтена на выставкѣ арестантскихъ работъ въ Спб. въ 1902 г. Названа по каталогу *кобзю*; въ Полтавской губерніи, по словамъ поэта В. Л. Величко это названіе вообще присвоено лирѣ. По конструкціи эта лира напоминаетъ скорѣе западно-европейскую *vielle*.

Верхняя дека имѣть вырѣзы въ видѣ §. Нажиматели снабжены каждый откидными назад пружинками.

Рис. 22. Лира пластуновъ съ Кавказа ¹⁾.

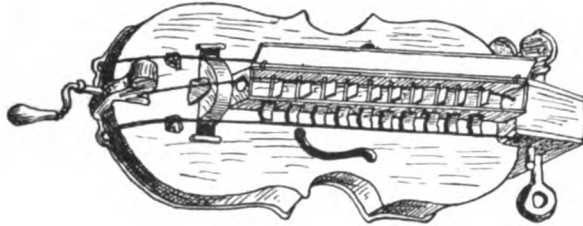

Рис. 22.

Пластуны до сихъ поръ сохранили свой малорусскій говоръ, казачью старину, нравы, пѣсни и инструменты. Слепые «діды» ихъ

Рис. 23.

часто выходятъ на линіи желѣзныхъ дорогъ и поютъ подъ акомпани-

¹⁾ Пластуны—это потомки казаковъ Запорожской Сѣчи, выселенные на Кавказъ, гдѣ они смѣшались съ Черкесами и образовали необыкновенно красивое и храброе племя, отличившееся отчаяннѣйшими подвигами и полнымъ презрѣніемъ къ смерти (во время Севастопольской обороны и въ Турецкую войну).

ментъ ліры старинныя казацкія думы и духовныя пѣспопѣнія, собирая деньги съ проѣзжихъ. Одна изъ такихъ ліръ доставлена мнѣ потомкомъ пластуновъ, полковникомъ Ковалевымъ, и изображена на рис. 22, представляя такимъ образомъ старинный типъ малороссійскаго инструмента. Правописаніе названія ея сохранено малорусское (*ліра*, а не *лира*), т. е. такъ, какъ и на инструментѣ музея СІБ. Консерваторіи. Длина кузова 53 сантиметра, наибольшая ширина 24 сант., вышина 8 сант. Всѣ три струны кишечныя, двѣ крайнихъ очень толстыя.

Рис. 24.

Рис. 23. Слѣпецъ-лирникъ по наброску молодого малоруса художника.

*Рис. 24. Слѣпецъ-лирникъ съ поводыремъ, снятый фотографически въ Полтавской губ., Лохвицкаго уѣзда. Изображеніе это любезно доставлено мнѣ В. О. Желѣзновымъ, объяснившимъ, что тамъ на мѣстѣ инструмента называютъ *гусями*, а музыканта *гусяромъ*.*

Рис. 25. Лірныкъ, рис. малороссійскаго художника. Это или слышанный мною Марченко, или же очень похожий на него другой слѣпецъ. Строй трехъ струнъ лиры Марченко слѣдующій:

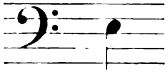

1-я крайняя		си
2-я крайняя		ми
Средняя		ми

Рис. 25.

Такимъ образомъ, нажимая послѣдовательно клавиши на средней струнѣ, получимъ рядъ тоновъ:

На всемъ протяженіи исполняемыхъ среднею струною мелодій будетъ звучать квинта двухъ крайнихъ свободныхъ струнъ, сообщающа исполненію окраску минорной гаммы (*ми* миноръ). Напримѣръ:

Обратившись къ приведенному выше описанію Magillon'a игры на французской *vielle*, мы видимъ, что и тамъ въ басу звучить постоянно квинта: возьмемъ; на примѣръ, игру въ тонѣ соль (g).

Струны chanterelles (ведущія)

Струны: { trompette.
muche.
grand bourdon.

Приспособленія европейской *vielle* таковы, что позволяютъ играть на ней еще и въ тонѣ do; кромѣ того, благодаря двойному звукоряду струнъ и лучшему изготовленію, она должна звучать гораздо красивѣе малороссійской; тѣмъ не менѣе происхожденіе послѣдней отъ западно-европейскаго предка очевидно изъ только что приведенныхъ нотныхъ аналогій,—если бы намъ даже неизвѣстны были другіе, уже разобранные въ этомъ очеркѣ, факты.

V.

Заключение.

Какъ мы видѣли раньше, лиру въ ея характерномъ установившемся типѣ (т.-е. съ колесомъ и клавишами) надо считать европейскимъ изобрѣтеніемъ: на Востокѣ смычковые инструменты такого устройства совершенно неизвѣстны. Такимъ образомъ, появившись въ Западной Европѣ, въ VIII—X столѣтіяхъ, она широко тамъ распространилась, войдя въ употребленіе интеллигенціи, и вышла изъ моды только къ XVIII стол., сдѣлавшись за то народнымъ инструментомъ; западно-европейская лира и теперь еще не исчезла окончательно въ Ю. Франціи и Италіи.

Хотя мы и отмѣчали факты, указывающіе на присутствіе этого инструмента (въ раннюю эпоху его изобрѣтенія) въ Византіи, но проникнуть оттуда на Русь онъ не могъ: слѣды вліянія Византіи на Руси надо искать въ болѣе давнія времена,—до монгольскаго періода,—а отно-

нительно лиры мы не находимъ упоминаній въ русскихъ источникахъ ранѣе XVI столѣтія (см. выше свид. Берында и Маскевича). Намъ извѣстенъ другой путь, какимъ шли на Русь западно-европейскіе инструменты: первую воспринимала ихъ вообще легко склонная къ европейской культурѣ Польша, которая передавала ихъ затѣмъ своему народу, а потомъ и подвластному ей малороссійскому казачеству; изъ Малороссіи же музыкальные инструменты переносились въ Москву. Такъ было съ средневѣковою лютнею, перешедшею въ Малороссію и Русь черезъ Польшу подъ именемъ *торбана* и *бандуры*; такъ надо считаться и съ лирою. Въ Польшу, всего вѣроятнѣе, лира занесена была въ концѣ XV или въ началѣ XVI в. изъ Италіи придворными музыкантами польскихъ королей, а можетъ быть, проникла и непосредственно изъ Германіи.

Маскевичъ въ своемъ дневникѣ о самозванцѣ говоритъ, что русскіе шуты играютъ на пирахъ «на лирѣ», *слѣдуя польскому обычаю*. Въ этомъ свидѣтельствѣ мы вправѣ увидать, что лира была въ Польшѣ хорошо извѣстна, и притомъ ранѣе, чѣмъ на Руси. Другой польскій писатель Совинскій (*Les mus. pol.*, 52,333. 1857 г.) отождествляетъ рыле или *vielle* съ кобзою. Возможно, что это опредѣленіе онъ заимствовалъ изъ словаря Линде (1807 г.), который гласитъ слѣдующее: «*кобза* — пѣнія органъ троеструнный, *staraswiecka lutnia czyli lira, ein altes der Laute oder Leyer ähnliches iustrument, narzedizie do grania o trzech stronach*». Въ свою очередь, авторъ словаря ссылается на сочиненіе Влодека 1780 г. «*O naukach wyzwolonych*».

Наконецъ, вспомнимъ, что Берында, писавшій о «лыряхъ» въ своемъ азбуковникѣ XVI—XVII столѣтія, былъ молдаванинъ и, слѣдовательно, упоминалъ тамъ объ инструментахъ, видѣнныхъ имъ въ молодости на своей родинѣ—юго-западной окраинѣ Руси. Да и самое распространеніе лиры въ южныхъ и юго-западныхъ окраинахъ русскаго государства въ настоящее время говоритъ также въ пользу предположенія о происхожденіи ея на Руси съ юга. Какъ было сказано раньше, первоначальное названіе инструмента въ XVI столѣтіи въ Малороссіи и Польшѣ измѣнялось сообразно особенностямъ мѣстнаго выговора: въ XVI столѣтіи *лыря*, а въ XVII и XVIII *рыля*, *рыле*, *реле*¹⁾. Проникнувъ въ предѣлы Московскаго государства съ конца XVI в., она не сдѣлалась тамъ однако популярною и къ XVIII в. окончательно исчезла. Вообще, появленіе лиры въ предѣлахъ Великой Руси можно объяснить тѣмъ, что въ XVI—XVII ст. ея

1) Въ Воронежской губерніи лиру называютъ *рулетъ*, характеризуя этимъ западно-европейскимъ корнемъ вертящееся колесо инструмента (отчасти же можетъ быть и по созвучію съ *реле*).

перепяли русскіе скоморохи въ своемъ стремленіи увеличить разнообразіе имѣющихся въ ихъ употребленіи музыкальныхъ инструментовъ; забыта же она была въ числѣ другихъ музыкальныхъ русскихъ орудій вслѣдствіе нахлынувшей въ XVIII столѣтіи волны западно-европейскаго вліянія, охватившаго тогда все русское общество. Наоборотъ, въ Малороссіи, какъ сказано выше, въ настоящее время распространеніе лиры даже увеличивается.

Н. Приваловъ.

Сиб. 21-го января 1905 г.

Списокъ съ грамоты царя Василія Іоанновича въ Муромъ 7115 (1606) года декабря 15¹⁾.

Списокъ з государевы грамоты слово в слово. Отъ царя и великого князя Василія Ивановича всеа Русіи в Муромъ дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ Григорію Языкову, Ивану Плещѣеву, князю Ивану Болховскому, Ѳедору Дурасову, Микѳѳору Мертвому, да Ѳедору да Михайлу Языковымъ. Писали есте къ намъ, что вы декабря въ 11 день в Муромъ приѣхали и наши грамоты дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ и посадскимъ людямъ чли, и дворяне и дѣти боярскіе и посацкіе люди намъ крестъ целовали и с подлиною челобитною к намъ Муромскихъ посацкихъ людей Семейку Черкасова с товарищи прислали, и изменниковъ нашихъ Григорья Елизарова да сына ево Михалка да Семена Чаадаева да сына ево Михалка же перемали мѳромъ и в тюрьму посажали; да к вамъ же в Муромъ прислали изъ Нижегородскаго уѣзду наши изменники князь Иванъ Болховской да Ивашка Доможировъ сына боярскаго Баженка Есина для ратныхъ людей, чтобъ вы прислали с нимъ на помощь ратныхъ людей, и вы того Баженка, поймавъ, к намъ же прислали. И намъ ваша служба и радѣнье вѣдома; какъ есте почали, такъ и совершайте, помня Бога и свои души и наше крестное целованье; и какъ дастъ Богъ наши царскіе очи увидятъ, и мы васъ за вашу службу пожалуемъ великимъ нашими жалованьемъ. И вы б, дворяне и дѣти боярскіе, впередъ намъ такъ служили и прямили и воровскимъ смутамъ не вѣрили и ни в чомъ не слушали и на наше жалованье были надежны. Да сказывали намъ на Москвѣ Муромцы посацкіе люди, которые к намъ приѣхали с подлиною челобитною, Семень Черкасовъ съ товарищи, что Муромцы Петръ Власьевъ, Иванъ Чюркинъ, Петръ Коппинъ, Григорей Новосилцовъ, Данила Рытцарь, Иванъ Григорьевъ сынъ Чертковъ, Петръ Ратаевъ, Иванъ Гавриловъ сынъ Мертвой,

¹⁾ Изъ грамотъ, принадлежащихъ Имп. Публичной Библиотекѣ; писана почеркомъ XVIII вѣка на двухъ склеенныхъ листкахъ; сообщена П. Г. Васенкомъ.

воровали намъ и изменяли, имена намъ их подали. И какъ к вамъ ся наша грамота придетъ, и вы б тѣхъ воровъ і изменниковъ нашихъ григорья Елизарова да сына ево Михалка да Семена Чадаева да сына ево Михалка да Петра Власьева да Ивана Чюркина, Петра Копнина, Григорья Новосильцова, Данила Рыцаря, Ивана Григорьева сына Чертова, Петра Ратаева, Ивана Гаврилова сына Мертвого прислали к намъ к Москвѣ з добрыми приставами, сковавъ крѣпко и приставомъ бы есте приказывали на крѣпко, чтобъ они с ними ѣхали дорогою бережно, чтобъ тѣ воры з дороги у нихъ не ушли и дурна надъ соббою никоторого не учинили и приѣхавъ к'Москвѣ с тѣми изменники велѣли явиться в'разрядѣ діакомъ нашимъ думному Григорью Желябужскому да Истомѣ Корташеву да Петру Лошакову и с ними к намъ о всемъ отписали. Писана Москвѣ лѣта 7115 декабря въ 15 день; а у подлинной грамоты назади пишетъ: діакъ Истома Корташевъ.

ДРЕВНИЕ РУССКІЕ КРЕСТЫ.

I

Кресты новгородскіе, до XV вѣка, неподвижные и нецерковной службы.

По мѣрѣ того, какъ христіанство проникало изъ Византіи къ намъ, распространялось по русской землѣ и, наконецъ, было принято св. Владиміромъ, появился и распространился на Руси и основной символъ христіанства — честной крестъ. Прежде всего крестъ стали водружать при постройкѣ храма: чинъ такого водруженія находится въ нашихъ требникахъ¹⁾; затѣмъ появились кресты благословящіе — на престольные и воздвизальные — запрестольные. На самомъ зданіи храма появился крестъ купольный или церковный, а рядомъ съ этими крестами явились: нагрудный (энколпій) — сначала только у высшихъ священнослужителей, — рѣзной (косमितъ) на алтарной преградѣ, чеканный на сосудахъ, живописный на фрескахъ, иконахъ и богослужебныхъ книгахъ, шитый на облаченіяхъ. Но кромѣ этого церковнослужебнаго употребленія, крестъ распространился и въ житейскомъ быту. Кромѣ крестовъ нашейныхъ или тѣльниковъ,²⁾ отмѣтимъ кресты неподвижные: намогильные и памятные или поклонные. Два послѣднихъ вида крестовъ и служатъ предметомъ нашего изысканія.

¹⁾ (А. Никольскій) Описаніе рукописей архива Св. Синода. I. Спб. 1904, стр. 385, 391 (молитвы на основаніе церкви и потыченіе креста), 428 и др.

²⁾ При раскопкахъ древнихъ могилъ часто находятъ маленькіе металлическіе равносторонніе кресты, которые относятъ къ XI—XII вѣку. Носили ли ихъ на тѣлѣ или сверхъ одежды — сказать трудно. Я предполагаю, что крестъ носили сверхъ рубахи, какъ онъ и доселѣ носится крестьянами на Волыни и др. мѣстахъ южной Росіи и на сѣверѣ старообрядцами Усть-Цыльмы. Кресты княжескіе извѣстны по лѣтописямъ; былины рассказываютъ о братствѣ богатырей, обмѣнивавшихся крестами. Различныя формы крестовъ можно найти въ Описаніи Тверскаго музея А. К. Живневскаго, М. 1888, стр. 72—107 и Древностяхъ Русскихъ Хавенка, (кресты) К. 1902.

I. Кресты намогильные, саркофаги и голбцы.

Вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства, на Русь хлынула широкая волна византійскаго церковнаго вліянія, захватившаго и бытовую сторону старой русской жизни. Рядъ византійскихъ житейскихъ обычаевъ, благодаря особенно семьямъ первыхъ византійскихъ священниковъ, переселившихся на Русь, и усилившимся византійско-русскимъ сношеніямъ, охватилъ, видоизмѣнилъ и слился съ стародавними славянскими порядками. Коснулся онъ и языческихъ обычаевъ погребенія, такъ обстоятельно изслѣдованныхъ нашими учеными. Но въ то время, какъ русскіе языческіе обряды древняго сожженія и погребенія разобраны до тонкости, обычаи погребенія христіанскаго задѣты лишь мимоходомъ. Между тѣмъ, и они не оставались неизмѣнными, и у нихъ была своя исторія; къ числу христіанскихъ погребальныхъ обычаевъ относится и устройство надгробныхъ памятниковъ—обыкновеніе, сохранившееся и до нашего времени. Наиболѣе частымъ памятникомъ, водружаемымъ на могилѣ въ наше время, является крестъ различныхъ формъ и примѣненій: но такъ ли было въ старину?

Обычный способъ древняго христіанскаго погребенія, послѣ криптъ въ катакомбахъ, ¹⁾ представляли саркофаги, (буквально—«мясоѣды»), ведущіе свое начало изъ классическаго міра. Древніе классическіе саркофаги представляли изъ себя миниатюрное сооруженіе для помѣщенія не только тѣла, но и тѣли усопшаго во время ея загробнаго существованія: напомнимъ, что саркофагъ былъ продолговатый четырехугольный ящикъ, прикрытый двускатной кровлей. ²⁾ Форма его перешла и въ христіанскій міръ: таковы знаменитые христіанскіе саркофаги Рима, Равенны, Константинополя и т. д. Вмѣсто прежнихъ языческихъ скульптуръ, христіанскіе саркофаги украшаются историческими и символическими христіанскими изображеніями: хризмами (монограммой Христа ✠), крестами разныхъ формъ, агницами, голубицами, виноградной лозой, лам-

¹⁾ Ихъ напоминаютъ извѣстныя погребенія Печерской лавры. Изъ личныхъ наблюденій укажу подземное погребеніе въ криптахъ въ монастырѣ при с. Зимно, близъ Владиміра Волынскаго. Окутаніе усопшаго полотномъ, перешедшее и въ нашу иконографію, у насъ встрѣчается въ своеобразной формѣ обвитія тѣла умершаго берестой (житіе пр. Артемія Веркольскаго; останки княгини Одоевской, случайно открытыя во время реставраціи Новгородскаго Софійскаго собора). Древнее названіе гроба—кърста—короста созвучно со словомъ кора. Отъ финскаго *kirstu*—ящикъ производятъ его Миклошичъ, Гротъ, Зеленинъ (Извѣстія А. Н. русс. отд. 1905, X, 2 стр. 454). Въ сказаніи о Симонѣ Варягѣ: „что ли рекоу или възгля ко оной корьстѣ каменов“. (Памятники XII и XIII вѣка Яковлева в Спб. 1872 стр. СХV).

²⁾ О нихъ между прочимъ см. Altman, *Architektur und Ornamentik der antiken Sarkophage*. Berlin. 1902 (съ рисунками).

падами, изображеніями Христа, апостоловъ. Данила во рвѣ львиномъ и пр. Форма этихъ саркофаговъ перешла и къ намъ, на Русь. Всѣмъ пзвѣстны мраморные саркофаги Ярослава Мудраго и неизвѣстнаго въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. ¹⁾ Древнія княжескія и епископскія надгробія Владиміра Великаго и Пскова тоже сохранили двускатное покрытие надъ могилой—стѣны могилы или каменный гробъ-ящикъ замѣнили здѣсь стѣнки саркофага. Нѣчто подобное представляютъ изъ себя и московскія царскія и патриаршія надгробія ²⁾).

Можетъ быть, и верхняя крышка гроба отчасти создалась подъ вліяніемъ крышки саркофага ³⁾. Наконецъ, отраженіе формы саркофага видно и въ лицевыхъ рукописяхъ XIV—XV вѣковъ ⁴⁾. Помимо всего этого, о широкомъ распространеніи формы саркофага свидѣтельствуютъ такъ называемые голубцы или голбцы,—название, случайно совпадающее съ латинскимъ columbarii, но, конечно, происходящее не отъ голубь, а отъ глубина (глубина). Слово это имѣетъ, главнымъ образомъ, два значенія, тѣсно между собою связанныя: 1) пристройка или ларь у печки, закрывающіе спускъ въ подполье и 2) надгробный памятникъ ⁵⁾. Изъ словарныхъ объясненій осо-

¹⁾ Др. Рос. Госуд. Рисунокъ въ изд. Кіево-Софійскій соборъ. Спб. Арх. Общ. подъ ред. Солнцева, IV, табл. 43. Саркофагъ св. Владиміра, недавно найденный въ развалинахъ Десятинной церкви, пока еще неизданъ. Вѣроятно, такимъ же саркофагомъ былъ и „гробъ камень маль... съ оконцемъ въ каменной церкви св. Богородицы“ блаженныя княгини Ольги, упоминаемый въ Памяти и похвалѣ св. князю Владиміру мниха Іакова (Чтенія въ ист. общ. Нестора лѣтописца. II. г. Кіевъ. 1888, стр. 21. Ср. Христ. Чтеніе 1849, II, стр. 322).

²⁾ Только въ 1648 г. царю Алексѣю Михайловичу польскій король прислалъ по его просьбѣ, надгробный памятникъ изъ мрамора съ надписью. (Чтенія Общ. Ист. и Древн. Рос. годъ III, 1847—48 стр. 14—15). Гдѣ онъ теперь?

³⁾ Говоримъ отчасти, такъ какъ форма гроба всего скорѣе происходитъ изъ двухъ лодокъ, вмѣстѣ сложенныхъ. Это видно и изъ миниатюры нижеупоминаемаго лицевого житія Бориса и Глѣба XIV вѣка. Напоминающую саркофагъ форму гроба я встрѣтилъ въ 80 г.г. въ с. Старомъ, Сумскаго уѣзда.

⁴⁾ Сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ. Сильвестровскій списокъ XIV вѣка, изд. Спб. Арх. Спб. 1860, стр. 128 (везуть св. Глѣба на санкахъ въ рацѣ камень). Радзивилловская или кенигсбергская лѣтопись. Изд. Имп. Общ. Люб. Древн. Письмен. Спб. 1902, л. 148 (рака Бориса и Глѣба), л. 154 об. (гробъ Феодосія), л. 216 (тѣло Андрея Боголюбскаго везуть во Владиміръ).

⁵⁾ Вотъ словарный матеріалъ по поводу этихъ двухъ значеній съ 1847 по 1903 годъ: ранѣе ни у Берынды (1653), ни у Поликарпова (1704), ни у Алексѣева (1776) этого слова нѣтъ. Голбець обл.—отгородка въ избахъ при печкахъ, въ которой находится сходъ въ подполье. Голубецъ—деревянный столбикъ съ крышею, поставляемый русскими крестьянами на могилахъ усопшихъ родственниковъ [Словарь церковнославянскаго и русскаго языка. Спб. 1847, т. I, стр. 272 и 275]. Голбець—деревянная придѣлка къ печи вродѣ полатей, подъ которою дѣлается ходъ въ подполье Арх. (Шенк.), Костр. (Кинешем. и Солигал.), Тверской (Кашин.), Томской. Голбцаы—тоже, что голбець Тверск. (Корчев.). Голбчикъ—деревянный памятникъ на кладбищѣ въ видѣ домика. Оренб., Тоб., Томск. Голбець тоже, что голбець Тверск. (Кашинск.). Голубецъ—1) надгробный памятникъ, который строили

*

бенно любопытно значеніе этого слова на Дону и въ Орловской губерніи: это домикъ, будка со стѣнками и крышкой, съ крестомъ посреди нѣ;

прежде Донскіе казаки надъ могилами своихъ родныхъ изъ камней, а чаще изъ дерева со стѣнами и крышею, на вершинѣ которой утверждался небольшой крестъ. Внутри голубца ставили въ переднемъ углу небольшую икону, а около стѣнъ, скамьи (Дон. Орл.). 2) тоже, что голбець Каз. Костр. (Кинеш.), Твер. (Старицк.). Гóлубецъ— 1) широкая лавка у избной двери, съ задвижнымъ ящикомъ, на которомъ кладутъ каждодневно носимую одежду, а ночью стелютъ постель (Влад.). 2) тоже, что голбець Костр. (Кинеш., Чухл.). 3) лежанка у печи (Тоб.) Гóлубѣца—ходъ въ подполье въ крестьянск. избѣ Твер. (Осташ.). [Опытъ областного великорусскаго словаря, изд. II отд. А. Н. Спб. 1852, стр. 38 и 39]. Гóлубѣць—деревянная крышка надъ могилою Влад. Новг. (Новг. уѣздъ); крестъ на могилѣ Влад. (Шереясл.). [Дополненіе къ опыту обл. словаря, изд. Ак. Наукъ. Спб. 1858, стр. 35]. Гóлубѣць—могильный памятникъ срубомъ, съ крышей будкой, домикомъ; нынѣ они запрещены; зовутъ такъ и всякій памятникъ, особенно крестъ съ кровелькой; гóлубѣць въ значеніи будки искаженное гóлбець, слово скандинавское... тоже что гóлбець, гóлубецъ,—деревянная придѣлка къ печи съ лазомъ на полати, со сходомъ въ подполье или въ подпечекъ; казенка у печи, деревянная лежанка, широкая лавка, рундукъ для спанья. [Даль, Толковый словарь живого русскаго языка². М. 1880, т. II, стр. 380, ср. стр. 376—гóлбець]. П. И. Мельниковъ опредѣляетъ голубецъ: могильный памятникъ, состоящій изъ деревяннаго сруба съ кровлей на два ската и съ крестомъ на ея серединѣ. [Печерскій. Въ лѣсахъ. М. 1875, ч. III, стр. 17, ср. стр. 34—голубецъ, отдѣльно отъ часовни]. Гóлбець въ Шенк. уѣздѣ Арх. губ.—деревянная въ родѣ полатей придѣлка къ печи, подъ которой устраивается ходъ въ подполье. Гóлбчикъ и гóлбчикъ—прилавокъ у печи—повсемѣстно въ Арх. губ. [Подвысоцкій. Словарь областного архангельскаго нарѣчія. Спб. 1885, стр. 32]. Гóлбѣць (ср. шведское *golf*. поль) 1. отгородка или чуланъ въ крестьянской избѣ, при печкѣ со сходомъ въ подполье. Верхній голбець—самый чуланъ. Нижній голбець—подполье. Бабушка старуха переправилась изъ стѣн на голбець. Писемскій Питерщикъ), тоже что—голубецъ. 2. Гóлубѣць лежанка у печки; могильный памятникъ, состоящій etc. (ссылка на Печерскаго). Въ Волог. губ. ставятся и нынѣ, такъ назыв., голбчики или гобчики. [Словарь русскаго языка сост. II отд. И. А. Н. Спб. 1892, вып. 2, стр. 838 и 849]. Гóлбѣць въ Яросл. губ. (Любим. уѣз.) или голубецъ (Пошех.) деревянная пристройка съ боку русской печи (И. Якушкинъ. Матеріалы для словаря нар. языка въ Яросл. губ. Яр. 1896, стр. 7). Гóлбець—деревянная пристройка на печкѣ немного ниже ея—для спанья; подъ нею почти всегда входъ въ подполье. (И. Смирновъ. Кашинскій словарь. Спб. 1901, стр. 28). Гóлбець—деревянная пристройка къ печи, въ родѣ варъ или лежанки. Яросл. (Рост.) [Волоцкій. Сборникъ матеріаловъ для изученія рост. говора. Спб. 1902, стр. 27]. Гóлбець, гóлбчикъ, гóбецъ (м. сѣв. вост. и сиб.) гóлбца (твер.) родъ примоста, загородки, чулана или казенки въ крестьян. избѣ между печью и полатами; припечье, со ступеньками для входа на печь и на полати съ дверцами, полочками внутри и съ лазомъ въ подполье; чуланъ называется верхнимъ, а подполье нижнимъ. Иногда г. бываетъ не у входа и полатей, а за перегородкой въ стряпной, за печью (Яр.) || Гóлбець говорится иногда, вм. голубецъ—могильный памятникъ избушкой. Входя въ избу къ невѣстѣ берутся рукой за голбець—новѣрье... и пр. [Даль. Толк. словарь³ подъ редакціей И. А. Бодуэна-де-Куртене. Спб. 1903 т. I, стлб. 903 и 914]. Позволю себѣ усомниться въ скандинавскомъ происхожденіи голубца и въ родствѣ его со словомъ *golf*—поль. Памятникъ по шведски *graf*, *grafvard*, *grift*, по датски *ligsteen* (отъ *lig*—трупъ). Голбець вполне удовлетворительно отъ глѣб, глубина. При сравненіи двухъ значеній голбца (ямы—подполья и могилы—памятника) особенно любопытно устройство голбца около печи—обычнаго пребыванія домоваго, духа—предка, мѣста семейнаго культа огня: не отсюда ли и сожженіе *холоднаго*

внутри совершенная изба — икона и скамьи. Вспомним обычное въ иконописаніи (напр. на иконѣ Успенія) и лицевыхъ рукописяхъ (синодики) изображеніе души въ видѣ маленькаго человѣчка иногда нагого, иногда одѣтаго—это и есть обитатель домика—голубца. Невольно вспоминаются и классическіе кепотафіи — убѣжища для бездомныхъ душъ, и сильное развитіе именно на византійской почвѣ представленія о вампирахъ—душахъ, не могущихъ успокоиться. Запрещеніе постройки голубцовъ, указанное Далемъ, объясняетъ, почему они уцѣлѣли не вездѣ, а мѣстами; напримѣръ, въ глухой Вологодской губерніи. Существующій обычай выкладывать на могилѣ уступчатую пирамиду изъ дерна помимо естественныхъ условій насыпи, тоже напоминаетъ форму саркофага. Дошедшія до насъ палатки или усыпальницы (напримѣръ, Годуновыхъ въ Троицкой лаврѣ) съ ихъ двускатной кровлей, съ крестомъ на ней, возникли, конечно, по аналогіи съ голубцами ¹⁾. Ящики для насыпи—можетъ быть, остатки тѣхъ же голбцовъ безъ крышки. Описаніе голубца, какъ памятника мы встрѣчаемъ въ Сказаніи о началѣ Москвы (по рук. XVII вѣка): князь Даниилъ, ища убѣжища «по приличаю наиде въ той дебри струбець малъ стоящъ, подъ нимъ же погребень бысть ту нѣкоторый мертвый человѣкъ; князь же влѣзъ въ струбець той, закрыся въ немъ, забывъ страхъ мертвыхъ, и почи тое ношъ» ²⁾. Связь двухъ значеній слова (подвалъ и наземная постройка) выработалась самой жизнью. Подобный струбець былъ воздвигнутъ надъ тѣломъ преп. Артемія Веркольскаго († 1543), какъ это видно изъ его житія ³⁾. Первое упоминаніе о голубцѣ для погребенія встрѣчаемъ въ XIII вѣкѣ. Ярополкъ Владиміровичъ († 1139) схороненъ въ «голубцѣ» у церкви св. Андрея, а въ 1145 г. перенесенъ въ самую церковь. (Карамзинъ II, 9 примѣч. 269). Въ лѣтоп. Ипат. Лавр. Новгород. Воскрес. Никон. Львовской упомянута въ голубцѣ «гробница» (гробница²⁾). Можно догадываться, что это подземное сооруженіе, сводъ, склепъ, подвалъ—во всякомъ случаѣ, сооруженіе возлѣ или подъ церковью. Слово голбець какъ будто въ зна-

труна. У первобытнаго человѣка ассоціація смежности выработала и ассоціацію причинности. Объ обрядахъ съвернаго погребенія см. главу Gräber, Bestattungarten Gedenksteine въ соч. Sophus Müller Nordische Altertumskunde. Strassburg, 1898, v. II s. 247—268.

¹⁾ О надгробномъ крестѣ (надъ скудельницей) упоминается въ житіи Даниила Переяславскаго (+1540). Пр. Даниилу даюгъ деньги съ просьбой „поставить на скудельницѣ крестъ или икону или иное что, удобное къ моленію“. А. Свирьлянъ. Житіе пр. Даниила Переяславскаго. Переяславль Залѣскій 1894 стр. 18 и 22.

²⁾ Временикъ Общ. Ист. и Древн. Рос. 1851 т. 40. Рыбниковъ. Пѣсни. Спб. 1867 т. IV стр. IX, приложенія.

³⁾ Житіе пр. Арт. Веркольскаго. Вятка 1870, стр. 2.

ченіи крытаго подвального помѣщенія встрѣчается еще въ XIV столѣтіи. Въ духовной повгородца Остафія (около 1396 г.): «а что лавка наша на Холмскомъ ряду и голбець во святомъ Михаилѣ, а въ томъ мѣстѣ съ Григорьемъ половина, а Семену половина¹⁾». Трудно рѣшить, какое назначеніе имѣлъ церковный голбець; кажется, что онъ служилъ и для сохраненія казны, и для погребенія одновременно. При поповленіи храма св. Параскевы въ Новгородѣ, на Торговой сторонѣ, въ 1524 году «начаша въ лѣвомъ крилѣ церковномъ починивати (понеже преже были голбцы въ крылѣхъ) и начаша голбцы раздрушати, якобы церквѣ пространство имѣти и начаша помость взрывать и ту обрѣтоша сокровище отъ многихъ лѣтъ сокровенно»²⁾.

На каменныхъ саркофагахъ крестъ или хризма помѣщались, между прочимъ и на сторонахъ, и на фронтонѣ саркофага (напр. на саркофагѣ у ц. св. Ирины въ Константинополѣ). Естественно было появиться ему и на фронтонѣ деревяннаго голбца. Это было тѣмъ удобнѣе, что крыша сруба сохраняла крестъ отъ дождя³⁾. Откуда же взялись столь обычные кресты съ накрытіемъ? Предположеніе, что это дѣлалось исключительно ради практическихъ соображеній—для защиты отъ дождя, въ архаичномъ обрядовомъ дѣлѣ, трудно допустимо. Я предполагаю, что кресты съ накрытіемъ—и представляютъ сокращеніе голбца—саркофага. Въ мѣстностяхъ, бѣдныхъ лѣсомъ и при отсутствіи рабочихъ рукъ,—кресты съ накрытіемъ постепенно замѣнили голбцы. Въмѣсто конотливаго сооруженія ставился простой крестъ съ сложнымъ, а потомъ и простымъ накрытіемъ, подъ которымъ у знаменія креста могла, по народному представленію, пріютиться и крохотная душа человѣческая. Такой крестъ, а затѣмъ и всякій памятникъ въ видѣ столба съ иконой и накрытіемъ получилъ, какъ мы видѣли въ словарномъ матеріалѣ, названіе голбца; таково напримѣръ, указанный проф. М. Г. Халанскимъ голбець возлѣ с. Красныя Поляны, Щигровскаго уѣзда, въ память побѣды курянь надъ

¹⁾ Акты юридическіе М. 1843 № 409, 1. Срезневскій. Матеріалы для словаря древне-русскаго языка. Спб. 1893, I стлб. 541. Въ 1535 г., въ Новгородѣ строитель сдѣлалъ „верхъ камень у церкви св. чудотворца Варлаама на Дворищѣ, что поставленъ придѣлъ на Никольскомъ голбцѣ“ (Софійск. временникъ. М. 1821, II, 391).

²⁾ Софійскій временникъ. М. 1821, т. II, стр. 358.

³⁾ Предполагаю, что еще ранѣе креста стали ставить и икону не внутри, а снаружи голбца (см. выше). Быть можетъ, отсюда обычные (напр. у Кубенскаго озера) столбы съ иконой подъ двускатной кровлей. Не отсюда ли и нашъ обычай нести икону передъ покойникомъ и *оставлять* ее въ церкви (въ городѣ) или прибывать ко кресту (въ деревнѣ)? Быть можетъ роспись сѣверныхъ русскихъ, преимущественно старообрядческихъ крестовъ имѣла связь съ древними росписями домовъ, если вѣрна о послѣднихъ догадка проф. Айялова о росписи древнихъ русскихъ построекъ снаружи. Отсюда вѣроятно и двускатные верхи каменныхъ крестовъ (см. ниже).

татарами въ 1628 году ¹⁾). Конечно, на могилахъ могли существовать наряду съ такими крестами—гольцами и обыкновенные деревянные и каменные кресты ²⁾). О первыхъ за древній періодъ—до XV вѣка, мы не нашли непосредственныхъ свѣдѣній. Каменныхъ же крестовъ дошло до настъ большое количество, особенно въ древней повгородской области. Они указаны въ статьѣ А. А. Спицына ³⁾). Надгробныя плиты появляются въ концѣ XIV столѣтія ⁴⁾). Древнихъ каменныхъ крестовъ опредѣленнаго погребенія или съ надписью имени мало. Воймерицкій крестъ, вѣроятно XIII вѣка, имѣетъ надпись: «(М)ирославу и Лазареви братья и мѣи Мирослава поставили хрст. Славоне дѣлале» ⁵⁾). Имя Мирослава посадника встрѣчается въ XIII вѣкѣ. Если моя догадка справедлива, то къ 1213 году относится каменный крестъ близъ села Зимно (въ 6 в. отъ г. Владиміра Волынскаго, на полѣ): онъ поставленъ на могилѣ убиеннаго Клима Христинича, вонна Данила Галицкаго. На глубинѣ 2¹/₂ аршинъ оказались первое погребеніе болѣе позднее (видимо, женщина), а подъ нимъ второе—костякъ большого роста. У нижняго костяка черепъ носить два поврежденія, какъ бы отъ удара копьемъ или чеканомъ (раскопки автора). Подъ 1213 ипатьевская лѣтопись рассказываетъ о набѣгѣ поляковъ на Владиміръ

¹⁾ Оттыскъ изъ Записокъ Имп. Харьковского Университета за 1901 г.

²⁾ Надгробные памятники въ видѣ креста встрѣчаются (въ Херсонесѣ) съ V вѣка. В. В. Латышевъ. Виз. Временникъ Спб. 1899 VI, 3—4 стр. 369.

³⁾ Записки отдѣленія русской и славянской археологіи Имп. Рус. Арх. Общества. Сбп. 1903 т. V, 1 стр. 203—234. Почти половина снимковъ взята изъ коллекціи, составленной мною во время экскурсій, преимущественно въ Новгородской губ., совершенныхъ по порученію Императорской Археологической Коммиссіи. Общ. обычай ставить кресты надъ умершими свидѣтельство иностранца нач. XVII вѣка: *Sepulturae agrestium in agris et silvis, ubi tumulos aggestis lapidibus muniunt, signumque crucis super imponunt* (*Sal. Neugebaueri a Cadano Moscovia Gedani 1612 p. 96*).

⁴⁾ Въ семь Новомъ Полевѣ Данил. уѣзда Ярославской губерніи на церковномъ кладбищѣ находится плита (позднѣйшая?) князя Ѡ. Ю. Ѡминскаго съ такою надписью: Лѣта *ѡвѡнѡ* = (6856—1341) мѣа декабра въ *ѡ* день на память сѣгаго прорѣа Наума преставися рабъ Бѣни въ великомъ Новгородѣ удѣльной князь Феодоръ Юрьевичъ Фоминской тело ево погребено въ Си... мистѣрѣ (в) цѣркве каменной въ сѣомъ Георгии. пом. рѣ по иждивенію дѣтѣ ево мѣи маія в *ѡ* день сѣго лги ...ирона (память муч. Мирона—17 августа). (Жур. Мин. Нар. Просв. 1872, IX статья Л. Петрова) Въ Преображенскомъ соборѣ Переяславлѣ Зал. на гробницахъ кв. Дмитрія Александровича (сына Невскаго) и Іоанна Дмитріевича будто были заштукатуренныя надписи на плитахъ. Въ мою бытность въ Переяславлѣ, послѣ реставраціи собора, я древнихъ плитъ не видѣлъ. Достовернѣе упоминаніе о плитѣ на могилѣ пр. Иннокентія Охлябинина († 1496): положили камень, на которомъ написали годъ, мѣсяцъ и день его представленія. Б а р е у к о в ѣ Источники русской агиографіи. Спб. 1882 стр. 222. Ср. крестъ пр. Михаила 1422 года (о немъ ниже). Плита 1492 г.—Марины Ковадовыхъ въ Кашиинскомъ Дмитровскомъ монастырѣ. Ср. мнѣніе Спицына Зап. Арх. Общ. V, 1 стр. 226.

⁵⁾ Указаніемъ креста мы обязаны земскому начальнику VI участка Боровичскаго уѣзда А. Ѡ. Товарову, а абрисъ его издастъ по нашей фотографіи А. А. Спицынымъ въ Запискахъ Имп. Арх. Общ. V I стр. 205 № 322. Надпись по формулѣ похожа на обычныя надписи въ Херсонесѣ на надгробныхъ крестахъ.

Волинскій говоритъ, что при отраженіи ихъ «Климъ убіенъ бысть Христишичъ, единъ отъ всихъ его (Даніила Галицкаго) воинъ, его же крестъ и до нынѣ стоитъ на Сухой Дорогви». (Ипатьевск. лѣт. 490). Въ окрестностяхъ Владиміра—это единственный каменный крестъ, расположенный на сравнительно возвышенной среди болотъ мѣстности. Рѣдкая величина памятника (3 арш. 10 в. × 1 арш. 4 в.), и самая порода камня указываетъ на то, что крестъ привезенъ издалека. Замѣчательный крестъ XV вѣка издавъ А. В. Орѣшниковымъ (см. ниже). Вотъ три определенныхъ надгробныхъ креста мнѣ извѣстныхъ до XV в. О каменныхъ крестахъ безъ надписей (съ монограммой ІС. ХС. НИКА), стоящихъ на жальникахъ, судить не берусь. Ставились ли они, какъ общій крестъ при открытіи новаго кладбища и для совершенія вселенскихъ панихидъ, или для освященія языческаго жальника, или надъ отдѣльными лицами, рѣшить трудно.

II. Кресты памятные и поклонные.

О распространенномъ обычаѣ водружать памятные кресты по Свято-русской землѣ свидѣтельствуетъ былинная поэзія, запомнившая «чудный крестъ Леванидовскій».

Высота ли высота, поднебесная,
Глубота, глубота—океанъ море,
Широко раздолье по всей землѣ,
Глубоки омуты Двѣпровскіе—
Чуденъ крестъ Леванидовскій ¹⁾.

Онъ стоитъ на горѣ Сорочинской:

Богатыри ѣдутъ на гору Сорочинскую
Къ тому ко кресту ко Леванидову ²⁾

Кругомъ его березы:

Изъ подъ бѣлыя березы кудреватыя,
Изъ подъ чуднаго креста да Леванидова,
Выходитъ тутъ турица златорогая ³⁾.

Крестъ оказывается то въ городѣ Кіевѣ:

У Чурилы дворъ на Ногай рѣкъ,
У чудна креста да Леванидова,
У святыхъ мощей да Борисовыхъ...

¹⁾ Бѣляевъ. Чуденъ крестъ Леванидовскій (День, 1865, № 29). Рыбниковъ. Пѣсни I, 38, 326; II 16, 17, 20, 31; IV 21 и пр. Кто этотъ былинный Леовидъ, соорудившій крестъ, сказать трудно. Въ житіи пр. Филиппа Праискаго его сооружаютъ ангелы. (Ключевскій Житія святыхъ М. 1872, стр. 274).

²⁾ Рыбниковъ. IV, 61.

³⁾ Тихонравовъ и Миллеръ. Русскія былины старой и новой записи. М. 1894, стр. 148.

или

Бѣжалъ онъ (Кострюкъ) къ церкви соборныя,
Къ Михайлы Архангелу,
Ко кресту Леванидову,

то загородомъ:

Потокъ черезъ стѣну поѣхалъ городовую,
Черезъ тую было башню наугольную,
Да къ тому кресту поѣхалъ Леванидову ¹⁾.

Онъ очень высокъ:

Кострюка кидають повыше креста Леванидова ²⁾.

Къ кресту собираются калики:

Пошли калики по городу по Киеву,
Къ ласкову князю Владимиру,
Дошли они до чюдна креста Леванидова,
Становился во единый кругъ...
Сорокъ каликъ со каликов
Собиралися жо кресту ко Леванидову...
Выходили калики на голомя да на окатипу,
А къ тому ко кресту все Леванидову,
Они помолилися кресту да приложилися ³⁾.

Сообщимъ, что мы знаемъ о деревянныхъ памятныхъ крестахъ. О водруженіи креста на горахъ Киевскихъ апостоломъ Андреемъ говорить преданіе Повѣсти временныхъ лѣтъ ⁴⁾.

Ко временамъ проповѣди св. Кирилла и Меодія относится поставка придорожныхъ крестовъ у славянъ ⁵⁾; можетъ быть они въ то-же или близкое время появились и на Руси.

При постройкѣ храма, предварительно на мѣстѣ закладки обязательно водружался крестъ, по требованію закона Юстиніана ⁶⁾. Конечно, это обыкновеніе было обязательнымъ и на Руси. Крестъ блаж. княгини Ольги до насъ не дошелъ: выносной крестъ этого имени, хранящійся въ Троицкомъ Псковскомъ соборѣ, носить признаки XVI вѣка.

¹⁾ Гильфердингъ. Онежскія былины. Спб. 1874, стр. 1062, 1162, 931, 50.

²⁾ Гильфердингъ тамъ же стр. 140.

³⁾ Пѣсни собр. Кирѣевскимъ. М. 1860, III, стр. 97. Тихомировъ и Миллеръ, стр. 255. Марковъ. Бѣломорскія былины. М. 1901, стр. 445.

⁴⁾ Въ Радзивиловской или Кенигсбергской лѣтописи (изд. Общ. Люб. Др. Письм. Спб. 1902 об. л. 3) это событіе изображено такъ: св. апостоль держитъ вставленный въ землю большой восьмиконечный крестъ, возлѣ стоитъ человекъ съ лопатой.

⁵⁾ М. Н. Сперанскій. Придорожные кресты въ Чехіи и Моравіи и византийское вліяніе на западъ (Археол. изв. и замѣтки Моск. Арх. Общ. 1895, № 12, стр. 395). Тамъ же указана и статья проф. Малышевскаго. О придорожныхъ крестахъ

⁶⁾ Novellae, VI 1, LXVII 17, XIV 19. Объ особомъ чинѣ упомянуто уже раньше. Ср. Д. В. Айналовъ. Мозаики IV и V вѣковъ. Спб. 1895, стр. 42. Любопытно свидѣтельство Константина Багрянороднаго XXIX р. 87.

Можетъ быть, древній задѣланъ внутри цолага ¹⁾. Волгинъ крестъ (какъ мѣстность) упоминается въ Псковской лѣтописи лишь подъ 1629 годомъ. Крестъ князь Владиміровъ, объ обрѣтеніи котораго говоритъ первая Новгородская лѣтопись подъ 1068 годомъ, былъ вѣроятно выносной ²⁾. Крестъ Симона Варяга (ок. 1073 г.) былъ крестъ варяжскій и сюда не относится. Печерскій подвижникъ Евстратій Протостраторъ (XI в.) былъ распятъ жидами на крестѣ, вѣроятно на одномъ изъ придорожныхъ деревянныхъ крестовъ—въ южныхъ стѣняхъ, но гдѣ сказать трудно ³⁾.

Къ 1238 году относится Игначь крестъ—урочище или крестъ на поворотномъ пунктѣ Батыева нашествія отъ Новгорода ⁴⁾.

Въ Дмитровскомъ Успенскомъ соборѣ сохраняется чудотворный крестъ деревянный, семиконечный, большой величины (3 арш. 12 в. X 2 арш. 10 в.): его относятъ къ 1291 году ⁵⁾ (см. снимокъ съ литографіи).

Въ 1352 году князь Борисъ Константиновичъ Суздальскій ставитъ церковь Спасо-Ефиміева монастыря и святитель Іоаннъ водружаетъ деревянный крестъ ⁶⁾.

Къ 1359 году относится деревянный Людогощинскій крестъ въ церкви св. Фрола и Лавра въ Новгородѣ ⁷⁾. Около этого года сооружень и крестъ Стефана Махрицкаго. Въ 1371 году при основаніи Прилуцкаго монастыря у Вологды св. Димитрій ставитъ деревянный крестъ, доселѣ сохранившійся ⁸⁾. Около 1380 года св. Стефанъ Пермскій поставилъ въ Пырасѣ, мѣстѣ первой своей проповѣди зырянамъ, деревянный крестъ среди селенія и устроилъ часовню ⁹⁾.

¹⁾ Ольгинъ крестъ (поѣдній по до 1585 года упоминается въ статьѣ Спицина. Записки V, I стр. 222, № 379).

²⁾ Послѣ битвы 23 октября 1068 г. Всеслава Полоцкаго съ Глѣбомъ у самого Новгорода „на заутріе обрѣтесе крестъ честной Володимеръ у святыи Софіи Новгородѣ при епископѣ Ѳедорѣ“. П. С. Р. Л., III, 2. А. П. Соболевскій указалъ мѣстѣ на мнѣмъ надписи на крестахъ XI вѣка въ Олонцкой губерніи (Олон. губ. вѣд. 1867, № 48—50).

³⁾ Памятники XII и XIII в. изд. В. Яковлева. Спб. 1872, стр. СХII и ХСIV, ср. ХСVII (о намѣреніи распятъ блаженнаго Никона на могилахъ половчина).

⁴⁾ Тогда же гонимыя безбожніи (татары) отъ Тръжку Серегерьскимъ путемъ полни до Игнача креста... за 100 врьетъ толико Новагорода не дошли. Воскр. лѣт. 1238. П. С. Р. Л. VII, 143.

⁵⁾ Сказаніе о древнемъ чудотворномъ крестѣ Господнемъ находящемся въ Успенскомъ соборѣ г. Дмитрова, Моск. губ. Дмитровъ. 1895. Здѣсь и его изображеніе.

⁶⁾ Сахаровъ. Истор. описаніе Спасо-Евфиміева монастыря Владиміръ на К. 1878 стр. 30.

⁷⁾ Срезневскій. Древніе памятники письма и языка. Спб. 1866, стр. 101—102 и списокъ № 41. Толстой и Кондаковъ. Русскія древности вып. V, стр. 167 и 206. Истор. описаніе Махр. монастыря М. 1852 стр. 5.

⁸⁾ Поповъ. Житіе преп. Димитрія Прилуцкаго. Вологда. 1865, стр. 8.

⁹⁾ Вѣрюжскій. Ист. сказанія о жизни святыхъ подв. въ Вологод. епархіи.

Св. Діонисій Глушицкій около 1393 года водружаетъ на мѣстѣ будущаго монастыря крестъ, который принесъ съ собою ¹⁾. Кирилль Бѣлозерскій ставитъ около 1397 два деревянныхъ креста, уцѣлѣвшихъ до нашего времени ²⁾.

Любопытный крестъ Никольскаго погоста въ Ростовскомъ уѣздѣ деревянный, рѣзной, почти въ ростъ человѣка, съ полурусскою съ полугреческою надписью: Σταυροῦ εἰκὼν существовалъ еще до 1507 г., а по нѣкоторымъ даннымъ долженъ быть отнесенъ къ XIV вѣку ³⁾ (см. снимокъ съ фотографіи).

Въ 1417 году большой деревянный крестъ изъ досокъ былъ водруженъ пр. Саввою Вишерскимъ на основаніе монастыря ⁴⁾ Такой же крестъ пр. Савватія Соловецкаго на Сѣкириной горѣ относится къ 1429 году.

Сказаніе о жизни пр. Іоанна Клименецкаго, жившаго на Опежскомъ озерѣ, во 2 половинѣ XV вѣка, говоритъ о постановкѣ имъ деревяннаго креста на мѣстѣ его подвиговъ ⁵⁾. Въ 1504 г. упоминается, конечно, отъ стоявшаго на немъ креста (вѣроятно, деревяннаго и потому и исчезнувшаго) «Крестный» наволокъ на устьѣ р. Шелекши въ Бѣлоозерѣ ⁶⁾.

Въ 1532 г. вырѣзанъ изъ дерева мастеромъ Григоріемъ Стефановымъ крестъ въ человѣческій ростъ и поставленъ «на поклоненіе всѣмъ христіанамъ» въ Новгородскую Спасопреображенскую церковь по заказу (повелѣніемъ) Никифора Ефимовича. «Чудный» крестъ на Волховскомъ мосту въ Новгородѣ не позже 1548 года (см. снимокъ съ фотографіи).

При взятіи Казани (1552) Іоаннъ Грозный водружаетъ животворящій крестъ на мѣстѣ, гдѣ должна быть построена первая церковь ⁷⁾.

Деревянный крестъ съ рельефнымъ распятіемъ Тверской Никитской

Вологда. 1880, стр. 142. Пырасъ—нынѣшній Котласъ. Въ житіи св. Стефана (Спб. 1897, стр. 22 и 34 и Пам. стар. рус. литер. Спб. 1862, т. IV, стр. 130 и 136) говорится только о сооруженіи церковей.

¹⁾ В ъ р ю ж с к і я, стр. 183. Точныхъ свѣдѣній о крестѣ пр. Меѳодія Пѣсношскаго (+1392) я не нашелъ.

²⁾ Арх. Іаковъ. Житіе Кирилла Бѣлозерскаго. Спб. 1875, стр. 53. Никольскій, Н. К. (Кирилло-Бѣлозерскій монастырь I. Спб. 1897, стр. 20) и Шевыревъ, (Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. М. 1850, ч. II, стр. 3) говорятъ объ одномъ крестѣ. Графъ М. В. Толстой (Путевыя письма съ сѣвера М. 1868 стр. 77) говоритъ о трехъ.

³⁾ Сказаніе о явленіи честнаго и животворящаго креста Господня и пр. др. 1874, стр. 18, 13, 19 и 20. У меня была въ рукахъ рукопись съ указаніемъ на 1507 г.

⁴⁾ Извѣстія Рус. Арх. Общ., т. II, 1854, стр. 87.

⁵⁾ Сказаніе о жизни и подвигахъ пр. Іоанна Клименецкаго и пр. Спб. 1885, стр. 5.

⁶⁾ Акты Юридическія. Спб. 1838, стр. 22.

⁷⁾ Карамзинъ. Исторія Рос. Рос. изд. Эйверлинга, т. VIII, гл. IV, стр. 112 прим. 338. Къ 1557 году относится крестъ часовни Федоровскаго монастыря въ г. Переяславль Залѣскомъ, будто бы воздвигнутый Грознымъ въ честь рожденія сына. Пр. А. Свирилинъ. Опис. Фед. женск. монастыря П. З. 1886 стр. 1

церкви (копія въ Тверскомъ музеѣ) сохранилъ надпись: Лѣта 1577 года мѣсяца апрѣль 11 день ¹⁾).

Въ 1602 г. въ Сосновецкомъ монастырѣ былъ водруженъ большой крестъ изъ брусевъ надъ колодець св. Діонисія Глушицкаго—изъ сосны преподобнаго: крестъ сохранился доселѣ ²⁾).

Въ 1654 г. въ Старой-Русѣ, жители Ильинской улицы, поставили деревянный крестъ «дабы всемилостивѣйшій Господь Богъ нашъ утѣшилъ Свой праведный гнѣвъ смертоносія» (чумы) и положили праздновать честному кресту 22 декабря и въ крестопоклонную недѣлю великаго поста. ³⁾

Въ 1654 г. постановленъ въ Шуйской Спасской церкви (бывшій женскій монастырь) сходный крестъ въ память спасенія отъ чумы.

Крестъ 1690 года—въ деревнѣ Черной близъ Ладоги, на немъ надпись: Глава церкви І. Н. Ц. И. ІС. ХР. Царь Славы Н. Іисъ Хсъ—ΩН праздновать праздникъ святителю Христову и Чудотворцу Николы і Святымъ мученикамъ Флору и Лаверь. Царь славы Іисъ Христось: копіе и трость; ника; м. л. р. б. г.а... поставленъ сіи святіи крестъ господнь на поклоненіе православнымъ христіаномъ по рабѣ іванна и елеа... ника лѣта 7198, августа въ 8 день за ра... юревых да и григоріи; кромѣ того еще буквы: д. ц. ч. цц. а. ш. ⁴⁾

Въ Архангельскомъ соборѣ хранится перенесенный изъ Пертоминскаго монастыря крестъ, сдѣланный Петромъ Великимъ въ 1694 г. въ память избавленія отъ гибели на морѣ ⁵⁾).

На дорогѣ въ Нилосорскую пустынь стоялъ подъ особымъ накрытіемъ деревянный осьмиконечный крестъ съ тропаремъ и др. надписями, упавшій въ 1894 г. ⁶⁾. Объ употребленіи крестовъ, вырѣзанныхъ на деревьяхъ, какъ межевыхъ знаковъ имѣются многочисленныя данныя въ писцовыхъ книгахъ. ⁷⁾

Любопытное общее свѣдѣніе сообщаетъ шведъ П. Петрей де-Ерлезунда, жившій въ Россіи въ смутное время въ своемъ описаніи о Москвѣ

¹⁾ А. Живневскій. Изразцы на Старицкомъ соборѣ 1561 г. Тверь 1888. стр. 12.

²⁾ Вѣрюжскій, стр. 192.

³⁾ Извѣстія Имп. Арх. Общ. т. XIII, стр. 54. К. Никольскій. О часовняхъ. Спб. 1889, стр. 6. Гр. М. В. Толстой Святѣи и древности Старой Руссы М. 1878.

⁴⁾ Кеппенъ. Списокъ русскимъ памятникамъ. М. 1822, стр. 107. Таковыхъ крестовъ, говоритъ К. много находится въ Сѣверной Россіи, особливо же около Ладожскаго озера, къ востоку отъ рѣки Лавы, шведской границы по Столбовскому миру 1617 г.

⁵⁾ Каѳедральный соборъ въ Архангельскѣ Арх. 1896 стр. 8.

⁶⁾ Записки Имп. Рус. Арх. Общ., т. XII. Спб. 1901, стр. 344.

⁷⁾ Ср. любопытное указаніе статута Владислава Ягелончика 1420 года.

(1615 г.). «Въ некоторыхъ областяхъ у крестьянъ не было церквей, но были поставлены большіе деревянные кресты 3 — 4 локтя (аршина?) высоты, которые священникъ освятилъ и благословилъ. На нихъ были вырѣзаны изреченія изъ псалмовъ. У нихъ крестьяне, у которыхъ не было церкви, совершали свои службы, и утрепы, и вечерни ¹⁾).

Перехожу къ обозрѣнію крестовъ каменныхъ ²⁾).

Къ 1133 году относится памятный стерженскій крестъ посадника Ивана Навловича: «лѣта ~~жүйи~~ іюля день азъ Иванко Павловиць почалъ рыти рѣку сю и крестъ съ поставихъ» ³⁾).

Ко времени 1133—1137 г. относится крестъ на межѣ Юрьева монастыря ⁴⁾. Около 1176 года произошло чудо архіепископа Іоанна Новгородскаго, и въ томъ мѣстѣ Волхова, гдѣ выплылъ противъ теченія его плотъ, былъ поставленъ каменный крестъ ⁵⁾).

¹⁾ У Рущи и Скаго. Религіозный бытъ русскихъ по свѣдѣніямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII в. М. 1871, стр. 66 не точный переводъ Шемякина (1865). Вотъ нѣмецкій текстъ изданія 1620 г. р. 648—649. „Bey den Bawren so in etlichen Provinzien keine Kirche haben seyn etliche grosse Creutze 3 oder 4 Ellen hoch von Holtze auffgerichtet welche die Priester geweyhet gesegnet und etliche Sententien aus den Psalmen David's hienein geschnitten seyn, dabey die Bawren so auff dem Lande wohnen und keine Kirche haben ihre Gottesdienste verrichten und wenn sie abends und morgens beten sollen“. Маржереть (1606 г.) говоритъ: образовъ у русскихъ много, всѣ они вообще живописные, кромѣ одного только распятія изваяннаго. (Сказ. современ. о Дмитрии самозванцѣ, изд. Устрялова, III, 25). Отмѣтимъ часто встрѣчающіеся на сѣверѣ рѣзные кресты на иконной доскѣ.

²⁾ Ср. Макарія. Древніе кресты въ Новгородѣ, поставленные на поклоненіе, (Извѣстія Имп. Арх. Общ. Спб. 1859 II, 2, стр. 84; вошло въ его же Описаніе Новгородскихъ древностей) и вышеупомянутую статью А. А. Спицына. Первые указанія на каменные кресты могли быть получены отъ паломниковъ по святымъ мѣстамъ: крестами были снабжены достопамятныя для христіанъ мѣста въ Палестинѣ. Напримѣръ въ XIV вѣкѣ читаемъ: Слоньскѣмъ путемъ идуще есть крѣтъ каменны, тоу помоза (Христось) очи слѣпомъ. (Памяти. Древн. письменности XIV. Н. М. Мартынова. Бдинскій сборникъ. Спб. 1882, стр. 21).

³⁾ А. К. Жизневскій. Описаніе тверскаго музея. М. 1883, стр. 37. В. И. Колосовъ. Стерженскій и Лопастницкій кресты. Тверь. 1890.

⁴⁾ Крестъ этотъ упоминается въ грамотахъ 1) в. к. Всеволода (1133—1137) „далъ есми святому Георгію рель отъ Волхова по крѣсть по ручью въ Мячино; 2) в. к. Изяслава Мстиславича (1146 — 1154, при арх. Нифонтѣ (1130—1156 по Срезневскому 1148 г.) „ручьемъ вверхъ подѣмъ княжою рель до Юрьевского межника, что крѣсть стоитъ надъ межникомъ (Извѣстія А. К. Наукъ II отд., т. VIII. 1860, стр. 354).

⁵⁾ Житіе св. Іоанна Новгородскаго (Макарьевская Четь-Миней 7 сентября). „Князь же и начальниці града того совѣтовавше со множествомъ народа поставиша крѣсть камень на томъ мѣстѣ на берегу, идеже преплове святой, иже и до нынѣ стоитъ во свѣдѣтельство чудеси святого и въ наказаніе сонмища Великого Новаграда“. (Сказаніе о русскихъ и слав. святыхъ извл. изъ Четь-Миней. Спб. 1868, ч. I, стр. 28) Крестъ этотъ до насъ не уцѣлѣлъ, но вмѣсто него существуетъ каменная плита (2 арш. 3 в. × 1 арш. 10 в. × 11 в.) съ выпукловысѣченными осемиконечнымъ крестомъ. Она находится на самомъ берегу Волхова въ разстояніи 1½ версты отъ Юрьева монастыря, по направленію къ Новгороду. Волховъ часто размываетъ берега и плиту

Исцѣленный преп. Никитою Переяславскимъ князь Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій «повелѣ поставити честный крестъ на томъ мѣстѣ, на немъ же прощенъ бысть отъ тяжкаго недуга... честный же крестъ и до нынѣ (XVI в.) стоитъ надписаніе лѣта 6694 (1186) цѣло пмѣя»¹⁾. Конечно крестъ относится къ числу памятныхъ.

О надгробномъ и вмѣстѣ памятномъ крестѣ Клима Христипича 1213 года, поставленномъ на мѣстѣ его смерти, мы уже говорили выше.

Къ 1224 году относится памятный крестъ кн. Святослава Всеволодовича въ Юрьевѣ Польскомъ²⁾.

Къ 1250 году я отношу памятный крестъ Симеона чернеца Аркажа монастыря въ Никольской часовнѣ въ Новгородѣ³⁾.

Въ лѣтописи Спасокаменнаго монастыря на Кубенскомъ озерѣ разсказывается о поставленіи памятнаго креста при отводѣ рѣки Сухоны (въ Кривой Лукѣ) и Вологды около 1278 года. «Князь же перекопа и потече тѣмъ рвомъ великая рѣка Сухона и крестъ поставилъ и оттолѣ зовется Княже-Глѣбова простъ и оттолѣ поиде къ Вологдѣ рѣкѣ и тамо такожде перекопа и крестъ поставилъ»⁴⁾.

Есть извѣстіе, что на Наровѣ существовалъ крестъ въ память побѣды надъ пѣмцами Ильи Борисовича, посадника Новгородскаго (1341—1348), но искавшій его В. Н. Глазовъ не нашелъ и слѣдовъ его⁵⁾.

Ко времени 1359—1389 г. относится замѣчательный по своему исполненію поклонный крестъ Алексія арх. Новгородскаго, вдѣланный въ стѣнѣ Софійскаго собора въ Новгородѣ⁶⁾.

Въ Дмитровскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, осп. въ XII вѣкѣ,

не разъ подвигали. Гранитъ имѣеть форму усѣченной пирамиды и вѣситъ не менѣе 40 пудовъ. Крестъ осьмиугольный (1 арш. 7 в. × 14 в.) на полукругломъ основаніи, не очень древней работы. Последними свѣдѣніями я одолженъ любезности преподавателя Новгородской семинаріи г. Голованова.

¹⁾ Степенная книга. М. 1775, I, 316. Вѣроятно, это былъ каменный крестъ, такъ какъ онъ стоялъ очень долго. Составитель описанія Переясл. монастыря говорить, но безъ всякихъ доводовъ, что крестъ былъ деревянный.

²⁾ О немъ см. изслѣдованіе мое со снимками въ Запискахъ отд. Рус. и Слав. археологіи Имп. Рус. Арх. Общ., т. V, вып. 2. Спб. 1904, стр. 43—52.

³⁾ Срезневскій. Древніе памятники рус. письма и языка. Славянорусская аллеографія) — относитъ его къ 1244 г. Но по личному изслѣдованію мѣста стертыхъ цифръ въ десяткахъ видно, что тамъ стояло $\text{вѣни} = 6758-1250$: отъ двухъ послѣднихъ буквъ уцѣлѣли низы четырехъ вертикальныхъ чертъ.

⁴⁾ Карамзинъ, т. IV, кн. 5 прим. 160.

⁵⁾ Въ 45 верстахъ отъ Нарвы по р. Наровѣ находится погостъ Ольгинъ крестъ, а въ немъ часовня, устроенная надъ камнемъ... Рядомъ, на горѣ св. Ильи каменный крестъ за побѣды Ильи посадника Новгородскаго. Л. П. Петровъ. Истор.-стат. описаніе Спб. епархіи, т. I, стр. 7 и 26.

⁶⁾ О немъ статья В. В. Стасова въ Извѣстіяхъ Спб. Имп. Рус. Арх. Общ. Спб. 1864 т. III стр. 423—427.

находится поклонный крестъ 1388 г. съ надписью: В лѣто 7307^с поставленъ бысть крестъ на Благовѣщеніе стыя Бца мца марта (д?) нѣ. На крестѣ изображенія Божіей Матери и апост. Іоанна, Петра, и Павла Василя Вел., Николая Чудотворца и великомуч. Георгія—святыхъ, соименныхъ дѣтямъ Дмитрія Донского ¹⁾. Вотъ самыя надписи:

ТРОЦА
 ІС ХЪ ЦРЬ СЛА
 ПЕР Н П
 Т ННѢ ІВѢ ЯВѢ'
 Ъ
 ВАСИЛЕН НИКОЛА ВГОРЕН
 ЯЛѢТО 7307 ІС ПОСТА
 ЯВЕНЪ БЫСТЬ КРЕ
 СТЪ НА БЛГОВѢЩЕНІЕ
 СТЫН БЦА МЦА МАРТА (Д)НІА

Въ обводной межевой книгѣ 1391 года около озера Олѣги, у рѣки Шалы упомянуты «три камня большихъ плоскихъ, а на сиридиѣмъ ками насиченъ крестъ» ²⁾.

Къ XIV—XV столѣтію отношу и шесть фрагментовъ надгробныхъ крестовъ, пайденные П. П. Покрышкинымъ на сводахъ Нередицкой церкви (см. снимокъ съ фотографіи); на главномъ читаемъ:

. . . НН
 (КО?) ЛѢХ
 РОСТЪ (=ХРВСТЪ)
 СВѢЗЪ РАБЪ ВАСИЛЕН
 (Б)РАТОМЪ СВОИМЪ С
 О В С Ѣ І В М (Ъ)

На другихъ буквы:

- 1) Н . . . | 2) ХЪ
- 3) . . Я° ОК . . . ЯСВѢ
- 4) ЦАР ХЪ СЛ НІКА (цѣлый крестъ)
- 5) ХЪ С В

Въ Псковѣ въ 1418 г. мѣсто встрѣчи чудотворной иконы Б. М. Чирской отмѣчено памятнымъ крестомъ: «идѣ же и нынѣ крестъ въ тыну» ³⁾.

¹⁾ *Быльовъ* Дмитровскій Борисоглѣбскій монастырь М. 1881, стр. 6. Однимъ изъ моихъ унверситетскихъ слушателей, Ар. А. Смирновымъ, доставлена мнѣ фотографія съ этого креста. По характеру надписи я бы отнесъ ее ко второй половинѣ XV вѣка. Буквы, означающія сотни и десятки, стерты, видна одна горизонтальная палочка, пустое мѣсто и какъ бы остатокъ ѿ (правая сторона): годъ могъ бы быть 7307—1466. а не 7307. См. прилагаемый снимокъ съ фотографіи.

²⁾ Калачевъ. Акты юридическіе, II, 147.

³⁾ Погодинъ Псковская летопись. М. 1837, стр. 53. Постройка тына и церкви Троицы была въ томъ же 1418 г. Полн. Собр. Рус. Лѣтоп., IV, стр. 202.

Особаго рода крестъ плита находился на гробѣ вязниковскаго подвижника Михаила верижника († 1422) ¹).

Къ 1458 году относится рельефный роскошный надгробный крестъ, съ цѣлымъ завѣщаніемъ дьяка Степана Бородатаго отца умершаго Ильи ²).

Аристотель Фіоравенти въ 1476 г. при постройкѣ Успенскаго собора въ олтарѣ надъ митрополичьимъ мѣстомъ «крыжъ Ляцкій истеса на камени за престоломъ» ³).

Каменный поклонный крестъ, не раньше XV вѣка, схожій по формѣ съ крестомъ арх. Алексія Новгородскаго, указанъ Ѳ. А. Витбергомъ и Л. А. Табулевичъ въ Троицкомъ соборѣ въ г. Боровичахъ. На немъ вырѣзаны изображенія Деисуса, арх. Михаила и Гавріила и четырехъ святыхъ: Софронія, Николая, Маріи и Варвары: послѣднія имена читаются мною по догадкѣ (см. приложенный снимокъ съ фотографіи).

Любопытенъ изразцовый крестъ около 1561 г. въ Старицѣ, извѣстный лишь по фрагменту ⁴).

Въ сказаніи объ осадѣ Тихвина монастыря въ 1613 году упоминается что «за рѣкою, отъ сѣверныя страны, противо наугольныя башни бѣ крестъ каменной стоялъ» ⁵).

Въ 1625 г. въ Устюжскомъ Архангельскомъ монастырѣ арх. Варлаамъ поставилъ каменный крестъ въ часовнѣ надъ мѣстомъ представленія праведнаго Прокопія († 1303 г.). Врядъ ли возможно было точно указать это мѣсто съ XIV вѣка, если бы оно не было отмѣчено подобнымъ же памятнымъ крестомъ ранѣе, т. е., въ XIV—XV в. ⁶).

Варлааміевская часовня въ Новгородѣ на Досланѣ улицѣ построена въ 1645 г. на мѣстѣ, гдѣ «прежъ сего стоялъ каменный крестъ, а изстари на томъ мѣстѣ жилъ чудотворецъ Варлаамій» (Хутынскій) ⁷). Думаю, этотъ памятный крестъ и сохраняется въ часовнѣ доселѣ, густо закрашенный и вызолоченный, причемъ внизу позднѣе вырѣзано изображеніе святого.

¹) Сергіій. Полный мѣсяцесловъ Востока, т. II. М. 1876, оно III, стр. 66—„положенъ камень, и крестъ вырѣзанъ на дѣкѣ и лѣтопись и образъ штилистовой“.

²) А. В. Орѣшниковъ. Памятникъ XV вѣка въ Бѣлой Палатѣ въ Ростовѣ. М. 1894 (оттискъ изъ Археол. Изв. и Зап., № 11).

³) Карамзинъ И. Г. Р., т. VI, т. 2 пр., 103 (изъ Львовскаго Лѣтописца).

⁴) Жизневскій. Изразцы на Старицкомъ соборѣ. Тверь, 1888 г.

⁵) Новгородскія лѣтописи. Спб. 1878, стр. 368.

⁶) Лѣтопись Великоустюжская, ред. А. А. Титова. М. 1889, стр. 20. У Карамзина, т. IV, кн. 7, прим. 206 крестъ отнесенъ къ праведному Іоанну.

⁷) Макаріій op. cit. взялъ выраженіе изъ грамоты патр. Никова. На нижней части креста, служившей для заделки въ основаніе, вырѣзана поясная икона преподобнаго (см. таблицы).

Въ 1660 г. упоминается, какъ межа, каменный крестъ въ Водской пятинѣ, въ Пречистенскомъ Городенскомъ погостѣ, въ пустоши Силосари: «и отъ деревни Монастыря къ полудни, подлѣ дорогъ стоитъ крестъ, у того креста могилнякъ и камень могильное вросло въ землю» ¹⁾.

Въ Людинѣ улицѣ, на Софійской сторонѣ, въ Новгородѣ «повелѣніемъ архіеп. Евфимія была выстроена церковь деревяна, а нынѣ за Алексіевской башней каменной круглой, и въ 190 (1682) году поставилъ крестъ каменной ямчикъ» ²⁾.

Таковы каменные кресты на сѣверѣ Россіи, которые документально могутъ быть приурочены къ извѣстному времени съ XI и по XVII вѣкъ.

Предлагаю перечень каменныхъ новгородскихъ и псковскихъ крестовъ безъ опредѣленной даты. А. А. Спицынъ въ своей статьѣ далъ перечень общерусскихъ каменныхъ крестовъ. Пополняя этотъ перечень крестовъ древней новгородской и псковской области я, конечно, не рассчитываю исчерпать столь обильный матеріалъ ³⁾.

Кресты закладные въ стѣнахъ.

Закладные разной формы. Борисоглѣбской церкви надъ алтарнымъ окномъ, восьмиконечный (ф. № 911 С. № 363).

* Успенской, нынѣ Благовѣщенской церкви (исчезъ—восьмиконечный) (М. 490, по Срезневскому у. С. № 364).

* Спасопередницкой церкви въ южномъ аркасоліи (часть ф. № 129) и обломки, найденные на сводахъ П. П. Покрышкинымъ (ф. № 4342).

* Перыня скита на наружной южной стѣнѣ (сходенъ нѣсколько со С. № 361).

* Михаила Архангела на Прусской улицѣ (вставлены въ новую постройку, въ карнизѣ) восьмивершковыя, четырехконечныя.

* Михалицкой или Молотковской церкви (Серапіона), восьмиконечный, рѣзной. (ф. № 51, 53, 54 С. № 361).

Закладные кресты въ кругѣ въ г. Новгородѣ. Въ церквахъ, Андрея Стратилата, два по сторонамъ западныхъ вратъ (М. 116).

* Антоніева монастыря, соборныхъ три креста (М. 471).

¹⁾ К а л а ч е в ъ Акты, относящіяся до юрид. быта древней Россіи т. II, Спб. 1864, стр. 134.

²⁾ Новгород. лѣтописи. Спб. 1879, стр. 275.

³⁾ М. означаетъ описанія арх. Макарія. Буква Ф и № означаетъ фотографіи и № ихъ въ коллекціи, составленной на мѣстахъ для Импер. Археол. Коммисіи во время моей командировки по порученію Коммисіи С—кресты, упомянутыя у Спицына, но безъ подробностей. Звѣздочкой отмѣчены видѣнные нами.

- * Волотовой Успенской, у колокольни (М. 574).
Воскресенья на Мячигѣ два креста (М. 548).
 - * Дмитриевской церкви (М. 313 ¹⁾).
 - * Двѣнадцати Апостоловъ на сѣверной и южной стѣнѣ между окнами два (одинъ съ маленькимъ крестикомъ посрединѣ) (М. 164).
Знаменской церкви, на колокольнѣ, на сѣверной сторонѣ (М. 242).
 - * Ковалевской, въ южной стѣнѣ два (по М. — четыре).
 - * Лазаревской (М. 152). Церковь разобрана, выстроена новая. Кресты—неизвестно гдѣ.
 - * Николо-Качановской, одинъ въ алтарной стѣнѣ безъ надписи.
 - * Никольской часовни, въ городской стѣнѣ, направо отъ воротъ—если входить отъ Волхова,—два креста, закрашены синей масляной краской; на одномъ замѣтны буквы іс. ѡс. ника.
 - * Петропавловской церкви, на Софійской сторонѣ, надъ алтарнымъ окномъ (М. 156).
 - * Софійскаго собора въ садикѣ, противъ Корсунской паперти, кусокъ громаднаго закладнаго креста.
 - * Троицкой Ямской на алтарной стѣнѣ надъ окномъ, заштукатуренъ, формой какъ музейный (ф. № 16 и 33). Видны іс. ѡс. ника (М. 174).
 - * Спасопреображенской церкви, нынѣ въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ, три: 1) діаметръ 40 см. (ф. 349 С. № 360); 2) діам. 33 см. (ф. 348 С. № 356) ²⁾; 3) діам. 35 см. (ф. 345, 346 С. № 357). У Спицына еще № 369 и 356.
 - * Г. Д. Филимоновъ вывезъ изъ Новгорода каменный крестъ четырехъ конечный, находящійся въ Румянцевскомъ Музеѣ (ф. № 341).
 - * Церкви Фрола и Лавра—схожій по формѣ съ крестомъ еп. Алексія. (ф. безъ № у Спицына № 350—ошибочно, что это крестъ Истор. музея.
 - * Оедора Стратилата—два креста у діаконика и на алтарн. сѣверной стѣнѣ, ввиду втораго выступа, у земли, безъ надписи (М. 196).
- Кеппеномъ упомянуты каменные кресты по дорогѣ отъ Тихвина къ Новгороду неизвестной формы ³⁾. Въ коллекціи Н. П. Лихачева два креста закладныхъ и два другого типа—всѣ Новгородскаго происхожденія. Коллекція г. Передольскаго въ Новгородѣ намъ осталась недоступной.

¹⁾ О нихъ упоминаетъ Кеппелъ, Списокъ русскимъ памятникамъ. Спб. 1822 г., стр. 64.

²⁾ Указатель Ист. Музея. М. 1893 г., стр. 549. Кресты найдены въ мусорѣ при возобновленіи Спасопреображенской церкви и находились въ кладкѣ сводовъ храма, построеннаго въ 1374 г.

³⁾ Списокъ, стр. 63 см. ниже примѣчаніе 1 на стр. 22.

Намогильные кресты.

* Новгородскаго Музея (10 крестовъ): изъ деревни Донце, Тесовской волости (51×31 см., ф. № 16 с. № 346)¹⁾, то же (72×42 см., ф. № 36 с. № 354), то же (32×26 см. ф. 35), особый (49×76,5 см., ф. № 32 с. № 336), то же (48×37 см., ф. № 34 с. № 333), то же (31×27 см., ф. № 8 с. № 334), то же (48×28 см., ф. № 5 с. № 332), то же (32×27 см., ф. № 4 с. № 329), то же (49×28 см., ф. № 17 с. № 335), то же (26×32 см., ф. № 33 с. № 345). У Спицына кромѣ того рисунки № 326, 330, 331, 341 и 342).

* Мирославовъ крестъ въ д. Воймерицахъ, Боровичскаго уѣзда съ надписью. Два креста меньшихъ тамъ же (ф. безъ № с. № 322, 375 и 380).

Села Валдайки на жалъникѣ, кресты (5 земск. участка, Боровичскаго уѣзда).

Крестъ с. Корина Гдовскаго уѣзда на жалъникѣ, на Волховскихъ порогахъ выше селенія Михайла Архангела (свѣдѣніе отъ г. Рѣпникова).

* Историческаго Музея въ Москвѣ. Намогильный, дополненный гипсомъ изъ Спасопреображенской церкви (?) 70×51 см. (ф. № 347 С. № 353)²⁾.

* Мстискиѣ кресты въ часовнѣ у перевоза имѣнія И. М. Горемыкина: 1) 133 см. × 120 см. и 2) 111 см. × 87 см. (ф. безъ № с. 327 и 328).

Крестъ на сопкѣ Крестецкаго уѣзда, теперь въ часовнѣ³⁾.

Деревни Основье у села Рябятицы, Ямбургскаго уѣзда с. № 373⁴⁾.

Деревни Куть, Лужскаго уѣзда, около Раковичскаго озера⁵⁾.

Деревни Городище, по дорогѣ въ Радочу изъ с. Малой Вишеры.

Въ Лужскомъ уѣздѣ Городецкой волости въ 12 верстахъ отъ деревни Середкино каменный крестъ на курганѣ. Въ д. Затуленкѣ въ 11 в. отъ станціи Преображенской—часовенка съ каменнымъ крестомъ круглой формы съ дугами западнаго типа (оба свѣдѣнія сообщены поручикомъ Стаховичемъ).

Села Пречистой Каменки, Новоторжскаго уѣзда, 11 каменныхъ крестовъ будто бы времянь Іоанна Грознаго⁶⁾.

¹⁾ Ср. К е п п е н а, стр. 63.

²⁾ Указатель. М. 1893 г., стр. 549.

³⁾ Записки Имп. Спб. Арх. Общ. III. Сиб. 1851 г., стр. 127.

⁴⁾ Записки Имп. Спб. Арх. Общ. 1899 г., т. XI, I, стр. 328.

⁵⁾ Сообщ. † А. Н. Щукаревымъ.

⁶⁾ Сборникъ Тверскаго Общества люб. истор. арх. и естествозн. Т. I. 1903 г., стр. 243.

Деревни Жерехова, Новоторжскаго уѣзда, въ часовнѣ каменный крестъ съ поддужіемъ, соединяющемъ основаніе съ поперечникомъ.

* Крестъ въ Императорскомъ Сиб. Археологическомъ Институтѣ (около аршина)—не тотъ ли, что описанъ въ Зап. Арх. Общ. III, 127?

Псковскіе кресты описаны Ф. А. Ушаковымъ,¹⁾ у котораго мы и дѣлаемъ выборки.

Погость Сѣнно, Псковскаго уѣзда. Каменный крестъ съ надписью, црѣ ис. хс. оу. (?).

С. Дашчины (Порховскаго уѣзда)—ис. хс. ника.

С. Кулиска (Порховскаго уѣзда)—ис. хс.

Того же уѣзда, 9 крестовъ, въ деревняхъ Мартыново, Глазово, Дрисливчино.

Дер. Сярякова (1¹/₂ аршина).

Ясенскій погость, Опочецкаго уѣзда, пять крестовъ въ церкви Троицы, построенной въ 1700 г.

Тамъ же, дер. Гучина, крестъ съ плитою.

Холмскаго уѣзда, д. Игнатово.

На р. Великой, у Пскова (Кеппенъ, 63).

На стѣнахъ г. Пскова.

Въ Изборскѣ, на мнимой могилѣ Трувора.²⁾

Крестъ близъ с. Халахальны у деревни Луки (Псковскаго уѣзда)³⁾.

Обиліе крестовъ (въ нашемъ неполномъ перечнѣ—болѣе сотни) въ Новгородской и Псковской областяхъ, по сравненію съ другими, объясняется мѣстными условіями. Плитяныя и песчаниковыя ломки съ древнихъ временъ находились и въ самомъ Новгородѣ, и въ окрестностяхъ Пскова. Любопытныя плиты встрѣтились мнѣ на одномъ изъ крестецкихъ жалниковъ: они поставлены подъ острымъ угломъ, въ головахъ погребенія.

¹⁾ Описаніе древнихъ городищъ, городцовъ, кургановъ, валовъ, каменныхъ крестовъ и пр. Отд. оттискъ изъ „Псковскихъ Губернск. Вѣдом.“, 1897 г., № 36, 37 и 39 (стр. 8, 10, 13, 19, 24).

²⁾ Кеппенъ въ своемъ спискѣ русскимъ памятникамъ. М. 1822, стр. 63 и 104 указываетъ кресты въ Изборскѣ и по близости онаго, снятые имъ и Гарижскимъ въ 1819 г.; кресты на пути отъ Тихвина къ Новгороду; при р. Великой недалеко отъ Пскова; крестъ Тесовской волости, перевезенный къ новгородскому губернатору Д. С. Жеребцову: крестъ на мнимой могилѣ Трувора; крестъ 1590 г. на пути отъ Нарвы къ Ревелю; крестъ найденный близъ Старой Ладуги, съ англосаксонскими и куфическими монетами X и XI в. у г. Томилова, надгробный крестъ близъ Полоцка въ имѣніи Бездѣдовичи.

³⁾ К. Г. Евлентьевъ. Поѣздка въ село Халахальну. (Псковскій Городской Листокъ, 1883, № 18). Лицъ, могущихъ дополнить этотъ списокъ, покоряйше прошу адресовать свои сообщенія въ Императорскій Археологическій Институтъ въ Сиб. профессору И. А. Шляпкину.

III. Форма крестовъ.

Перехожу къ вопросу о формѣ новгородскихъ крестовъ пока, лишь за XI—XIV столѣтія. Не имѣя никакихъ прямыхъ указаній на отношеніе между формой и назначеніемъ креста, я а priori заключаю о необходимости связи между матеріаломъ, изъ котораго дѣлался крестъ, и его формой: то, что можно дѣлать изъ дерева легко, быстро, труднѣй сдѣлать изъ металла и иногда невозможно изъ камня. О формѣ древнихъ деревянныхъ новгородскихъ крестовъ можно лишь строить догадки и прибѣгать къ параллелямъ въ образѣ крестовъ каменныхъ и металлическихъ, а также крестовъ живописныхъ, фресковыхъ и *graffitti* ¹⁾. Матеріаловъ въ видѣ подлинныхъ крестовъ немного, и они позднѣе. Съ формъ крестовъ *graffitti* такъ, какъ ихъ сохранилось всего болѣе, и начинаемъ наши разысканія.

При реставраціи новгородскаго Софійскаго собора архитекторомъ В. В. Сусловымъ при снятіи слоевъ прежней штукатурки вплоть до основной обмазки ²⁾ розоваго цвѣта, напоминающей по гладкости современный стюкъ, найдены были на этой основной штукатуркѣ въ значительномъ количествѣ разные рисунки и надписи. Эти *graffitti* (терминъ классической археологіи) были разбросаны по всему собору и его древнимъ пристройкамъ. Большею частью онѣ были расположены на высотѣ человѣческаго роста и выцарапаны или вырѣзаны какимъ-то острымъ инструментомъ ³⁾. Составъ отбитой штукатурки, иногда заключавшей въ себѣ пять послѣдовательныхъ слоевъ, кой гдѣ уцѣлѣвшія на этихъ слояхъ разновременныя фрески, лѣтописныя данныя объ «обмазаніи» собора извѣстною,— все это указывало на то, что эти надписи и рисунки, эти *graffitti* относятся ко времени до XIV столѣтія включительно. Съ нихъ были г. Сусловымъ сняты кальки, а затѣмъ детальное ихъ

¹⁾ Лицевые рукописи XI—XIV в. даютъ мало матеріала для древняго времени. Въ Остромировомъ евангеліи (изд. Савинкова) отмѣчу крестообразныя рамки, въ которыхъ изображены евангелисты (л. 1 и 127) и знакъ препинанія (см. его отдѣльно на л. 9) отчасти напоминающій типичный византійскій крестъ (ср. *graff.* № 4 и 5, табл. I). Въ новгородской Синодальной лѣтописи (изд. фотолитогр. Спб. 1875 г.) на л. 57 родъ свастики, схожей съ *graffiti*, т. I, № 3 и т. II. Въ силвестровскомъ спискѣ Сказаній о Борисѣ и Гльбѣ, изд. Спб. 1860 г., № 34 и 36 на л. 105 и 117 имѣемъ два выносныхъ шестиконечныхъ креста. Въ Радзивиловской лѣтописи (изд. 1904 г.), л. 38 об. при текстѣ „Ольга молится“, восьмиконечный крестъ, схожій съ крестомъ III, № 71.

²⁾ Соборъ сложенъ изъ валуновъ и булыжника соединенныхъ этой обмазкой.

³⁾ Нѣкоторыя *graffitti* приходятся на уровень современнаго пола, но нынѣшній полъ выше почти на 2½ арш. древняго. См. В. Н. Щепкина. Новгородскія надписи *graffiti*. М. 1902 (отд. оттиски изъ Древн. Моск. Арх. Общ.).

изучение и издание было Императорской Археологической Коммиссией поручено автору настоящей статьи. Не вдаваясь въ подробности, что будетъ сдѣлано въ другомъ мѣстѣ, замѣчу, что надписи относятся ко времени отъ XII до XIV столѣтія и отличаются нѣкоторымъ однообразіемъ. Обыкновенно, это изображеніе креста различныхъ очертаній, а затѣмъ слѣдуетъ или имя лица, сдѣлавшаго рисунокъ, или надпись—«такой-то писалъ» или молитвенное воззваніе «Господи помози такому-то»; на ряду съ этимъ встрѣчаются рисунки ногъ, рукъ, лицъ, и т. д. съ надписью «нозѣ», «руцѣ» и воззванія: «такой-то въ бѣдѣ писалъ», или «помози рабу своему оклеветанному» и т. п.] ¹⁾.

Формы крестовъ находятся на приложенныхъ таблицахъ I и II и сгруппированы болѣе или менѣе по типамъ. Если, какъ мы укажемъ ниже, есть сходство между крестами *graffiti* и крестами металлическими и даже каменными, то возможно предположить сходство и древнихъ деревянныхъ крестовъ съ крестами *graffiti*. Здѣсь есть кресты четырехъ, пяти, шести и семиконечные—по аналогіи могли быть деревянные тѣхъ же формъ. Простѣйшіе четырехконечные кресты *graffiti* № 1—3 безъ утолщеній, № 4—7 съ утолщеніями могли дать легкіе образцы для деревянныхъ крестовъ. Могильный крестъ чувствуется въ № 8 и 9, запрестольные въ № 13, 10, 7, 16, 35 ¹⁾). Конечно, это — предположенія, но не надо забывать, что въ основѣ всякаго орнамента первоначально лежало реальное основаніе.

Вырѣзанный изъ дерева Людогоцинскій крестъ 1359 г. (церкви Фрола и Лавра) своей общей формы, напоминаетъ крестъ голосника Стефана XII вѣка ²⁾ (№ 41). Простѣйшія формы этого процвѣтнаго креста (кромѣ общаго очертанія въ № 14), см. *graffiti* № 21, 23, 24, 30 и 32 ³⁾. Рисунокъ 22 указываетъ на возможность родства «процвѣтанія» съ двумя извѣстными символическими рыбами (ΙΧΘΥΣ, т.-е. *Ιησοῦς Χριστός Θεοῦ Υἱός Σωτῆρ*) и двумя рыбами при насыще-

¹⁾ Вѣроятно, первоначальный типъ креста на полукругѣ или треугольникѣ означалъ крестъ на Голгофѣ (№ 8, 9, 13, 20, 79, 90). Слѣдующій типъ креста съ лѣстницей (№ 7, 16, 35, 57, 58, 61, 63—69, 71—74, 87—89) соответствуетъ каменной отдѣлкѣ Голгофы (безъ креста, но съ мозаичнымъ распятіемъ), о которой говоритъ намъ пугмень Данилъ (XII в.), см. статью А н а л о в а въ „Виз. Временникъ“ VI в. 1—2. Спб. 1899 г., стр. 66—72 и его же Мозаики IV и V вв. Спб. 1895 г., стр. 44 sq (о ступенькахъ, стр. 52).

²⁾ Что крестъ этого Стефана относится къ XII вѣку, это видно изъ неопубликованной еще надписи (съ годомъ) и палеографическихъ признаковъ.

³⁾ Отмѣчу кстати сходство до мельчайшихъ деталей наше *graffiti* № 24 съ фреской на скальѣ острова Градь, въ Преспѣ. Извѣстія Русск. Археол. Института въ Константинополь. Софія, 1899 г., т. IV, в. 1, стр. 42. См. также Б о к а Матеріалы по археологіи Христіанскаго Египта Спб. 1901, стр. 37, 65, 66, 69, 77.

ни народа ¹⁾). Новая идея чувствуется въ № 30 и 32: начальная буква имени Христа и символическіе якоря (ср. фрески катакомбъ), ср. также gr. № 11.

Восьмиконечный деревянный крестъ еп. Моисея (XIV в. № 81) близокъ по общему очертанію къ graffitti № 1 и 2.

Объ образованіи деревяннаго креста съ покрытіемъ изъ голубцевъ мы уже говорили раньше: отраженіе ихъ типа въ graffitti № 9.

Но если у насъ нѣтъ матеріала для сравненія крестовъ graffitti и деревянныхъ, то между крестами каменными и металлическими параллелей можно провести больше. Четырехконечные кресты graffitti № 12 и 25 соотвѣтствуютъ металлическому кресту на Софійской звонницѣ № 83 и на куполахъ ц. св. Климента № 84 и Спаса Преображенія № 85; graffitti № 4 и 5—крестамъ на корсунской иконѣ св. Петра и Павла № 56; схожи graff. № 13, 14 и 33 и кресты на монетахъ св. Владиміра и Ярослава Мудраго № 38, graf. № 17 и 18 и кресты Антонія и Евфросиніи № 78 и 76, graf. № 22 и № 86 (крестъ на куполѣ); graffitti № 7, 16, отчасти № 20 и кресты новгородскихъ свинцовыхъ печатей XIII—XIV в. № 71—74 (ср. ниже № 10 и 74—средины); graf. № 27 и знакъ на монетахъ Владиміра и Ярослава (на гербѣ?) № 39; graffitti № 4 и высѣченный на камнѣ Борисовъ крестъ № 89; ср. graf. № 18, 14 и 32 съ Борисовымъ же крестомъ № 88; замѣтно сходство graf. № 17 и 35 съ крестами Роголодовымъ № 87 и Преображенскими № 61, 62, 63 и 57 graf. № 19 и 30 съ 90 (ср. № 8); graf. № 6, 7, 20 и 31 съ Изборскими (кирпичными?) крестами № 67, 68, 69 и 70; graf. № 37 и № 64 и Изборскими 67—70; graf. 28 и № 79 (вѣроятно выработались изъ $\nu=\psi\phi\sigma$, давашаго и луну подъ крестомъ ²⁾); graf. № 12 и № 65. Наконецъ отмѣтимъ сходство graffitti № 25 и креста на новгородскомъ сѣнѣ XV вѣка (въ Синодальной ризницѣ, снимокъ въ Древностяхъ Рос. Государства) и graff. № 26 съ подвѣской № 2891 Владимірскіе курганы (Изв. Арх. Ком. XIV, 12).

Мнѣ кажется, что на основаніи вышеприведенныхъ сличеній можно утверждать, что graffitti въ большинствѣ отражали реальные кресты въ ихъ общихъ очертаніяхъ.

¹⁾ Объ $\psi\theta\delta$; въ смыслѣ крещенія и евхаристіи, см. Н. В. Помяловскаго Надгробіе св. Аверкія и древне-христіанскій символизмъ („Виз. Временникъ“, 1896 г., т. III, в. 2, стр. 317—336), Ф р и к е н а Римскія катакомбы, П. М. 1877 г. стр. 110, (указ. старой литературы), Bilczewski Eucharystya Krakow, 1898 г. стр. 185, гдѣ указана повѣйшая литература предмета, изданія фресокъ Wilpert'a, 1905 г. и пр.

²⁾ № 90 и 8 конечно изображаютъ „лобъ“ (Голгофу). Болѣе загадочные знаки надъ крестомъ № 59 и 75. Любопытно нѣчто въ родѣ свастики въ № 34 и 36, напоминающее руническіе кресты (S t o c k b a u e r Kunstgeschichte der Kreuzes S. 1870 s. 93).

Въ *graffitti* мы встрѣчаемъ кресты четырехконечные (№ 1—8, 10—14, 25—27, 29, 33, 34, 36 и 37), пятиконечный (№ 22 и 32) и шестиконечные (№ 15—20, 23—24, 30—31 и 35), восьмиконечныхъ вовсе не встрѣчаемъ. Слѣдовательно, восьмиконечный крестъ въ XI, XII и XIII сравнительно рѣдокъ.

Это заключеніе подтверждается и при обзорѣнн дошедшихъ до насъ другихъ, особенно благословящихъ крестовъ XI—XIV вѣка ¹⁾. Оно естественно и аргіогі: изображеніе подножки, представляетъ домыселъ, а не каноническое преданіе. Упоминаемая же въ Евангеліи надпись и обычный четырехконечный крестъ и дадутъ очертаніе креста шестиконечнаго ²⁾. Среди фресковыхъ росписей Новгородскихъ церквей до насъ дошли изображенія крестовъ шестиконечныхъ благословящихъ и запрестольныхъ. Въ Старой Ладогѣ въ фрескахъ ц. св. Георгія (XII в.) ³⁾ любопытенъ ручной крестъ восьмиконечный съ утолщеніемъ въ видѣ кружка между подножіемъ и главной перекладиной (рогомъ), причемъ изъ главнаго пересѣченія выходитъ четыре луча какъ у насъ въ *graff.* № 25, 85 и 88 ³⁾.

Встрѣчаемъ также кресты шестиконечные (ручные) и такой же съ двумя равными рогами въ кругѣ (въ державѣ) у ангеловъ ⁴⁾.

Укажу далѣе изображеніе креста надъ престоломъ Господа славы (этимасія) въ Передницкой церкви въ Новѣгородѣ (XIII в.): крестъ шестиконечный, и на немъ возложенъ круглый съ ровными остріями вѣнецъ ⁵⁾. Другой формы шестиконечный крестъ виденъ на сіонѣ въ рукахъ архидіакона Лаврентія; въ рукахъ св. Агафіи такой же крестъ, но

¹⁾ Исключеніе: крестъ пр. Варлаама и на антимисѣ 1144 г.—восьмиконечные при чемъ первый можетъ быть и передѣланъ, а послѣдній легко можно было подрисовать впоследствии.

²⁾ Въ ризницѣ св. Вита въ Прагѣ сохраняется шестиконечный крестъ (Pacifikal) византійскаго происхожденія съ частицей Животворящаго Древа (*partes quas s. Helena Constantinopolim, Martinus cis in Alzation, Carolus IV a. 1354 in metropolitanam ecclesiam Bohemiae donavit* (Podlaha a Sittler Chrámový poklad u. sv. Vita P. 1903 p. 172). Такова же форма креста Оттокара Чешскаго (XIII в.) въ Регенсбургскомъ соборѣ (изъ гранатовъ и съ частицею Честнаго Древа).

³⁾ Брандебургъ. Старая Ладога. Спб. 1896. таблица 86.

⁴⁾ Брандебургъ, таблицы 79, 87 и 88. У Прохорова Христ. древности первый крестъ девятиконечный, послѣдній—шестиконечный; у него же нарисованы (*сfr. graff. № 15*) въ кругахъ у ангеловъ нѣсколько крестовъ; у Брандебурга они отсутствуютъ: можетъ быть южная стѣна Георгіевской церкви была въ лучшемъ положеніи при Прохоровѣ.

⁵⁾ Труды VII арх. съѣзда въ Ярославлѣ 1887 г. М. 1890, т. I. Н. В. Покровскаго. Стѣнные росписи въ древнихъ храмахъ русскихъ и греческихъ, стр. 190 и табл. I. Ср. таблицу V. гдѣ такой же крестъ въ срединѣ изображенія Страшнаго суда, но полустертый.

съ утолщеніями на концахъ ¹⁾. Восьмиконечный крестъ нарисованъ въ Іорданѣ у ногъ Спасителя ²⁾ и въ композиціи Распятія.

Въ общемъ приходится всетаки отмѣтить, какъ преобладающія—четвероконечную и шестиконечную формы.

Переходя къ обзору формъ каменныхъ крестовъ, мы опираемся на рисунки при вышеупомянутой статьѣ А. А. Спицына ³⁾.

Почти всѣ древніе каменные кресты четырехконечные, и сводятся (см. прилагаемую таблицу) къ девяти типамъ:

1) Обычный четырехконечный крестъ изъ вертикальныхъ и горизонтальныхъ очертаній (роговъ) одинаковой ширины иногда снабженный ножкой (шипомъ для задѣлки въ основаніе изъ камня или плиты (№ 321, 325, 327, 328, 341, 344, 348, 376, 379 и 380, ср. *graffitti*, № 1—3).

2) Верхняя часть обычная изъ трехъ ограниченныхъ прямыми линиями роговъ; нижняя часть утолщается къ низу, (№ 329, 331, 332, 333, 334, 335 ср. *graffitti* № 17, 8 и 20).

3) Всѣ четыре конца расширяются отъ центра къ краямъ, края ограничены прямыми линиями: вверху и внизу горизонтальными, сбоку вертикальными (№ 368, 369, 370, 371, 372, 374) ср. *graff.* № 4, 5 и 6.

4) Всѣ четыре конца расширяются къ краямъ, и всѣ они конечно, кромѣ нижняго заострены двускатно, какъ предыдущій типъ (№ 323, 373 и 375 ср. *graff.* № 27 и 32).

5) Всѣ четыре конца расширяются отъ центра къ краямъ; только верхняя часть оканчивается двускатно, какъ въ крестѣ съ накрытіемъ (№ 322, 330, № 343 и 377 отчасти). Сравн. Преображенскіе кресты подъ № 57 и 63.

6) Всѣ четыре конца утолщаются (прямыми линиями) къ краямъ, но края трехъ верхнихъ роговъ закруглены, четвертый нижній плоскій (№ 337, 338, 339, 340).

7) Всѣ четыре конца утолщаются къ краямъ (дугобразное, почти круговое направленіе боковыхъ линий, а иногда прямо скрѣплены кругомъ), края трехъ верхнихъ роговъ закруглены, четвертый плоскій (№ 326, 342, 345, 346, 347, 350, 351, 352, 353, 354, 358).

8) Крестъ какъ бы вписанъ въ кругъ съ дугобразными выемками. Равносторонніе концы сливаются съ кругомъ,—такъ называемые закладные кресты (№ 356, 357, 359, 360 ср. *graff.* № 37 и 26).

¹⁾ Покровскій. Табл. III, стр. 191 указ. т. III, № 35 и табл. IV. Послѣдній схожъ съ нашими *graffitti* № 23 и 30 (верхъ безъ нижнихъ украшеній).

²⁾ Покровскій. Табл. VI.

³⁾ Записки отд. русск. и слав. археологін Имп. Русск. Арх. Общества. Спб. 1903 г., т. I; рисунки снабжены номерами, которые нами здѣсь и повторяются.

9) Кресты восьмиконечные (не раньше XIV вѣка) № 361, 363, 364). Любопытно—расширеніе къ низу: объ устойчивости здѣсь нѣтъ и рѣчи, ибо кресты вдѣланы въ стѣну, но видно вліяніе болѣе древняго отдѣльно стоящаго креста.

Если первые шесть типовъ носятъ на себѣ строго византійскій характеръ и могутъ быть прямо отнесены къ древней традиціи византійскаго искусства, то послѣдніе три нуждаются въ особомъ изысканіи. Оставляя восьмиконечный крестъ, какъ сложившійся въ болѣе позднюю эпоху, пока въ сторонѣ, обращаюсь къ типамъ крестовъ 7 и 8 ¹⁾.

А. А. Спицынъ, по нашему мнѣнію, поторопился дать заключеніе о происхожденіи креста въ кругѣ (VIII типа). Онъ говоритъ, что «форма этихъ (по его мнѣнію «поклонныхъ») крестовъ происходитъ, надо думать, отъ обычныхъ византійскихъ крестовъ въ кругу, который можетъ означать ближе всего нимбъ, а можетъ быть и терновый вѣнецъ» ²⁾.

Именно вотъ такихъ «поклонныхъ» крестовъ намъ въ ученой литературѣ пока и неизвѣстно: отсюда сомнительны и нимбъ, и терновый вѣнецъ; да и вообще значеніе этихъ крестовъ пока очень загадочно. Раньше чѣмъ строить какія-либо гипотезы о немъ, прослѣдимъ вообще исторію орнамента въ видѣ креста въ кругѣ въ древнехристіанскомъ и византійскомъ искусствѣ.

Не перечисляя изслѣдованій о крестѣ и его происхожденіи, составляющихъ цѣлую бібліотеку, мы отмѣтимъ работы Stockbauer'a, Zöckler'a и книжку L. Brehier, *Les origines du Crucifix dans l'art religieux* (1904), представляющую сводъ добытыхъ выводовъ. Впрочемъ, для нашего типа креста вообще существуютъ лишь случайныя указанія.

Простѣйшій его видъ, монограмма имени Христа—вписанная въ кругъ (χ въ кругѣ, \odot). Сближеніе креста съ буквой χ совершенно естественно, извѣстенъ и кругъ, какъ символъ вѣчности. Отсюда, вѣроятно, произошелъ и нимбъ съ крестомъ или хризмой вокругъ головы Спасителя, дошедшій до

нашего времени уже съ добавленіемъ трехъ буквъ «ѡω» (Смѣй) ³⁾.

Не отсюда-ли названіе креста въ капонѣ тріобояднымъ мечемъ?

¹⁾ Крестъ въ кругѣ, какъ не христіанскій орнаментъ встрѣтился намъ въ германскихъ вещахъ V—VII вѣка (Регенбургскій музей въ ц. Ульрики, шкафъ № 5 и 6, и изъ временъ Меровинговъ № 34), но это изслѣдованіе завело бы насъ очень далеко.

²⁾ Л. с. 214. Однако, по Павлу Нолапскому, кругъ около креста означаетъ небесную сферу. А я наловъ. Мозаики древней крещальни въ Альбенго. „Визант. Временникъ“, т. VIII, в. 3—4. Спб. 1901 г., стр. 519, 522, 523. Русскіе тѣльники съ среднимъ кругомъ (терновымъ вѣнцомъ) сравнительно рѣдко, чаще съ цатою—въ позднѣйшаго времени, Ж и з н е в с к і й. Опис. Твер. музея, стр. 78.

³⁾ Обращаю вниманіе на крестообразный порядокъ размѣщенія буквъ въ

Саркофаги съ такой монограммой или вообще хризмой идутъ почти до XI вѣка. Кромѣ римскихъ¹⁾, богатый матеріалъ въ этомъ отношеніи даютъ осмотрѣнные мною на мѣстѣ саркофаги Равенны, гдѣ уже замѣтно и византійское вліяніе: линіи буквъ = роги креста являются съ типичными утолщеніями на концахъ. На рѣзныхъ дверяхъ св. Сабины въ Римѣ, апостолы Петръ и Павелъ держатъ схожіи кресты въ вѣнкѣхъ надъ женскою фигурой, изображающей, по мнѣнію изслѣдователей, церковь²⁾.

Нѣчто схожее съ нашей хризмой находится на порфировыхъ косякахъ дверей Синайской базилики, относимой къ IX—X столѣтію³⁾.

Въ книгѣ Вогюэ о Сиріи, приведено нѣсколько образцовъ подобныхъ крестовъ, заключенныхъ въ кругѣ, помѣщенныхъ на церковной стѣнѣ⁴⁾.

Ю. И. Успенскій зарисовалъ во время сирійской экспедиціи подобные же каменные кресты, въ кругѣ, съ нѣсколько удлиненнымъ нижнимъ концомъ⁵⁾.

Тоже изображеніе (крестъ въ вѣнкѣхъ) встрѣчается на доскѣ Равенскаго диптиха, происходящемъ изъ Мурано, и на рѣзномъ сосудѣ-пиксидѣ

нимѣ; какъ позднѣйшую иллюстрацію ср. мозаику въ куполѣ ц. Успенія въ Никей XI вѣка и армянскую икону Спаса X—XI в. въ свято-гробской ризницѣ въ Іерусалимѣ Schlu m b e r g e r Ероурé byzantine т. III. Paris, 1905 г. 365 и 152. Общій обзоръ хризмъ у Фрикена. Римскія катакомбы II, 150 и Stochbaur l. c. s. 85—120.

¹⁾ V e n t u r i Storia dell'arte Italiana. I. Milano. 1901, p. 204. Ср. монограммы никейскаго саркофага у Вульфа „Визант. Временникъ“, 1900 г., VIII, 3, стр. 364. Наша табл. III, № 51—52 (саркофаги у св. Софій въ Царьградѣ). Главный источникъ, конечно, обширная Garrucci Storia dell'arte cristiana.

²⁾ V e n t u r i Storia dell'arte Italiana. I. Milano. 1901, p. 351 и 488. Двери относятся ко всевозможнымъ эпохамъ отъ V до XII вѣка (стр. 476). Изслѣдованія о дверяхъ Н. П. Кондакова у меня не было.

³⁾ Н. П. Кондаковъ. Путешествіе на Синай въ 1881 г. Одесса. 1882 г. стр. 71—75. Тоже у Beylier L'habitation bysantine P. 1902, p. 182.

⁴⁾ V o g ü é. Syrie centrale. Paris. 1865—1875, t. I, planche 21 (église d'Ezra) pl. 42 (остатокъ хризмы); pl. 71 (IV siècle, на могилѣ Диогена); t. II, pl. 135 (église de Tourmania, VI вѣка, надъ входомъ въ церковь ср. табл. 132, 133, 136); образчики другого закладнаго креста византійскаго съ утолщеніями, но въ четырехугольничѣхъ, найдены въ Филиппополѣ, въ Македоніи, въ развалинахъ древняго языческаго театра (sic) Heuz u e t D a u m e t. Mission archeologique de Macedoine. Paris. 1876, p. 85 Atlas. p. IV, № 9. Къ этому же типу, хотя и осложненному особыми волнистыми очертаніями, относится крестъ надъ порталомъ ц. св. Троицы въ Венозѣ (1059 г.) и близкій къ новгородскимъ крестъ на капители колонны въ криптѣ S. Eusapio въ Forcone (XI в.) B e r t a u x. L'art dans l'Italie meridionale I. p. 323 и 582.

⁵⁾ У насъ, табл. III, № 44—48 Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополь. Софія. 1902 г., VII, в. 2—3, стр. 113, 144, 194 и табл. 26. Одни изображаютъ хризму, стр. 153, 154, другой вдѣланъ въ алтарь. Последній фактъ былъ бы очень интересенъ, но онъ, кажется, пока единственный. Ср. также сирійскую миниатюру Эчміадзинскаго евангелія въ „Визант. Временникъ“ 1898 г., т. V, в. 1—2, стр. 163, гдѣ крестъ помѣщенъ въ фронтонѣ (статья о частн Равенскаго диптиха Д. В. Айвалова).

(pisside) во Флоренці, гдѣ крестъ въ кругѣ изображаетъ звѣзду надъ Виолеемской пещерой ¹⁾).

Въ аонской церкви св. Никодима IX вѣка, внутри алтаря, надъ окномъ очень схожій съ новгородскимъ крестъ съ утолщеніями въ кругѣ ²⁾).

Византійскій крестъ съ утолщеніями, вписанный въ кругъ, нах-одимъ на капители колонны аонскаго монастыря Ксенара, основаннаго въ XI вѣкѣ ³⁾).

Тотъ же типъ встрѣчамъ въ курганныхъ крестикахъ древней эпохи, и въ сложномъ видѣ въ прорѣзи хорса Передницкой церкви ⁴⁾).

Отраженіе того же типа замѣтно и въ коптскомъ искусствѣ, раз-вившемся изъ византійско-александрійскихъ теченій: можно представить цѣлый рядъ параллелей къ нашему кресту ⁵⁾).

Можетъ быть изъ этой формы возникли и рѣзные орнаменты на крестахъ Пятигорска ⁶⁾).

Въ бытность мою, лѣтомъ 1902 г., въ Константинополѣ, я стоялъ на аонскомъ подворьѣ св. Пантелеймона: изъ оконъ видна была бывшая церковь, и на ея стѣнѣ, на большой высотѣ, почти подъ крышей былъ вдѣланъ каменный крестъ даннаго типа, около аршина величины ⁷⁾).

На одной изъ капителей, найденной въ Константинополѣ, внизу по ободу поставлены наши кресты въ кругѣ ⁸⁾).

¹⁾ Ай на л о в ъ. Эллинистическія основы византійскаго искусства. Спб. 1900 г., стр. 206. Venturi I, p. 432 и 441. Фототипія верхней доски въ „Визант. Временникъ“. 1897 г., т. IV, в. 1—2, табл. III.

²⁾ Ф и л и м о н о в ъ. Церковь св. Николая чудотворца на Липнѣ. М. 1859 г., табл. VIII, (по Ленуару).

³⁾ К о н д а к о в ъ. Памятники христіанскаго искусства на Аѳонѣ. Спб. 1902 г., табл. X. Ср. окладъ образа св. Троицы въ Ватопедѣ (тамъ же).

⁴⁾ Х а в е н к о. Древности русскія. К. 1900. II, т. 7. Прохоровъ. Мате-риалы для исторіи русскихъ одеждъ. Спб. 1881 г., стр. 50, табл. № 18 и 22. Хорсъ сохранился въ Румянцевскомъ музеѣ. См. нашу таблицу III, № 42, 43, 54, 53.

⁵⁾ G a u e t. L'art copte. Paris. 1902, p. 59 (ручка ковша), p. 93 (саркофагъ), p. 156 (узоръ ризницы св. Георгія), p. 180 (надъ вратами церкви Дейръ Суриани), p. 187 (тамъ же на стѣнахъ), p. 194 (въ иконостасѣ церкви св. Сергія), p. 215 (стела), p. 243, (рѣзное дерево), p. 276 (фреска), p. 315 [бронзовая накладка, ср. фрагментъ въ Отто-манскомъ музеѣ, № 396 (844)], p. 316 (серги). Сходная фибула—въ Кенигсбергскомъ музеѣ Katalog des Prussia-Museum II, Königsberg 1897 p. 22 Abbildung № 82 (212).

⁶⁾ Статья Г. Д. Филимонова въ „Вѣстникѣ Общ. Др. Рус. Искусства“. 1875 г., № 11—12, стр. 68 и 69.

⁷⁾ Отсутствіе наружныхъ крестовъ въ стѣнахъ константинопольскихъ церквей, понятно, какъ слѣдствіе мусульманскаго фанатизма, вырубавшаго кресты и изъ внутренней отдѣлки (см. напр., хоры св. Софіи или порталы Монэтэсъ Хорасъ (нынѣ мечеть Кехрие-Джами).

⁸⁾ Μ α υ ρ ο υ ρ ἰ ἄ ν ν η Β ο ζ α ν τ ῖ ν η τέχνη Ἀθῆναι 1893, p. 194 (изъ Pulgher'a).

Подобные же кресты, кажется изъ кирпича, украшаютъ фасадъ дома XII—XIV в. въ Мельникѣ, на границѣ Болгаріи и Македоніи ¹⁾.

Въ греческой церкви Вознесенія въ Никополѣ (XIII - XIV в.) на наружной стѣнѣ алтарной абсиды надъ окномъ помѣщенъ подобный же крестъ ²⁾. Такой-же крестъ найденъ въ Херсонесѣ ³⁾.

Въ церкви св. Дмитрія въ Солуни, на капители колонны находимъ нашъ крестъ съ нѣскольکو удлиненнымъ нижнимъ концомъ—тоже, что и въ капители Кехрие-Джами (*Μόνη τῆς χάρας*) ⁴⁾.

Особенно цѣнно для насъ изображеніе двухъ такихъ крестовъ на саркофагѣ жены Іоанна Комнена Ирины († 1124), воздвигнувшей знаменитый монастырь въ Царьградѣ Папτοкратора «великій честный Спасъ, реще Вседержитель», упоминаемый новгородскими паломниками XIII - XIV в. Антоніемъ и Стефаномъ ⁵⁾.

Схожіи съ нашимъ, но уже съ тремя развѣтвленіями на краяхъ, крестъ въ кругѣ—на гробницѣ Констанціи Норманской въ Палермскомъ Дуото ⁶⁾.

Въ заключение приведу выписку изъ любезнаго сообщенія отъ 19 декабря 1904 года профессора Афинскаго университета г. Λαμπακης въ отвѣтъ на мой запросъ о данныхъ крестахъ въ Греціи: «*Προφανῶς ὁ σταυρὸς ἐστὶν ὁ τύπος τοῦ σταυροῦ τῆς Μιλίττης καὶ τοιοῦτους ἔχομεν ἀπέριαν ἐν Ἑλλάδι, ἰδίᾳ εἰς ναοὺς τοῦ 12—13 αἰῶνος; ὡς ἐν παραδείγματι πλήρης τοιοῦτων σταυρῶν ἐστὶν ἡ μικρὰ Μητρόπολις Ἀθηνῶν καὶ ἰδίᾳ ἄνω εἰς τὸ ὑπερθυρον, ἀναγεγλυμμένοι ἐπὶ ἀρχαίων Ἑλληνικῶν ἀναγλύφων. Οὐδεμίᾳ δὲ ἀμφιβολία ὅτι ἡ καταγωγὴ εἶναι εἰς τοῦ Βυζαντίου»... (Ясно, что крестъ данной формы—типъ креста Милитты, и такихъ въ Греціи масса, особенно въ храмахъ 12—13 вѣка; напримѣръ, такими крестами полонъ малый Афинскій соборъ; надъ входомъ—они образовались изъ древнихъ греческихъ анаглифовъ; нѣтъ сомнѣнія, что происхожденіемъ своимъ эти кресты обязаны Византіи).*

Этотъ архитектурный и скульптурный типъ появился также и въ мозаикахъ, фрескахъ, металлическихъ предметахъ, тканяхъ, лицевыхъ рукописяхъ.

¹⁾ Beulier. L'habitation byzantine. P. 1902. p. 73. Рисунокъ очень плохъ: не различить, имѣемъ ли мы дѣло съ шестиугольникомъ или крестомъ.

²⁾ Арх. Антонинъ Изъ Румелии. Спб. 1886 г., стр. 506—508 и табл. VIII.

³⁾ Извѣстія Имп. Археол. Коммиссіи 1905 г. XVI, стр. 45.

⁴⁾ Прохоровъ. Христіанскія древности. 1871 г., кн. 5, табл. 2 (по Texier). Ср. орнаментъ мозаики церкви св. Георгія въ Солуни (Сборн. Общ. древнерусскаго искусства на 1866 г., отд. II, стр. 26, табл. XXI, № 2).

⁵⁾ Труды VI археологическаго съѣзда, т. III. Одесса 1887 г., стр. 213, табл. 49.

⁶⁾ Venturi Storia. III. 1903, p. 617.

Мы находимъ его въ осложненіи при помощи цвѣтовъ, буквъ а и w, пальметокъ—въ мозаикахъ и фрескахъ въ Св. Софїи Константинопольской, въ *Μόνη τῆς Χώρας* (Кехриѣ Джами), Равенскихъ церквахъ, въ соборѣ св. Марка въ Венеціи, въ кїевской Софїи, въ римской церкви San-Bastaniello (XI вѣка), въ палермской Палатинской капеллѣ, въ бантистерїи св. Януарїя въ Неаполѣ, въ церкви св. Или въ Нени (XI в.) и св. Петра въ Сполетто (XII в.)¹⁾. Въ фрескахъ XII вѣка с. Васты (мѣстечко у Отрантскаго пролива) находился вписанный въ кругѣ крестъ съ округленными краями²⁾.

На окладѣ сіенскаго греческаго евангелїя X вѣка встрѣчаемъ равноконечный крестъ въ кругѣ (эмаль Воскресенїя Христова). Тотъ же крестъ на монетахъ Θεοδωρα Дуки Ватаци, царя Никейскаго (XIII вѣка).

Кресты въ кругѣ находимъ на византїйской царской далматикѣ (Карла Великаго?) собора св. Петра (крестъ не касается круга)³⁾. Такова византїйская епитрахиль XI — XII вѣка на островѣ Патмосѣ⁴⁾. Тоже находимъ на шитомъ покровѣ (эпитафія) Андроника Палеолога (1282 — 1328) въ ц. св. Климента въ Охридѣ⁵⁾. Кресты въ кругахъ составляютъ узоръ саккоса св. Петра, митрополита Московскаго († 1326 г.)⁶⁾.

Въ латинскомъ Апокалипсисѣ X вѣка въ Бамбергской библиотекѣ я видѣлъ миниатюру византїйскаго стиля, гдѣ апостолы Петръ и Павелъ вѣнчаютъ царя: онъ на тронѣ, а въ рукахъ кругъ—держава: крестъ съ утолщенїемъ въ ней—черный съ краснымъ обводомъ, фонъ голубой. (рук. А. II. 42).

Въ ватиканскомъ греческомъ кодексѣ бесѣдъ Іоакима Коксипобафскаго XI вѣка, въ миниатюрѣ скинїи, вершина покрыва украшена нашимъ

¹⁾ Древности Рос. Гос. Кїевософ. соборъ изд. Им. Р. Арх. Общ. Спб. 1871—87 таблицы 2, 19, 20, 25, 16, 27, 32. А. А. Павловскій Живопись Палатинской капеллы. Спб. 1890 стр. 171—172. Bertraux L'art dans l'Italie meridionale I. Paris 1904 p. 189 и 305. Д. В. Айваловъ Мозаики IV и V вѣковъ Спб. 1895 стр. 138. Venturi Storia dell'arte. М. 1903 т. III, p. 640, 861 и 895 (на женскихъ одеждахъ и въ орнаментѣ между колоннами), фотографїи церковей Равенны бр. Ricci (въ собр. автора).

²⁾ Diehl L'art byzantin dans l'Italie meridionale. Paris, 1894, p. 74.

³⁾ Прохоровъ Христ. древности и археологія, 1864 на III табл., IV ср. Venturi Storia dell'arte italiana. М. 1902, II р., 506 и 507. Наша табл. III № 50.

⁴⁾ А. Дмитревскій Патмоскіе очерки 1894 стр. 201 (снимокъ); наша таблица III № 49.

⁵⁾ Извѣстія Рус. Археол. Института въ Константинополь. Софія, 1899, т. IV, I табл. № 30 (экспедиція Милюкова Ср. Н. П. Кондакова Памятники Аѳона стр. 263).

⁶⁾ Саккосъ полученъ изъ Греціи и хранится въ московской синодальной ризницѣ.

крестомъ; тоже псалтырь въ Cattedrale въ Кануѣ, при текстѣ Exultet арка изъ нашихъ крестовъ ¹⁾).

Тотъ же крестъ съ палетками встрѣчается въ греческомъ евангеліи 1274 г. въ московской синодальной библіотекѣ ²⁾).

Извѣстныя обозначенія господскихъ праздниковъ кружкомъ съ крестомъ, кажется, аналогичны съ нашимъ типомъ. Въ Уставѣ XV вѣка читаемъ: праздники имоуще знаменіе окръть окруженъ ³⁾).

Данный типъ отразился и на славянскомъ югѣ.

Въ Босніи, недалеко отъ городка Высоко, найдена въ 1900 г. плита съ надписями 1203—1206 года. Въ ней въ середину врѣзаны 6 квадратовъ, а въ нихъ круги съ разными крестами: два верхняго ряда направо и одинъ внизу сходны съ нашими повгородскими крестами ⁴⁾).

Сходный узоръ на саккосѣ Спасителя—Архіерея Вѣчнаго на сербской завѣсѣ 1399 года, въ Хиландарскомъ монастырѣ ⁵⁾).

Тоже изображеніе надъ дверью въ нартексѣ главной церкви Ватопедскаго монастыря на Аоонѣ ⁶⁾).

Отмѣчу любопытныя крестики въ нимбахъ апостоловъ Петра и Филиппа въ сіонѣ XV в. московской Синодальной ризницы и въ русскомъ государственномъ щитѣ ⁷⁾).

Въ graffiti Софіи Новгородской намекн на нашъ типъ существуютъ въ № 10, 13, 20, 21, 25 (середина) 31 и болѣе сильныя въ № 26 и 37. Запомнимъ, что здѣсь дѣло идетъ почти исключительно о типѣ даннаго креста до XIV вѣка включительно.

Изъ всего вышеописаннаго, по моему мнѣнію, можно сдѣлать слѣдующія заключенія о формѣ новгородскихъ каменныхъ «закладныхъ» крестовъ—т. е., крестовъ, вписанныхъ въ кругъ. Несомнѣнно устанавливается не западное, а византійское происхожденіе даннаго типа креста. Черезъ славянскій югъ они попадаютъ въ стремящійся къ церковной автокефальности Новгородъ, минуя Москву съ ея мѣстными оригиналь-

¹⁾ Venturi. Storia, II, 1902, p. 490 и 591. III М. 1903, p. 730. Ср. миниатюру евангелія XI в. въ Монтекассино Schlumberger Еропѣе Byzantine Paris 1903 t. III p. 185.

²⁾ Савва. Палеографическія снимки. М. 1863. Табл. 12.

³⁾ Лавровскій. Описаніе семи рукописей Имп. Публ. Библ. М. 1860, стр. 50. Въ южнославянскихъ, а затѣмъ и въ русскихъ рукописяхъ о въ словѣ окръсть въ XIV—XV в. обыкновенно изображается въ видѣ круга съ заключеннымъ въ немъ крестомъ.

⁴⁾ Wissenschaftliche Mittheilungen aus Bosnien und Herzegowina red. M. Hoernes Wien. 1900, v. VII s. 216. Указаніемъ этого изданія я обязанъ любезности графа А. А. Бобринскаго.

⁵⁾ Н. П. Кондаковъ. Памятники Аѳона. Спб. 1902, табл. XXXIX.

⁶⁾ Schlumberger Еропѣе byzantine III, p. 649.

⁷⁾ Сіонъ въ деталяхъ не изданъ. Древности Рос. Госуд. III, табл. 72.

ными традиціями. Въ Новгородѣ возникаетъ преданіе о новгородскомъ бѣломъ клобукѣ. Тогда же появляются и новгородскія крестчатыя ризы (поллиставрин) даръ царьградскихъ патріарховъ новгородскимъ владыкамъ. Большинство новгородскихъ крестовъ относится къ XIV—XV столѣтіямъ, что вполне удовлетворительно объясняется широкой волной южнославянскаго вліянія въ жизни русскаго сѣвера даннаго столѣтія. Это вліяніе извѣстно изъ исторіи русской переводной литературы XIV вѣка, дѣятельности Пахомія Сербя, изъ спеціальнаго вліянія Аона на развитіе монашеской жизни именно въ сѣверовосточныхъ заволжскихъ мѣстностяхъ новгородской области. Въ области искусства, мало изслѣдованной съ этой точки зрѣнія, укажу, напр., на фрески новгородской церкви св. Θεодора Стратилата, головные уборы которыхъ воспроизводятъ особенности сербскихъ аонскихъ фресокъ даннаго времени, и на вліяніе окраски и очертаній югославянскаго орнамента на наши рукописи тѣхъ же XIV—XV столѣтій. Не даромъ и новгородскія церкви въ это время расписываютъ греческіе мастера въ родѣ Теофана гречина ¹⁾ и т. д. Славянскій югъ служилъ въ это время передаточнымъ этапомъ умирающей византійской культуры ²⁾. Оттуда появилась въ Новгородѣ и форма каменнаго закладнаго креста. Изъ этой формы, по нашему мнѣнію, сложился сходный намогильный крестъ седьмаго типа. Этому же типу подражали художники поклопныхъ крестовъ арх. Алексія и Боровичскаго. Теперь поведемъ рѣчь о назначеніи расположенныхъ въ кругѣ закладныхъ крестовъ.

IV. Назначеніе крестовъ.

Всѣ неподвижные кресты, раздѣляются: на кресты, помѣщенные отдѣльно отъ постройки (церкви, колокольни) и на задѣланные въ стѣны церквей, колоколенъ, укрѣпленій. Первые, какъ мы видѣли, ставятся при построеніи церкви, на могилахъ, на мѣстахъ, чѣмъ либо памятныхъ въ

¹⁾ См. мало оцѣненное посланіе Епифанія препод. Киряллу въ Прав. Соб. 1863 I, стр. 323. Этому Теофану Гречину арх. Макарій приписываетъ и Молотковскій крестъ. (Извѣстія I. с. стр. 95).

²⁾ Въ Чехіи на одной надгробной доскѣ XII—XIII столѣтія находится нашъ крестъ, соединенный чертою съ другимъ крестомъ *Soupis pamatek historickych I. Praha 1897 p. 38* (указано мнѣ д-ромъ Вольфомъ, бібліотекаремъ Чешскаго Музея). На одной изъ картинъ художника Мырковича (*Mrkvička*) изображающей болгарскія поминки на кладбищѣ (Тыжекая выставка, *Palais des arts Bulgarie № 54*), изображены каменные кресты типовъ (второго и третьяго нашей таблицы), близкихъ къ русскимъ, между прочимъ одинъ съ своеобразной дугой позднѣйшаго новгородскаго типа (седьмаго).

религіозномъ отношеніи, на межевыхъ границахъ ¹⁾. Металлическій крестъ — «благолѣпіе церковное» (слова канона «Честному кресту») обыкновенно вѣнчаетъ куполь.

Другіе кресты, кирпичные и каменные, встрѣчаются съ давнихъ поръ въ архитектурѣ православныхъ церквей въ Византіи, Грузіи, Арменіи, и на славянскомъ югѣ. При расположеніи ихъ какъ и при расположеніи оконъ и другихъ украшеній, руководились симметрией и вообще гармоничнымъ расположеніемъ. Не таковы, напримѣръ, кресты ц. Спаса на Берестовѣ, ²⁾ не таковы и кресты новгородскіе, напр., ц. Преображенія и др. Судя по судьбѣ Симеонова, Аркажскаго и Борисоглѣбскаго креста, они и въ стѣну церквей попадали не одновременно съ церковной постройкой, а случайно. Слѣдовательно, нельзя смотрѣть на нихъ, какъ на заранее обдуманное прилѣпы—архитектурныя украшенія ³⁾. Наименованіе этихъ крестовъ «закладными» указываетъ лишь на фактъ ихъ закладки въ стѣну. Другое названіе ихъ «поклонными» слишкомъ обще: вѣдь и на купольный, и на могильный крестъ можно перекреститься и поклониться. Поклонными были крестъ арх. Алексія (XIV в.), Молотковскій Серапіона (XV), Никитскій (1557) и Варлааміевскій (1679). Но сооруженіе арх. Алексія когда-то было снабжено кровлей (уцѣлѣли перемычки) и представляло рядъ рѣзныхъ иконъ; Молотковскій съ рѣзнымъ изображеніемъ иконы Нерукотворнаго Спаса работы Серапіона; Никитскій былъ поставленъ на основаніе храма и на поклоненіе; Варлааміевъ былъ расписанъ красками и установленъ въ часовнѣ ⁴⁾. Тоже назначеніе вѣроятно имѣлъ и крестъ Боровичскій и фрагментъ Спицына 365—367. Я думаю, что кресты для поклоненія преимущественно были покрыты рѣзными изображеніями Христа, предстоящихъ и другихъ святыхъ. Это были православныя скульптурныя иконы, перешедшія впослѣдствіи въ складни и сравнительно рѣдкія деревянныя рѣзныя иконы. Не таковы разсматриваемые нами кресты: уже одно помѣщеніе рядомъ двухъ-трехъ гладкихъ, совершенно одинаковыхъ крестовъ противорѣчитъ ихъ спеціальной постановкѣ «на поклоненіе». Можно бы предположить, что это кресты въ память какихъ

¹⁾ Последнее употребленіе обычно и въ средневѣковой Германіи (*Сперанскій* I. с. стр. 405).

²⁾ Н. Сементовскій. Древнѣйшая въ Россіи церковь Спасъ на Берестовѣ К. 1877, стр. 15: „отъ первоначальной постройки не сохранилось никакихъ наружныхъ архитектурныхъ украшеній, исключая четырехъ, пяти и шестикопечныхъ выпуклыхъ крестовъ на угловыхъ пилястрахъ и на мѣстѣ глухого окна западной стороны церкви“.

³⁾ Такъ смотрять на дѣло многіе наши археологи, напр. гг. Стасовъ, Сементовскій, Сусловъ, Новицкій.

⁴⁾ Ср. Святославовъ крестъ 1224 въ Юрьевѣ Польскомъ.

Зап. Русск. Отд. Имп. Р. Арх. Общ. 2.

нибудь важныхъ усопшихъ, погребенныхъ возлѣ церкви. Но этому противорѣчатъ: 1) сравнительно малое число такихъ крестовъ при большомъ количествѣ погребеній при церквахъ ¹⁾, 2) перенесеніе ихъ съ мѣста на мѣсто, 3) помѣщеніе ихъ на высотѣ. Если считать ихъ за знакъ какого либо особаго преимущества данной церкви — странно ихъ разномѣстное положеніе (то у стѣны жертвенника, то въ стѣнѣ притвора), и ихъ число: два-три такихъ креста—у одной церкви.

Возможнымъ толкованіемъ, конечно гипотетическимъ, является слѣдующее.

Какъ въ стародавнюю пору, такъ и въ настоящее время въ затруднительныхъ случаяхъ жизни благочестивые люди даютъ обѣщаніе пожертвовать въ церковь какую-нибудь принадлежность церковнаго богослуженія. Такіе вклады въ церковь могли быть и въ видѣ сооруженія иконы или креста. Въ Новгородской церкви Фрола и Лавра до сихъ поръ сохраняется великолѣпный Людогощинскій крестъ XIV вѣка, рѣзаной изъ дерева, именно формы закладнаго креста. На немъ есть надпись, текстъ которой, доселѣ неточно читавшійся, и сообщаю. «В лѣто ѕѡаз (1359) поставленъ бѣ крѣтъ си. ги ісе хѣ помилуй вса хрѣтыаны на всакомъ мѣстѣ молащеса тобѣ вѣроу чѣтымъ срѣдцемъ, и рабомъ твоимъ помози поставившимъ крѣтъ си людогощичамъ и мнѣ написавшемъ ф. і. мамас. р. рлксствнъ. мр. млнассу. у. срр. Послѣднія буквы большею частью возстановлены иконописцемъ-маляромъ какъ попало, и могли быть проверены нами при помощи гипсового отлива лишь отчасти—въ виду ихъ незначительнаго и полустертаго рельефа: этотъ отливъ отличается отъ реставраціи красками. Подобныя буквы у креста, какъ это указано Н. В. Покровскимъ и повторено Д. А. Ровинскимъ, суть ничто иное какъ начальныя буквы молитвъ канона или похвалы Честному Кресту. Вѣроятно и наши буквы имѣютъ тоже значеніе ²⁾).

Жители Легощей улицы и одинъ изъ нихъ, иконописецъ, писавшій на крестѣ иконы, а можетъ быть и орнаментировавшій крестъ подъ рѣзбу, зываютъ къ Спасителю о помилованіи и о помощи. Значить, произошло что-то тяжкое: можетъ быть повальная болѣзнь, какъ это было при постановкѣ старорусскаго Ильинскаго креста въ чуму 1654 года (см. выше), и вотъ въ твердомъ упованіи на заступленіе Божіе ставится крестъ и выражается молитва.

¹⁾ Напоминаемъ слова эктеньи: *здѣ* лежащихъ и повсюду православныхъ христіанъ.

²⁾ Евангеліе въ памятникахъ иконографіи. Спб. 1892 стр. 356—357. Русскія простонародныя картинки. III. 332—333. Ср. С а в в а и т о в ъ. Описаніе стар. русскыхъ утварей. Спб. 1896 г. стр. 66. Если считать послѣднія буквы тайнописью, то надписи остаются непонятными.

Такими же обѣтными крестами во избавленіе отъ грядущаго зла или въ знакъ благодаренія за избавленіе отъ мимошедшаго, и являются, по нашему мнѣнію, всѣ эти такъ называемые «закладные» кресты. Можетъ быть форма такого креста напоминала и тѣ камни, которые замѣняли якоря при стоянкѣ судовъ. Тогда понятно, почему мы ихъ встрѣчаемъ въ Новгородской области, а въ остальной Руси не видимъ. Такой же обычай встрѣчается и на близкомъ Новгороду Западѣ. Зеландскіе мореходы вырѣзали кресты—какъ бы обѣтъ за счастливое плаваніе ¹⁾. Эти кресты слѣдуютъ отличать отъ тѣхъ, которые ставились на церкви какъ ²⁾ память благотворителю, за его пожертвованія. Таковы кресты Борисоглѣбскій и Благовѣщенскій—восьмиконечныя XIV—нач. XV вѣка, съ призываніемъ благословенія такому то. Такихъ подписей на нашихъ «кружныхъ» крестахъ нѣтъ. Лишь изрѣдка попадается крестикъ или буквы ІС. ХС. НИКА.

Самая форма крестъ въ кругѣ—христіанскій символъ вѣры, спасающей міръ. Въ канонѣ Честному и Животворящему Кресту, твореніи пр. Григорія Синаита читаемъ: кресте всечестный, четвероконечная сила, немоцныхъ здравіе, болящихъ исцѣленіе и заступленіе, воздвиженіе умершихъ всечестное... Ты ми сила буди крѣпость и держава избавитель и предратникъ на борящія... четвероконечный сый міръ яко триобюдный мечъ начало тмы сѣчеши... кресте и пр. Замѣчу, что и въ житіи преподобнаго Григорія Синаита († 1310), написанномъ патріархомъ Каллистомъ, рассказывается, что онъ «силою креста исцѣлялъ скорбящихъ и раненыхъ» ³⁾.

Извѣстную аналогію представляютъ и наши graffiti. Обыкновенная ихъ формула (какъ и въ благочестивыхъ амулетахъ змѣвикахъ ⁴⁾)—«Господи помози рабу своему такому» и крестикъ. Вѣрили, что начертаніе

¹⁾ Memoires de la société royale des antiquaires du Nord. 1840—1843 Copenhague 1843 p. 140 planche IX.

²⁾ Любопытно, что на обоихъ крестахъ для имени оставлено пустое выпуклое мѣсто. Не писали ли его краской, чтобы потомъ легко было стереть и не имѣемъ ли мы и здѣсь дѣло съ чѣмъ—то вродѣ диптиха—ради здоровья или ради сорокуста?

³⁾ Житіе иже во святыхъ отца нашего Григорія Синаита изд. И. В. Помяловскій. Спб. 1894, стр. 43. (τῆ τοῦ σταυροῦ δοῦναι τὰς ἀλγῆδωνας ἐθεράπευε καὶ τὰ τραύματα.

⁴⁾ См. Л а т ы ш е в а. Эпиграфическіе этюды Виз. врем. 1896. VI, в. 3—4, стр. 342. М. И. Соколовъ. Объ амулетахъ называемыхъ змѣвиками. М. 1890. Вѣроятно, сюда же относятся и загадочные образки „Похвала Кресту“. Одинъ изъ нихъ VII вѣка имѣетъ надпись „покровъ (σκήνη) Леонтіа“. Общій рисунокъ таковъ: возлѣ четвероконечнаго креста византійской обычной формы стоятъ два архангела, на крестѣ нимбъ съ хризмой и въ немъ глава Спасителя. (Вѣстникъ Общества Древнерус. Искусства. 1875, № 6—10, 2, стр. 58—60).

крестика и воззваніе оказываютъ дѣйствительную помощь ¹⁾). Подтверженіе этого обычая, съ которымъ иногда боролась и церковь, видно изъ свидѣтельства новгородской Кормчей XIII вѣка. Въ находящемся въ ней уставѣ св. Владиміра читаемъ: «а се церковни суди: крестъ посѣкнуть (конечно деревянный) или на стѣнахъ рѣжутъ... или прочимъ неподобно церкви дѣть...» Въ позднѣйшихъ спискахъ: на стѣнахъ трескы (осколки) емлютъ изъ креста ²⁾). Это постановленіе устава повторяется и во взятыхъ отсюда опредѣленіяхъ Стоглаваго собора ³⁾).

Византійскій обычай обѣтнаго креста появился на Руси вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства, но въ XIV вѣкѣ, благодаря юго-славянскому вліянію а въ частности, можетъ быть, и канону пр. Григорія Синаита появился въ Новгородѣ особый типъ обѣтнаго креста, до тѣхъ поръ мало знакомый другимъ русскимъ областямъ, но вполне обычный въ православной Византіи. Форма эта могла повліять и на образованіе новаго типа могильныхъ крестовъ, съ ножкой, нѣсколько похожихъ на готическіе кресты съ терновымъ вѣнцомъ посрединѣ, имѣющихъ свою независимую исторію.

Подтверждающимъ нашу гипотезу обстоятельствамъ является и то, что съ паденіемъ новгородской независимости исчезла и данная форма креста, оставивъ слѣдъ лишь въ позднѣйшихъ равностороннихъ тѣльничкахъ XVI—XVII вѣка, осложненныхъ всевозможными орнаментами, но сохраняющихъ четыре дуги средокрестія и общую круглую форму.

И. Шляпкинъ.

Бѣлоостровъ.
19-го февраля 1906 года.

¹⁾ О водокрещаяхъ, крестообразныхъ прорубяхъ, крестахъ, выжигаемыхъ въ крещенье, и т. д. надѣмся поговорить особо.

²⁾ Голубинскій. Исторія русской церкви. М. 1880, I, стр. 532. Макарій Исторія русской церкви. Спб. 1865, т. I, стр. 283—285.

³⁾ Стоглавъ. Казань. 1862, р. 282 (изд. Субботина 1890 г. у меня не было).

Кокшёнъгская старина.

Три уѣзда Вологодской (Устюжскій, Тотемскій и Вельскій) и одинъ (Шенкурскій) Архангельской губерніи болѣе или менѣе охватываются областью рѣки Кокшеньги, но самая населенная и значительная часть ея принадлежитъ Тотемскому; эта часть по преимуществу и называется Кокшеньгой. Она представляетъ изъ себя обособленный уголокъ на сѣверѣ этого уѣзда, значительно, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ рѣзко отличающійся отъ остальныхъ частей его, и болѣе связанный въ естественномъ, историческомъ и этнографическомъ отношеніяхъ съ Архангельскимъ, чѣмъ Вологодскимъ краемъ. Въ административномъ отношеніи Кокшеньга составляла когда-то часть Важской области и управлялась изъ Шенкурска. Жители ея, «Кокшары», признавая себя потомками Новгородцевъ, остальное населеніе Тотемскаго уѣзда считаютъ (и не безъ основанія) чужимъ для себя и называютъ часто «сухонскимъ» народомъ по названію рѣки, на которой расположилась главная его масса. У кокшаровъ свой особый укладъ жизни, свои нравы и обычаи, свои историческія воспоминанія и преданія. Здѣсь не мало пришлось мнѣ въ разное время услышать интересныхъ разсказовъ и преданій о «досельныхъ» временахъ, о старинѣ. Мое вниманіе невольно останавливалось на тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ заключались указанія, сходныя съ нѣкоторыми историческими данными о Кокшеньгѣ, и не разъ возникало желаніе провѣрить, хотя бы отчасти, степень достовѣрности заключающихся въ нихъ свѣдѣній, для чего хотѣлось прежде всего обратиться за помощію къ вещественной старинѣ, какая только могла здѣсь оказаться. Однако я долженъ былъ ограничиться самыми поверхностными въ этомъ отношеніи наблюденіями и слабыми попытками къ дѣйствительнымъ изысканіямъ. Излагаю здѣсь результаты моихъ скромныхъ усилій.

Для знакомства съ мѣстностями, къ которымъ приурочены особыя преданія кокшеньгской старины, въ истекшее лѣто 1905 г. мнѣ удалось

обѣхать значительную часть Кокшеньги. Хотя побывать во всѣхъ желаемыхъ уголкахъ и не пришлось, зато представилась возможность ознакомиться нѣсколько ближе съ главнѣйшими мѣстностями и получить нѣкоторыя свѣдѣнія о другихъ, оставшихся для меня мало или почти совсѣмъ неизвѣстными.

Большая часть кокшеньгскихъ преданій группируется около здѣшнихъ городковъ или городищъ; другія связаны съ именами возвышенностей на берегахъ рѣкъ и овраговъ, болотныхъ и озерныхъ острововъ (рѣлокъ) и проч.

Центрами въ этомъ отношеніи являются два городка: одинъ, Никольскій,—въ Спасской волости, другой, Тарногскій,—въ Шведеницкой. Первый, какъ и другіе, бывшіе здѣсь раньше городки ¹⁾, напр., Ромашевскій, въ настоящее время уже утратилъ свое названіе городка и извѣстенъ подъ именемъ Никольскаго погоста, а въ Спасскомъ приходѣ, въ чертѣ котораго онъ находится,—Малаго погоста, въ отличіе отъ погоста при Спасо-Преображенской приходской церкви; названіе «городокъ» при другомъ обратилось въ его собственное имя, а добавленіе «Тарногскій» встрѣчается только въ книжной рѣчи. Съ именами этихъ городковъ связанъ не одинъ циклъ кокшеньгскихъ преданій, наиболѣе видное мѣсто среди которыхъ занимаютъ рассказы о чуди ²⁾, панахъ и литвѣ.

Городище Никольскій погостъ (рис. 1) находится на правомъ лѣсистомъ берегу рѣки Кокшеньги, верстахъ въ двухъ книзу отъ приходской Спасо-Преображенской церкви, и расположено на высомъ мысу, образуемомъ съ южной и юго-западной стороны Кокшеньгою (теперь рядъ заростающихъ торфяныхъ озеръ), съ сѣверной—притокомъ ея, рч. Ивасомъ; съ востока довольно широкій перешеекъ соединяетъ мысъ съ вѣковѣчнымъ большимъ лѣсомъ-боромъ, со стороны котораго онъ перерѣзанъ глубокимъ ровомъ и защищенъ валомъ. Укрѣпленіе являлось весьма внушительнымъ и могло выдерживать, а по всей вѣроятности, и не разъ выдерживало, долгую осаду, тѣмъ болѣе, что существовали и другія, рассчитанныя на этотъ случай сооруженія, слѣды которыхъ сохранились до настоящаго времени. Такъ пожилые крестьяне хорошо помнятъ остатки бревенчатого сруба на берегу р. Иваса, который, по всей

¹⁾ Князь Велик... поиде противу Шемякъ... отпусти сына на Кокшеньгу (въ 1452 г.)... К. В. Иванъ и Царевичъ, шедъ на Кокшеньгу, градки ихъ поимаша... („Истор. Госуд. Росс.“. Т. V, прим. 356).

²⁾ См. мою статью „Изъ кокшеньгскихъ преданій“ въ „Живой Старинѣ“, за 1905 г.

вѣроятности, служилъ концомъ потайного хода изъ городка. Существованіе такого хода представляется на столько несомнѣннымъ, что упомянутое мѣсто, на которомъ видали еще не такъ давно срубъ, называется и въ настоящее время Потайникомъ.

По преданію, которое я слышалъ, между прочимъ, отъ живущаго здѣсь и въ настоящее время старца Елисея, городокъ имѣлъ три церкви и до семидесяти «жителей», т.-е. отдѣльныхъ домовъ, обитатели которыхъ занимались главнымъ образомъ торговлей. Послѣ разоренія городка въ эпоху общихъ смуть на Руси, часть торговцевъ переселилась на р. Тарногу, при впаденіи ея въ р. Кокшеньгу, въ нынѣшній Городокъ (Шевденицкій, Тарногскій), другая—въ Устюгъ и Красноборскъ.

Въ настоящее время на срединѣ городища находится небольшая деревянная церковь во имя Николая Чудотворца и Параскевы Пятницы; раза четыре въ годъ здѣсь совершается богослуженіе духовенствомъ Спасской цер-

Рис. 1. Никольскій погостъ.

кви, при чемъ въ 9-ю пятницу собирается весь приходъ, бываетъ значительный торгъ и гулянье. Не далеко отъ церкви ютится нѣсколько деревянныхъ избушекъ-келій, въ которыхъ постоянно живутъ «ради спасенія» старцы и старицы «килеянки» (келейницы) и «килейники». Часть городища распахана для посѣва хлѣбовъ, часть для огородовъ.

Чтобы найти какіе нибудь вещественные памятники старины, я много разспрашивалъ мѣстныхъ жителей, осматривалъ церкви и утварь въ ней, а также самое городище, мѣстами пробовалъ раскапывать. Въ церкви, кромѣ нѣсколькихъ иконъ, двухъ-трехъ жестяныхъ подсвѣчниковъ (паникадилъ) и деревяннаго изваянія влкмч. Параскевы, ничего стараго не оказалось; письменныхъ документовъ—никакихъ; при входѣ на паперть прислонены къ стѣнкѣ два снятые съ церкви при перестройкѣ ея (около 60 лѣтъ назадъ) деревянные креста.

Валъ въ южной своей части прорѣзанъ двумя довольно глубокими крестъ на крестъ траншеями, уже осыпавшимися и заросшими,—слѣды производимыхъ здѣсь раскопокъ пріѣзжими археологами.

Между церковью и валомъ и около церкви замѣтны нѣсколько заросшихся и заросшихъ ямъ. На распаханномъ ближе къ валу «полицѣ» (маленькомъ полѣ), на буровато и черновато-пепельномъ фонѣ почвы выдѣ-

ляются и останавливаютъ на себѣ вниманіе довольно широкіе, нѣсколько продолговатые красно-бурые круги: эти круги крестьяне называютъ печищами, предполагая, что они произошли отъ разрушенія печей жилыхъ помѣщеній. «Печища» подходитъ къ осыпающемуся берегу р. Иваса. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ берегъ осыпается особенно сильно и гдѣ не распаханная прибрежная опушка покрыта кустами можжевельника, я замѣтилъ такое печище, на половину осыпавшееся и заросшее въ другой своей части мхомъ, ягодникомъ и широкимъ кустомъ «вересины» (можжевельника); кромѣ красноватой, мелко раздробленной земли тутъ было много угля съ ясно сохраненной слоистостью, золы и костей; изъ послѣднихъ не удалось найти такихъ, форма которыхъ была бы вполне сохранена: всѣ онѣ пережжены и измельчены.

У самаго вала на другой опушкѣ поляца лежитъ большое количество камней, кучами и въ разсыпную, величиною отъ кулака до кочня капусты. Такое большое присутствіе камней невольно обращаетъ на себя вниманіе, тѣмъ болѣе, что судя по характеру мѣсто его нельзя было здѣсь ожидать ¹⁾).

Замѣтивъ, что я интересуюсь открытыми костями, нѣкоторые изъ бывшихъ тутъ крестьянъ передали, что въ огородѣ, принадлежащемъ крестьянину П. Б. Парфенову, не особенно давно былъ выпаханъ изъ земли человѣческой черепъ, который тутъ же и зарытъ. Въ указанныхъ мѣстахъ черепа не нашлось, но при раскопкѣ мы обнаружили въ двухъ мѣстахъ явные слѣды дерева, въ одномъ—на $\frac{1}{2}$ арш., а въ другомъ на $\frac{3}{4}$ арш. отъ поверхности. Куски дерева въ одномъ мѣстѣ сохранили свою структуру и, по размѣрамъ и кривизнѣ слоевъ, было можно судить, что являлись остатками или толстыхъ бревенъ или широкихъ досокъ. Въ другомъ мѣстѣ вся масса остатковъ дерева представляла изъ себя темно-бураго цвѣта слой $1\frac{1}{2}$ —2 верш. толщиною; отдѣльныхъ кусковъ ея получить было нельзя: она была уже слоемъ перегной, который можно было брать горстями, но не кусками. Прослѣдивъ весь этотъ слой, мы обнаружили, что ширина его была не много больше аршина, а длина около сажени; направленіе длины было примѣрно съ В. на З. западъ. По всему слою и въ немъ лежали камни разной величины и различныхъ породъ; было нѣсколько кремней, былъ (самый большой кулака съ два величиною) кусокъ «лоды», мягкаго глинистаго сланца, бѣлаго цвѣта, какой встрѣчается здѣсь въ размытыхъ берегахъ и руслахъ рѣкъ и рѣчекъ. Въ слоѣ оказался также остатокъ полуистлѣвшей, нижней части

¹⁾ Не есть ли это слѣды кладбища?

бедренной кости человека; по преданію здѣсь должно быть кладбище. Тутъ же на грядкахъ на самомъ верху нашли полый желѣзный накопчикъ, съ отверстіемъ для гвоздя, покрытый окалиной.

Когда мы разговорились по поводу нашей раскопки съ вышедшей изъ своей кельи «килеяной», она показала найденный ею возлѣ кельи мѣдный зеленый крестъ, съ ушкомъ на верхнемъ концѣ, съ рѣзко выдѣляющимся рельефомъ изображеній, длиною до 2-хъ верш., восьмиконечный, съ прямоугольными краями; обратная сторона сильно сношена. Приблизительно на томъ мѣстѣ, по рассказамъ стариковъ, раньше была церковь. О другихъ находкахъ, какія были въ разное время добыты на Никольскомъ городищѣ, я узналъ изъ разспросовъ слѣдующее. Лѣтъ около 30 назадъ найдены были два желѣзныхъ копья, одно большое, вмѣстѣ съ трубицей и ушками почти до 1¹/₂ арш. длиною, другое маленькое, около 5 вершк. Копья были проданы, повидимому, пріѣзжимъ археологамъ, произведшимъ раскопку вала. Подъ городищемъ, у рѣки, при ловлѣ рыбы, около 35 лѣтъ назадъ, были найдены какія то серебряныя кольца, коньки съ цѣпочками и подвѣсками. Все это было отнесено мѣстному священнику. Въ разное время было найдено много мѣдныхъ «конѣчковыхъ», бѣльшей величины и нѣсколько иного вида, чѣмъ найденные подъ дер. Новгородовской. У крестьянина дер. Харитоники П. Б. Пареевьева хранился лукъ («улукъ», какъ иногда здѣсь произносятся), предметъ общаго удивленія; онъ былъ сдѣланъ «изъ четырехъ брусиковъ».

Много рассказываютъ, по обыкновенію, о кладахъ. Не одинъ изъ нихъ уже былъ добытъ на городищѣ или около него, но главныя сокровища лежатъ еще въ землѣ, а въ городищенскихъ озерахъ (старикахъ) затоплены нѣсколько бочекъ съ деньгами. Нѣкоторымъ изъ кладовъ были особыя записи, тщательно сохранявшіяся, но, повидимому, въ настоящее время погибшія. Крестьянинъ дер. Костенской М. Д. Т—овъ рассказывалъ мнѣ, какъ онъ долго хранилъ такой списокъ у себя и, когда стала угрожать опасность, что его могутъ выкрасть, онъ заложилъ его въ берестяной «туйсокъ» и закопалъ на днѣ рч. Медвѣдицы подъ деревней. Спустя нѣкоторое время, онъ выкопалъ туйсокъ, но тамъ уже нашелъ лишь безформенную массу. По этому списку кладъ долженъ быть на городищѣ между Потаинникомъ и алтаремъ Николаевской церкви, на «лѣтній востокъ» отъ послѣдняго. Я видѣлъ глубокую, еще свѣжую яму на срединѣ разстоянія между указанными алтаремъ и рвомъ, выкопаную неизвѣстно кѣмъ на томъ мѣстѣ, гдѣ примѣрно, по указанію этого списка, и долженъ находится кладъ. Другой большой кладъ дол-

женъ быть на Толстикѣ по рѣчкѣ Половѣ, не особенно далеко отъ городища; тамъ зарыта бычья кожа, наполненная деньгами.

Другое большое городище Спасскаго прихода лежитъ на лѣвомъ берегу рѣки Кокшеньги и отъ нынѣшней приходской церкви отдѣлено только долиной рѣчки Пихтуя ¹⁾. Обрывистые высокіе берега этой рѣчки и рѣки Кокшеньги являются защитой съ сѣвера и востока, съ юга же и запада возведенъ высокій валъ, возлѣ котораго къ р. Кокшеньгѣ спускается небольшой естественный ровъ. Форма городища квадратная. Къ названію «Городище», которое присвоено крестьянами этому мѣсту, какъ собственное имя, иногда добавляется еще: «Богородское», по имени церкви, перенесенной отсюда на другую сторону Пихтуя около 100 лѣтъ назадъ. Богородское городище сильно подмывается р. Кокшеньгою во время весеннихъ разливовъ и уменьшается въ размѣрахъ. Это обстоятельство, повидимому, было однимъ изъ наиболѣе сильныхъ мотивовъ для перенесенія церкви на другой берегъ рѣчки Пихтуя, хотя мѣсто расположенія городища значительно выше и привлекательнѣе; не даромъ оно служить и теперь любимымъ мѣстомъ прогулокъ и крестьянъ (въ праздничные дни), и сельской интеллигенціи.

Все пространство городища представляетъ изъ себя довольно ровную площадку, съ небольшими бугорками и ямками, поросшую травой, которая еще не успѣла покрыть нѣсколькихъ свѣжихъ неглубокихъ ямъ, какія выкапывались здѣсь не рѣдко за послѣдніе годы искателями денегъ и вообще кладовъ. Почти по срединѣ замѣтны прямолинейныя въ видѣ заросшихъ бороздъ очертанія слѣдовъ постройки: это—мѣсто бывшей здѣсь церкви; въ восточной части его, гдѣ долженъ былъ быть алтарь, недавно поставленъ деревянный крестъ. Не далеко отъ мѣста церкви по направленію къ валу лежитъ большая плита булыжника, подъ которой будто бы, былъ найденъ кладъ изъ большого количества мелкой серебряной монеты.

Городищенскій валъ, значительно измѣнившійся и понизившійся отъ времени, еще и теперь имѣетъ видъ настоящаго крѣпостнаго сооруженія. Онъ построенъ изъ земли и дикаго камня; мѣстами встрѣчаются слѣды кирпичей. Его покрываютъ довольно густыя поросли кустовъ можжевельника, ольхи и другихъ породъ. Вышина вала съ наружной стороны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще и теперь достигаетъ чуть не трехъ сажень.

¹⁾ Видъ погоста съ чудесною деревянною церковью см. въ статьѣ г. В и л и б и н а (Журналъ для всѣхъ, 1904 г., стр. 615).

Въ преданіяхъ о нападеніяхъ на городище и защитѣ его разсказывается много общаго съ преданіями о Никольскомъ городищѣ. О вещественныхъ находкахъ, въ смыслѣ орудій, утвари и под., опредѣленныхъ свѣдѣній не имѣется; зато много находили старинныхъ монетокъ, какъ на самомъ городищѣ, такъ и подъ осыпью берега, у воды. Последнее обстоятельство, вѣроятно, сильно способствовало къ распространенію преданія о бочкахъ серебра и золота, скатившихся съ городища въ рѣку.

Верстахъ въ 25-ти вверхъ по Кокшеньгѣ находится группа Шевденицкихъ городищъ, изъ которыхъ наиболѣе извѣстное и лучше сохранившееся (при впаденіи р. Тарноги въ Кокшеньгу) называется «Тарногскій» городокъ или просто «Городокъ».

Оно по расположенію напоминаетъ ближе всего Никольскій погостъ. Искусственнымъ огражденіемъ являются два параллельныхъ рва, между которыми находится валъ. На городищѣ двѣ церкви Шевденицкаго прихода и приходское кладбище. Остатковъ старины отдаленной не удалось прослѣдить. По слухамъ, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ старинные документы вывезены отсюда бывшимъ предсѣдателемъ земской управы В. Т. Поповымъ, вѣроятно, въ Вологду.

Если и производились здѣсь какія либо раскопки, то такъ давно, что о нихъ не сохранилось какихъ либо опредѣленныхъ свѣдѣній; не слышалъ я ничего вѣрнаго и о случайныхъ находкахъ, за исключеніемъ развѣ упоминаній о старинныхъ монетахъ и весьма неясныхъ указаній о находкѣ отдѣльныхъ старинныхъ вещей. Вся возвышенность, примыкающая къ чертѣ укрѣпленій, въ настоящее время заселена и занята постройками, огородами и проч. Даже валъ и рвы распаханы подъ огороды церковнослужителей; могилами кладбища изрыта поверхность самого городища. Поэтому я не пытался производить здѣсь раскопки.

Существующія здѣсь преданія о чуди и литвѣ, о томъ, какъ защищались отъ нихъ «наши» и какъ помогали въ этой защитѣ чудесныя заступленія святыхъ, напоминаютъ въ общихъ чертахъ преданія, связанные съ именемъ Никольскаго городища.

Не далеко отъ Городка, внизъ по теченію р. Кокшеньги, находятся еще два другія городища. Одно—въ долинѣ р. Уфтюги, недалеко отъ ея впаденія въ Кокшеньгу, въ мѣстности, называемой Ваймежемъ, и другое почти противъ впаденія Уфтюги, подъ дер. Новгородовской. На Ваймежскомъ, представляющемъ изъ себя какъ бы высокій большой курганъ, вѣроятно, островъ, носящій также слѣды укрѣпленія, мнѣ быть не удалось. По разсказамъ, на немъ не разъ дѣлались поиски кладовъ съ раскопками, чѣмъ занимались и пріѣзжіе со стороны. Жители ближайшихъ

Ваймежскихъ деревень (Ваймежемъ называются поселенія и вся область низовьевъ Уфтыги на протяженіи около десятка верстъ), Климова, Веригина и др. находили въ разное время по берегамъ Уфтыги кой-какія старинныя мелочи, монеты и проч. Весьма любопытна здѣсь одна находка: кажется, подъ Веригинымъ на берегу оказались вымытыми какія-то цѣпи. Для объясненія появленія ихъ создалась легенда о томъ, что эти цѣпи носилъ, какъ вериги, препод. Агапиль Маркушевскій, котораго убили въ Заборѣ и вериги котораго впоследствии уплыли оттуда по Уфтыгѣ (версть за 20) и остановились въ Ваймежѣ. Несомнѣнно, что Ваймежскія поселенія, раскинутыя на высокомъ берегу низовьевъ Уфтыги, принадлежатъ къ самымъ древнимъ въ Кокшеньгѣ, и весьма возможно, что кромѣ указанныхъ находокъ не мало найдется здѣсь и другихъ остатковъ старины.

Подъ деревню Новгородовскую я отправился посмотрѣть мѣста недавнихъ находокъ, о которыхъ рассказывали Шевденицкіе обыватели. Сопровождавшіе меня мѣстный учитель и крестьянинъ приняли участіе въ маленькой пробной раскопкѣ. Къ намъ собралось множество дѣтишекъ, подростки и нѣсколько мужчинъ и женщинъ. Нѣкоторые изъ нихъ или сами находили что нибудь или видѣли, гдѣ находили другіе. Находимы были монеты, мѣдные шарички-подвѣски, конѣчки. Изъ найденныхъ здѣсь вещей мнѣ удалось, и то случайно, увидѣть мѣдную гривну и двѣ нагрудныя подвѣски, относящіяся, по заключенію А. А. Спицына, къ XIII—XIV в. и принадлежащія къ финской культурѣ. Всѣ три вещи найдены въ 1894 году дочерью крестьянина Герасима Силинскаго, продавашаго потомъ ихъ земскому начальнику С. М. Величковскому, который, показавъ мнѣ вещи, любезно предложилъ и снимокъ съ нихъ, воспроизведенный здѣсь на рисункѣ (рис. 2). Весьма возможно, что вещи происходятъ изъ погребенія.

Наша раскопка была слишкомъ незначительной, чтобы рассчитывать на серьезные результаты. Была снята часть земли на мѣстѣ, гдѣ найдены были гривна и подвѣски, но кромѣ плотнаго, безъ слѣдовъ перекопи песчанаго грунта ничего здѣсь не обнаружилось. Нѣсколько дальше, отъ края осыпи былъ прорѣзанъ отъ основанія до середины канавкою, въ аршинъ глубиною, небольшой холмикъ, состоявшій, по многимъ признакамъ, изъ насыпной земли; здѣсь на глубинѣ нѣсколько большей полуаршина встрѣтились слѣды огня въ видѣ золы, углей и потрескавшихся камней различныхъ породъ. Нѣкоторые изъ присутствующихъ стариковъ объясняли это тѣмъ, что тутъ раньше были бани; однако удивлялись, что зола и камни лежали все-таки довольно глубоко, при чемъ

не отрицалась возможность и другого ихъ происхожденія. Одинъ старикъ высказывалъ рѣшительную увѣренность въ томъ, что если бы срыть это возвышеніе, то «можно бы много чего найти»; по рассказамъ старожиловъ онъ знаетъ, что здѣсь было большое и старинное городище, которое сорвано подмывающей его рѣчкой въ большей его части. Обрывистый высокій берегъ прорѣзанъ поперекъ нѣсколькими неглубокими оврагами и поросъ кое-гдѣ рѣдкимъ сосенникомъ, уцѣлѣвшимъ, несмотря на близость большой деревни. Выше и ниже къ рѣкѣ спускаются глубокіе крутые рвы, представляющіе вмѣстѣ съ рѣкою естественную, весьма хорошую защиту этого мѣста съ трехъ сторонъ. Тотъ же старикъ коснулся въ своихъ рассказахъ преданій о первыхъ поселеніяхъ здѣсь новгородскихъ колонистовъ Силы и Бусыря, а также о разбойникахъ и атаманѣ ихъ Росадкѣ, оставившихъ большой кладъ по рѣкѣ Лайбу на «Кладовой Релкѣ».

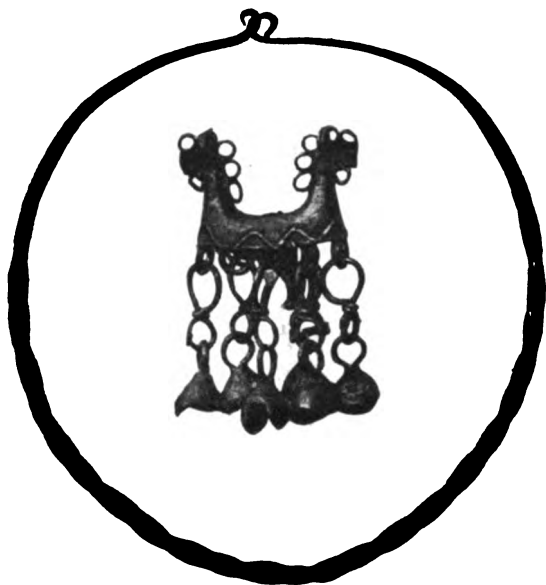

Рис. 2. 1/2.

По всей Кокшеньгѣ, а тѣмъ болѣе у крестьянъ дер. Новгородовской, упорно держится преданіе о томъ, что Кокшеньга заселилась выходцами изъ Новгорода, что первыми ихъ поселеніями были деревня Новгородовская, жители которой почти всѣ посятъ фамилію Силенскихъ, по имени перваго выходца Силы, и дер. Шкулевская (почти противъ Новгородовской на другомъ берегу Кокшеньги), гдѣ одновременно съ Силой поселился Бусырь. Дѣйствительно, по внѣшности, характеру и говору ¹⁾ кокшары могутъ не даромъ считаться истыми потомками Новгородцевъ.

Судя по вышеприведенному указанію, взятому Карамзинымъ изъ мѣстныхъ лѣтописцевъ и на основаніи мѣстныхъ преданій, можно думать, что въ Кокшеньгѣ кромѣ названныхъ здѣсь мною городковъ были еще и другіе, но слѣды укрѣпленій въ нихъ, какъ напримѣръ, въ Ромашев-

¹⁾ См. ст. „Говоръ жителей Кокшеньги, Тотемскаго уѣзда“ въ „Живой Старинѣ“ за 1905 годъ.

скомъ, сохранились весьма слабо и потому названія городковъ и городищъ за ними не удержались. Съ Ромашевскимъ городкомъ (теперь погость, на берегу р. Уфтюги, выше Ваймежа), вблизи котораго находится Синяковское озеро, связано весьма распространенное преданіе о гибели въ этомъ озерѣ чуди, указывающее на большую древность этого поселенія. Упомяну объ одномъ еще городищѣ, которое хотя лежитъ уже по р. Коленьгѣ (притокъ Ваги), въ другомъ рѣчномъ бассейнѣ, но находится въ чертѣ фактическаго владѣнія жителей Кокшеньги покосами и др. земельными угодьями и хорошо извѣстно крестьянамъ. Оно представляетъ изъ себя хорошее естественное укрѣпленіе на стрѣлкѣ между рѣчкой Городихой и р. Коленьгой; преданія говорятъ о большихъ кладахъ, зарытыхъ здѣсь, а также о цѣломъ складѣ оружія, скрытаго литвою. Подъ обрывомъ городища по направленію къ берегу р. Коленьги здѣсь долгое время обращалъ на себя вниманіе каменный крестъ, выложенный на землѣ изъ довольно большихъ камней, которые нѣсколько лѣтъ назадъ были стасканы однимъ крестьяниномъ въ Коленьгу. О кладахъ на Городихѣ существуютъ записи.

Что касается другихъ урочищъ, ямъ, «кладовыхъ рѣлокъ» (болотные и озерные острова), носящихъ слѣды жилья, то ихъ въ общей сложности довольно много. Нѣкоторыя изъ нихъ связаны съ именами чуди, другія—разбойниковъ, бѣглецовъ и проч. Особенно часто встрѣчаются ямы, въ которыхъ нерѣдко сохранились еще бревенчатые срубы. Объ одной изъ такихъ ямъ по р. Западной еще хорошо помнятъ крестьяне нижней половины Спасскаго прихода. Въ Заборской волости, у погоста, въ берегу р. Уфтюги (въ осыпи) лѣтъ около 10 тому назадъ не только видали такое земляное жилище, но многіе бывали и внутри его. Срубъ этой ямы имѣлъ сбоку, ближе къ верху, небольшое отверстіе, замѣняющее входную дверь. Были или нѣтъ находимы какія-либо вещи внутри, не рассказывалось; въ добавокъ, по словамъ заглядывавшихъ въ нее, тамъ на днѣ стояла вода и въ ямѣ было темно. Подобныя ямы встрѣчаются, по слухамъ, въ Лохотскомъ, Шебеньгскомъ приходахъ и въ другихъ. Въ настоящее время, вслѣдствіе того, что мѣста, гдѣ находились такія ямы, обращены большею частію въ пашни, самыя ямы въ большинствѣ случаевъ засорены и засыпаны настолько, что по нимъ давно прошли соха и борона, которыя не замедлятъ и совершенно изгладить слѣды ихъ.

Существованіе чудскихъ ямъ, о которыхъ я упоминалъ въ замѣткѣ «Изъ Кокшеньгскихъ преданій» («Живая Старина», 1905 г.), хотя и требуетъ еще объясненія, но находимыя здѣсь вещи и оружіе говорятъ

за ихъ древнее происхожденіе. Въ Озерецкомъ приходѣ находили въ ямахъ копья и (повидимому) стрѣлы, а въ Верховскомъ выкопаны изъ земли горшокъ, клюка и ухватъ.

Къ наиболѣе древнимъ находкамъ безъ всякихъ слѣдовъ жилья надо отнести прежде всего «каменный рогачъ», найденный крестьяниномъ д. Ананьевской по рч. Поцѣ. По описаніямъ видѣвшихъ его, это—каменная кирка, очень напоминающая рогачъ (ручки) кокшеньгской сохи. Мнѣ не пришлось его видѣть, такъ какъ сразу же его продали (за 10 руб.) какому-то любителю старины изъ Петербурга. У другого крестьянина той же деревни я видѣлъ кремневые наконечники стрѣлъ чрезвычайно грубой отдѣлки, найденные, кажется, по той же рѣчкѣ Поцѣ (впадающей въ р. Кокшеньгу верстахъ въ 6—7 ниже Спасскаго погоста). Въ прошлое лѣто крестьянинъ д. Игунинской (Подгорной) принесъ мнѣ найденный нѣсколько лѣтъ тому назадъ его отцомъ на пашнѣ въ мѣстности, называемой Зеновки, на правомъ берегу р. Кокшеньги, въ 5 в. ниже Спасо-Преображенской церкви, топоръ съ дугообразнымъ лезвіемъ и круглымъ отверстіемъ для ручки; задній край его имѣетъ выступъ (рис. 3). По мнѣнію А. А. Спицына, онъ можетъ быть отнесенъ приблизительно къ XIII—XIV вѣку.

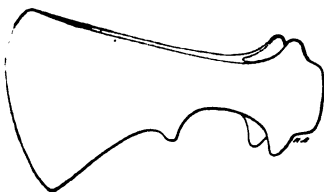

Рис. 3. ¼.

По всей вѣроятности, еще болѣе поздняго происхожденія найденные въ прошломъ году два желѣзныхъ ральника (сошника). Никто изъ старожиловъ не помнитъ, чтобы такими ральниками гдѣ-нибудь пахали; въ конструкціи они значительно отличаются отъ употребляемыхъ въ Кокшеньгѣ въ настоящее время. По заключенію стариковъ, они сдѣланы изъ кричнаго желѣза, которое привозилось сюда встарину отъ Шенкурска. Ральники хранятся въ настоящее время у крестьянина-кузнеца дер. Еловинской (Отаевской), которому и удалось ихъ найти въ старой межѣ подъ камнями на полѣ, принадлежащемъ этой деревнѣ (верстахъ въ 6 отъ Спасскаго погоста внизъ по теченію Кокшеньги).

Въ разныхъ мѣстахъ въ большомъ количествѣ находили, иногда находятъ и теперь, мелкія серебряныя монеты XVI, XVII и начала XVIII вв., а, быть можетъ, и иного времени. Такія монеты можно найти у каждаго богатаго крестьянина.

Не мало цѣнной старины держалось на Кокшеньгѣ до самаго послѣдняго времени въ домашней утвари, украшеніяхъ крестьянъ, наконецъ въ самой архитектурѣ жилищъ и церквей и пр.; не мало также можно было отыскать и древнихъ рукописей. Но время, особенно за

последніе годы, круто измѣняетъ фізіономію жизни; слишкомъ сильно даетъ себя чувствовать матеріальное оскудѣніе сельскаго люда; всѣ запасные ресурсы пущены въ оборотъ и старина пошла въ передѣлку и на размѣнъ. Много было спущено даже бережливыми и «крѣпкими» хозяевами—любителями старины, всевозможнаго рода старьевщикамъ; наконецъ явились изъ городовъ любители коллекцій и агенты музеевъ. Въ настоящее время остается или случайно уцѣлѣвшее и незамѣченное или то, что по самому существу не можетъ быть легко пущено въ оборотъ, и, какъ исключеніе, что засѣло въ весьма крѣпкихъ рукахъ.

Приводимъ по копіи (не вполнѣ точной) надпись на колоколѣ 1653 г. въ церкви с. Верховскаго на Кокшенигѣ: «Лѣта 7161-го марта въ 7 день при государе царѣ Алексѣе Михайловичѣ (тит.) купилъ сей колоколъ на Москвѣ и положилъ (въ) Верховское... къ церквамъ Рождеству Богородицы и святителю Николѣ и святымъ Олору и Лавру и Пятницѣ въ казну (?) тое же... Иаковъ Григорьевъ сынъ Невзорова зовью Бусорманъ да жена его Марина Ооонасьева дочь по своихъ дѣтяхъ (?) и по родителехъ своихъ на поминание. А подписывалъ (а)зъ кузнецъ Лаврентей Архиновъ».

М. Едемскій.

Замѣтки о Ливонской хроникѣ.

I. Henricus de Lettis.

Въ пользу латышской національности хроникера говорятъ слѣдующія обстоятельства:

1) Henricus de Lettis=Генрихъ отъ народа Леттовъ=natus de Lettis. Сравн. XV, 9, o Phil. de Letton; Пабсть (Heinrich's v. Lettland Livländ. Chronik, Reval 1867) переводить прямо: «Es war aber selbiger Philipp vom Volke der Lettonen». Вообще въ средневѣковой латыни de обозначаетъ или родину, или подданство, или резиденцію. Если бы словами de Lettis, de Letton не имѣли въ виду опредѣлить національность, то, надо полагать, писали бы de Lettia, de Lettonia (=Dietrich de Thoreyda).

2) Нѣмцу крайне трудно дается латышскій языкъ. Точная передача латышскихъ словъ и именъ Генрихомъ свидѣтельствуетъ объ основательномъ знаніи языка. Сравн. испорченную передачу древне-пруссаго языка нѣмецкими хрониками.

3) Генрихъ часто выставляетъ на видъ хорошія качества Леттовъ (XII, 6, XXIX, 3 etc.). Это понятно со стороны латыша, но мало вѣроятно со стороны нѣмца.

4) Рѣдкое употребленіе латышскихъ словъ говоритъ въ пользу латышскаго происхожденія Генриха. Хорошо зная свой родной языкъ, онъ безъ затрудненій переводитъ каждое отдѣльное слово, между тѣмъ какъ менѣе привычныя эстонскія слова часто предпочитаетъ передавать такъ, какъ онъ ихъ слышалъ отъ эстонцевъ.

5) Нѣмецкія симпатіи хроникера объясняются полученнымъ у епископа воспитаніемъ въ нѣмецкомъ духѣ. Затѣмъ, какъ христіанинъ, онъ уже находитъ правду и справедливость преимущественно на сторонѣ христіанскихъ нѣмцевъ.

6) Генрихъ былъ переводчикомъ у Рацебургскаго епископа. Едва-

ли въ то время кто нибудь изъ нѣмцевъ владѣлъ мѣстными языками настолько, чтобы служить посредникомъ между волнующимся туземнымъ населеніемъ и епископомъ.

7) Переводчикомъ въ то время долженъ былъ быть человекъ не только владѣющій мѣстнымъ языкомъ, но и имѣющій значительное вліяніе на туземное населеніе, чего не могъ имѣть чужестранецъ-нѣмецъ.

8) При осадѣ Беверина эстонцами Генрихъ мужественно защищаетъ замокъ вмѣстѣ съ Леттами (XII, 6). Это говоритъ одинаково противъ его эстонской и нѣмецкой національности. Какъ эстонецъ, онъ не сталъ бы на сторону Леттовъ, а какъ нѣмецъ, онъ постарался бы уйти, радуясь, что ненавистные язычники сами себя уничтожаютъ. Играя на своемъ музыкальномъ инструментѣ (очевидно, *kokles*), онъ заставляетъ отступить врага. Музыкальные инструменты не принадлежали къ тѣмъ орудіямъ, которыми нѣмцы покоряли туземцевъ ¹⁾.

Г. Виссендорфъ.

II. О нѣкоторыхъ погрѣшностяхъ въ Ливонской хроникѣ Генриха по изданію В. Арндта.

Изданная въ 1874 г. въ *Scriptores rerum Germanicarum* такъ называемая Ливонская хроника Генриха ²⁾ воспроизведена по списку Замойскаго, написанному въ началѣ XIV в., тогда какъ до этого времени изданные списки относятся къ XVI вѣку. Списокъ этотъ безспорно исправнѣ всѣхъ другихъ, но и въ немъ можно указать нѣкоторыя погрѣшности какъ въ текстѣ, такъ и въ примѣчаніяхъ издателя. На извращенія именъ и интерполяціи въ текстѣ я и укажу въ настоящей замѣткѣ, предваряя, что не берусь возстановлять правильную транскрипцію приводимыхъ въ хроникѣ географическихъ и личныхъ именъ, что представляется дѣломъ не легкимъ и спорнымъ.

Heinr. Chr. I, 7—8... «*quorum nomina sunt Viliendi, Uldenago, Wade, Waldeko, Gerweder, Vietzo*». Слѣдуетъ читать: *quorum nomina sunt Viliendi, Ulde, Naga, Wade, Waldeko, Ger, Weder, Vietzo*. Имя

¹⁾ Г. Юрьенсу безразлично, былъ, или нѣтъ, *Henricus de Lettis* латышемъ; онъ не признаетъ Генриха авторомъ Хроники. Въ замѣткѣ г. Виссендорфа, природнаго латыша, во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія и детальныхъ объясненій пунктъ второй. А. С.

²⁾ Общепринятое мнѣніе, по которому авторомъ хроники признается Генрихъ Латышскій, опровергнуто г. Ив. Юрьенсомъ (см. Записки Русскаго отдѣленія Импер. Русскаго Археол. общества, т. V, вып. 2).

Uide встрѣчается въ числѣ мѣстныхъ названій въ Эстляндіи XIII в. и позже, напримѣръ Uldeler, Uldelep, Uldemek. Имя Naga упоминается въ качествѣ названія крестьянскихъ дворовъ въ Эстляндіи, и также можетъ быть относимо ко временамъ язычества. Имя Ger въ другихъ памятникахъ не встрѣчается въ такой формѣ, но созвучныхъ ему именъ можно было бы указать нѣсколько, и по-ливски «keig» значитъ: аляповатый, неловкій. Имя Weder (Wedro) упоминается въ числѣ личныхъ и мѣстныхъ именъ въ Эстляндіи и также можетъ быть относимо къ языческимъ временамъ.

Ibid. I, 13. «Jam tunc idem episcopus (т.-е. Мейнардъ) cum duce Suecie, Theuthonicis et Gothis Curones bello adierant, sed tempestate depulsi Vironiam, Estonie provinciam, applicant et triduo terram vastant». Это отрывочное мѣсто, не подтверждаемое другими источниками, возбуждаетъ сильное сомнѣніе уже потому, что войско, направившееся въ Куронію, вѣтрами было снесено въ Виронію, т.-е. приблизительно отъ Готланда къ концу Финскаго залива.

Ibid. II, 7. вмѣсто: «et tam equis quam navibus... Livonumperdunt segetes», слѣдуетъ читать: et tam equis quam manibus...

Ibid. II, 6. вмѣсто имени Лива «Ymaut», можно читать: «Ymant», такъ какъ обѣ формы встрѣчаются въ качествѣ мѣстныхъ именъ и отчество въ предѣлахъ чудскихъ поселеній, напримѣръ въ Эстляндіи въ названіи дер. Imuta, въ Водской пятинѣ въ качествѣ отчества «Имоттеевъ», «Имонтеевъ».

Ibid. XXII, 9. ...«convenerunt ad Saletsam... donec Sontaganam pervenirent. Et accipientes ibidem de castro vie duces, processerunt per totam noctem ad Revelensem provinciam». Такъ какъ въ теченіи одной ночи нельзя пройти отъ замка Сонтаганы (въ Михаэльскомъ приходѣ Пернов. у.) до границъ Ревельской области, протяженіе болѣе ста верстъ, то вмѣсто: «ad Revelensem provinciam», слѣдуетъ читать: «ad Lealensem provinciam». Подвигаясь далѣе, крестоносное войско къ вечеру другого дня дошло до деревни «Ladise», нынѣ Laikül верстахъ въ 20 къ сѣверу отъ Леаля, а не Laitz въ Ревельскомъ уѣздѣ по толкованію Арндта. Переночевавъ здѣсь, войско на слѣдующій день дошло до деревни «Culdale», нынѣ им. Kullama (нѣм. Goldenbek). Спустя три дня войско отошло къ морю близъ мѣста «ubi nunc Dani claustrum suum in vicino edificaverunt» и возвратилось по льду въ Салацъ. Очевидно, что подъ монастыремъ датчанъ нельзя разумѣть Ревель, какъ указано въ примѣчаніи 81. Такъ какъ обратный путь отъ Гольденбека къ морю могъ проходить лишь близъ Гапсаля или Леаля, поэтому вѣроятнѣе подъ дат-

*

скимъ монастыремъ разумѣть им. Klosterhof, находящееся между Леалемъ и Гапсалемъ.

Ibid. XXIV, 3. «Rex autem idem (scl. Suecie Johannes cum duce suo et episcopis suis), locatis in castro viris suis, videlicet Lealensi, cum duce Carolo et episcopo reversus est in Sueciam». Такъ какъ нѣсколько строкъ ниже повѣствуется, что этотъ вождь и епископъ пали въ битвѣ съ эстами, то это мѣсто слѣдуетъ читать такъ: «rex autem idem, locatis in castro Lealensi viris suis, videlicet duce Carolo et episcopo, reversus est in Sueciam».

Ibid. XXIV, 6. ...«circa stagnum Wordegerwe euntes venerunt in Waigam». Такъ какъ это озеро лежало въ предѣлахъ Сакалы (XXIX, 3) и нѣсколько ранѣе (XXIV, 1) на пути въ Вайгу упоминается озеро Sadegerwe, то данное мѣсто слѣдуетъ читать: «circa stagnum Sadegerwe»...

Ibid. XXVI, 13. ...«et convenerunt cum omni exercitu, reversique sunt in Livoniam ad castrum, quod est ad Palam... et venientes ad suos cum omni exercitu reversi sunt in Livoniam». Здѣсь, очевидно, первое: «reversi sunt in Livoniam» лишняя вставка, такъ какъ замокъ при Палѣ, какъ сказано далѣе, находился не въ Ливоніи, но въ Нормегундѣ, на пути слѣдованія войска.

Георгій Трусманъ.

Музыкальные духовые инструменты русскаго народа, въ связи съ соотвѣствующими инструментами другихъ странъ.

Историко-этнографическое изслѣдованіе

Н. И. Привалова.

ЧАСТЬ I.

Трубы и рога.

При составленіи настоящаго изслѣдованія главнѣйшими литературными пособіями послужили слѣдующія сочиненія:

- 1) *Ген. майоръ Тучковъ*: Записки 1780—1809 гг. (Рукопись). 2) *Сборникъ лицевой XVIII столѣтія*, принадл. П. А. Овчинникову (Рукопись). 3) *Записки Имп. Рус. Геогр. О-ва* по отд. этнографіи, т. XXX, Печорскія былины, зап. Ончуковъ въ 1904 г.
- 4) *Пѣсни рус. нар.*, собр. въ губ. Арханг. и Олонецкой въ 1886 г., Спб., 1894 г.
- 5) *Кириша Даниловъ*: Древнія російскія стихотворенія. (Спб., изд. Суворина). 6) *Извѣстія Спб. О-ва музыкальныхъ собраній*. (Спб., 1904 г.). 7) *В. В. Стасовъ*: Славянскій и восточный орнаментъ, Спб. 1887 г. 8) *И. Сахаровъ*: Сказанія русскаго народа, т. I и II, Спб. 1849 г. 9) *Г. Кушелевъ-Безбородко*: Пам. стар. рус. литер. (1860 г.). 10) *Труды 1-го Археологическаго съѣзда въ Москвѣ* въ 1869 г. (I, Москва, 1871 г.). 11) *Древности* (Труды Московскаго Археол. О-ва, т. II. Москва 1873 г.). 12) *И. Забѣлинъ*: 1, Домъ бытъ рус. царицъ въ XVI и XVII ст. (Москва, 1872 г.), 2, Домъ бытъ рус. царей въ XVI и XVII ст. (Москва, 1895 г.). 13) *Жуковский* (переводъ отрывковъ изъ Илиады Гомера).
- 14) *Профессора Ф. Ратцель*: Народовѣдѣніе, т. I и II, пер. Д. А. Коропчевскаго, изд-ва „Просвѣщеніе“ Спб., 1903 г. 15) *Н. Тютчевъ*: Индустанъ (изд. А. Семена и А. Стойковича, Москва. 1846 г.). 17) *M. Sonnerat*: Collection de planches pour servir au voyage aux Indes orientales et à la Chine. (Paris, 1806 г.). 18) *Розыскныя дѣла* о Фѣдорѣ Шакловитомѣ. Изд. Археол. Ком. Спб., 1884—1893 гг. (4 тома). 19) *П. Савваитовъ*: Описаніе стар. рус. утварей и проч., Спб., 1896 г. 20) *А. Висковатовъ*: Историч. опис. одежды и вооруженія російскихъ войскъ. Спб., 1841 г. 21) *Н. В. Покровский*: 1) Памятники христіанской архитектуры. (Спб., 1901 г.), 2) Лекціи по Церковной Археологіи (Изд. Археол. И-та). 22) *Ровинскій*: Рус. нар. карт., Спб., 1900 г. 23) *Мейербергъ*. Дрезденскій альбомъ: виды и бытовые карт. Россіи XVII вѣка. 24) *Герберштейнъ*: Записки о Московіи, пер. И. Анонимова. (Спб. 1866 г.). 25) *Н. Пантусовъ*: Таранчинскія пѣсни. Спб., 1890 г. (I вып. XVII т. Зап. Имп. Рус. Геогр. О-ва). 26) *Г. Римапъ*. Музыкальный словарь. пер. съ нѣм. В. Юргенсона. 27) *Всеобщая исторія* Іегера. Спб., изд. Маркса. 28) Проф. *Эм. Науманъ*: Иллюстр. всеобщая исторія музыки, пер. подъ ред. Н. Финдейзенъ. Спб. 1897 г. 29) *А. С. Размадзе*: Оч. исторіи музыки. Москва 1888 г. 30) *В. Михневичъ*: Очеркъ исторіи музыки въ Россіи, Спб., 1879 г. 31) *Н. М. Лисовскій*: Муз. альманахъ. Спб., 1890 г. 32) *М. Пятуховъ*: Нар. муз. инструменты муз. зѣя Спб. консерваторіи Спб. 1884 г. 33) *Фетисъ*: Музыка понятная для всѣхъ. Спб.

1833 г. пер. П. Бѣликова. 34) А. С. Фаминцынъ: 1, Скоморохи на Руси (Спб. 1889 г.) 2, Гусли (Спб., 1890 г.), 3, Домра (Спб., 1891 г.). 35) *Soubis: Hist. de la musique en Russie.* Paris 1898. 36) V. *Magillon: Catalogue descriptif et analitique du musée instrumental du conservatoire royal de musique de Bruxelles.* Gand. 1893 (I), 1896 (II). 1900 (III). 37) Библия, и другіе источники.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Музыкально-духовыя орудія по существу распадаются на три категоріи:

1. *Рога или трубы*, т.-е. такъ называемыя инструменты *амбушурные*; звукъ воспроизводится въ нихъ сильнымъ вдуваніемъ воздуха, при чемъ губы игрока вкладываются непосредственно въ узкій открытый конецъ инструмента.

2. *Флейты или свистящіе инструменты*. Въ нихъ воздухъ вдувается тонкою струею, производящею короткія воздушныя волны, т.-е. получается высокій звукъ. Достигается это или устройствомъ на концѣ инструмента особыхъ пробокъ со щелями,—или вдуваніемъ воздуха въ боковое отверстіе, вслѣдствіе чего воздушная струя, отражаясь отъ противоположной стѣнки, получается тонкая;—или-же срѣзаютъ конецъ инструмента косо, при чемъ воздухъ вдувается частью губъ.

Флейты большой величины, съ боковыми отверстіями для вдуванія воздуха, имѣютъ низкій тонъ и представляютъ переходную стадію отъ трубъ къ свистящимъ музыкальнымъ орудіямъ. Таковы, напримѣръ, рога африканскихъ негровъ (изъ слоновой кости).

3. *Язычковые инструменты*. Въ нихъ приспособляется на вдуваемомъ концѣ особая пластинка (а иногда и двѣ), колебаніемъ которой и производятся звуковыя волны.

Въ настоящемъ очеркѣ, въ виду обширности трактуемаго предмета, я ограничусь амбушурными инструментами, т.-е. только 1-мъ отдѣломъ.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

Трубы восточныя и западно-европейскія.

Трубы изъ раковинъ.

Древнѣйшими изъ амбушурныхъ инструментовъ надо считать *большія раковины*, просверленныя на одномъ концѣ. Губы игрока вкладываются въ это просверленное отверстіе, и звукъ производится сильнымъ вдуваніемъ воздуха, какъ въ трубу, при чемъ резервуаромъ звуковой волны служить пустое пространство внутри раковины.

Тембръ такой трубы напоминаетъ низкіе тона флейтъ, но только болѣе сильный.

Раковинныя трубы извѣстны были въ древнемъ античномъ мірѣ, называясь по латински *Concha*. Изображеніе морскихъ тритоновъ, трубящихъ въ раковины, извѣстны въ греческой мифологіи ¹⁾ (см. *рис. 1* античной статуи, изъ *Illustration*. 16 мая 1903 г. Парижъ). По свидѣтельству Magillon'a раковинныя трубы были въ употребленіи и въ Западной Европѣ, называясь *trompette-conque* и служа въ качествѣ сигнальныхъ войсковыхъ трубъ, а также и въ обрядахъ языческой религіи.

Рис. 1.

Въ этомъ своемъ значеніи раковинныя трубы встрѣчаются еще и по настоящее время (или по крайней мѣрѣ недавно встрѣчались (въ Индіи, Китаѣ, у Малайцевъ. Племена Малайско-полинезійскія придаютъ имъ весьма важное значеніе, звуками ихъ призывая воиновъ къ сраженію; какъ пишетъ проф. Ф. Ратцель въ «Народовѣдѣніи», раковинной трубою, называемой *антисивою*, могутъ пользоваться только малайскіе короли (т. I, с. 444); у Микронезійцевъ трубы изъ раковинъ, наравнѣ съ бамбуковыми флейтами, встрѣчаются почти повсюду. Точно также у африканскихъ Мадагасцевъ, имѣющихъ музыку и инструменты по большей части Малайскаго происхожденія, раковинныя трубы не рѣдки ²⁾;

¹⁾ Два такихъ тритона находятся среди фигуръ большой лѣстницы фонтановъ Петергофскаго Дворца.

²⁾ Мадагасцы вообще страстно любятъ музыку; въ свитѣ ихъ короля или знатныхъ вельможъ всегда находятся оркестры.

у прочихъ африканскихъ племень, наоборотъ, раковины въ качествѣ трубъ почти не употребляются («Народовѣдѣніе», т. II, с. 19).

Среди Китайскихъ музыкальныхъ орудій я видѣлъ раковину въ числѣ военныхъ трубъ стараго времени.

По Тютчеву («Индостанъ» с. 144) индійскіе брамины въ числѣ своихъ богослужебныхъ орудій имѣють большую вогнутою раковину, называя ее *сонгъ*.

Рис. 2.

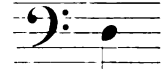
Рис. 3.

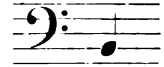
Рис. 4.

Въ Брюссельскомъ музеѣ хранятся нѣсколько экземпляровъ индійскихъ раковинныхъ трубъ, описанныхъ Magillon'омъ подъ слѣдующими названіями:

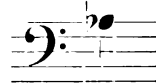
Sankha (бенг. и санскр.) (см. рис. 2). Даетъ тонъ

Go mukka (бенг. и санскр.) (см. рис. 3). Даетъ тонъ

Baratakka (бенг.) (см. рис. 4). Даетъ тонъ

Su ghosha (санскр.), фигурируетъ въ поэмѣ Маха-Вягата, гдѣ воспѣваются битвы Пандуидовъ. Даетъ тонъ

Ananta vijaya (санскр.). Даетъ тонъ

Трубы изъ раковинъ въ предѣлахъ Россіи.

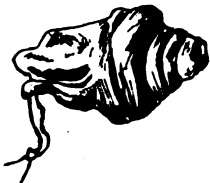

Рис. 5.

Большія раковины могли встрѣчаться лишь въ южныхъ странахъ, а потому и раковинныя трубы въ поясахъ умѣреннаго климата представляютъ рѣдкое явленіе, будучи случайно занесены съ юга.

Таковыми надо несомнѣнно считать раковины русскихъ татаръ, изображенныя Субизомъ въ его «Исторіи муз. въ Россіи», безъ выясненія источника откуда онѣ взяты. (См. рис. 5).

Рога и трубы.

Еще въ доисторическія времена люди научились изготовлять трубы изъ пустотѣлыхъ роговъ убитыхъ на охотѣ животныхъ; эти музыкальныя орудія сохраняли свою естественную природную форму рога животного. Громкій звукъ, извлекаемый изъ роговъ, служилъ сигналомъ на войнѣ, на охотѣ и въ религіозныхъ обрядахъ языческаго культа древняго человѣка. Первобытные рога не имѣли отверстій для пальцевъ рукъ, такъ какъ для сигналовъ достаточно было природныхъ, такъ называемыхъ *армоническихъ*, тоновъ или фанфаръ, которыя можетъ издавать вообще всякая закрытая по длинѣ труба.

Кромѣ пустотѣлыхъ естественныхъ роговъ животныхъ, первобытныя трубы изготовлялись—а нѣкоторыми племенами и понынѣ дѣлаются—изъ *сухой тыквы*, изъ *дерева* и изъ *сверленой кости* (напримѣръ изъ высверленныхъ слоновыхъ клыковъ) или изъ *роговой массы* (еврейскій рогъ «шофаръ»). Но главнымъ образомъ трубы уже съ глубокой древности стали выковывать изъ бронзы; такимъ образомъ, даже въ раскопкахъ бронзоваго вѣка находили металлическія военныя трубы первобытнаго человѣчества. Сперва трубы эти готовились также по формѣ естественныхъ роговъ, представляя копію съ нихъ (имитацию), а потомъ уже начали дѣлаться различнымъ образомъ изогнутыми,—и наконецъ прямыми. Съ теченіемъ времени трубамъ стали придѣлывать боковыя отверстія, при игрѣ закрываемыя пальцами рукъ, т. е. кромѣ природныхъ фанфаръ начали извлекать изъ нихъ большее разнообразіе звуковъ; такимъ образомъ, изъ инструментовъ специально военныхъ трубы наконецъ, сдѣлались, и музыкальными орудіями, такъ какъ на нихъ, благодаря боковымъ отверстіямъ, явилась возможность исполнять всякія мелодіи.

Пройдя различныя степени эволюціи, трубы составляютъ въ настоящее время богатый и разнообразный отдѣлъ симфоническаго оркестра.

Попытаюсь разсмотрѣть подробнѣе эти различныя формы трубъ на пути ихъ развитія, начиная отъ народовъ древности, или сохраняющихъ и понынѣ свою первобытную культуру. Вмѣстѣ съ этимъ постараюсь указать, какія изъ формъ трубъ попали на Русь при различныхъ историческихъ движеніяхъ, и какъ онѣ здѣсь развивались.

И н д і я.

У Сахарова (Сказанія русскаго народа, т. II, кн. 8, с. 169) помѣщено описаніе *путешествія тверскаго купца Афанасія Никитина въ Индію въ 1468 году*, составленное по собственноручному списку Никитина. Въ этомъ любопытномъ описаніи Афанасій упоминаетъ объ одномъ индійскомъ султанѣ, пышный выходъ котораго съ вельможами, въ паланкинахъ, сопровождается до 300000 *рати*, «да *трубниковъ 10 человекъ*, да *варанниковъ 10 человекъ*, да *сирьяльниковъ 10 человекъ*». (Стр. 173). А когда султанъ выѣзжаетъ «на потѣху»¹⁾ съ матерью и женою, то съ нимъ 10000 конниковъ, 50000 пѣшихъ, двѣсти слоновъ въ золоченыхъ уборахъ «да *передъ нимъ*

Рис. 6.

на дворѣ «его стерегутъ 100 человекъ въ достысахъ, да 20 трубниковъ, да 10 ногаръ, да 10 бубновъ великихъ по два человека бьютъ».

¹⁾ Очевидно на охоту.

Въ книгѣ Sonnerat (Coll. de planches и т. д. 1806 г.) есть двѣ любопытныя картинки, изображающія торжественныя индійскія шествія, подобныя описанному Никитинымъ, гдѣ видны музыканты и плясуны (баядерки): 1) *праздникъ бога Теротона*: многочисленная толпа везетъ колесницу съ изображеніемъ божества. Фанатики ложатся подъ колеса. Двѣ баядерки пляшутъ передъ толпою: впереди нихъ два музыканта (съ барабаномъ и тарелками) и множество трубачей съ прямыми и изогнутыми трубами, которыя видны за горами, далеко, въ передней вереницѣ шествія. На *рис. 6* воспроизвожу часть картинки. 2) Выѣздъ двухъ женъ знатнаго лица въ паланкинѣ. Поѣздъ сопровождаютъ барабанщикъ и музыкантъ съ металлическимъ сосудомъ, въ родѣ колокольчика, въ который онъ бьетъ металлическимъ-же наконечникомъ. На *рис. 7* помѣщаю изъ этой картинки только изображенія двухъ трубачей, которые, находясь впереди процессіи, играютъ одинъ на прямой, а другой на изогнутой трубахъ.

Рис. 7.

На *рис. 8 и 9* воспроизвожу изъ того-же сочиненія отдѣльно *прямую и изогнутую* трубы, изображенія которыхъ мы видѣли на

Рис. 8.

только что приведенныхъ рисункахъ. Обѣ эти трубы находятся въ числѣ разнообразныхъ музыкальныхъ инструментовъ Индусовъ, помѣщенныхъ на двухъ отдѣльныхъ таблицахъ въ книгѣ Sonnerat.

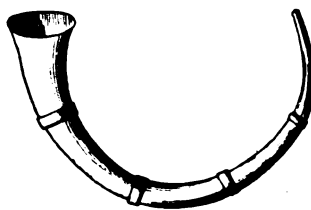

Рис. 9.

Тютчевъ. (см. «Индостанъ» с. 144) называетъ въ числѣ музыкальныхъ инструментовъ индійскихъ пагодъ рожокъ *комбу*, и кромѣ того говоритъ, что брамины употребляютъ при богослуженіи множество мѣдныхъ трубъ, раздѣляющихся на двѣ категоріи: маленькія согнутыя и большія, цилиндрической формы, около 1 сажени длиною. По отзыву

очевидца—европейскаго путешественника—трубы послѣдняго разряда, т. е. прямая, такъ тяжелы, что надо имѣть необыкновенныя мышцы, для того чтобы держать инструментъ на воздухѣ и въ то-же время дѣйствовать имъ; «все честолюбіе трубача состоитъ въ томъ, чтобы извлечь какой-нибудь звукъ, не думая о мелодіи: кто дольше трубитъ, тому и почетъ, тотъ и считается отличнымъ музыкантомъ»... «звукъ выходитъ сперва сильный, потомъ становится слабѣе, перепрыгиваетъ на какой-нибудь интервалъ вверхъ или внизъ, но какъ-бы то ни было продолжается, и замолкшіе соперники съ смущеніемъ отступаютъ отъ торжествующаго виртуоза».

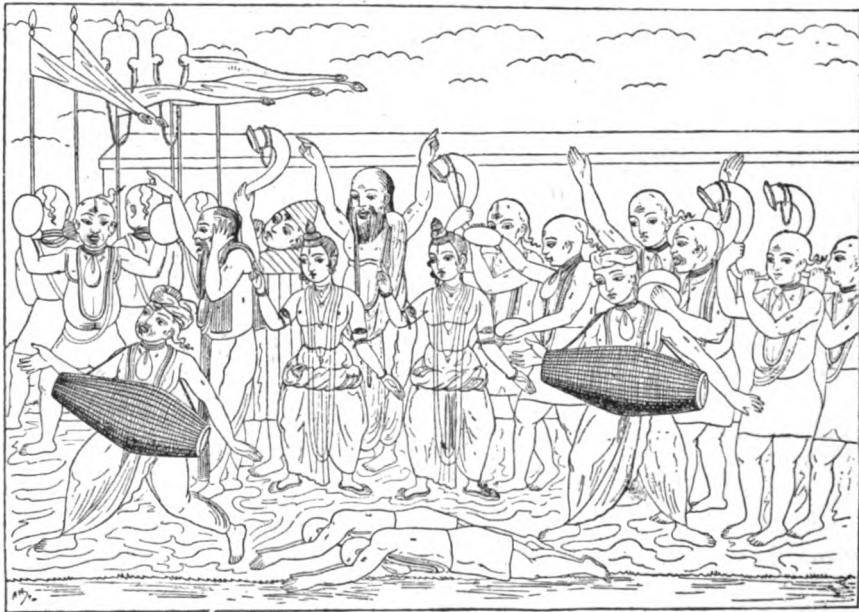

Рис. 10.

Тотъ-же очевидецъ не особенно лестно отзываясь о музыкѣ, участвующей въ богослуженіи Индусовъ, которая, по его словамъ, заключается преимущественно въ ужасномъ шумѣ и гамѣ. Производятъ его брамины, ударяя безпрестанно въ барабаны и тамъ-тамы, висящіе на стѣнахъ пагодъ, и трубя одновременно въ трубы разныхъ величинъ и октавъ. «Весь этотъ храмовой концертъ ошеломитъ самаго свирѣпаго европейскаго трубача. Круговыя галереи пагодъ бывають наполнены народомъ вплоть до утренней зари, и въ толпѣ нѣтъ ни одного празднаго, молчаливаго зрителя: каждый старается бить по барабану или трубить изо всей мочи. Только выбившись изъ силъ, набожный индусъ предается наслажденію слушать».

Не надобно забывать, однако, что при этихъ празднествахъ толпа находится въ состояніи религіознаго экстаза, доходящаго до самоистязанія и другихъ дикихъ проявленій фанатизма, такъ что тутъ участникамъ церемоніи, очевидно, не до музыкальности.

Magillon приводитъ въ своемъ каталогѣ (т. I, с. 129) индійскую картинку, изображающую религіозную церемонію на берегу Ганга, гдѣ можно видѣть часть неистовствующей въ припадкѣ религіознаго фанатизма толпы, пляшущихъ баядерокъ и музыкантовъ съ барабанами, тарелками и трубами, изогнутыми въ формѣ буйволоваго рога (рис. 10). Труба такого типа имѣется въ Брюссельскомъ музеѣ (рис. 11) подѣ названіемъ *Rana-Cringa* или въ переводѣ съ санскритскаго *военный рогъ*. По объясненію Magillon'a (catal., с. 125) инструментъ этотъ примѣнялся встарину на войнѣ, а теперь употребителенъ при религіозныхъ торжествахъ. Сдѣланъ изъ мѣди. Форма его напоминаетъ европейскій *серпанъ* (serpent). При существующемъ весьма маломъ амбушурѣ можетъ издавать только три тона:

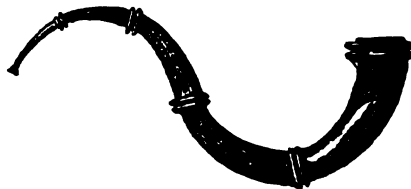
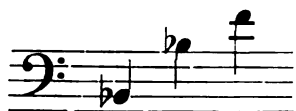

Рис. 11.

Но при надлежаще устроенномъ мундштукѣ долженъ былъ бы воспроизвести всѣ гармоническіе

тона:

Длина 1, 4 метра.

На одной изъ таблицъ у Sonpegat приведены еще двѣ формы причудливо изогнутыхъ трубъ (рис. 12 и 13).

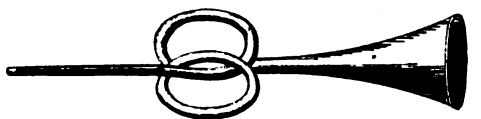

Рис. 12 и 13.

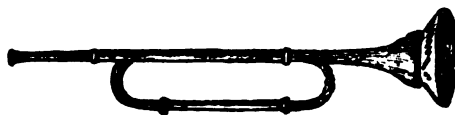

Рис. 14.

Тури или *туриамъ* изъ Брюссельскаго музея (рис. 14) имѣетъ общеизвѣстную изогнутую въ 1 колѣно форму. Сдѣланъ изъ мѣди. Длина 1, 42 метра. Употребляется теперь также въ религіозныхъ церемоніяхъ. Можетъ издавать слѣдующіе гармоническіе тона:

Cringa — индусскій рогъ (по народнымъ сказаніямъ — любимый инструментъ бога Сивы). Хранится въ Брюссельскомъ музеѣ (рис 15).

Рис. 15.

Изготовленъ изъ рога животного. Длинною 0,275 метр. Даетъ только одинъ звукъ.

Рис. 16.

Изъ прямыхъ трубъ въ Брюссельской консерваторіи хранится индусская *Nyâstaranga* (рис. 16), длиною всего 0,43 метра. Изготовлена изъ мѣди. Это имитация одного изъ оригинальнѣйшихъ и древнѣйшихъ инструментовъ Индіи. Судя по рисунку и описанію Magillon'a (Cat., I, с. 117—119), играется одновременно на 2 инструментахъ.

Рис. 17.

(рис. 17).

Въ исторіи музыки Наумана приведено изображеніе общаго Индусамъ и Китайцамъ *золотого рога* (рис. 18) — металлическаго инструмента съ весьма искусственно разукрашеною наружностью.

Рис. 18.

Размадзе (очерки исторіи муз.), говоря о музыкѣ Индусовъ, называетъ въ числѣ военныхъ трубъ ихъ — *бури, тутаре* ¹⁾ и извѣстное уже намъ *комбоу* или *комбу*.

По свидѣтельству профессора Ф. Ратцеля, музыка народовъ Индо-Китая, Цейлона, а также и малайскихъ племенъ, исходитъ изъ Индіи. Благодаря этому, и музыкальные инструменты ихъ схожи съ индійскими; въ особенности распространены барабаны разныхъ типовъ, столь любимые въ Индіи, а также гонги или тамъ-тамы. Музыка бирманцевъ и сіамцевъ тоже исходитъ изъ Индіи. Высшее развитіе музыки при дворахъ богатыхъ властелиновъ этихъ странъ производится цѣлкомъ по Индійскимъ образцамъ.

Сравнивая китайскіе музыкальные инструменты съ индусскими, мы и здѣсь видимъ большое родственное сходство, на которое указываютъ всѣ музыкальные историки, выводящіе заключение о заимствованіи Китаемъ музыкальных орудій изъ Индіи черезъ посредство племенъ, населяющихъ Индокитайскій полуостровъ.

¹⁾ Сравни выше *тури*.

К и т а й.

Кромѣ общаго для индусовъ и китайцевъ «золотоу рога», изображеннаго на предыдущемъ рисункѣ, привожу слѣдующія китайскія трубы, хранящіяся въ Брюссельскомъ музеѣ Консерваторіи:

1) *Hwang-teih* съ раструбомъ въ видѣ цилиндра (рис. 19). Латунная труба изъ старинной коллекціи Сакса. Общая длина 0,905 м.; длина раструба 0,325 м., діаметръ 0,095 м., Можетъ издавать тонъ

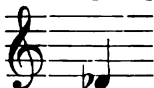

Рис. 19.

Рис. 20.

2) *Hwang teih* (рис. 20) съ раструбомъ конической формы.

Тоже латунная, изъ колл. Сакса. Общая длина 1,17 м. Можетъ издавать тоны . Схожа, какъ видимъ, съ индійскими прямыми трубами, изображенными выше на рис. 6, 7 и 8.

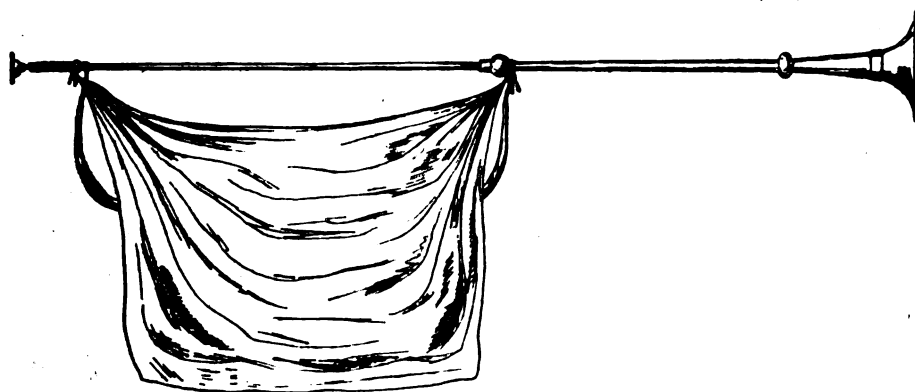

Рис. 21.

На рис. 21 воспроизвожу военную китайскую трубу съ красной завѣсой, любезно доставленную въ мою коллекцію г-номъ В. О. Желѣзновымъ. Труба эта, аналагичная съ инструментомъ только что описаннымъ, изготовлена также изъ латуни (желтой мѣди); колѣна ея вдвигаются одно въ другое.

Въ растянутомъ видѣ длина ея 1,4 метра. Я извлекъ изъ нея

3) *Hwang-teih*, называемая иногда *Cha-Chiao*, изъ окрестностей Кантона. (рис. 22). Колѣна трубы также вкладываются одно въ другое.

Мѣдная. Длина 1,55 метра. При хорошемъ устройствѣ мундштука можетъ издавать слѣдующіе гармоническіе тоны:

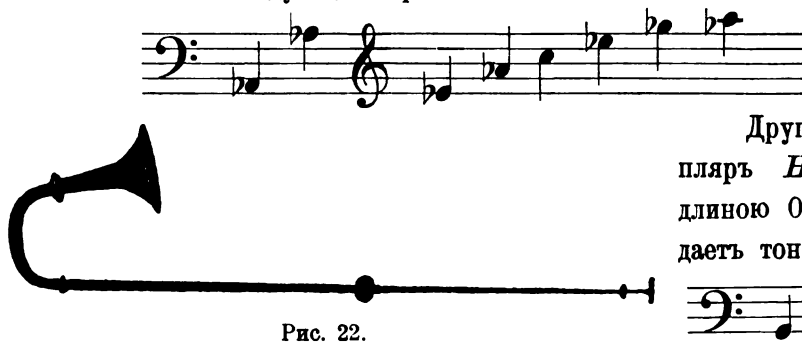

Рис. 22.

Другой экземпляръ *Hwang-teih*, длиною 0,93 м., издаетъ тона,

Кромѣ этихъ трубъ, въ Брюссельскомъ музеѣ имѣются еще *трубы тибетскихъ ламъ*: *Hwang-lara*—изогнутая труба; *Fa Haotong*—громкая прямая труба формы, какъ на рис. 20, и нѣсколькихъ размѣровъ складныя трубы, тоже называемыя *Lara*, отъ 1,765 м. до 3,765 метровъ въ растянутомъ видѣ.

Рис. 23.

Издаютъ они по нѣскольку гармоническихкихъ тоновъ. Интересна *Kang-t'ung* или *труба ламъ*, добытая изъ одного тибетскаго монастыря, возлѣ Пекина (такъ называемаго

Кванъ-Сзе (желтаго монастыря), потому что тибетская религія извѣстна у буддистовъ—китайцевъ (возлѣ Пекина) подъ названіемъ *желтой религии*). Труба длиною 0,46 м., представляетъ голову дракона (рис. 23) и изготовлена изъ красной мѣди, съ накладнымъ орнаментомъ изъ латуни. Мундштука нѣтъ: губы игрока вкладываются прямо въ узкій конецъ инструмента. Можетъ издавать тоны:

Японія.

Японцы — это древніе выходцы изъ Китая. Все ихъ старинное національное искусство и бытовая литература есть воспроизведеніе китайскаго искусства. Также самое можно сказать и относительно музыкальныхъ инструментовъ, которые совершенно схожи съ китайскими. Въ Брюссельскомъ музеѣ хранится японская сигнальная труба—раковина, издающая тонъ:

Америка.

Индѣйцы, коренное население обѣихъ частей (сѣверной и южной) Американскаго материка, представляютъ собою тоже выходцевъ изъ Азіи. Поэтому и въ древней культурѣ американскихъ индѣйцевъ можно отыскать много общаго съ культурою Азіатскихъ племенъ. Тоже самое можно сказать и относительно музыкальныхъ инструментовъ, въ особенности у племенъ, сохранившихъ до настоящаго времени остатки своей первобытной древности. Ф. Ратцель пишетъ о музыкѣ индѣйцевъ слѣдующее (Народовѣдѣніе, т. I. с. 493):

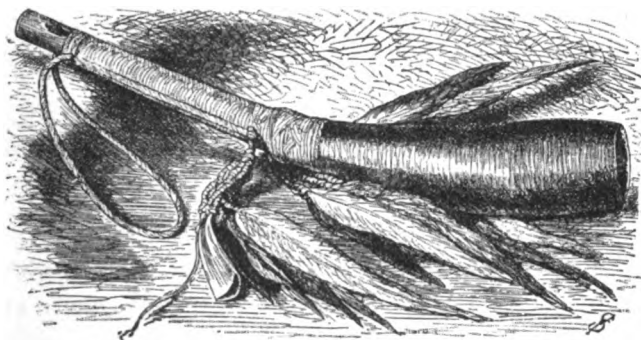

Рис. 24.

«Въ пляскахъ, предшествующихъ истязаніямъ, которыя исполняютъ мужчины и женщины, при огнѣ, вмѣстѣ съ любовными и военными пѣснями, молодые люди стоятъ кругомъ ямы, прикрытой большимъ кускомъ коры. Всѣ они притоптываютъ въ тактъ правою ногою и при каждомъ ударѣ извлекаютъ короткій звукъ изъ маленькой бамбуковой трубы. Особые инструменты зываютъ на народныя собранія: у *короадосовъ*—коровій рогъ; у *ботокудосовъ*—трубы изъ кожи хвоста армадила; у *краносовъ*—трубы изъ тыквы; у *мундкуросовъ*—тростниковыя свирѣли; у *мираніевъ* и другихъ племенъ къ с. в. отъ Амазонки—деревянныя бубны».

Въ Мюнхенскомъ этнографическомъ музеѣ хранится военная труба бразильскихъ индѣйцевъ (рис. 24) въ 1,25 метра длиною; звуками этихъ трубъ вмѣстѣ съ барабанами, зываютъ народъ на войну, составляя сигналы опредѣленными послѣдовательностями тоновъ.

Монгольскія и Средне-азиатскія племена.

Мы уже рассматривали Тибетскія трубы совершенно схожія съ китайскими. Точно также китайское вліяніе отразилось и на Монгольскія

племени, выходцы которых сохранили въ числѣ своихъ военныхъ музыкальныхъ инструментовъ *рога и трубы*, весьма схожія съ китайскими или индійскими ихъ прототипами. Укажу, напримѣръ, на инструменты русскихъ татаръ, изображенные Субизомъ въ его ист. муз. въ Россіи: *рогъ*, украшенный рѣзбою (рис. 25), схожій съ индійскимъ *Cringa*, см.

Рис. 25.

Рис. 26.

выше на рис. 15), *короткая труба* (рис. 26), наполняющая индійскую *nyastaranga* (см. выше рис. 16), *длинная труба* (рис. 27) весьма похожая на индійскія и китайскія трубы (см. выше рис. 8 и 20).

Рис. 27.

Н. Н. Пантусовъ въ ст. «Таранчинскія пѣсни» описываетъ музыкальные инструменты таранчей,—племени, выселеннаго китайцами изъ Кашгаріи въ Илійскую долину (Кульджа) для развитія тамъ земледѣльской культуры. Здѣсь таранчи жили сначала подъ китайскою властью, затѣмъ своихъ султановъ и, наконецъ, русскихъ. Но послѣ передачи Кульджинскаго края окончательно во власть китайцевъ (10 марта 1882 г.) таранчинское населеніе перешло въ русскіе предѣлы (въ Семирѣченскую

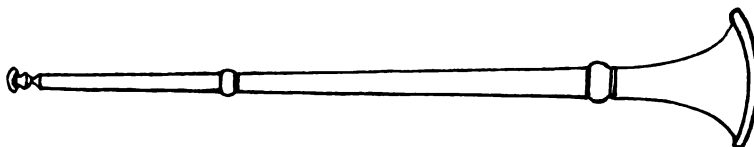

Рис. 28.

область). Такимъ образомъ, на бытъ таранчей вліяли различныя культуры, оставившія свои слѣды: сартская, русская и китайская. Послѣднее, т.-е. китайское вліяніе было особенно сильно: въ народный таранчинскій говоръ проникли китайскія слова, многія пѣсни таранчей и доселѣ вмѣщаютъ въ себѣ китайскія выраженія и цѣлыя фразы, китайскіе мотивы; перенимались также и китайскіе музыкальные инструменты. Изъ послѣднихъ воспроизвожу мѣдную трубу Таранчей, подъ названіемъ *Карнай*, величиною до 5 фут. Диаметръ раструба до 10 дюймовъ. Для удобства храненія и переноски трубы складывается (тонкая часть вдвигается въ

раструбную) (рис. 28). Нельзя не видѣть здѣсь полной аналогіи съ китайскими и тибетскими трубами (см. выше рис. 20 и 27).

М. О. Пѣтуховъ въ брошюрѣ «Народ. муз. INSTR. муз. Спб. конс». на стр. 43 приводит изображение игрока въ Туркестанѣ на огромной трубѣ, называемой *сунная* (игрокъ—суннайчи). Такою музыкою въ Хивѣ, въ Ташкентѣ и вообще во всемъ Туркестанѣ привѣтствуются знатные гости или ханъ при его выѣздѣ. Очевидецъ, г. Симмаковъ, называетъ трубу эту «Иерихонскою, подъ звуки которой пали стѣны города» (рис. 29).

Рис. 29.

Экземпляръ мѣдной *суннаи* хранится въ музеѣ Спб. Консерваторіи и доставленъ туда изъ Хивы (рис. 30). Звукъ ея рѣзкій и для слуха

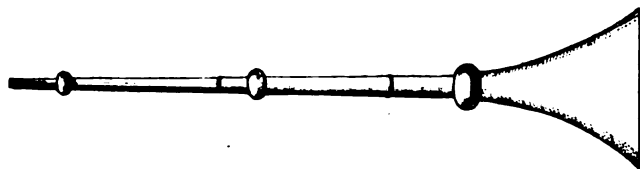

Рис. 30.

непріятный; можно извлечь нѣсколько натуральныхъ тоновъ, съ основнымъ *до*. Длина 2 арш. 11 вершковъ.

М. О. Пѣтуховъ упоминаетъ объ огромной мѣдной трубѣ, подъ названіемъ *бюра*, весьма схожей съ суннаею и входящей въ составъ калмыцкаго духового оркестра ¹⁾.

Древній Египетъ.

Исторія только отчасти поднимаетъ завѣсу прошлаго, когда пытается разяснить происхождение народовъ глубокой древности. Трудно, поэтому, судить съ достаточною точностью объ этихъ эпохахъ, которыя и назва-

¹⁾ Подробное описаніе и изображеніе этого оркестра находится въ № 582 „Всемирной Иллюстраціи“ за 1880 г.

*

ніе то носятъ доисторическихъ. Установленнымъ въ извѣстной степени положеніемъ является теперь слѣдующее: группа народовъ, въ которой находились и прародители Семитическаго племени, кочевавшая въ незапамятныя времена въ предѣлахъ Аравіи, распалась въ послѣдствіи на три части; первая изъ нихъ поселилась въ бассейнѣ рѣкъ Тигра и Ефрата, образовавъ *Ассиро-Вавилонскую* группу. Вторая перешла въ предѣлы нынѣшней Палестины, основавъ *Ханаанскую* группу, въ составъ которой входили между прочими племенами *Евреи* и *Финикияне*. Третья отошла къ Красному морю, переправилась черезъ него на африканскій берегъ, гдѣ отгѣснивъ мѣстныя племена (негровъ-ливійцевъ и др.) и отчасти смѣшавшись потомъ съ ними, положила начало большой и сильной народности *Египтянъ*.

Такимъ образомъ, въ культурѣ всѣхъ этихъ народовъ сохранилось много общаго, принадлежащаго имъ всѣмъ, когда они жили еще вмѣстѣ и составляли одинъ народъ.

Индійцы, какъ народъ Арійской группы, сперва обитали въ Иранѣ, т. е. были восточными сосѣдями Ассиро-Вавилонскихъ племенъ, благодаря чему въ своей первоначальной культурѣ имѣли много съ ними общаго. Позднѣ индійцы перешли Гиммалайскія горы, спустились на нынѣшній полуостровъ Индостанъ, покорили мѣстное негритянское население и, смѣшавшись съ нимъ, образовали нѣсколько индійскихъ государствъ.

Другія арійскія племена—Мидяне и Персы жили къ сѣверу и къ западу отъ Ирана. Мидяне сначала были подъ ассирійскимъ владычествомъ, затѣмъ сдѣлались независимыми и завоевали Персовъ, которыми, однако, въ свою очередь были потомъ покорены. Въ концѣ концовъ Персы окончательно завоевали ассирійско-вавилонское государство, но съ теченіемъ времени заимствовали отъ побѣжденныхъ всю ихъ культуру. Совершенно то же самое произошло и въ VII в. по Р. Х., когда воинственное племя Арабовъ—Исламитовъ покорило подъ свою власть персидское государство, и потомъ, однако, въ свой бытъ постепенно приняло культуру покоренныхъ ими Персовъ.

Такимъ образомъ, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что мы находимъ одинаковыя музыкальныя орудія у Египтянъ, Евреевъ, Персовъ и Арабовъ.

Относительно трубъ, имѣвшихся въ употребленіи Египтянъ, Науманъ говоритъ, что вначалѣ онѣ были мало развитыми, но въ послѣдствіи преобразовались въ инструментъ, близко подходящій къ нынѣшней трубѣ. Е. А. Пасыпкинъ въ статьѣ «Муз. INSTR. древняго Египта» (Изв. о-ва

муз. собр., Спб. 1904., вып. Мартъ—Апрѣль—Май) пишетъ: «собственно говоря, можно причислить къ музыкальнымъ инструментамъ (Египтянъ) еще сигнальныя трубы, имѣвшіяся въ войскахъ новаго царства (1530—1050 л. до Р. Х.); онѣ были короткія, прямой формы и, вѣроятно, металлическія».

Привожу здѣсь изображеніе египетскаго военнаго трубача, снятое съ египетской фрески (заимствовано изъ всеобщей исторіи Іегера). Онъ стоитъ лицомъ къ войску и трубитъ сигналы. (Рис. 31.) Труба, какъ видимъ, совершенно соотвѣтствуетъ только что приведенному описанію. На рис. 32 воспроизвожу подобную же фигуру съ древняго египетскаго

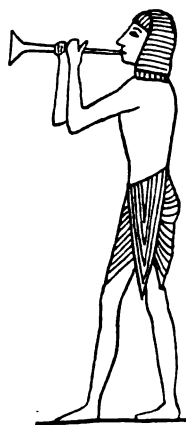

Рис. 31.

барельефа (Ист. муз. Наумана, стр. 48). Не могу здѣсь не указать на родственное сходство этихъ небольшихъ трубъ съ короткою индусскою, изображенною выше на рис. 16.

Размадзе въ «Оч. ист. муз.» (с. 41) пишетъ: «что касается египетской мѣдной трубы, то она играла роль въ области военной музыки, а собственно для египетскаго искусства едва-ли имѣла какое-либо особое значеніе. Изобра-

Рис. 32.

женія ея попадаются настолько рѣдко, что не будетъ невозможнымъ предположить, что мѣдная труба у Египтянъ употреблялась въ дѣло, какъ напримѣръ было въ древней Греціи, лишь на войнѣ, быть можетъ какъ средство призыва къ оружію, или съ иною цѣлью».

Тамъ-же Размадзе говоритъ, что на одной изъ гробницъ найдено было изображеніе «оригинальнѣйшаго» инструмента, имѣющаго видъ бутылки; на немъ играетъ, какъ на трубѣ, мужчина, возлѣ котораго изображенъ пѣвецъ. Судя по виду гробницы и по изображеніямъ на ней, оно относится къ эпохѣ болѣе древней, чѣмъ времена IV династіи (2830 — 2530 л. до Р. Х.), древнее царство т. е. мы видимъ здѣсь одинъ изъ первобытныхъ, первоначальныхъ типовъ древней духовной музыки. Полагаю, что дѣло здѣсь идетъ о пустотѣлой сухой тыквѣ, употребляющейся въ качествѣ трубы и теперь у нѣкоторыхъ малокультурныхъ народовъ Африки и Америки. Ниже, при разсмотрѣніи трубъ африканскихъ негровъ, я приведу рисунокъ такой трубы — тыквы. (См. ниже рис. 41).

Евреи.

Еврейскіе авторы книги Бытія называютъ Іувала, сына Ады, жены Ламеховой, изобрѣтателемъ струнныхъ музыкальныхъ инструментовъ и флейтъ: «Ада родила Іавала: онъ былъ отецъ живущихъ въ шатрахъ со стадами (гл. IV. 20)» имя брату его Іуваль: онъ былъ отецъ всѣхъ играющихъ на гусяхъ и свирѣли» (Бытія, 21) «Цилла (вторая жена Ламеха) также родила Тувалкаина (Фовела), который былъ ковачемъ вѣхъ орудій изъ мѣди и желѣза» (22).

Такимъ образомъ, Библия относитъ изобрѣтеніе мѣдныхъ трубъ къ отдаленнѣйшимъ эпохамъ жизни человѣчества (Ламехъ называется сыномъ Маѳусаила и отцомъ Ноя).

Книга судей гласитъ намъ въ VII главѣ (сказаніе о Гедеонѣ) слѣдующее: «и раздѣлилъ (Гедеонъ) триста человѣкъ на три отряда, и далъ въ руки всѣмъ имъ трубы и пустые кувшины, и въ кувшины свѣтильники» (16) «и затрубили всѣ три отряда трубами, и разбили кувшины, и держали въ лѣвой рукѣ своей свѣтильники, а въ правой рукѣ трубы, и трубили, и кричали: мечъ Господа и Гедеона!» (20) «Между тѣмъ какъ триста человѣкъ трубили трубами, обратилъ Господь мечъ одного на другого во всемъ станѣ, и бѣжало ополченіе»... (22).

Очевидно, трубы Евреевъ имѣли типъ короткихъ египетскихъ трубъ. Трудно, конечно, судить, кто отъ кого заимствовалъ эти трубы: быть можетъ, Евреи вынесли ихъ отъ Египтянъ; а всего вѣроятнѣе, что короткія трубы сохранились у обоихъ народовъ со временъ глубокой древности, когда все эти народы составляли еще одну общую массу, кочевавшую по Аравіи; сходство съ Индусскими короткими трубами подтверждаетъ это предположеніе, да и кромѣ того легче допустить, что первобытная металлическая труба была именно короткою, а не длинною. Люди не могли научиться сразу выковывать и сгибать длинныя полосы металла.

Тѣмъ не менѣе, у Евреевъ извѣстны были и длинныя трубы, которыя считались священными; въ главѣ X четвертой книги Моисеевой говорится: «и сказалъ Господь Моисею, говоря: 2) сдѣлай себѣ двѣ серебряныя трубы, чеканная сдѣлай ихъ, чтобы онѣ служили тебѣ для созыванія общества и для снятія становъ. 3) Когда затрубятъ ими, соберется къ тебѣ все общество ко входу скиніи собранія 4) Когда одною трубою затрубятъ, соберутся къ тебѣ князья и тысяченачальники Израиля 5) Когда затрубите тревогу, поднимутся станы, становящіеся къ востоку. 6) Когда во второй разъ затрубите тревогу, поднимутся станы, становящіеся къ югу: когда

затрубите въ третій разъ тревогу, поднимутся станы становящіеся къ морю; когда въ четвертый разъ затрубите тревогу поднимутся станы, становящіеся къ сѣверу; тревогу пусть трубятъ при отправленіи ихъ въ путь. 7) А когда надобно собрать собраніе, трубите, но не тревогу. 8) Сыны Аароновы, священники, должны трубить трубами: это будетъ вамъ постановленіемъ вѣчнымъ въ роды ваши. 9) И когда пойдете на войну въ землѣ вашей противъ врага наступающаго на васъ, трубите тревогу трубами; и будете вспомнаны Господомъ, Богомъ вашимъ, и спасены будете отъ враговъ вашихъ. 10) И въ день веселія вашего, и въ праздники и въ попомѣсячія ваши трубите трубами при всесоженіяхъ вашихъ и при мирныхъ жертвахъ вашихъ; и это будетъ напоминаніемъ о васъ предъ Богомъ вашимъ. Я Господь Богъ вашъ».

Въ книгѣ Іисуса Навина (Глава VI) говорится о священныхъ трубахъ слѣдующее: 5) «и призвалъ Іисусъ сынъ Навиновъ, священниковъ (израильскихъ) и сказалъ имъ: несите ковчегъ завѣта; а семь священниковъ пусть несутъ семь трубъ юбилейныхъ предъ ковчегомъ Господнимъ... 7) Какъ скоро Іисусъ сказалъ народу, семь священниковъ, несшихъ семь трубъ юбилейныхъ предъ Господомъ, пошли и затрубили (громогласно) трубами, и ковчегъ завѣта Господня шель за ними. 8) Вооруженные-же шли впереди священниковъ, которые трубили трубами; а идущіе позади слѣдовали за ковчегомъ, во время шествія трубя трубами... 19) Народъ воскликнулъ, и затрубилъ трубами. Какъ скоро услышалъ народъ голосъ трубы, воскликнулъ народъ весь вмѣстѣ громкимъ и сильнымъ голосомъ; обрушилась вся стѣна города (Іерихона) до своего основанія и весь народъ пошелъ въ городъ, каждый со своей стороны, и взяли городъ».

Во 2-й книгѣ Царствъ сказано также о сигнальномъ значеніи трубы: «тамъ случайно находился одинъ негодный человекъ, по имени Савей, сынъ Бихри, Веніамитянинъ; онъ затрубилъ трубою, и сказалъ: нѣтъ намъ части въ Давидѣ, и нѣтъ доли въ сынѣ Іессеевомъ; всѣ по шатрамъ своимъ, Израильтяне!» (глава XX, 1).

Въ главѣ VIII книги Царствъ, гдѣ говорится о перенесеніи ковчега завѣта въ новый храмъ Соломоновъ, между прочимъ упомянуто: «и понесли ковчегъ Господень и скинію собранія и всѣ священные вещи, которыя были въ скиніи; и несли ихъ священники и левиты» (4) «и внесли священники ковчегъ завѣта Господня на мѣсто его, въ давирь храма, въ Святое Святыхъ, подъ крылья Херувимовъ... (6)..... они тамъ и до сего дня... (8).

Между прочимъ замѣтимъ, что въ книгѣ «Исходъ», XXV, 31—40,

очень подробно объясняется устройство семиконечного свѣтильника изъ чистаго золота, какъ одной изъ самыхъ священныхъ вещей, принадлежащихъ къ скинїи.

Навуходоносоръ, царь вавилонскій, разрушилъ Иерусалимскій храмъ Соломоновъ, а самихъ Евреевъ увелъ въ плѣнъ въ Вавилонъ. «И часть сосудовъ дома Господня перенесъ Навуходоносоръ въ Вавилонъ и положилъ ихъ въ капищѣ своемъ въ Вавилонѣ» (Паралипоменонъ, глава XXXVI, ч.). Но царь Киръ Персидскій велѣлъ вновь отстроить храмъ въ Иерусалимѣ, а всѣ священные золотые и серебряные сосуды, вынесенные Навуходоносоромъ, взять изъ капища Вавилонскаго и передать князю Салманассару Зоровавелю, для установки ихъ въ новомъ Иерусалимскомъ храмѣ (2-я книга Ездры, глава VI); тоже подтвердилъ и Дарїй.

Рис. 33.

Въ 70 г. по Р. Х. Титъ, сынъ римскаго Императора Веспасіана, разрушилъ Иерусалимъ и вынесъ сокровища храма въ Римъ. На аркѣ, построенной по этому поводу въ честь Тита въ Римѣ и сохранившейся до нашего времени, уцѣлѣлъ барельефъ, изображающій шествіе побѣдителя. Въ одномъ мѣстѣ видны римскіе легіонеры, несущіе на своихъ плечахъ штативъ съ сосудомъ и двумя трубами (рис. 33), а сзади нихъ священный семиконечный свѣтильникъ ¹⁾. Не остается сомнѣнія, что здѣсь мы видимъ изображенія самыхъ священныхъ предметовъ храма Иерусалимскаго; что же иное, какъ не величайшій трофей завоевателя—самую дорогую святыню побѣжденнаго народа, могъ

изобразить здѣсь авторъ барельефа? Судя по предыдущимъ свѣдѣніямъ Библии, можно предполагать, что святыни эти, взятыя раньше вавилонскимъ царемъ, Навуходоносоромъ, хранимыя имъ въ капищѣ, и

¹⁾ На рисункѣ изображаю лишь переднюю группу — съ трубами. Группу съ свѣтильникомъ не воспроизвожу.

затѣмъ выданныя персидскимъ царемъ Даріемъ Евреямъ обратно, были подлинныя Моисеевы. Или, по крайней мѣрѣ, онѣ должны были изображать ближайшую репродукцію этихъ предметовъ, которые хорошо помнили при возстановленіи храма еще живые очевидцы, старцы изъ Левитовъ (см. ниже кн. Ездры, с. 57—63—открытіе новаго храма); такимъ образомъ, мы имѣемъ драгоцѣнный документъ, по которому можемъ судить о внѣшнемъ видѣ Моисеевыхъ сигнальныхъ трубъ. Онѣ, были, очевидно, не малой длины (потому что покоятся на штативѣ) и прямыя.

Привожу еще нѣсколько цитатъ изъ Библии, откуда можно судить о значеніи трубъ въ общественной жизни Еврейскаго народа:

«и левиты пѣвцы,—всѣ они, т. е. Асафъ, Еманъ, Идифунъ, и сыновья ихъ, и братья ихъ, одѣтые въ виссонъ, съ кимвалами, и съ псалтырями и цитрами стояли на восточной сторонѣ жертвенника и съ ними сто двадцать священниковъ, трубившихъ въ трубы» (12 Паралипоменонъ)... «И были, какъ одинъ, трубящіе и поющіе, издавая одинъ голосъ къ восхваленію и славословію Господа,—и когда загремѣлъ звукъ трубъ и кимваловъ и музыкальныхъ орудій, и восхваляли Господа». (13. Паралипоменонъ).

Это на праздникѣ окончанія постройки Храма Соломономъ. А на открытіи новаго храма, отстроеннаго послѣ вавилонскаго плѣненія, опять: «и стали священники въ облаченіи съ музыкальными инструментами и трубами, и левиты, сыны Асафа, съ кимвалами, воспѣвая Господу и прославляя Его по уставу Давида, царя Израильскаго» (57, 2-я книга Ездры)... «И весь народъ трубилъ и взывалъ громкимъ голосомъ, прославляя Господа за возстановленіе дома Господня». (59, тамъ же). «А старѣйшіе изъ священниковъ и левитовъ и родоначальниковъ видѣвшіе прежній храмъ, пришли теперь на строеніе съ плачемъ и громкимъ воплемъ... А многіе съ трубами и радостными громкими восклицаніями, такъ что народъ не могъ слышать трубъ по причинѣ воплей народныхъ; хотя собраніе громко трубило, такъ что далеко слышно было, — и услышали враги колѣна Иудина и Веніамина, и пришли узнать, что значить этотъ трубный звукъ?» (тамъ же, 60, 61, 62, 63).

Амброзь упоминаетъ о сообщеніи еврейскаго писателя Иосифа, что на одномъ изъ празднествъ въ Иерусалимѣ въ музыкальномъ пиршествѣ участвовало 200000 пѣвцовъ, 40000 арфъ, 40000 сестръ и 20000 трубъ, что вмѣстѣ составляетъ 480000 голосовъ. (Размадзе, ист. муз. 79). Какъ ни преувеличиваетъ здѣсь еврейскій патріотизмъ, тѣмъ не менѣе

нельзя не согласиться о большомъ значеніи трубъ на публичныхъ проявленіяхъ жизни Еврейскаго народа ¹⁾.

Въ еврейскомъ подлинникѣ (по свидѣтельству Наумана) въ сказаніи о Гедeonѣ, малыя ручныя трубы, которыя онъ роздалъ своимъ 300 воинамъ, названы *шофаръ*. Размадзе предполагаетъ, что мѣдныя трубы Евреевъ назывались *маанимъ*; любопытно, что *шофаръ* сохранился въ еврейскомъ богослуженіи до настоящаго времени, какъ воспоминаніе о священныхъ трубахъ Моисеевыхъ, подававшихъ сигналы при обрядахъ въ скинии и во время странствованія Евреевъ по пустынѣ.

Рис. 34.

Звуки шофара раздаются въ синагогахъ въ день Новаго года и во дни покаянія, по опредѣленнымъ правиламъ, имѣющимъ лишь незначительныя уклоненія по мѣстностямъ. Воспоминаніе глубокой старины въ шофарѣ

выражается въ томъ, что онъ дѣлается непремѣнно изъ *роговой массы*; внѣшній видъ его, съ загнутымъ кверху раструбомъ, установленъ разъ навсегда (рис. 34). Науманъ въ ист. муз. (стр. 59, примѣч.) приводитъ компетентныя свидѣтельства о томъ, что шофаръ повсюду въ Варшавѣ, Лембергѣ, Вѣнѣ, Бреславлѣ, Познани и Дрезденѣ имѣетъ изогнутую форму, т.-е. видъ рога (а не трубы). И многія старинныя предписанія *талмуда* подтверждаютъ тоже. Въ трактатѣ Рошъ-Хошана, л. 26, в, сказано: «Равинъ Іехуда говоритъ: шофаръ, употребляемый въ день Новаго года, дѣлается изъ роговъ барана». (Іехуда жилъ около 180 года по Р. Х.). Болѣе современный ученый, раввинъ Леви, добавляетъ: «къ тому же шофаръ долженъ быть изогнутъ близъ голосоваго отверстія». По Науману, сигналы шофара въ Дрезденѣ звучатъ слѣд. образомъ:

¹⁾ На подобныхъ празднествахъ, какъ напримѣръ, при открытіи новаго храма, очевидно, изъ приведеннаго выше отрывка Ездры, кромѣ специальныхъ музыкантовъ трубили и *весь народъ*.. Отсюда понятно обиліе трубъ, упоминаемое Іосифомъ; вспомнивъ объ участіи народа въ богослуженіи Индусовъ, мы видимъ глубокую древность этого обычая, общаго для Семитовъ и Арійцевъ, когда они еще не раздѣлялись на отдѣльныя народности.

Древняя Эфиопия (Абиссиния).

Какъ въ древней Іудеѣ, при богослуженіи Абиссинцевъ примѣняются и музыкальные инструменты.

Насколько удалось мнѣ узнать, и самые типы этихъ инструментовъ, сохранили мною общаго съ древне—іудейскими: такъ напримѣръ, Францискъ Альваресъ говорить, что у абиссинцевъ: «есть флейты, и нѣкоторые струнные инструменты, похожіе на четырехугольныя арфы, называемыя «*Давидовыми арфами*»; на нихъ играютъ передъ первосвященникомъ» (Іоанномъ). Въ чисто музыкальномъ отношеніи Альваресъ музыку Абиссинцевъ не хвалить. О другихъ инструментахъ онъ пишетъ: «тамъ есть *трубы*, но онѣ нехороши; тамъ есть много и мѣдныхъ барабановъ, привозимыхъ изъ Каира, и деревянныхъ, съ кожей на обѣихъ сторонахъ. Тамъ есть тамбурины, какъ у насъ, и большія цимбалы, въ которыя они бьютъ». (Ф. Ратцель, народовѣдніе).

Новѣйшіе наблюдатели также невысокаго мнѣнія о музыкѣ Абиссинцевъ: Рольфъ даетъ описаніе нѣкотораго рода дудки, обтянутой кожей, въ 1, 5 метра длиною, похожей на альпійскій рожокъ.

Рис. 35.

Въ Музеѣ Брюссельской консерваторіи хранится Абиссинскій рожъ подъ названіемъ *Malakat* изъ старинной коллекціи Сакса (рис. 35). Длина собственно трубы (стержня) 0, 61 метра; длина раструба 0, 5 м. Сдѣланъ изъ дерева (бамбукъ), съ мѣднымъ раструбомъ. Форма, какъ видимъ, чрезвычайно схожая съ еврейскимъ шофаромъ. Эта аналогія еще разъ подтверждаетъ заимствованіе Абиссинцами многоаго изъ культуры древней Іудеи. Изъ *Маеакат* возможно было извлечь только два

Извѣстный русскій египтологъ Б. А. Тураевъ въ эфиопскомъ обрядникѣ и патерикѣ Дабра-Либаносскаго монастыря 1594 г. нашель, между прочимъ, описаніе освященія по еврейскому образцу вновь выстроеннаго храма. Тамъ играли въ рогъ *камы* (галилейской). Кромѣ того, тамъ-же находится постановленіе и на будущее время при литургіи бить въ барабаны и трубить. По мнѣнію Б. А. Тураева абиссинцы заимствовали религіозный іудейскій культъ путемъ священныхъ книгъ, а не непосредственно ¹⁾.

Ассирицы и Вавилоняне.

Всѣ эти народы имѣли въ своемъ употребленіи большое количество музыкальныхъ инструментовъ, цѣликомъ потомъ воспринятое Арабами. Такимъ образомъ, многое изъ изображеннаго на древнихъ барельефахъ этихъ народовъ можно найти въ настоящее время въ обращеніи у Арабовъ.

Относительно Ассирійско-Вавилонскихъ трубъ Размадзе приводитъ слѣдующее мѣсто изъ книги пророка Данила III. (4, 5). «Тогда Глошатый провозгласилъ во всеуслышаніе: народъ! какъ только услышишь ты *гласъ трубный*, звукъ флейтъ псалтырей, симфоней и самбукъ, то упади на колѣна, молись и славь бога, котораго воздвигъ царь». Это было по случаю приказа Навуходоносора поставить во храмѣ Ваала новое, огромное, вылитое изъ золота изображеніе божества.

Фетисъ (въ «Hist univers. de la mus.» II, 157) описывая арабскій *хейтуръ* см. ниже рис. 36) говоритъ, что это очень старинный инструментъ Семитическихъ народовъ, такъ какъ онъ *очень похожъ на трубу, въ которую играетъ ассирійскій воинъ на стѣнномъ барельефѣ Ниневіи, а также и на еврейскія трубы, воспроизведенныя на аркѣ Тита въ Римѣ.* ²⁾.

¹⁾ Члены религіозной Абиссинской миссіи говорили мнѣ, что у нихъ есть первосвященникъ и школы пророковъ, какъ въ древней Іудеѣ, откуда выходятъ пламенные проповѣдники, часто даже стихотворцы импровизаторы. Нѣкоторые изъ нихъ поступили слушателями въ Спб. Духовную Академію (дьяконъ Христолюбъ и др.) Происхожденіе іудейскаго культа на своей родинѣ эти Абиссинцы объяснили прямой наслѣдственностью, такъ какъ называли себя „сынами царя Соломона и царицы Савской“. Но это утвержденіе весьма фантастично и не имѣетъ за собою исторической документальности, потому что Библія (кн. Царствъ, X, 1—13) не даетъ даже возможности опредѣлить, изъ какой страны была царица Савская!

²⁾ И похожій на индусскія прямыя трубы, прибавимъ отъ себя (см. выше рис. 7 и 8).

Древніе Греки и Финикіяне.

Греческій народъ является потомкомъ старинныхъ обитателей южной части Балканскаго полуострова Пелазговъ и болѣе позднихъ выходцевъ изъ Малой Азіи—Эллиновъ... Пелазги также азіатскіе переселенцы, но только болѣе древніе: приблизительно за 1000 л. до Р. Х. потокъ мало-азіатскихъ народовъ хлынулъ на острова Средиземнаго моря и южную оконечность Балканскаго полуострова; отъ нихъ-то и произошли Пелазги и Сардинцы. По этому естественно, что въ культурѣ Грековъ мы находимъ много общаго съ бытомъ народовъ Малой Азіи и Месопотаміи. Что касается *роговъ* и *трубъ*, то, по мнѣнію Наумана, они въ древней Греціи занимали второстепенное мѣсто въ сравненіи съ флейтами; несмотря на это, трубачи Тимоэсъ и Кратъ около 396 г. до Р. Х. (Науманъ ист. муз., стр. 140) остались побѣдителями на Олимпійскихъ играхъ. Первое упоминаніе о трубахъ въ обращеніи Грековъ относится, однако, къ болѣе древнему періоду, а именно къ VII до Р. Х.; около 696 г. до Р. Х. Тиртей воодушевлялъ спартанскихъ юношей въ битвѣ съ Мессинцами воинственными патріотическими пѣснями, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ говоритъ сказаніе, ознакомилъ впервые спартацевъ съ употребленіемъ во время битвъ *трубъ*, непривычный звукъ которыхъ приводилъ Мессинцевъ въ паническій страхъ и обращалъ въ бѣгство (Науманъ, ист. муз., с. 117).

Размадзе пишетъ въ «Оч. ист. муз.», что бывшія въ употребленіи въ древней Греціи разнаго рода трубы хотя и играли важную роль въ Олимпійскихъ состязаніяхъ, относились тѣмъ не менѣе къ низшему разряду инструментовъ, и до высокаго искусства имѣли мало касательства. «Ристанію на коняхъ акомпанировали воинственныя звуки трубъ». «Первымъ побѣдителемъ въ состязаніи игры на трубѣ былъ Тимей (т.-е. Тимоэсъ) на 96 Олимпіадѣ, затѣмъ Архіай на 120 Олимпіадѣ; послѣдній былъ трижды подрядъ увѣнчанъ лаврами на трехъ Олимпіадахъ. Но величайшимъ изъ побѣдителей трубачей былъ знаменитый Геродоръ, получившій свое героическое воспитаніе отъ Алкмена, сыномъ котораго многіе его считали. Геродоръ носилъ обыкновенно наброшенную на плечи львиную шкуру. Увѣнчанъ лаврами онъ былъ на десяти Олимпіадахъ»... (а если вѣрить Поллуксу, то и на 17 Олимпіадахъ, т.-е. въ продолженіе 68 лѣтъ); во всякомъ случаѣ Геродоръ въ теченіе по крайней мѣрѣ 40 лѣтъ былъ вѣчнымъ побѣдителемъ на состязаніяхъ; «имя его чтилось затѣмъ почти какъ имя полубога. Этотъ исполинъ между трубачами и геркулесъ по силѣ между людьми славился главнымъ

образомъ тѣмъ, до какой степени могучій тонъ могъ онъ извлекать изъ инструмента при посредствѣ своихъ геркулесовскихъ легкихъ; какъ гласить преданіе, обыкновенные люди могли переносить силу этого тона лишь на извѣстномъ разстояніи. Состязанія въ игрѣ на трубѣ имѣли въ сущности лишь воинственный характеръ, такъ какъ труба, какъ инструментъ, культивировалась, главнымъ образомъ, съ военными цѣлями: на ней исполнялись различные воинскіе сигналы, весьма разнообразныя, которыми, предполагается, должно было руководствоваться выученное понимать ихъ войско. Понятно поэтому, какое значеніе для дѣла могъ имѣть такой непобѣдимый трубачъ — колоссъ, какъ вышеупомянутый Геродоръ».

«Со времени 95 и 96 Олимпіады игра на трубѣ начинаетъ замѣтно усложняться, такъ какъ появляются новые роды трубъ, по устройству напоминающихъ наши натуральныя валторны; ¹⁾ видовъ этихъ трубъ дѣлается столько, что вмѣстѣ взятыя съ прежними трубами, они могутъ составлять нѣкоторое подобіе мѣднаго хора. Игра на новыхъ трубахъ считалась очень трудною; къ ней относились съ большимъ уваженіемъ». (Размадзе гл. VII). Однимъ изъ извѣстнѣйшихъ лавреатовъ за игру на этомъ новомъ инструментѣ и былъ упомянутый выше Кратъ, увѣнчанный лаврами на 96-й Олимпіадѣ.

Эти усложненные виды трубъ — различно изогнутыя, мы увидимъ ниже при описаніи Римскихъ инструментовъ. Самыя-же древнія греческія трубы имѣли, очевидно, старинную восточную форму — прямую. Дѣйствительно, при описаніи Византійскихъ трубъ, мы увидимъ такія формы.

О военныхъ трубахъ грековъ говоритъ и Гомеръ въ «Иліадѣ». «Такъ оглушительный громъ боевыя трубы, возвѣщая приступъ, внезапно мутитъ осажденных!» (пер. Жуковского, пѣсни VI—XX.)

Объ инструментахъ *Финикіянъ* мы имѣемъ немного свѣдѣній. Какъ народъ торговый и промышленный, Финикіяне мало развивали музыку, которая хотя и являлась принадлежностью общественнаго быта, но главнымъ образомъ въ качествѣ увеселяющаго элемента и съ инструментами, заимствованными отъ другихъ народовъ. Такъ извѣстны Финикійскія арфистки. Вѣроятно, у Финикіянъ были и трубы, какъ одинъ изъ самыхъ обычныхъ инструментовъ древности ²⁾.

¹⁾ т.-е. изогнутыя кругообразно.

²⁾ „возьми твою арфу и влачишь съ нею по городу, забывъ и брошенная блудница!“ (Исаія XXXIII) „я положу конецъ твоему пѣнію! звуки твоихъ арфъ не будутъ раздаваться!“ (обращеніе Іезекіиля къ городу Тиру въ Финикіи).

Исламиты (Арабы и Турки).

Амброзъ, дѣлая перечисленіе всѣхъ видовъ инструментовъ древняго Востока, говоритъ, что большая часть ихъ произведена Арабами. Размадзе называетъ военную мѣдную трубу Арабовъ *Нэфиръ* и говоритъ, что по наружности она схожа съ нашею европейскою трубою.

Рис. 36.

Уже упомянутый выше арабскій *Cheiroug* изъ Брюссельскаго музея (рис. 36) схожій съ Ассирійскою и Еврейскою трубами, (с. выше р. 33) взятъ изъ старинной коллекціи Фетиса. Онъ сдѣланъ изъ желтой мѣди (латуни).

Даетъ слѣдующіе гармоническіе тоны:

Такія-же трубы, т. е. прямая «безъ всякихъ оборотовъ воздуха» видѣлъ въ Персидскомъ войскѣ во второй половинѣ XVIII ст. генераль майоръ Тучковъ, какъ онъ рассказываетъ объ этомъ въ своихъ запискахъ 1780—1809 г.

Въ турецкой музыкѣ укажу, какъ на остатокъ старины, на такъ насыщаемый *оркестръ янычаръ*; прежде онъ составлялъ исключительную привилегію султана, а теперь введенъ и войскахъ. Въ немъ находятся лишь самыя рѣзкіе по звуку инструменты (духовые и ударные), и между прочимъ *рога* и арабскія трубы *нэфиръ*.

Мы рассмотрѣли довольно подробно рога и трубы народовъ древняго Востока. Бросивъ назадъ общій бѣглый взглядъ, не можемъ не отмѣтить первобытнаго типа древняго прямого инструмента, какъ наиболѣе часто встрѣчающагося — сначала въ видѣ маленькой ручной трубы, а затѣмъ большой и длинной. Общая всѣмъ семитическимъ народамъ эта форма встрѣчается у Ассиро-Вавилонянъ, Евреевъ, Египтянъ, заимствована потомъ Персами и Арабами, а Греками вынесена въ предѣлы нынѣшней Европы. Принятая также Индусами, — еще въ то время, когда они жили рядомъ съ Семитами въ Иранѣ, труба эта занесена была при переселеніи Индусовъ и на полуостровъ Индостанъ. Оттуда она перешла на Цейлонъ Индо-Китай и на острова Малайскаго архипелага, — затѣмъ ее заимствовалъ Китай, передавшій трубу эту подвластнымъ ему племенамъ Тибета и Монголіи (въ томъ числѣ и Кашгарскимъ обитателямъ). При

выселеніи монгольскихъ племенъ въ предѣлы нынѣшней Россіи, прямыя мѣдныя трубы были заимствованы разными восточными племенами, нынѣ подданными русскаго государства, сартами, калмыками, татарами, — отъ которыхъ и перешли затѣмъ къ русскому народу.

По мѣстамъ инструментъ этотъ варьировался, различнымъ образомъ изгибался и проч.

Рога и трубы Африканскихъ негритянскихъ племенъ.

Египетъ въ музыкальномъ отношеніи не могъ не оказать вліянія на сосѣднія съ нимъ негритянскія племена, которыя вообще страстно любятъ музыку и пѣніе. Ливингстонъ свидѣтельствуетъ, что нѣкоторые изъ негровъ пощипываютъ струны своего музыкальнаго инструмента съ утра до вечера, и, когда проснутся ночью, то опять принимаются тотчасъ-же за свое музыкальное занятіе; пѣніе и танцы наполняютъ значительную часть жизни обитателей тропическаго міра. (Народовѣдніе, I, 191). Вообще, обитатели деревень въ Африкѣ имѣютъ большое разнообразіе музыкальныхъ инструментовъ, но у народовъ кочевыхъ преобладаютъ военные рога, сдѣланные изъ роговъ антилопы или изъ высверленныхъ слоновыхъ клыковъ, которые весьма обыкновенны въ З. Африкѣ и Суданѣ (См. рис. 37, военный рогъ изъ слоноваго клыка въ

Рис. 37.

З. Суданѣ. Коллекція Church Missionary Society Лондонъ. $\frac{1}{10}$ натур. величины). Часто они украшаются затѣйливой рѣзбою. Камерунскіе негры (Западная Африка) вырѣзаютъ дудки изъ дерева, или дѣлаютъ ихъ изъ какого-то круглаго плода;

ими готовятся также буйволовые рога, съ очень громкимъ звукомъ ¹⁾. (Народовѣд., II, 353). Характерно, что въ Нильской области да еще, кажется, въ сѣверной Африкѣ рога имѣютъ форму свирѣлей, съ *духовымъ отверстіемъ на заднемъ концѣ* (народ., II, 19). Въ этомъ я вижу наслѣдіе отъ Египтянъ, потому что у негровъ всей остальной — внутренней и западной — Африки рога имѣютъ по большей части *боковое отверстіе*, т. е. представляютъ собою, въ сущности, большія флейты съ низкимъ тономъ.

Ф. Ратцель въ «Народовѣдніи» (т. II, с. 286) пишетъ о рогахъ негровъ верхнихъ и среднихъ Нильскихъ странъ слѣдующее: «они (т. е.

¹⁾ У негровъ о-вовъ Санта Марія также имѣются священные барабаны и трубы.

рога и др. муз. INSTR.) разнообразіе на западѣ, чѣмъ на востокѣ. Особенно тщательность отдѣлки прилагается къ сигнальнымъ рогамъ для войны и колдовства. У Мадіевъ они дѣлаются прямыми и покрываются шкурой ящерицы, а у Латтуковъ—изъ слоновой кости, въ формѣ рога, съ гладкимъ духовымъ отверстіемъ, и тщательно покрываются чехломъ (см. рис. 38, изъ этнографич. музея въ Вѣнѣ). У нихъ же встрѣчаются и сигнальныя трубы, сдѣланныя изъ дерева и покрытыя мѣхомъ или кожей.

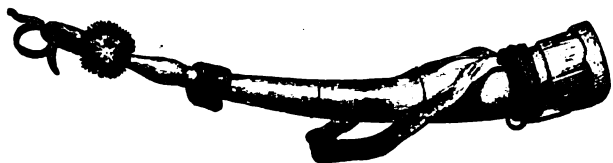

Рис. 38.

Рис. 39.

На рис. 39 воспроизвожу сигнальный свистокъ Ладіевъ (изъ этногр. муз. въ Вѣнѣ).

Вообще, у негровъ рога настолько употребительны, что напримѣръ у Мангабатовъ (внутренняя Африка) преобладаютъ даже надъ маримбами (любимый деревянный инструментъ негровъ — въ родѣ ксилофона) (см. рис. 40, труба изъ слоновой кости Мангабатовъ — колл. Кристи въ Лондонѣ). М. Бухнеръ съ восхищеніемъ говоритъ объ ангольскихъ горнистахъ (З. Африка), разыгрывающихъ трудныя духовыя пьесы на дудкахъ изъ слоновыхъ клыковъ. Въ Камерунѣ эти рога изъ слоновой кости обдѣлываются въ видѣ 4 инструментовъ разной величины, составляющихъ квартетъ, такъ называемый *Пунги*. (Народ., II, 353).

Рис. 40.

Рис. 41.

На рис. 41 помѣщаю изображеніе трубы изъ сухой тыквы, заимствованное изъ таблицы «Оружіе и утварь сѣверо-западной Африки» (Ф. Ратцель, Народовѣдѣніе, т. II, с. 56 — 57). Труба эта получена изъ Старога Калабара и хранится въ Музеѣ народовѣдѣнія въ Берлинѣ.

Въ Музеѣ Брюссельской консерваторіи хранятся пять экземпляровъ роговъ, сдѣланныхъ изъ слоновыхъ клыковъ и полученныхъ изъ страны Конго (страна Стэнли). Размѣры ихъ и тоны, ими издаваемые, слѣдующіе:

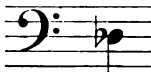

1) 0,19 м.		4) 1,08 м.	
2) 0,25 м.	 (Рис. 42).	5) 1,555 м.	 (Рис. 43).
3) 0,7 м.			

Рис. 42.

Рис. 43.

Отверстіе для губъ дѣлается эллиптической формы. По Magillon'у (Catal., III, 331—332) такія трубы въ Африкѣ въ большомъ ходу и извѣстны подъ разными именами: въ Анголѣ—*нома* или *анума* (сравни выше *нуми*); въ Гвинее—*укное*; въ Конго—*эмбуши* (*embuchi*).

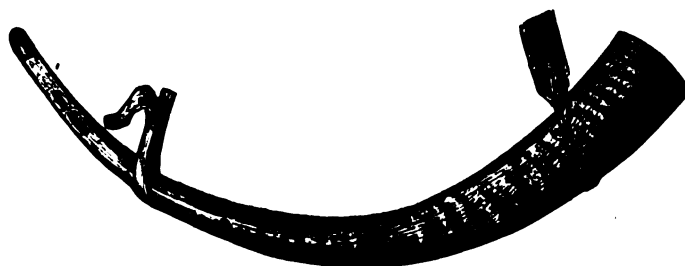

Рис. 44.

На рис. 44 изображена *военная труба* съ восточнаго берега Африки изъ музея Берлинскаго миссіонерскаго дома. (Народовѣд., II, 34—35).

Народы Италиі.

1. Этруски.

Размадзе пишетъ, что вмѣстѣ съ различными стилизмами греческой жизни и греческихъ вѣрованій, перешедшими въ Ю. Италию и Сицилію, благодаря образовавшимся тамъ греческимъ колоніямъ (Тарентъ, Сибарисъ, Сиракузы и проч) перешло на Аппенинскій полуостровъ отчасти и греческое искусство въ нѣкоторыхъ своихъ проявленіяхъ; что же касается негреческаго населенія древней Италиі, какъ напримѣръ Латинцевъ, Самнитянъ и пр., то между ними несомнѣнно первое мѣсто по степени развитія племенной культуры занимали Этруски. Страннымъ въ искусствѣ Этрусковъ выглядитъ то, что на немъ какъ бы отразился до извѣстной степени древній дорійскій стиль, такъ что въ сущности можно было бы предположить, что и здѣсь дѣло не чуждо греческихъ вліяній; но съ другой стороны Этруское искусство не лишено индивидуальныхъ чертъ, такъ что нельзя было бы отказать этому племени въ признаніи за нимъ племенной самостоятельности, племенной силы, могшей производить не мало и своего собственнаго... По сохранившимся и розысканнымъ при раскопкахъ Этрускимъ гробницамъ и по изображеніямъ, на нихъ имѣющимся, можно до извѣстной степени читать прошлое Этрускаго искусства, какъ по изображеніямъ на Египетскихъ древностяхъ. (Размадзе, Ист. муз., стр. 147).

«Военная труба Этрусковъ имѣла нѣчто общее съ Египетскою: въ одной гробницѣ близъ Вульчи найдена въ 1832 году подобная труба, могущая по своей величинѣ быть названною *тубою*. Тонъ такой трубы, вѣроятно, былъ густъ и силенъ; повѣрить этому не трудно, судя по размѣру корпуса ея и раструбу, посаженному на широкую часть корпуса. Экземпляръ этотъ находится въ Ватиканскомъ Этрускомъ музеѣ» (Тамъ же, с. 148).

Другія трубы Этрусковъ извѣстны были и въ употребленіи Римлянъ, которые заимствовали свою музыку частію отъ грековъ, частію же отъ Этрусковъ. Переходя, поэтому, къ разсмотрѣнію формъ Римскихъ трубъ, я буду въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ указывать на принадлежность ихъ въ то же время и Этрускамъ.

2. Римляне.

Римляне были воинственнымъ народомъ, для котораго искусство въ строгомъ смыслѣ этого слова не составляло такой огромной задачи,

*

не имѣло такого огромнаго значенія въ жизни, какое имѣло оно у Грековъ. Тѣмъ не менѣе, многіе изъ музыкальныхъ инструментовъ Эллады извѣстны были и въ Римѣ. Трубы, какъ специально военныя музыкальныя орудія, перешли на Римъ изъ Греціи въ періодъ ихъ усовершенствованія, т.-е. когда онѣ въ Греціи имѣли уже нѣсколько

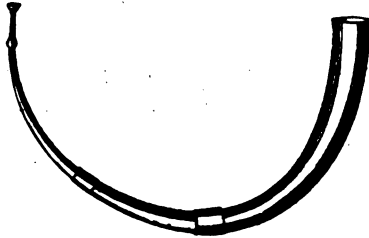

Рис. 45.

разновидностей. Съ прибавленіемъ этрусскихъ роговъ и трубъ, мы видимъ въ обращеніи Римлянъ порядочное разнообразіе инструментовъ этого рода. Разсмотримъ ихъ подробнѣе. Въ Брюссельскомъ музеѣ хранится бронзовая репродукція античнаго *рога Этрусковъ*, извѣстнаго также у Римлянъ, у Грековъ (подъ названіемъ *κέρας*) и у евреевъ (*qeren*) (рис. 45). Оригиналъ хранится въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ. Длина инструмента 1,4 метра. Можно извлечь слѣдующіе тоны:

Lituus, — кавалерійская труба Римлянъ и Этрусковъ. Оригиналъ сохраняется въ музеѣ Ватикана въ Римѣ (найденъ въ могилѣ Этрускаго воина). Длина 1,6 м. (рис. 46). Называется также *Этрускимъ рогомъ*. Бронзовая репродукція въ Брюссельскомъ музеѣ можетъ издавать слѣдующіе тоны:

Рис. 46.

Типъ *Lituus* напоминаетъ китайскую трубу на рис. 22 и еврейскій шофаръ на рис. 34.

Наиболѣе распространенными, однако, трубами Римлянъ были *труба*—прямая труба и *букцина* (или *tuba curva*)—т.-е. изогнутая труба; послѣднее дѣлалось во избѣжаніе слишкомъ большаго увеличенія длины инструмента, который, будь онъ прямой, трудно стало бы дер-

жать въ рукахъ ¹⁾. Изогнувъ же трубу, получили возможность увеличить длину ея и, слѣдовательно, получить большую густоту и силу звука, и въ то же время возможность удобно носить инструментъ.

На Траяновой колоннѣ въ Римѣ изображены трубачи двухъ видовъ (рис. 47): одни играютъ на *тубахъ*—прямыхъ трубахъ, вполне аналогичныхъ съ древне-еврейскими (см. выше, рис. 33), другіе на изогнутыхъ букцинахъ. Фреска изъ Помпеи, воспроизводящая букцинатора отдѣльно, еще яснѣе представляетъ способъ игры на букципѣ, которая, обхватывая тѣло музыканта, поднимается своимъ раструбомъ надъ его головою. Для удерживанія инструмента правую рукою имѣлась особая перекладина (рис. 48).

Рис. 47.

Не могу не указать здѣсь на полную аналогію прямой римской тубы съ соответствующими еврейскою, арабскою, ассирійскою и индусскою трубами; мы видимъ при этомъ, какъ древній типъ музыкальнаго орудія переходитъ отъ одного народа къ другому и, наконецъ, черезъ Грековъ попадаетъ къ Римлянамъ. Хотя и на индусскихъ изображеніяхъ попадались изогнутыя трубы (см. выше, рис. 6, 7 и 9), но изгибъ этотъ имѣетъ мѣстный характеръ (раструбомъ къ игроку) и типъ его иной, чѣмъ у букцины. Разсмотрѣнный нами матеріалъ даетъ возможность вывести заключеніе, что греки, получивъ трубы въ первобытномъ прямомъ видѣ, сами и по своему начали ихъ изгибать,—въ видахъ совершенствованія инструмента. Римляне получили трубы уже въ готовомъ видѣ и, можетъ быть, только отчасти ихъ усовершенствовали, придавъ

Рис. 48.

¹⁾ Что мы и видѣли раньше въ главѣ объ индусскихъ трубахъ.

имъ огромные размѣры для полученія большей силы звука. Науманъ справедливо усматриваетъ въ изображенныхъ на ногахъ Помпейскаго букциатора ботфортахъ (см. рис. 48), что ему приходилось заходить далеко отъ войска, на высоты, среди болотистой и неровной почвы, и подавать издали сигналы сильнымъ и далеко разносящимся звукомъ.

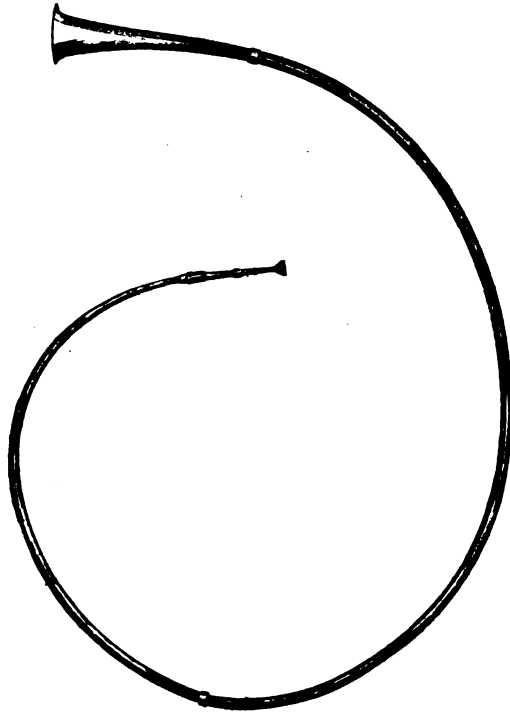

Рис. 49.

Tuba curva или *букцина* Брюссельскаго музея представляетъ собою бронзовую репродукцію инструмента I-го вѣка по Р. Х., хранящагося (въ оригиналѣ) въ національномъ Неаполитанскомъ музеѣ и добытаго изъ раскопокъ въ Помпеѣ (рис. 49). Длина 3,4 м. При помощи современнаго, приставленнаго къ этой трубѣ мундштука, можно извлечь слѣдующую скалу тоновъ:

Древніе такихъ мундштуковъ не знали, — губы игрока вкладывались непосредственно въ открытый конецъ инструмента.

Византія.

Византія была греко-римское государство, принявшее всю культуру Римлянъ, смягченную однако дѣйствіемъ сильнаго вліянія Грековъ; къ этому присоединилось и пестрое вліяніе Востока, пышность котораго содѣйствовала появленію очепь многаго изъ восточнаго обихода и въ Византійской жизни.

Суровые нравы воинственныхъ Римлянъ значительно ослабли въ Византіи. Что касается трубъ, то, повидимому, тяжелыя и сильныя по звуку *букцины* въ концѣ концовъ уступили мѣсто болѣе легкимъ и слабымъ инструментамъ въ формѣ роговъ. Эти, а также и знакомыя намъ старинныя во-

сточныя прямыя трубы, можно видѣть на заглавномъ изображеніи Хлудовской псалтыри, представляющей копию съ Византійскаго подлинника VIII—IX в.в. (рис. 50). Замѣтно только, что прямая труба въ Византіи приняла нѣсколько иной обликъ: сравнивъ ее съ восточными прототипами (см. выше, рис. 6, 7, 16, 20, 21, 31, 33 и 36), мы видимъ у послѣднихъ явственно расходящійся и опредѣленный раструбъ; самая же труба по всей длинѣ почти одинаковаго діаметра. Между тѣмъ Византійскія прямыя трубы упираются къ концу конусомъ, т.-е. постепенно, такъ что спеціального раструба почти не имѣютъ. Въ этомъ отношеніи похожа на Византійскія лишь огромная туркестанская сунпая (см. выше, рис. 29), да и то, я думаю, лишь потому, что дѣлать раструбъ на концѣ ея значило создать такую тяжесть, которую врядъ-ли возможно было бы удержать въ рукахъ. Оттого и индусская труба (см. выше на рис. 8), хотя и имѣетъ раструбъ сравнительно небольшой, страшно тяжела сама по себѣ.

Рис. 50.

На рис. 51, воспроизводящемъ группу лицъ съ изображенія на листѣ 270 Хлудовской псалтыри (переходъ евреевъ черезъ Красное море, Маріамъ поетъ пѣснь и бьетъ въ тимпаны), мы видимъ трубачей, играющихъ на прямыхъ трубахъ такого же спеціально

Рис. 51.

типа, какъ на рис. 51, и на изогнутой трубѣ, въ формѣ рога шофаръ или укороченнаго *lituus* (сравни. выше рис. 36 и 46).

Рис. 52.

На фрескахъ Кіево-Софійскаго собора XI столѣтія работы визан-

тійскихъ художниковъ можно видѣть (въ числѣ группы музыкантовъ и плясунувъ) двоихъ игроковъ на трубахъ византійской формы (рис. 52).

Рис. 53.

Рис. 54.

Фрески Дмитріевскаго собора во Владимірѣ (XII столѣтія) также представляютъ намъ изображенія ангеловъ, играющихъ на прямыхъ трубахъ, украшенныхъ орнаментаціею (рис. 53 и 54). Фигуры вполне византійскаго характера ¹⁾.

Западная Европа.

Науманъ предполагаетъ, что какъ древніе германцы, такъ и прочіе языческіе народы Европы, извѣстные Риму подъ именемъ «варваровъ», вступали въ битвы съ врагами не съ трубами, но съ рогами, сдѣланными изъ бычачьихъ или буйволовыхъ роговъ. Не отрицая справедливости этого предположенія, т. е. что трубамъ вообще въ сѣверной и западной частяхъ Европы предшествовали рога, мы должны, однако, убѣдиться, что и мѣдныя трубы сдѣлались извѣстны здѣсь очень давно. Въ раскопкахъ бронзоваго вѣка въ Даніи

Рис. 55.

найжены были старинные бронзовые инструменты, сохраняющіеся подъ названіемъ *Lur* въ Копенгагенскомъ музеѣ древностей Сѣвера (рис. 55). (Длина 0,91 м.).

¹⁾ Дмитріевскій соборъ построенъ въ 1194—97 гг. Всеволодомъ III Юрьевичемъ. Вообще, въ построеніи владиміро-суздальскихъ храмовъ принимали большое участіе иностранные мастера (нѣмцы, итальянцы и греки). Благодаря этому, Дмитріевскій соборъ покрытъ пестрою смѣсью изображеній какъ западно-европейскаго, такъ и византійскаго характера.

олифанты Карломана, брата Карла Великаго (768 г.). Какъ видно изъ изображенія одного изъ нихъ, общая форма дѣйствительно сохраняетъ видъ натурального рога (рис. 57) и вполне подходитъ къ формѣ только что изображеннаго рога Роланда по рукописи XIV в. Magillon

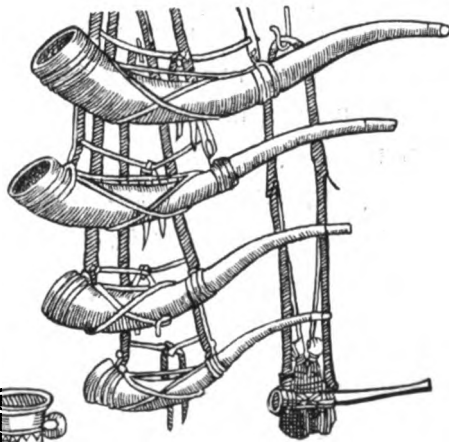

Рис. 57.

извлекъ изъ бронзовой модели этого рога слѣдующіе тона:

Въ теченіе всего періода среднихъ вѣковъ охотничьи рога дѣлались въ 3. Европѣ изъ воловьихъ или буйволовыхъ роговъ, но вельможи обыкновенно замѣняли ихъ серебряными или позолоченными; знатныя дамы носили ихъ на поясѣ во время охоты, изготовляя для этого рога въ уменьшенномъ видѣ. Преторіусъ (Syntagma mus. 1614—1619 г.)

изобразилъ на табл. XXII серію такихъ охотничьихъ средне-вѣковыхъ роговъ (рис. 58).

Въ музеѣ Брюссельской консерваторіи хранится нѣсколько старинныхъ и современныхъ охотничьихъ роговъ, которые сохраняютъ свою древнюю натуральную форму; привожу здѣсь ихъ изображенія.

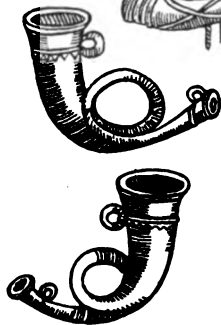

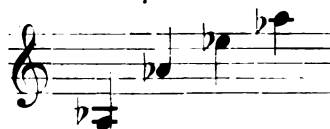
Рис. 58.

Охотничій рогъ (рис. 59). Изъ Германіи. Простой рогъ коровы. Длина 0,22 м. Издаетъ тонъ

Рис. 59.

Охотничій рогъ изъ Франціи (называется еще *huchet*). Деревянный. Длина 0,68 м. Можетъ издавать тоны:

Другой французскій охотничій рогъ совершенно такой же формы, но длиною 1,18 м., даетъ скалу тоновъ:

Англійскій «лѣсной» рогъ (Forester's Horn) (Рис. 60) изъ старинной коллекціи Magillon'a; сдѣланъ изъ красной мѣди, также изогнутъ полукругомъ и издаетъ тоны:

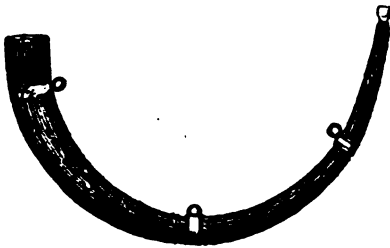

Рис. 60.

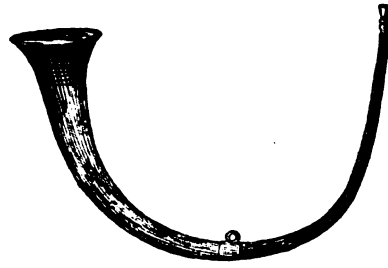

Рис. 61.

Лѣсной рогъ изъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ (Forester's Horn) (рис. 61) изъ стар. колл. Magillon'a, имѣетъ марку мастера John V. Dash, New-York. 1783). Также сдѣланъ изъ красной мѣди. Издаетъ тоны:

Древнѣйшими представителями свѣтской музыки у народовъ романскаго и германскаго происхожденія были такъ называемые *бродячіе люди*, музыканты, существовавшіе подъ разными названіями: *жонглеровъ*, *минестрелей* и проч. Они странствовали въ качествѣ пѣвцовъ, актеровъ или декламаторовъ, причемъ акомпанировали себѣ на разныхъ музыкальныхъ инструментахъ. Фейертагъ называетъ это сословіе, шатавшихся по всей средней Европѣ скомороховъ, потомками древнихъ гладиаторовъ, гистрионовъ и проч., которыхъ распаденіе Римской имперіи заставило разсѣяться между варварами и искать себѣ пропитанія, увеселяя народъ пѣснями и представленіями. Собственно слово *жонглеръ* (*jongleur*, *joculator*, *joglor*) означало *увеселитель*, — то, что на старинномъ нѣмецкомъ

языкъ *Spassmann*, а позднѣе *Spielmann* ¹⁾. Уже писатели VIII вѣка въ своихъ сочиненіяхъ упоминаютъ *joculatores*, *minstrels*, *mimi* и т. п., клеймя ихъ возможно позорными именами, и укоряя вельможъ за то, что они принимаютъ у себя этихъ «оборвышей челоуѣчества». Упреки эти, кромѣ религіозной почвы, имѣютъ своимъ основаніемъ и фанатическое обожаніе греческаго вліянія въ музыкѣ. Такимъ образомъ мы видимъ, что народные увеселители жонглеры появились въ Зап. Европѣ въ первые вѣка христіанской эры,—вѣроятно, даже ранѣе VIII вѣка, и затѣмъ изображенія ихъ можно видѣть въ рукописяхъ XI, XII, XIII и XV вв.

Рис. 62.

Между многочисленными инструментами жонглеровъ Размадзе упоминаетъ духовые инструменты: флейту, трубу, горнъ (т.-е. рогъ), родъ тромбона и волынку *Sack-Pfeife*); разные инструменты встрѣчались во всѣ эти эпохи, при исполненіи solo или въ соединеніи между собою. Древнѣйшими изъ нихъ надо считать, конечно, *roga* ²⁾.

На рис. 62 воспроизвожу изображеніе жонглера съ рукописи XI вѣка Национальной библіотеки въ Парижѣ. Трубя въ рогъ, онъ сзываетъ или даетъ сигналъ къ началу представленія, ко-

торое поведетъ, очевидно, съ акомпаниментомъ болѣе содержательнаго инструмента, — струннаго псалтыря треугольной формы, такъ какъ послѣдній онъ держитъ наготовѣ лѣвою рукою.

Появленіе трубъ въ З. Европѣ во всеобщемъ обращеніи и введеніе ихъ въ войска совершилось, по мнѣнію Наумана, не раньше XII сто-

¹⁾ Перешло и на русскій, подъ названіемъ *шымъ* — скоморохъ, бродяга, вообще темная личность.

²⁾ Кромѣ народной музыки и ея представителей, съ XI в. въ Зап. Европѣ начинается распространяться любовь и вкусъ къ пѣнію и музыкѣ въ обществѣ между интеллигенціею. Такимъ образомъ, появляются благородные и титулованные пѣвцы и поэты даже при дворахъ средневѣковыхъ королей: они назывались *трубадурами*—въ Испаніи, *труверами*—во Франціи и *миннезингерами*—въ Германіи. Народные бродячіе виртуозы (жонглеры) часто поступали къ нимъ на службу, въ качествѣ помощниковъ, вторыхъ исполнителей или акомпаниаторовъ,—уже съ XII вѣка. Трубадуры также употребляли множество различнаго рода музыкальных инструментовъ и съ охотою перенимали новые, встрѣченные ими. Отъ нихъ, въ свою очередь, музыкальныя орудія воспринимались при дворахъ и въ интеллигенціи Зап. Европы, гдѣ бывали трубадуры, сдѣлавшіеся во многихъ случаяхъ страстными.

лѣтія, то-есть въ эпоху Крестовыхъ походовъ. «Между духовыми инструментами, — пишетъ Науманъ, — употреблявшимися во времена придворной поэзіи, ранѣ всего мы встрѣчаемъ тѣ изъ нихъ, которые были привезены крестоносцами въ Европу. Первоначально рыцари познакомились съ ними у своихъ враговъ на востокѣ; и звуки, возбуждавшіе храбрость и любовь къ битвамъ, такъ пришлись по душѣ имъ, что они выступали въ походъ противъ невѣрныхъ не иначе, какъ при звукахъ боевой музыки, перешедшей къ нимъ отъ послѣднихъ. Къ военнымъ музыкальнымъ инструментамъ принадлежали тогда *литавры, трубы, барабаны и рога*» (стр. 239)... «Весьма даже возможно, что наша современная труба—арабскаго происхожденія, какъ равно и вся наша военная музыка—заимствована съ Востока, такъ какъ все болѣе и болѣе выясняется, что послѣдняя была введена въ христіанскую Европу лишь послѣ крестовыхъ походовъ»... «Во всякомъ случаѣ, турецкій барабанъ и введенный въ армию нашу лишь немного лѣтъ тому назадъ маленькій барабанъ, подобіе или родственныя формы котораго мы встрѣчаемъ въ концѣ среднихъ вѣковъ. далѣе—наши литавры, треугольники, тарелки и маленькія пикколо, такъ же, какъ нынѣ введенное въ нѣкоторыхъ полковыхъ оркестрахъ *Мажмедово знамя* (бунчукъ) и переносные колокольчики (такъ называемый *Glockenspiel*), — всѣ эти инструменты пришли къ намъ отъ Османскихъ турокъ, и этимъ объясняется существовавшее прежде и даже сохранившееся понынѣ названіе «турецкой музыки» (стр. 101—102).

Рис. 63.

Рис. 63, воспроизведенный съ рукописи XV в. изъ Національной бібліотеки въ Парижѣ, изображаетъ трубачей, изъ которыхъ одинъ играетъ на простой трубѣ, а другой на трубѣ, украшенной завѣсою (какъ китайская, которую мы видѣли раньше, на рис. 21). Это музыканты, увеселяющіе пирующихъ на банкетѣ кавалеровъ и дамъ: съ одной стороны играютъ упомянутые трубачи, а съ другой—исполнители на струнныхъ инструментахъ. Мы видимъ здѣсь прямую восточную форму трубы. Украшеніе завѣсами практиковалось не только въ Зап. Европѣ, но какъ мы видѣли — на Востокѣ, а также и въ Россіи, въ особенности для военныхъ трубъ. Въ «Собраніи рисунковъ» Мейерберга (XVII столѣтія) на листѣ, изображающемъ вѣздъ въ Москву римско-императорскаго посольства (1660—62 г.), показаны трубачи служив-

шихъ въ Россіи нѣмецкихъ полковъ, играющіе на трубахъ съ завѣсами и русскіе трубачи, съ подобными же инструментами (рис. 64).

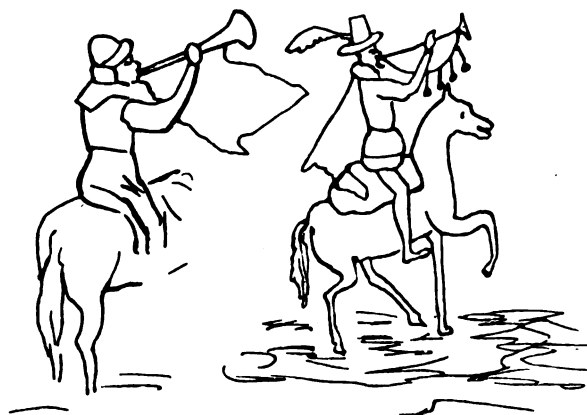

Рис. 64.

Общественное значеніе трубъ въ средніе вѣка подтверждается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что съ XV и XVI в. въ городахъ образуются гильдіи городскихъ рожечниковъ (*Stadtzinkenisten*) и *трубачей ратуши* (*Rathstrompeter*). Эти учрежденія выработались изъ прежнихъ обществъ городскихъ дудочниковъ (*Stadtpfeifer*), въ которыя объединялись странствующие музыканты.

Первоначальныя прямыя формы французскихъ трубъ можно видѣть въ сочиненіи *I. B. L. Carré* (1795 г.): «*Panoplie ou reunion de tout ce qui a trait à la guerre depuis l'origine de la nation Française jusqu'à nos jours*». Chalon sur Marne et Paris, на таб. XIV. Форма, какъ видимъ на рис. 65, совершенно восточная, напоминающая индусскія (рис. 8), китайскія (рис. 21), еврейскія (рис. 33), арабскія (рис. 36), римскія (рис. 47), византійскія (рис. 63 и 64) и другія подобныя же древнія трубы; украшена завѣсою.

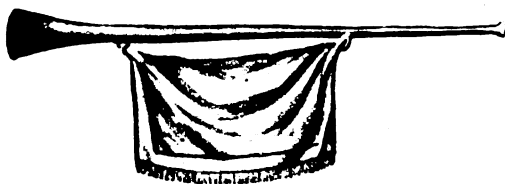

Рис. 65.

Рис. 66.

На рис. 66 воспроизвожу подобнаго же типа *нѣмецкій охотничій рогъ* изъ старинной коллекціи *Magillon'a*. Сдѣланъ изъ мѣди. Длина 0,32 м.; можно издавать только основной тонъ и его октаву.

Позднѣе, во Франціи трубы дѣлались изъ трехъ колѣнъ, расположенныхъ на равныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ и снабженныхъ попе-

речными перемычками (см. Carrè, тамъ же, рис. 67). Судя по изображенію ангела на карт. Фра-Анджелико-да-Фіезоло (1387—1455) такой за-

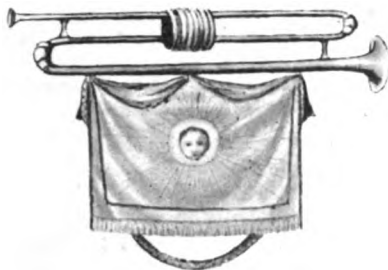

Рис. 67.

Рис. 69.

гибь трубамъ придавался въ Италиі уже съ XIV столѣтія (рис. 68). Въ Syntagma musicum XVII ст. (у Преторіуса) мы встрѣчаемъ аналогичную форму трубы и въ Германіи (рис. 69).

На той же XIV-й таблицѣ Carrè изображена еще французская старинная труба, имѣющая типъ римской *lituus* (ср. выше рис. 46). Она и названа авторомъ *Litue*

Рис. 68.

(рис. 70). На страницѣ 149 объяснено: «*Litue* — родъ трубы, похожій на *stromorne*, длинной и отогнутой на концѣ» ¹⁾. Очевидно, эта труба есть прямой потомокъ античной *lituus*, занесенной въ Галлію римлянами.

Рис. 70.

Всѣ эти формы, однако, потомъ получили видъ, въ которомъ дошли и до нашего времени, т.-е. начали приготовляться изъ 3 колѣнъ, плотно прилегающихъ одно къ другому. На рис. 71 воспроизвожу нѣмецкую трубу такого рода изъ старинной коллекціи Магильона (въ тонѣ *ми*), на рис. 72 шведскую трубу,

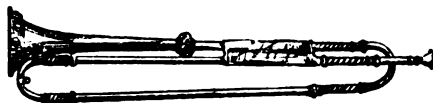

Рис. 71.

¹⁾ *Stromorne* — итальянскіе язычковые инструменты, въ родѣ гобоевъ, но по вѣншей формѣ похожи на античный *lituus* (по нѣмецки — *Krumbhörn*, *Pommer*).

находящуюся въ Кремлевскомъ дворцѣ въ Москвѣ, и отбитую Петромъ I 8 июля 1709 г. подъ Полтавой. Длина 1,48 м. Издаётъ натуральные тоны:

Рис. 72.

На рис. 73 — старинная французская труба по изображ. Саггè (таб. XIV).

Обратившись назадъ, мы видимъ на рис. 14 индусскую трубу подобнаго-же изогнутаго типа, какъ и на рис. 71 72 и 73. Отсюда, однако, нельзя еще сдѣлать вывода о заимствованіи этой формы европей-

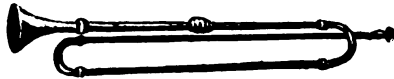

Рис. 73.

цами съ Востока. Напротивъ того, въ старинныхъ изображеніяхъ трубъ восточныхъ народовъ мы видимъ всегда или *прямые* формы, или-же изогнутыя въ родѣ естественныхъ роговъ (см. рис. 10 и отчасти рис. 9). Всѣ разсмотрѣнные выше случаи также указываютъ намъ, что старыя формы з.-европейскихъ трубъ были сначала *прямые*, т.-е. въ томъ видѣ, какъ онѣ заимствовались съ Востока.

Изгибать трубы начали въ 3. Европѣ примѣрно лишь съ XIV столѣтія (см. выше рис. 68) ¹⁾. Приведенная-же на рис. 14 индусская труба, инструментъ сравнительно новый (хранится въ Музеѣ Брюссельской Консерваторіи). Ни въ обиходѣ восточныхъ народовъ нынѣшняго времени, ни въ литературѣ прежнихъ вѣковъ, мы совершенно не встрѣчаемъ на Востокѣ изогнутыхъ такимъ образомъ трубъ. Это и даетъ мнѣ смѣлость утверждать, что форма трубъ, изображенная на рис. 71, 72 и 73, *выработана въ Западной Европѣ*, будучи здѣсь получена изъ прямой восточной трубы путемъ постепенной эволюціи инструмента.

Какъ особенно оригинальные типы изогнутыхъ западно-европейскихъ трубъ, приведу слѣдующіе:

Chorus. Извѣстный по рукописямъ съ XII столѣтія. Описанъ и изображенъ Себастьяномъ Вирдунгомъ въ Musica getutscht und ausgezoge, Strassbourg, 1511) и Преторіусомъ въ 1614 г. Synt. mus. См. Theatrum Instrumentorum, pl. XXXII). Репродукція chorus находится

¹⁾ Французская Litne въ счетъ не идетъ, ибо она взята съ римской cithuus.

въ Брюссельскомъ музеѣ. Длина его 0,885 м. (Рис. 74). Развѣтвленіе трубнаго ствола музыкальнаго значенія не имѣетъ. Magillon извлекъ слѣдующую скалу изъ этой модели:

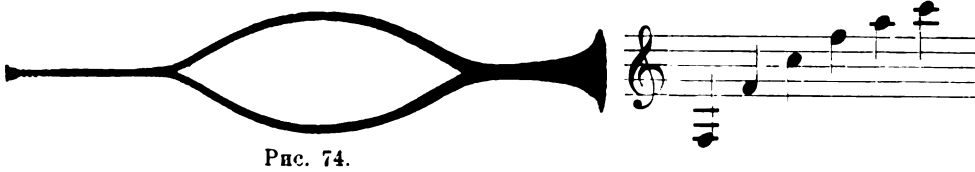

Рис. 74.

Бельгійскій *Stopf Trumpet*, изъ стар. колл. Magillon'a (рис. 75).
Даетъ тонъ *fa*.

На согнутой трубѣ (*Tuba curva*) еще въ 1798 г. обучали игрѣ въ парижской консерваторіи. Мегюль примѣнилъ ее въ своей оперѣ «Юсифъ въ Египтѣ».

Весьма характернымъ является обстоятельство, что на Востокѣ трубы не получили развитія, оставшись инструментомъ для войны или сигналовъ, такъ какъ отсутствіе отверстій для пальцевъ на восточныхъ трубахъ повсемѣстное. Эти музыкальныя орудія, такимъ образомъ, могутъ производить только натуральные тоны, т.-е. такъ называемыя фапфары.

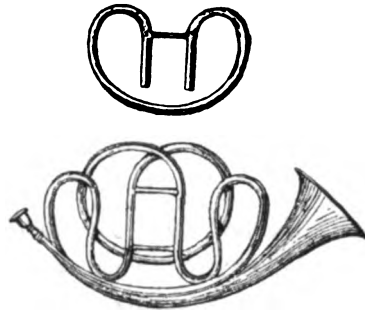

Рис. 75.

Въ Западной-же Европѣ трубы стали совершенствоваться, и, съ придачею имъ боковыхъ отверстій, введены были въ семью инструментовъ для музыки. Италия въ этомъ отношеніи, насколько можно судить, первая подала примѣръ, сдѣлавъ въ прямыхъ деревянныхъ трубахъ по длинѣ ихъ голосовыя отверстія для пальцевъ рукъ. Потомъ начали придѣлывать и клапаны. Названы были эти инструменты *Cornetti* (уменьшенное отъ *corn*—рогъ). Преторіусъ на таб. XIII воспроизводитъ два

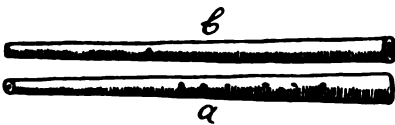

Рис. 76.

Рис. 77.

такихъ инструмента: Рис. 76 а) — видъ сверху, съ 6 отверстиями; б) видъ его-же снизу съ 7-мъ отверстиемъ, — и на рис. 77 подобный-же корнетъ, но съ клапаномъ, приспособленнымъ для 8-го отверстия. Такіе клапаны, — въ родѣ устраиваемыхъ нынче на деревянныхъ духовыхъ инструментахъ, начали придѣлываться, какъ мы видимъ, уже съ начала

XVII столѣтія, а, быть можетъ, и раньше. Преторіусъ называетъ эти инструменты ихъ итальянскимъ именемъ: *Cornetti tutti*, переводя на нѣмецкій: *stille Zinken* ¹⁾). Подобнаго типа корнеты извѣстны были не только въ Италіи, но во Франціи и Германіи до XVIII столѣтія. Дѣлались они изъ дерева и имѣли разные размѣры—*сопрано*, *теноръ* и *басъ*. Воспроизвожу нѣсколько рисунковъ и описаній (изъ каталога Брюссельскаго музея) хранящихся тамъ итальянскихъ корнетовъ, пріобрѣтенныхъ изъ старинныхъ коллекцій, — или-же сдѣланныхъ съ нихъ репродукцій.

Обыкновенный прямой корнетъ или теноръ изъ коллекціи графа Піетро Корреръ. Безъ клапановъ, деревянный, съ 6 отверстіями сверху и однимъ снизу; совершенно схожъ по формѣ съ изображеніемъ у Преторіуса (см. рис. 76 и 77). Длина 0,645 м. Даетъ скалу тоновъ:

Малый корнетъ сопрано (къ тенору). Изъ Вѣны. Точно такой-же; отличается лишь меньшей длиною (на $\frac{1}{3}$ приблизительно).

Корнетъ теноръ изъ Италіи; хранится въ муниципальномъ музеѣ въ Веронѣ (рис. 78), имѣетъ уширенную часть на концѣ, въ родѣ раструба. Длина 0,69 м. Скала

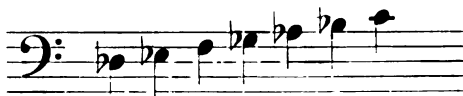

Рис. 78.

Рис. 79.

Басъ корнетъ изъ муниц. муз. въ Веронѣ, (рис. 79). Длина 1 м. Издаетъ тоны:

Басъ корнетъ оттуда-же (рис. 80), длиною 0,95 м. Одинъ клапанъ. Издаваемая скала:

¹⁾ Прямые корнеты въ Германіи вообще назывались *Zink*, а согнутые—*горбатыми*.

Изогнутый (горбатый) корнетъ муницип. музея въ Веронѣ (рис. 81).

Итальянскій корнетъ, оттуда же, изогнутой формы, въ родѣ римской *lituus* (рис. 82), деревянный, съ придѣланнымъ мундштукомъ. Длина 0.68 м. Скала

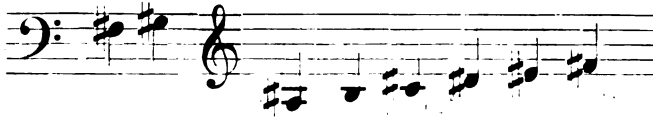

Рис. 80.

Рис. 81.

Есть въ музеѣ Брюссельской консерваторіи и репродукція нѣмецкихъ корнетовъ германскаго музея въ Нюрнбергѣ. Они почти ничѣмъ не отличаются отъ итальянскихъ, только имѣютъ 8 отверстій.

Рис. 82.

Въ концѣ XVIII столѣтія одиѣ англичанинъ примѣнилъ устройство клапановъ къ мѣдной трубѣ, назвавъ новый инструментъ *Horn-bugle*.

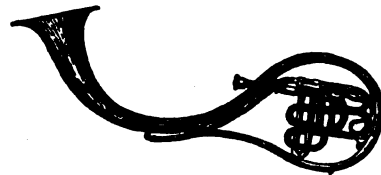

Рис. 83.

Примѣняя затѣмъ эту-же конструкцію къ инструментамъ разныхъ регистровъ, получили семейство новыхъ мѣдныхъ инструментовъ, которые и назвали *офicleидами* (сопрано, альтъ, теноръ, басъ). На рис. 83 изображаю *Bugle-tenor* изъ старинной коллекціи Magillon'a (изъ С. Америки). Даетъ тона:

На рис. 84. *Ophicleïde basse* (*Ophicleïde monstre*—самый большой изъ всего семейства (длина 1,48 м.). Одинъ изъ инструментовъ такого типа называется *basson russe* (изъ стар. колл. Magillon'a). Длинною 0,98. Скала:

Вообще названіе *basson* было присвоено этимъ инструментамъ, если они клапановъ не имѣли (см. рис. 86, крайній музыкантъ съ лѣв. стороны), а если съ клапанами, то назывались *офikleидами*.

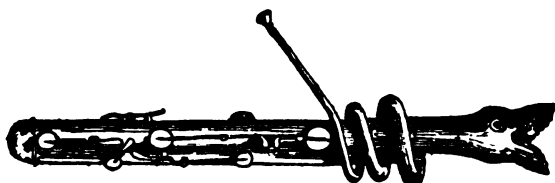

Рис. 84.

Серпанъ (Serpent)—по итальянски *serpentone*—змѣиная труба. Инструментъ, примѣнявшійся во французскихъ

церквахъ при богослуженіи и въ военной музыкѣ. Изобрѣтенъ въ 1590 г. Оксерскимъ каноникомъ Эдмомъ Вильгельмомъ. Склеивался изъ

Рис. 85.

двухъ плоскихъ выточенныхъ кусковъ дерева и снаружи обтягивался кожей. Трубка его въ началѣ напоминала естественный рогъ (см. выше. рис. 11), а потомъ, въ позднѣйшихъ формахъ, изгибалась змѣеобразно или же складывалась на подобіе флагога. Впослѣдствіи къ серпану придѣланы были клапаны, какъ въ офikleидахъ, и форма его усложнилась. На рис. 85 представленъ одинъ изъ такихъ сложныхъ типовъ *Серпана* работы Амстердамскаго мастера L. Embach et Co изъ стар. колл. Magillon'a.

Инструментъ изъ дерева, арматура изъ мѣди. Скала:

Фетисъ въ началѣ XIX столѣтія (см. «Музыка понятная для всѣхъ», стр. 132) пишетъ: «Серпанъ—инструментъ грубый, утомляющій слухъ въ церквахъ французскихъ, но не безъ пріятности въ музыкѣ военной, если соединенъ съ другими низкими инструментами, каковы тромбонъ и офikleиды».— «Изгнаніе серпана изъ церквей будетъ вѣрнымъ шагомъ къ хорошему вкусу въ музыкѣ».

Тромбонъ (нѣмецкое названіе *posaune*). Такъ называются трубы, въ которыхъ тона производятся открытыми звуками при помощи кулисы, передвигаемой игрокомъ. Тромбоны извѣстны съ XVII столѣтія. Привожу изображенія 6 музыкантовъ, играющихъ: трое на инструментахъ съ язычками (въ родѣ гобоевъ), одинъ *ни тромбонъ*, одинъ на изогнутомъ корнетѣ (или на примитивномъ *серпаннѣ*), и одинъ

на *basson* (рис. 86). Этот рисунок заимствованъ съ картины Ванъ Альслоота 1616 г., изображающей религиозную процессію въ г. Анверѣ, въ день праздника св. дѣвы Розаріа, и находящейся въ Мадридскомъ національномъ музее живописи и скульптуры.

Выше, на рис. 69 (изъ Преторіуса), можно видѣть грубое изображеніе тромбониста XVII столѣтія. Тромбоны дѣлались трехъ типовъ: *альтъ*, *теноръ* и *басъ*.

Во 2-й половинѣ XIX столѣтія начали къ тромбонамъ примѣнять пружинные клапаны Штельцеля (вмѣсто выдвигной трубы), причемъ получали сперва сложныя формы, въ родѣ изображенной на рис. 87 (тромбонъ въ *si*, 2 работы 1856 г. Ф. Бессона) изъ коллекцій Брюссельскаго музея; или на рис. 88, оттуда же. Въ наше время внѣшній видъ тромбона выглядит проще; примѣняются еще и раздвижныя тромбоны, безъ клапановъ (см. рис. 91).

Рис. 86.

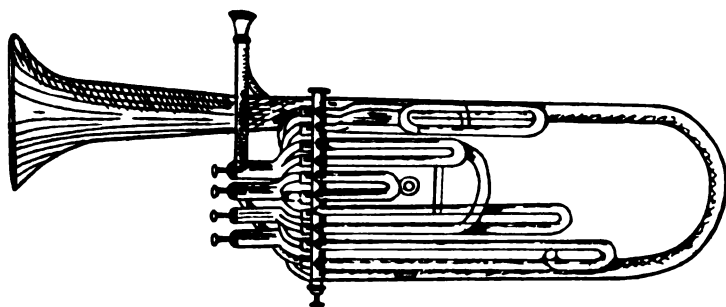

Рис. 87.

Валторна. Охотничьи рога во Франціи дѣлались сначала изъ *козлиныхъ роговъ* (*cornet à bouquin*). По С. Вирдунгу, охотничій рогъ XVI вѣка (1511 г.) былъ еще маленькимъ примитивнымъ инструментомъ. Въ 1630 г. во Франціи появились большіе охотничьи рога (*Trompes de chasse*); первая партитура, въ которой они встрѣчаются, — «Princesse d'Elide» Люлли (1664). Въ 1753 г. Гампель въ Дрезденѣ изобрѣлъ закрытые тоны (вставляя въ раструбу руку) и Гальтенгофъ

снабдилъ валторну задвижкой, служащею для настраиванія. Съ 1815 г.

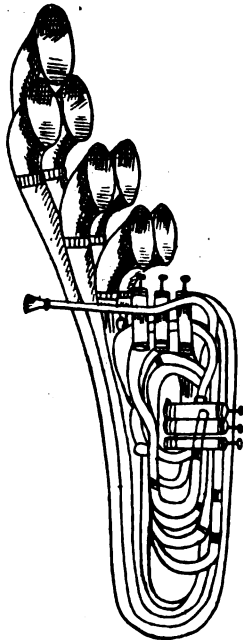

Рис. 88.

валторна получила вентиля, т.-е. пружинные поршни или клапаны, примѣненные потомъ и ко всѣмъ мѣднымъ инструментамъ. Изобрѣтены они (т.-е. пружинные клапаны) въ 1790 г. Клаггетомъ, и усовершенствованы въ 1813 г. силезцами Блюмелемъ и Штѣльцлемъ. Ученый историкъ музыки и музыкантъ Фетисъ во 2-й четверти XIX столѣтія пишетъ объ этихъ вентиляхъ слѣдующее: «Это улучшение, усовершенствованное многими мастерами мѣдныхъ инструментовъ, будетъ когда-нибудь великимъ пособіемъ; но оно не вездѣ еще принято» (Муз. пон. для всѣхъ, стр. 129). «Посредствомъ этихъ вентиляхъ столпъ воздуха въ трубѣ по произволу можетъ приводиться въ сообщеніе съ таковымъ же въ прибавочныхъ трубкахъ,

Рис. 89.

благодаря чему на всѣхъ нотахъ можно получать открытые звуки, которые всегда ярки и чисты».

Въ настоящее время поршневые клапаны или вентиля, какъ уже сказано выше, примѣнены на всѣхъ мѣдныхъ инструментахъ—трубахъ, тромбонахъ, валторнахъ и корнетахъ. Последніе получили названіе *корнетовъ съ пистонами* (cornet à pistons). Но прежде чѣмъ получить свою постоянную форму, корнеты,—это сопрано въ мѣдномъ хорѣ,—прошли еще черезъ разные болѣе или менѣе сложные типы, въ родѣ изображеннаго на рис. 89—корнетъ въ *si ♭* изъ стар. колл. Magillon'a (раб. С. Сах, въ Брюсселѣ).

Теперь мѣдный хоръ представляетъ сложную группу прекрасно звучащихъ и усовершенствованныхъ инструментовъ, прошедшихъ въ Западной Европѣ различныя стадіи преобразованія, изъ которыхъ нѣкоторыя я и указалъ въ настоящемъ бѣгломъ очеркѣ. Составляя отдѣльный военный оркестръ, этотъ мѣдный хоръ въ то же время почти цѣликомъ входитъ въ симфоническій и оперный оркестры. Старинный типъ мѣдной трубы, безъ вентиляхъ и голосовыхъ отверстій, также примѣняется въ современномъ оркестрѣ при исполненіи въ маршахъ воинственныхъ фанфаръ, производя особенно яркіе и чистые тона, какихъ трубы съ вентилями не могутъ дать. Сохранилось даже старинное обык-

повеніе украшатъ эти трубы, но не завѣсами, а цвѣтными шнурами съ кистями. Завѣсы примѣняются только въ историческихъ процессіяхъ,

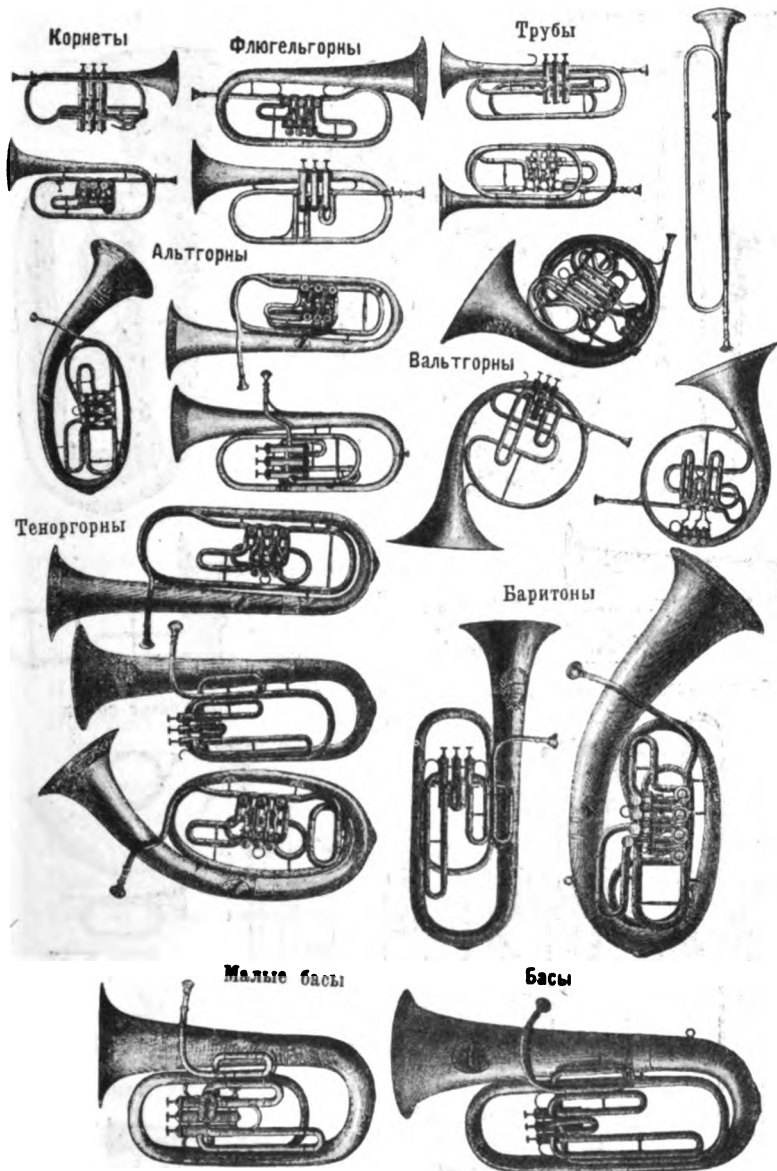

Рис. 90.

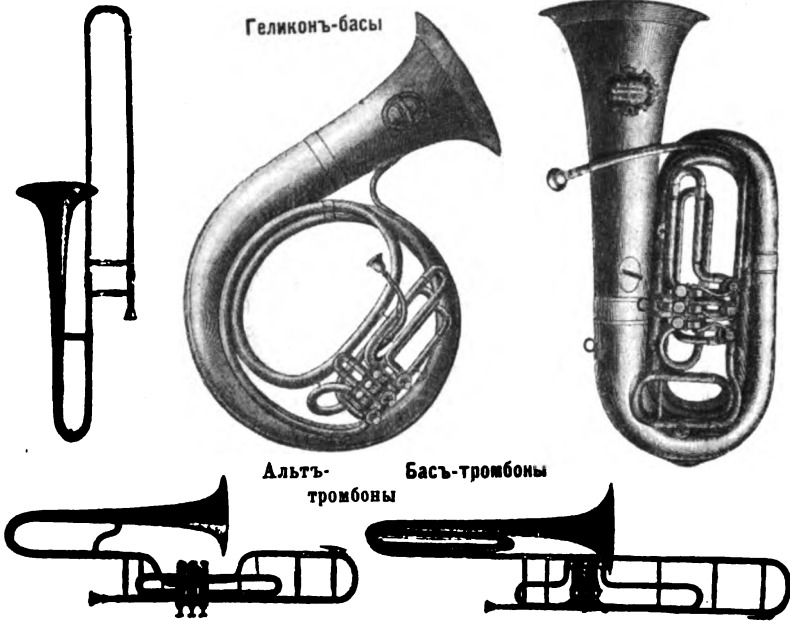
какъ напримѣръ при объѣздахъ герольдовъ, возвѣщающихъ на улицахъ о смерти государей, коронаціи ихъ и проч. ¹⁾). Сохранились также и

¹⁾ Въ Illustration за 1902—1903 г. есть изображенія герольдовъ и трубачей, объявляющихъ въ Индіи о восшествіи на престолъ Эдуарда. Трубачи играютъ на инструментахъ формы рис. 14, украшенныхъ завѣсами, причѣмъ англичане чередуются съ туземцами (сипаями).

старинные раздвижные тромбоны, которые многими предпочитаются тромбонамъ съ вентилями.

Раздвижные тромбоны.

Контрабасы

Теноръ-тромбоны Сигнальныя трубы съ вентилями (Фанфары).

Охотничьи рожки.

Рис. 91.

Рупоръ.

На рис. 90 и 91 помѣщаются таблицы собранія инструментовъ современнаго мѣднаго хора.

ОТДѢЛЪ II.

Трубы русскія.

Рога на Руси.

Въ старину на Руси въ большомъ употребленіи были *туры рога*, которые и надо считать древнѣйшими изъ славянскихъ типовъ трубъ. Остатки этого обычая,—играть на рогахъ,—можно видѣть еще и теперь въ народныхъ пѣсняхъ и былинахъ. Такъ напримѣръ, въ былинѣ о Василѣ Окулевичѣ (изъ сборника изд. Импер. Рус. Геогр. Общества «Пѣсни русскаго народа, собр. въ губ. Архангельской и Олонецкой въ 1886 г.», Спб. 1894 г., стр. 62) говорится:

Ужь я смолоду охотникъ былъ коровъ пасти,
Я охотникъ былъ играть *во турей рогъ*.
Поиграть-ли мнѣ при скорой при смеретушки!..
...Какъ онъ первой разъ-то затрубилъ во турей рогъ,
Да и высокіи-то горы пошаталиси;
Другой разъ какъ затрубить во турей рогъ,
Още темными-то лѣсы повалялися.
Още третій разъ какъ затрубить во турей рогъ,
Още по морю пошель-то шумъ великъ! ¹⁾.

Пастухи на Руси постоянно были носителями и распространителями игры на рогахъ и на рожкахъ. Въ приведенномъ отрывкѣ это обстоятельство отгѣнено весьма характерно, указывая, что герой быliny научился играть «во турей рогъ», когда былъ пастухомъ.

Коровьи пустотѣлые рога и теперь еще примѣняются въ качествѣ раструбовъ, приставляемыхъ народными деревенскими русскими виртуозами къ изготовляемымъ ими *жалтѣйкамъ*.

¹⁾ *Вариантъ*: Ужь ты ой еси, Васинька прикрасной—царь! Ужь какъ дай мнѣ заиграть во турей рогъ. Заиграть во первой наконъ поныце во турей рогъ, кабы весь тутъ народъ остановились, онъ игралъ сколько надомно во турей рогъ, кабы тутъ впередъ да повели его“ и т. д. (Печорскія быliny, Зап. Имц. Рус. Геогр. О-ва по отд. этнографіи. Зап. Ончуковъ. Спб. 1904 г., т. XXX, № 27. Соломовъ Премудрый и Васька Окуловъ. 255, 265).

Въ Олонецкой губерніи очень часто пастушьи трубы дѣлаются по формѣ натуральныхъ роговъ животныхъ (см. рис. 92). Изготавливаются онѣ изъ дерева, обвитого снаружи корою березы (берестой). Эта имитация древняго натурального рога весьма характерна и указываетъ намъ, что когда турьихъ роговъ не стало, — за недостаткомъ для нихъ природнаго матеріала, — они скопированы были изъ дерева. Благодаря приверженности русскаго народа къ старинѣ, эти подражанія турьимъ рогамъ сохранились въ глухихъ уголкахъ Олонецкой губерніи, гдѣ не исчезаютъ и теперь, будучи вновь повторяемы и изготовляемы. Рожокъ, изображенный на рис. 92, находится въ Русскомъ Музеѣ Императора

Рис. 92.

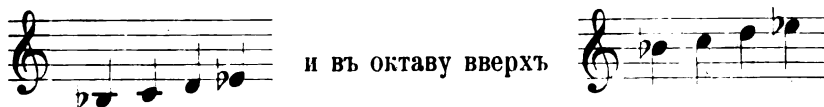
Александра III въ С.-Петербургѣ, имѣеть въ длину 0,4 метра, діаметръ раструба 0,055 м.; 4 отверстія для пальцевъ рукъ позволяютъ извлекать мелодію въ интервалѣ древнѣйшихъ русскихъ пѣсенъ, — квинты. Амбурной чашечки нѣтъ: губы игрока прямо вкладываются (частію) въ узкій конецъ инструмента. Въ данномъ экземплярѣ къ нему придѣлана крышечка изъ бересты, имѣющая лишь значеніе закрывать мундштукъ отъ пыли, когда на инструментѣ не играютъ. При игрѣ эта крышечка отгибается въ сторону.

Совершенно такой же экземпляръ имѣется въ моей коллекціи, только безъ крышечки у мундштука. Длина его 0,31 м.; діаметръ раструба 0,05 м.; боковыхъ отверстій столько же (4). Благодаря несовершенству этого музыкальнаго орудія и его первобытнаго мундштука — амбушура, съ большимъ трудомъ можно извлечь только слѣдующіе тоны:

Козлиные рога до сихъ поръ еще употребляются эстонцами въ качествѣ музыкальнаго инструмента, на которомъ наигрываются танцы, совместно съ волянкою (дудельзакъ) во время эстонскихъ народныхъ вечеринокъ, на островѣ Эзелѣ. Миѣ доставленъ экземпляръ такого рога съ о. Эзеля (см. рис. 93). Амбуръ здѣсь выточенъ въ глубину, въ

видѣ продолговатой чашечки, позволяющей губамъ игрока помѣститься относительно хорошо, такъ что можно довольно чисто извлечь, перебирая 3 боковыя отверстія для пальцевъ, слѣдующіе тона:

Длина рога 0,29 м.,
діаметръ раструба 0,055
× 0,03; амбушуръ 0,03
× 0,0125 м. По свидѣтель-
ству финскаго ученаго про-
фессора М. И. Веске, *рогъ*

Рис. 93.

упоминается въ народныхъ эстонскихъ сказаніяхъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ описывается состязаніе Бога съ злымъ духомъ (*der alte Böse*), выразившееся, между прочимъ, въ томъ, что Богъ началъ строить *арфу* (*kannel*), а дьяволъ *рогъ*, но былъ побѣжденъ, ибо инструментъ его звучалъ хуже, чѣмъ Божья арфа (см. Фаминицынъ, Гусли, стр. 51).

Протоіерей Дм. Разумовскій въ трудахъ 1-го Археологическаго съѣзда въ Москвѣ въ 1869 г. (Москва. 1871, I) пишетъ, что «*пастушій рожокъ* дѣлался изъ рога животнаго». Объ этомъ подробнѣе будетъ сказано ниже, въ особой главѣ о пастушьихъ рожкахъ. Да, наконецъ, и самое названіе *рожокъ* показываетъ происхожденіе его отъ слова *рогъ*, въ уменьшенной формѣ, подобно тому, какъ западно-европейское *corn* имѣетъ производную въ такой же уменьшенной формѣ *cornet*.

Въ словарѣ К. П. Берынды XVII столѣтія (1627 г.) слово *рогъ* переведено: «крѣпость, сила, всего войска ушикованье». Тамъ же: «*рогъ христіанскій*—ушикованное войско христіанское до бою». Въ «сказаніи о неудобъ понимаемыхъ *рычгахъ*» (великорус. словарь конца XVI — начала XVII в.) слово *рогъ* также переведено въ общемъ значеніи его, т.-е. *сила, крѣпость*; но въ словѣ *органъ* — «въ писаніи наречется сосудъ гудебный, яже суть сія: труба, свирѣль, *рогъ*, тимпаны, кимвалы», — мы видимъ уже названіе это въ специальномъ его значеніи музыкальнаго орудія¹⁾.

Михневичъ, (въ Оч. ист. муз. въ Россіи, с. 28), цитируя «сказаніе о Мамаевомъ побойцѣ», говоритъ, что по достиженіи побѣды «рози великаго князя взревѣли славу его по всѣмъ землямъ».

¹⁾ Сахаровъ, Сказ. рус. нар., 1849, т. II.

При описаніи шуточного шествія 1714 г. на свадьбѣ князя-папы Н. М. Зотова (Голиковъ, Дѣянія П. В., VI, 280), мы встрѣчаемъ въ перечисленіи русскихъ народныхъ инструментовъ: «*пять роговъ большихъ... три пастушьихъ роговъ, да три егерскихъ, да два почтовыхъ рожка... три трубы, три артиллерійскіе рога*».

Рис. 94.

О егерскихъ или охотничьихъ русскихъ рогахъ говорятъ также иностранные авторы XVIII столѣтія. *Lebrun* (Voyages. 1732, III, 113) называетъ самыми обыкновенными инструментами русскихъ: «*la harpe, les timbales, la cornemuse, le cor de chasse*». Въ сочиненіи 1721 г. «*Das veränderte Russland*»

Рис. 95.

поименованы слѣдующіе русскіе музыкальные инструменты: *das Jagdhorn, die Paucken, Harfen und Sackpfeifen*» (изд. 2-е 1774 г., I, 414).

Охотничьи рога русских, сохранившие, какъ видимъ, свое древнее названіе, будутъ ниже предметомъ особой главы этого изслѣдованія.

Стасовъ въ «Слав. и Вост. орнаментъ» (Спб. 1887) приводитъ изображеніе игрока *на славянскомъ рогѣ* изъ Боснійскаго орнамента (рис. 94) (изъ библіотеки Болонскаго университета Новый Завѣтъ и Псалтырь 1404 г.): отсюда мы видимъ, что употребленіе роговъ извѣстно было въ XV в. у славянъ Балканскаго полуострова.

Въ «Сборникѣ лицевомъ» XVIII столѣтія, принадлежащемъ П. А. Овчинникову, изображено искушеніе преподобнаго Исаакія. Между фигурами играющихъ на разныхъ инструментахъ и пляшущихъ вокругъ него бѣсовъ, многіе изъ послѣднихъ играютъ *на рогахъ* и трубахъ. На рис. 95 воспроизвожу эту любопытную картинку, а на рис. 96 отдѣльно и въ нѣсколько увеличенномъ видѣ музыкальные инструменты, виѣшній

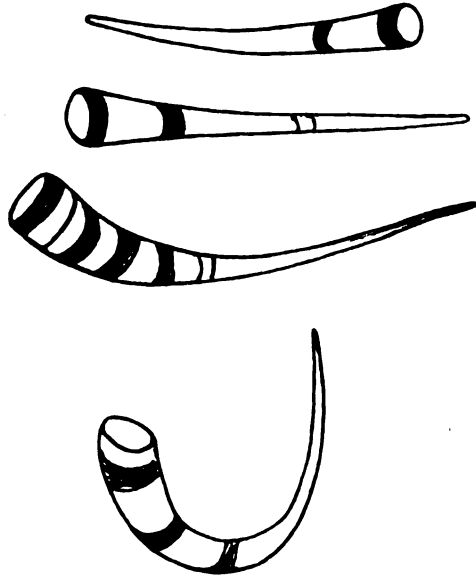

Рис. 96.

видъ которыхъ дѣйствительно напоминаетъ животныя рога. Въ оригиналѣ рога закрашены желтою краскою, съ красными ободками (которые на рис. 96 зачернены). Деревянные инструменты окрашены желтымъ, синимъ и чернымъ цвѣтами. Надпись на рисункѣ гласитъ: «и абіе удариша (бѣсы) въ сопѣли, тимпаны и гусли: Исаакія-же поеше, начаша съ нимъ скакати и плясати на многъ часъ и, утрудивше его, оставиша елѣ жива»...

Трубы на Руси.

Значеніе трубъ въ старинной русской жизни.

«Повѣсть о царѣ Соломонѣ», находящаяся въ «Пам. Стар. Рус. Слов.». изд. Кушелева-Безбордко, представляетъ вариантъ сказанія о Василеѣ Окульевичѣ, упоминаемаго въ предыдущей главѣ, въ слѣдующемъ видѣ: Царь Соломонъ, находясь въ смертельной опасности «емлетъ злаченую трубу» и «разнымъ вострубомъ» трубить на ней,— «ино земля постонала отъ трубнаго гласу. И тѣмъ своимъ разнымъ вострубомъ молвилъ слово: сѣдлайте кони борзо, поспѣшите, цари и уланы, и сильные князи и крѣпкіе воеводы!» И немедленно «скачють Соломоново войско на коняхъ своихъ, слышать разной раструбъ, ино земля дрожить отъ такія рати» ¹⁾).

Такимъ образомъ, здѣсь «злаченая», т.-е. мѣдная труба опредѣленной послѣдовательностью сигналовъ какъ бы «молвила слово». Народный авторъ повѣсти отводитъ здѣсь трубѣ настоящее ея мѣсто и значеніе, какъ военному инструменту, подающему условные призывы.

Въ качествѣ свгнальнаго инструмента упоминаются трубы и во многихъ свадебныхъ пѣсняхъ. Такъ, напримѣръ, у Сахарова (Сказ. рус. нар., т. I, 131, 179 и 189) заимствую слѣдующіе отрывки:

Ужъ какъ на морѣ, на морѣ,
На синемъ камнѣ.
Бояре въ *трубу* *трубятъ*,
Молодые въ *золоченую*.
.....
Не *трубите* *трубы* радостны,
Вострубите *трубы* жалостны,—
Отъ меня-то дитя везуть!
.....
Ты *труба-ли* *моя*, *трубушка*,
Ты *труба-ль* *моя* *серебряная*!
Воструби громко, звонко,
Громко, звонко—жалостно!

¹⁾ Это положеніе — витязя, находящагося въ бѣдѣ, который звукомъ трубы зоветъ къ себѣ на помощь войско, повторяется въ сказаніяхъ разныхъ народовъ. Выше было указано на подобное сказаніе о Роландѣ въ Ронсевальскомъ ущельи (см. рис. 41).

Кромѣ того, во многихъ пѣсняхъ трубы упоминаются въ качествѣ застольной музыки, играющей «по военному» во время пировъ богатыхъ или знатныхъ людей, т.-е. въ такомъ же значеніи, какъ бываетъ и въ наше время, когда военный оркестръ приглашаютъ играть во время обѣдовъ или баловъ. Такъ, въ «Древнихъ Россійскихъ Стихотвореніяхъ» Кириши Данилова есть описаніе пира Никиты Ивановича Романова-Юрѣва, шурина Грознаго царя, гдѣ говорится (230, 231).

„А пиръ пошелъ у него на радостяхъ,
А въ трубы трубятъ по ратному,
Барабаны бьютъ по воинскому“.

Въ повѣсти о Девгеніи (по рукописи XVII в.) также сказано: «нача (Девгеній) веселится во всю поць, и повелѣша людемъ своимъ въ тинпаны и въ набаты бити, и въ сурны играти, *сіурць трубить* и въ гусли играти (Пам. Стар. Рус. Лит., изд. гр. Григ. Кушелевымъ-Безбородко. II. 1860, 319).

Въ одной старинной притчѣ старый мужъ обращается къ молодой дѣвицѣ: «і сотворю тебѣ пиръ великій і на пиру велю всякую потѣху играти гусельникомъ и трубникомъ и пляску» (Тамъ же, 387).

Историческія свидѣтельства древней русской литературы о *трубахъ* въ оркестрахъ, игравшихъ на царскихъ торжествахъ, довольно часты. Въ «дворцовыхъ разрядахъ» (Сахаровъ, Сказ. рус. нар., т. II. кн. 6, стр. 94, *русскія свадебныя чиноволоженія*) читаемъ: «да на прежнихъ государскихъ радостяхъ бывало въ то время, какъ Государь пойдетъ въ мыленку, во весь день до вечера и въ ночи на дворцѣ играли въ сурны, *и въ трубы*, и били по накрамъ; а нынѣ великій государь царь и в. к. Алексѣй Михайловичъ, всеа Русіи, на своей государевой радости накрамъ *и трубамъ* быти не изволилъ. А велѣлъ Государь въ свои Государскіе столы, *вмѣсто трубъ* и органовъ и всякихъ свадебныхъ потѣхъ пѣть своимъ Государевымъ пѣвчимъ дьякамъ, всѣмъ станицамъ перемѣняясь, строчные и демественные большіе стихи изъ праздниковъ и изъ тріодей драгія вещи, ео всякимъ благочиніемъ. И по его, Государеву, мудрому и благочестивому разсмотрѣнію бысть тишина, и радость, и благочиніе всякое, а и всѣмъ ту сущимъ дивитися и возсылати славу превеликому въ Троицѣ славимому Богу, и хвалити и удивлятися о премудрости Его Царскаго Величества, разумѣ и благочиніи». (Свадьба первая царя и В. К. Алексѣя Михайловича съ Марією Ильинишною Милославскою въ 1648 году).

Но въ 1674 г., по случаю объявленія Θεодора наслѣдникомъ престола и роженія царевны Θεодоры царь Алексѣй Михайловичъ задалъ

большой пиръ: «а послѣ кушанья изволилъ великій государь себя тѣшить всякими игры: и его, великаго Государя, тѣшили, и въ органы играли, а игралъ въ органы нѣмчинъ, и въ сурны *и ѿ трубы трубили*, и въ суренки играли и по накрамъ и по литаврамъ били во вся» (Дворц. разр. 1850—1854, III, с. 1081).

Котошихинъ тоже свидѣтельствуеть о томъ, что на царскихъ свадьбахъ «и на его царскомъ дворѣ и по сѣнямъ играютъ *ѿ трубы* и въ суренки, и бьютъ въ литавры». Точно также на свадьбахъ бояръ и другихъ частныхъ лицъ «*ѿ трубы трубятъ* и бьютъ въ литавры». (О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. 1859, с. 11, 177).

Олеарій пишетъ, что на боярскихъ свадьбахъ у русскихъ играла разная музыка, между прочимъ на инструментѣ, называемомъ psalter, также *трубили ѿ трубы* и били по барабанамъ (Подр. Опис. Путеш. въ Московію, 207).

Беръ и Маскѣвичъ, въ описаніяхъ свадьбы перваго Самозванца съ Мариной Мнишекъ, говорятъ о множествѣ трубъ, имѣвшихся у русскихъ и производившихъ страшный громъ и трескъ. (См. Дневникъ Маскѣвича и пр.) Какъ мы видѣли выше, и въ народныхъ свадебныхъ пѣсняхъ трубы упоминаются перѣдко.

О значеніи трубъ въ различныхъ общественныхъ торжествахъ, можно судить по отпискѣ въ Посольскій приказъ Астраханскаго воеводы кн. Ѳед. Лобанова-Ростовскаго (хран. въ Гл. Архивѣ М-ва Иностр. дѣлъ въ Москвѣ) относительно крымскаго царевича Муратъ Гирея, принятаго царемъ Ѳедоромъ Иоанновичемъ подъ свое покровительство и прибывшимъ въ г. Астрахань въ Октябрѣ 1586 г. «А пришедъ царевичъ близко города къ пристани, а воеводы велѣли изъ пушекъ и изъ ручницъ стрѣляти, а какъ стрѣльба минулась, и азъ велѣлъ по пабатамъ и по накрамъ бити и въ сурны *и ѿ трубы* играти» и т. д.

Точно также прот. Разумовскій («О народно-инстр. рус. музыкѣ») въ трудахъ 1-го Археолог. Съѣзда въ 1869 г. въ Москвѣ) пишетъ, что при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ игра на 2 трубахъ въ совокупности съ литаврами и накрами означала, что «изволилъ государь на смотръ или въ городъ или въ поле для какого дѣла идти».

Въ «сказ. о неудобь познаваемыхъ рѣчахъ» (XVI—XVII в.) въ поясненіи слова «мусикія», сказано: «родъ же мусикиннъ: *трубы*, свирѣли, еже и пиголами наричутся, пѣсневецъ, рекше псалтырь, самбикія, еже есть цѣвница, кивиры, сирѣчь лыри, тимпаны, кимвалы». (Сахаровъ. Сказ. рус. нар.).

Объ употребленіи трубъ въ качествѣ русскихъ народныхъ музы-

кальныхъ инструментовъ мы имѣемъ лѣтописныя свѣдѣнія отъ XI столѣтія. Несторъ, подъ 1067 г. (Лаврентьевскій списокъ) пишетъ:.. «Многіе люди схожахуся на игрища... но сими дьяволь лѣстятъ и другими нравы, всячьскими лѣстями, пребавляя ны отъ Бога, *трубами* и *скомрахи*, *гуслями* и *русалья*». (Полн. собр. рус. лѣт., т. I, 73; т. IX, 95).

Въ упоминаемомъ уже сборникѣ лицевомъ XVIII ст. (прин. П. А. Овчинникову) на карт. «Искушеніе преподобнаго Исаакія» (см. выше рис. 95) изображены бѣсы, имѣющіе въ своихъ рукахъ, кромѣ другихъ народныхъ музыкальныхъ инструментовъ, рога и *трубы* (см. рис. 96).

По рукописи XVIII столѣтія, въ словѣ св. епископа Евсевія читаемъ: «въ недѣлю (т.-е. воскресенье) обрящещи ту (на игрищѣ) овы гудущи, овы пляшуще... Издавать-бо ся, слышавше *гласъ трубный* и *гусельный*, текуще къ нимъ и аки крылья обрящутся ту». (Срезневскій. Свѣд. и замѣтки. XLI, 34).

Изъ этихъ свидѣтельствъ мы можемъ заключить, что трубы были въ употребленіи народныхъ увеселителей наравнѣ съ другими музыкальными инструментами. Ригельманъ (приб. къ Лѣт. Пов. о Малой Руси, см. въ «Чтеніяхъ Импер. общества исторіи и древностей росс. при Моск. унив.» 1847 г., апрѣль) совершенно опредѣленно указываетъ на то же самое: «Литвяки медвѣдей ученыхъ по городамъ водятъ и *на трубахъ* при этомъ играютъ». Опъ же въ «Пов. о Малой Россіи» 1843 г., IV, с. 87) пишетъ, что Малороссы въ городахъ хорошо играютъ «на скрипкахъ, на скрипичномъ басѣ, на цимбалахъ, на гусляхъ, на бандурѣ и на лютиѣ, *при томъ и на трубахъ*».

Иностранецъ *Reitenfels* (De rebus Moschowiticis, 1680, IV, Cap. 13, pag. 191) также пишетъ, что Московиты въ весьма пріятномъ согласіи исполняютъ музыку на духовыхъ инструментахъ: *buccinis* (*трубахъ*), *timpanisque* (бубнахъ), *lituis* (сурнахъ?), *fistulis* (флейтахъ) et *tibiis utricularibus* (волынка).

Герберштейнъ (Записки о Московіи), бывшій на Руси въ 1517 и въ 1526 г., пишетъ о «Московитахъ»: у нихъ много *трубачей*; когда они затрубятъ по отечественному обычаю всѣ вмѣстѣ,—тогда услышишь чудныя и необыкновенныя созвучія» (пер. Анонимова, стр. 80).

Въ одномъ изъ экземпляровъ требника XVIII столѣтія, представляющаго списокъ съ древнѣйшаго, помѣщены слѣдующіе вопросы и отвѣты, также весьма характерные въ смыслѣ указанія на распространенность *трубъ* среди скомороховъ:

Вопросъ священника: Слушалъ еси скомороховъ или гусельниковъ, или пѣлъ еси пѣсни бѣсовскія, или слушалъ еси иныхъ поющихъ?

Отвѣтъ кающагося: Согрешихъ въ сладость, слушая гуденія гуслей и органовъ, и трубъ, и всякого скоморошества, бѣсовскаго неистовства и за то имъ мзду давахъ».

Афанасьевъ приводитъ описаніе старинной лубочной картины съ подписью: «и рече (грѣшнику) сатана: любилъ еси въ мірѣ различныя потѣхи, игры; приведите же ему трубачей!» Бѣсы же начаша ему во уши трубить въ трубы огненныя; тогда изъ ушей, изъ очей, изъ ноздрей проиде сквозъ пламень огненный». (Поэтич. воззр. славянъ на природу, 1886, т. I, стр. 348).

Изображенія старинныхъ русскихъ трубъ по источникамъ древне-русской и иностранной литературы.

Въ «Слав. и вост. орнаментѣ» В. В. Стасова есть изображеніе трубача, который держитъ короткую трубу (въ родѣ древне-египетскихъ), а другою опирается на посохъ (рис. 97). Рисунокъ сѣверно-русскій,

Рис. 97.

Новгородскій, XIV вѣка. (Евангеліе недѣльное. Библ. Имп. Ак. Наукъ въ Спб. № 3, 4, на пергаментѣ).

Въ 1694 г. изданъ былъ азбуковникъ Каріона іеромонаха Истомина, составленный имъ въ 1691 г. Подъ словомъ *Псалтирь* на букву Ѩ изображены закрытая и раскрытая книги псалмовъ, а рядомъ 4

Рис. 98.

музыканта, играющіе: на скрипкѣ, на гусяхъ (псалтыри), *на трубу* (или на свирѣли?) и на бандурѣ. Надъ картиной надпись: «Псалтирь. Мусика. Пѣніе сладкое (Каріонъ Іеромонахъ Истоминъ. Букварь Словено-россійскихъ писменъ уставныхъ и скорописныхъ. 1694 г.)¹⁾». Изображаю на рис. 98 отдѣльно фигуру игрока на трубѣ или на какомъ-либо другомъ инструментѣ, но чрезвычайно схолюмъ по внѣшности съ византійскими трубами, изображенными выше на фрескахъ XI ст. Кіево-Софійскаго собора (сравн. съ рис. 52).

¹⁾ См. Фамницынъ, Домра, с. 130.

Изображенія трубъ воспроизведены также на отдѣльномъ рис. 96 изъ сборника лицевого XVIII столѣтїя въ числѣ роговъ, а на рис. 95 на общей картинкѣ искушенїя преп. Исаакїя.

Въ русскихъ народныхъ картинкахъ собранїя Ровинскаго (изд. 1900 г. т. I, № 219) на рис. «какъ мыши кота погребаютъ» находятся изображенїя мышей, играющихъ на трубахъ, съ подписями: «искусная мышка немецкой лавки взявши свирель влапки умильно играетъ кота проклинаятъ» и «деревенская мышка Чюрилка всвирель играетъ аладу незнаеть...» и т. д. Хотя здѣсь къ инструменту и примѣнено названїе *свирель*, но на рисункѣ сдѣлано изображенїе съ *раструбомъ*, т.-е. именно *трубы*, такъ какъ *свирель* такой формы никогда не имѣла (рис. 99).

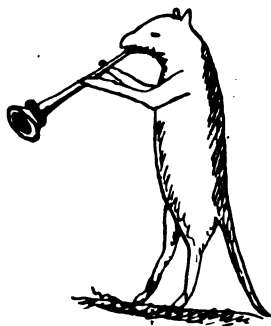

Рис. 99.

Рис. 100.

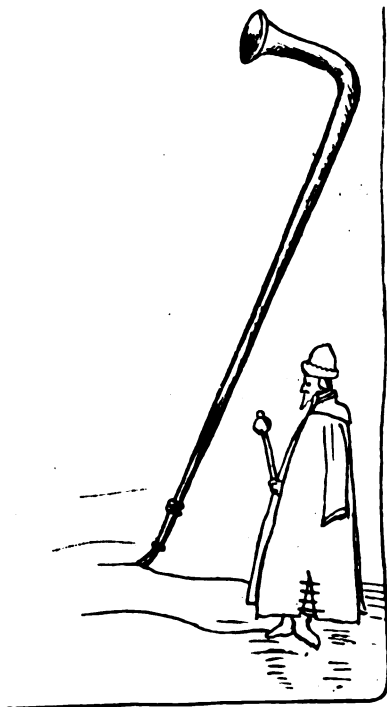

Рис. 101

На *рис. 100* помѣщая изображение *щеголя съ трубою* (такова подпись) изъ Иконописнаго подлинника Аптонїева Сїйскаго монастыря XVII вѣка, работы знаменщика Василя Осипова (см. у Покровскаго, Лекціи церковн. археол.). Инструментъ имѣетъ типъ византїйскихъ трубъ (см. выше, рис. 53, 54).

Баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ зарисовалъ и помѣстилъ на поляхъ карты, приложенной къ «Запискамъ о Московіи» (Базельское изд. 1556 г.) рисунокъ русской трубы, расположенной какъ разъ надъ изображеніемъ Великаго Князя (масштабы рисунковъ различные). Воспроизвожу оба изображенія на *рис. 101*. Такимъ образомъ мы убѣждаемся, что русская труба въ XVI столѣтіи имѣла отогнутый кверху конецъ, въ родѣ римской *Lituus* (см. выше, рис. 46) или французской *Litue* (см. выше, рис. 70).

Военныя трубы русскихъ.

Мы уже видѣли, что первое извѣстіе о *трубахъ* въ русской древней лѣтописной литературѣ относится къ XI вѣку (лѣтопись Нестора «трубы, скоморохи, гусли и русалья») ¹⁾. Въ специальномъ же военномъ значеніи трубы упоминаются съ XII столѣтія: въ 1151 году, при осадѣ Кіева князьями Георгіемъ Суздальскимъ и Владиміромъ Галицкимъ, упоминаются въ войскахъ ихъ *трубы* и *бубны*: «на другой же день въ пятокъ, яко зоря начашася занимати, прежь у Гюрга въ полку въ бубны и въ *трубы* вѣструбиша, такожь и у Изяслава» (Карамзинъ, Ист. Госуд. Росс. II, примѣч. 341).

Слово о полку Игоревѣ, изображая событіе 1185 года, приводитъ слѣдующія слова Всеволода, обращенныя къ князю Игорю: «а мои-то Куряне свѣдоми кѣмети, *подъ трубами* повиты» и т. д.

Переходимъ къ XIII столѣтію. Въ 1216 г., во время распри между Новгородомъ и Владиміромъ, «бѣше у Юрія стяговъ 17, а *трубъ* 40, толко же и бубновъ, а у Ярослава стяговъ 13, а *трубъ* и бубновъ 60 (4-я Новгородская лѣтопись 6724 (1216 г.), и у Карамзина, III, примѣч. 164). Такимъ образомъ, мы убѣждаемся, что въ XIII ст. подсчетъ войскъ производился по количеству имѣющихся знаменъ и трубъ.

При описаніи событія 1220 г.—походъ Святослава Всеволодовича на Болгарь—русская лѣтопись по Никоновскому списку (II, 343) гласитъ:

¹⁾ Есть и болѣе древнее упоминаніе о *трубахъ*, отъ VI вѣка, но именно о томъ, что *славяне ихъ не имѣли*: византійскій писатель Теофилактъ Симокатскій рассказываетъ, что подъ 591 г. «царскимъ тѣлохранителемъ попалося трое Славянъ не имѣвшихъ при себѣ никакого оружія, но только кивары... Они говорили: кивары имѣемъ при себѣ для того, что не обыкли носиться съ оружіемъ... играемъ на лирахъ, потому что не умѣемъ играть на *трубахъ*» (Штритеръ: Извѣстія византійскихъ историковъ, объясняющія россійскую исторію. 1770 г. I, 51). Здѣсь трубы явно считаются инструментами *военными*, извѣстными славянамъ, но не употребительными у нихъ. Арабскіе писатели X в. (Ибнъ-Даста) говоря о музыкальныхъ инструментахъ Славянъ, называютъ у нихъ *лютни разнаго рода, гусли и свирѣли* (Хвольсонъ, стр. 31), но *трубъ также не называютъ*.

«князь же Святославъ Всеволодовичъ повелѣ своимъ вооружитися и стяги наволочити, и наряди полки въ насадѣхъ и удариша *въ бубны* и *въ трубы*, и *въ сурны*». Вариантъ по болѣе древнему списку такой (II, 172): «Слышавъ же Святославъ, оже Болгары, собравшеса, ждуть его на исадѣхъ, повелѣ воемъ своимъ оболочитися въ броя и стяги наволочити, и наряде полкы въ насадѣхъ и лодіяхъ и поиде полкъ по польце, біюще въ боубны и *во трубы* и въ сопели...»

Теперь относительно XIV столѣтія.

Мы имѣемъ сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ, гдѣ говорится, что передъ битвою «начаша *гласы трубные* отъ обоихъ странъ сниматися. Татарскія же трубы аки онѣмѣша, русскія же паче утвердишася» (Михневичъ, Оч. ист. муз. въ Россіи, с. 28). См. также рис. 97 Новгородскаго Евангелія XIV в.

О трубахъ XV столѣтія я не имѣю подѣ руками соотвѣтствующихъ цитатъ, но въ XVI вѣкѣ, кромѣ упомянутыхъ уже выше замѣтки Герберштейна и выписки 1586 г. относительно вѣзда въ Астрахань царевича Муратъ-Гирея, могу привести еще слѣдующее:

Казанскій лѣтописецъ по Соловецкому списку, столб. 153 (Полн. Собр. Лѣт., т. XIX, Спб. 1903 г.) гласитъ, что при ваятіи Казани, послѣ взрыва подкопа, «видѣвше же се воеводы великаго полка, яко прииде имъ уже помощь Божія, и наполнишася духа храбра, и вострубиша воя ихъ *въ ратныя трубы*, и въ сурны во многія, и удариша въ накры, вѣсть подающе и протчимъ полкомъ всѣмъ, да готовятся скоро».

Въ началѣ XVII столѣтія Маржереть, бывший въ Москвѣ при 1-мъ Самозванцѣ, пишетъ о русской военной музыкѣ, между прочимъ, слѣдующее: «при каждомъ воеводѣ на полкъ полагалось 12 бубновъ и 12 трубъ и нѣсколько гобоевъ» (сурны).

Мы уже видѣли раньше, при упоминаніи о торжествѣ царя Алексѣя Михайловича въ 1674 г., что «и въ *трубы трубили*, и въ суренки играли, и по накрамъ и литаврамъ били во вся». Несомнѣнно,— это игралъ оркестръ военный. Карамзинъ въ Ист. Гос. Росс. (X, примѣч. 119) приводитъ слѣдующую выдержку изъ лѣтописи: «ѣхали послы (русскіе) отъ Александра царя по правую сторону, а съ лѣвую ѣхалъ Алкасъ князь, а передъ Александромъ возилъ скипетръ пошъ его Акимъ... и иные ближніе люди, всего человекъ сто съ оружемъ... а за нимъ *трубники* и *накрачи*».

Висковатовъ (Истор. опис. одежды и вооруж. рос. войскъ, примѣч. 191) пишетъ, что за 2-ю половину XVII столѣтія въ смотровыхъ книгахъ и спискахъ часто упоминаются *трубачи* и *литаврички*;

въ 1696 г. (при возвращеніи въ Москву войскъ послѣ взятія Азова) въ составѣ торжественной процессіи ѣхали «сани о шести возникахъ цвѣтныхъ; ѣхалъ на нихъ адмиралъ Ф. Я. Лефортъ, а за нимъ значекъ его... послѣ знамени и значка везли литавры. За ними ѣхали *двои трубачи*... послѣ лошадей ѣхали *суренщики*... два набата, 6 накры, *2 роты трубачей*...» и т. д. Висковатовъ ссылается также на Петрелли, который, говоря о порядкѣ шествія русскаго военнаго лагеря XVII столѣтія, упоминаетъ о томъ, что командующій вмѣстѣ съ военнымъ совѣтомъ ѣдетъ съ большимъ полкомъ, имѣя въ свитѣ нѣсколько накрачей и *трубачей*.

Генераль-маіоръ Тучковъ въ своихъ запискахъ (1780—1809) пишетъ о военныхъ трубахъ русскихъ слѣдующее: «до введенія Петромъ I обыкновенныхъ трубъ, она (т.-е. военная труба) состояла изъ прямой трубы съ мундштукомъ, безъ всякихъ оборотовъ воздуха, какъ въ музыкальныхъ. Подобныя трубы нашель я въ Персидскомъ войскѣ. Но, читая древнюю Россійскую исторію, кажется, можно видѣть, что были еще въ Россійскомъ войскѣ другія трубы, на подобіе употребляемыхъ на корабляхъ для переговоровъ и словесныхъ приказаній матросамъ, что Англичане называютъ *рупоромъ*»¹⁾.

П. Савваитовъ (Опис. стар. рус. утварей) подъ словомъ *трубы* поясняетъ: «*трубы* ратныя были мѣдныя и серебряныя. Для украшенія привѣшивались къ нимъ шнуры съ кистями или шелковыя четырехугольныя завѣсы съ золотою и серебряною бахромою и съ такими же кистями. Трубы Литовскія и Московскія».

Дѣйствительно, въ разныхъ смотровыхъ книгахъ 2-й половины XVII столѣтія, въ числѣ казеннаго имущества существовавшихъ тогда въ Москвѣ рейтарскихъ полковъ, упоминаются *завѣсы тафтяныя, камчатныя и др.*, съ бахромою и кистями изъ шелку, серебра и золота. У нѣкоторыхъ трубъ показаны только шнуры и кисти, какъ въ нынѣшнихъ сигнальныхъ кавалерійскихъ трубахъ.

На рис. 64 были приведены изображенія трубъ съ завѣсами, служившихъ въ Москвѣ нѣмецкихъ рейтаровъ и русскихъ трубачей (изъ альбома Мейерберга XVII ст.).

А. В. Висковатовъ (Истор. опис. од. и т. д., стр. 103) пишетъ: «наружный видъ трубъ со времени ихъ первоначальнаго введенія въ Россійскихъ войскахъ въ подробности неизвѣстенъ; но, соображаясь съ

¹⁾ Рупоръ вообще имѣетъ видъ сръзаннаго съ обоихъ концовъ конуса небольшой длины (см. выше рис. 91). Полагаю, что ген. Тучковъ говоритъ здѣсь о какихъ-нибудь короткихъ трубахъ, въ родѣ изображенной на рис. 97.

трубами, существовавшими въ разные времена у прочихъ европейскихъ народовъ, и съ нѣкоторыми изображеніями, сохранившимися на памятникахъ отечественной старины, должно полагать, что сперва онѣ были совсѣмъ прямыя, безъ изгибовъ или колѣнъ, на подобіе нынѣшнихъ пастушьихъ роговъ (приведенъ рисунокъ французской трубы изъ Carrè; см. выше, рис. 65). Впослѣдствіи трубы дѣлались изъ 3 колѣнъ, въ равномъ другъ отъ друга разстояніи расположенныхъ и скрѣпленныхъ поперечными перемычками (см. рис. 67)».

Воспроизвожу со своей стороны изображенія трубъ со знамени царя Алексѣя Михайловича (рис. 102) и ангела съ прямою трубою въ ру-

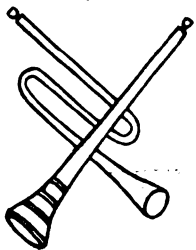

Рис. 102.

кахъ (рисунокъ на спинкѣ трона Алексѣя Михайловича) (рис. 103).

«А еще позднѣе, — продолжаетъ Висковатовъ, — онѣ (т.-е. трубы) получили почти тотъ же самый видъ, въ какомъ нынѣ существуютъ, т.-е. состояли изъ 3 колѣнъ, но такимъ образомъ соединенныхъ, что два крайнихъ изъ

Рис. 103.

нихъ прилегали плотно одинъ къ другому» (опять изображеніе французской трубы изъ Carrè, см. выше, рис. 73).

Со своей стороны привожу на рис. 104 изображеніе трубы царя Ивана Васильевича, откуда-то заимствованное Субизомъ и помѣщенное въ его Hist. de la musique en Russie. Просматривая описаніе Московской оружейной палаты, я не нашелъ тамъ этого изображенія, точно также не имѣю для этого и другихъ источниковъ.

Рис. 104.

Возвращаюсь опять къ Висковатову. «Въ этомъ послѣднемъ родѣ (т.-е. какъ на рис. 73), пишетъ онъ, «трубы употреблялись при царяхъ Алексѣѣ Михайловичѣ, Феодорѣ Алексѣевичѣ и назывались *трубами ратнаго строя*» (или просто *ратными трубами* — прибавимъ по Савваитову). «Преимущественно онѣ выписывались изъ Голландіи, и въ небольшомъ количествѣ сохранились доселѣ въ Московской оружейной палатѣ. Однѣ изъ нихъ чисто мѣдныя (рис. 105), а другія мѣстами наведены черною краскою» (рис. 106).

Такимъ образомъ, опять прибавимъ отъ себя, мы убѣждаемся теперь, что трубы, — по крайней мѣрѣ XVII столѣтія, — въ Россіи были

заграничныя или изготовлялись *по заграничному образцу*. Прибавивъ трубу, изображенную Герберштейномъ (см. выше, рис. 101), съ отогнутымъ концомъ въ формѣ французской *litue* или римской *lituus*, мы получимъ, кажется, полную коллекцію типовъ русскихъ военныхъ трубъ. Последняя труба, т.-е. съ отогнутымъ къ верху раструбомъ, принимая во вниманіе сходство ея съ французской *litue*, очевидно, пришла къ намъ изъ Зап. Европы тѣмъ же путемъ, какъ и голландскія трубы ратнаго дѣла при Алексѣѣ Михайловичѣ. Путь этотъ намъ указываетъ исторія,

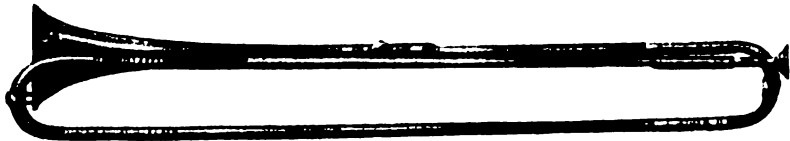

Рис. 105.

Рис. 106.

говоря, что уже съ XV столѣтія иностранныя войска нанимались на службу къ русскимъ государямъ, составляя особые такъ называемые *рейтарскіе* полки, сохранявшіе весь свой европейскій обиходъ и имѣвшіе своихъ начальниковъ изъ иностранцевъ же. Недаромъ въ Москвѣ въ XVII столѣтіи существовала цѣлая нѣмецкая слобода, гдѣ жили западно-европейскіе купцы съ семействами и тѣ изъ рейтаровъ, полки которыхъ не заняты были охраною государя. Эти нѣмецкіе, голландскіе и французскіе полки занесли свое оружіе и свои музыкальные инструменты, въ томъ числѣ и трубы, перешедшія затѣмъ и въ русскія войска.

Висковатовъ также пишетъ о завѣсахъ, кистяхъ, шнурахъ и т. п., привѣшиваемыхъ къ трубамъ для ихъ украшенія, и кромѣ того говоритъ, что въ смотровыхъ книгахъ, описяхъ вооруженія конныхъ войскъ и др. документахъ XVII ст. упоминаются суконные чехлы, называемые также *нагалищами*, *ольстрами* или *чемоданами*, надѣваемые на трубы для предохраненія ихъ отъ пыли. Савваитовъ подъ словомъ *влагалище*, *лагалище*, *нагалище* даетъ слѣдующее объясненіе: «ящикъ или футляръ для храненія какой-либо вещи» (описание и т. д., стр. 20)¹⁾. Тамъ же,

¹⁾ Домра большая басистая, въ нагалищѣ деревянномъ черномъ. Ц. рубль. (Дѣло о Шакловитомъ, изд. Археогр. комиссіи).

на стр. 92: «*Ольстра*—ольстръ—чужка, чехоль. Дѣлались изъ кожи, сафьяна, сукна, бархата. Иногда вышивались и украшались драгоценностями».

Приведу еще нѣсколько выписокъ о ратныхъ трубахъ изъ описей имѣнія князей Голицыныхъ (конца XVII столѣтія) (см. розыскныя дѣла о Ѳеодорѣ Шакловитомъ, изд. Археографической Коммиссіи, Спб., 4 тома: 1884, 85, 88 и 93 гг.)¹⁾:

«Въ князь Васильевъ и князь Алексѣевъ оружейной палатѣ: *трубы*: 5 трубъ вороненыхъ съ шнуры гарусными. Ц. 5 рублей. 16 трубъ мѣдныхъ вороненыхъ да 7 трубъ ломаныхъ. Ц. 3 р. съ полтиною».

«*Завѣсы отъ трубъ*: 2 завѣса тафты алой, писаны золотомъ, кругъ ихъ кайма тафты зеленой, съ бахромою шелковою (ц. рубль). 2 завѣса шелковыхъ плетеныхъ съ кистми (ц. 2 р.). 5 завѣсовъ тафты алой, съ шнуры шелковыми (ц. 16 алтынъ 4 деньги). 5 завѣсовъ тафты алой, ветхи, писаны были золотомъ (ц. 3 алт. 2 д.). Отъ трубъ 8 снуровъ шелковыхъ съ кистми (ц. 16 алт. 4 д.). 3 шнура гарусныхъ плетеныхъ и въ томъ числѣ шнуръ одинакой съ кистми (ц. 2 алт. 4 д.). 2 шнуры гарусныхъ (ц. 10 денегъ)».

«У князь Голицына въ разныхъ мѣстахъ сыскано:... труба ратная, вороненая, мѣдная, съ снуромъ гаруснымъ, ветха (ц. 10 алт.) (т. IV, ст. 168)».

«*Выписка изъ прихода-расходныхъ книгъ* (т. IV, столбецъ 605) трубачъ Янъ Станиславовъ, ѣхавъ изъ села Богородицкаго въ Москву, потерялъ отъ трубы *муштукъ*. И по указу князя Алексѣя Васильевича ему, Яну, купить на муштукъ дано 5 алтынъ».

Петромъ I военная музыка введена была въ Россіи цѣликомъ по западно-европейскому современному образцу. Первоначальный императорскій дворцовый оркестръ былъ, однако, невеликъ: Михневичъ (въ Оч. ист. муз. въ Россіи, с. 132) упоминаетъ всего о 20 человѣкахъ (4 валторниста, 6 трубачей, 1 политавщикъ и 9 «музыкантовъ»).

Русскіе охотничьи рога.

Выше мы приводили уже упоминанія иностранныхъ писателей XVIII столѣтія (Lebrun и авторъ соч. *Das veränderte Russland*), упоминавшихъ объ охотничьихъ рогахъ русскихъ.

¹⁾ Книги описныя князь Васильевыхъ и сына его князь Алексѣевыхъ всякихъ животовъ Голицыныхъ на ихъ Московскомъ болшомъ и на загородномъ дворехъ, что за Никицкими ворота и правозныхъ.

Ген.-маіоръ Тучковъ, въ цитируемыхъ мною запискахъ 1780—1809 г., пишетъ достаточно подробно объ *охотничьемъ рогѣ* въ Россіи и даже о *роговомъ хорѣ*, показывая довольно основательное знакомство съ этимъ предметомъ. Очевидно, почтенный авторъ слыхалъ роговые хоры, которые существовали у насъ еще при Императорѣ Александрѣ I и даже при Николаѣ I:

«*Рогъ охотничій*. Онъ дѣлается въ Россіи изъ дерева и рога, а потомъ стали дѣлать его изъ мѣди, длиною въ 3—4 фута, сверху уже, а внизу гораздо шире. Верхній конецъ его нѣсколько загибають и придѣлываютъ мундштукъ, какъ въ музыкальной трубѣ. Онъ не имѣетъ никакихъ скважинъ для перемѣны тоновъ, и въ немъ только два тона: одинъ верхней, а другой нижней октавы. Сіи рога употреблялись прежде только на охотѣ. Но такъ какъ богатые люди, имѣя большія псовыя охоты, должны были употреблять нѣсколько человекъ съ такими рогами, которые были разной величины и потому разныхъ тоновъ, то, возвращаясь съ охоты, они забавлялись иногда пѣснями своихъ псарей и наигрывали подъ ихъ голосъ въ сіи рога, отчего произошла роговая музыка, извѣстная въ одной только Россіи. На сихъ рогахъ можно играть всякія музыкальныя сочиненія, и притомъ съ большою пріятностію, но для сего потребно отъ 30 до 60 человекъ. Рога сіи, употребляемые для этой цѣли, дѣлаются величиною отъ 3 дюймовъ до 9 фут. Малыхъ можетъ имѣть человекъ до пяти, держа между пальцевъ, на которыхъ можетъ онъ произвести только 5 тоновъ,—среднихъ по два, а большихъ не болѣе, какъ по одному. Вообще, всѣ сіи рога подобраны и раздѣлены на полные и половинные тоны. Главное искусство въ сей музыкѣ состоитъ въ сохраненіи вѣрности такта, ибо въ продолженіе цѣлаго концерта достается иногда черезъ 120 тактовъ произвести только одинъ тонъ въ 16-ю или 32-ю долю четверти такта продолжающихся, почему и названа она иностранцами рабской музыкой; и въ существѣ своемъ это есть ни что иное, какъ большой натуральный органъ, имѣвшій однако несравненно больше первобытности, чѣмъ искусственный».

Все это изложено близко къ истинѣ. Невѣрно лишь указано происхожденія рогового хора. Привожу здѣсь выдержку изъ прекрасной статьи г-на Ф. «Роговая музыка», помѣщенной имъ въ «Музыкальномъ словарѣ» Г. Римана:

«*Роговая музыка* изобрѣтена въ 1751 г. Марешомъ¹⁾, капельмей-

¹⁾ Юганъ Антонъ *Марешъ*, род. въ 1719 г. въ Хотыборцѣ (Чехія), ум. 30 мая 1794 г. въ Спб. Первоначальное образованіе получилъ въ монастырѣ, затѣмъ выдвинулся, какъ валторнистъ и концертнровалъ въ Германіи. Въ 1748 г. приглашенъ

стеромъ Сем. Кир. Нарышкина, директора придвор. театровъ (1710—1775). Первоначально оркестръ роговой музыки состоялъ изъ 4 охотничьихъ роговъ (валторнъ), настроенныхъ въ *D*, *Fis*, *A*, *D*, къ которымъ Марешъ присоединилъ 2 трубы и 2 почтовыхъ рожка, а въ видѣ аккомпанимента—«машину» изъ колоколовъ, бравшую аккорды *D-dur* и *A-dur*. Вскорѣ этотъ составъ оркестра («охотничій») былъ замѣненъ исключительно рогами, т.-е. инструментами въ формѣ длинныхъ коническихъ трубокъ, параболически изогнутыхъ у мундштука. Каждый рогъ могъ брать только одну ноту. Марешъ изобрѣлъ особый снарядъ (надставку), прикрѣпленный къ концу рога и устанавливавшій его тонъ. Оркестръ располагался шеренгами — дисканты, альты, тенора и басы; длинные рога устанавливались на особыхъ подставкахъ. Наибольшій рогъ имѣлъ

8¹/₄ аршинъ длины и давалъ ; затѣмъ, постепенно уменьшаясь (повышаясь), рога хроматически доходили до .

Объемъ оркестра составлялъ 4¹/₂ октавы; впоследствии, начиная съ

 вверхъ для каждаго тона были 2 рога и полный составъ

оркестра требовалъ 91 инструментъ. Первоначально роговой оркестръ состоялъ изъ музыкально необразованныхъ крѣпостныхъ людей, отъ которыхъ требовалось лишь точное соблюденіе счета; поэтому партіи каждаго инструмента писались на одной линейкѣ и обозначались обычной круглой нотой, вмѣстѣ съ паузами (и раздѣленіями на такты), которыя нотировались знакомъ \square или *Q*, длительность котораго = ¹/₄. Постепенно развивались оттѣнки исполненія и на рогахъ возможно стало исполнять $> <$, $< >$, *mf*, *pf* и проч. Обозначеніе паузы также раздробилось на : ¹/₄ = \square , ¹/₈ = *Q*, ¹/₁₆ = \ominus . Въ 1757 г. нарышкинскій роговой оркестръ впервые игралъ въ присутствіи императрицы Елизаветы (въ подмосковномъ селѣ Измайловскомъ), которая

Бестужевымъ въ Спб., гдѣ Елизаветой Петровной назначенъ придворнымъ музыкантомъ. По порученію Нарышкина занялся улучшеніемъ его охотничьей музыки и пришелъ къ мысли объ устройствѣ „роговой музыки“. Писалъ потомъ пьесы для рогового оркестра. Последній понравился Императрицѣ, которая назначила Мареша „капельмейстеромъ придворной егерской музыки“. Эту должность Марешъ занималъ до 1789 г., когда, разбитый параличемъ, уволенъ былъ въ отставку. Ученикъ Мареша J. Chr. Hinrichs изд. его біографію, вмѣстѣ съ описаніемъ роговой музыки: „Entstehung, Fortgang und jetzige Beschaffenheit der russ. Jagdmusik“. Спб. 1796.

повелѣла устроить подобный оркестръ при императорской охотѣ, назначивъ Мареша капельмейстеромъ «придворной егерской музыки». Въ подражаніе послѣдней роговые оркестры были заведены нѣкоторыми вельможами и полками. Первоначально рога были исключительно мѣдные, но впослѣдствіи ихъ стали изготовлять также изъ дерева, причемъ внутри лакировали, а снаружи обтягивали кожей. Послѣ Мареша (1789) капельмейстеромъ придворнаго рогового оркестра назначенъ былъ «профессоръ музыки Екатеринославскаго университета» Карлъ Лау (родомъ чехъ, ум. въ началѣ XIX ст. въ Спб.), состоявшій раньше капельмейстеромъ такового же оркестра у гр. Разумовскаго, затѣмъ у Потемкина ¹⁾). Около 1818 г. одинъ изъ придворныхъ роговыхъ оркестровъ подаренъ былъ вмѣстѣ съ музыкантами В. К. Константиномъ Павловичемъ Вел. Герцогу Саксенъ-Кобургъ-Готскому Эрнсту I, а въ 1900 г. инструменты этого оркестра приобрѣтены изъ Кобурга въ Спб. музей придворнаго оркестра ²⁾ (въ музеѣ есть и нотныя партіи рогового оркестра). Въ 1882 г. для коронаціи Императора Александра III вновь изготовлены были 54 инструмента роговой музыки (для придворнаго оркестра); въ 1896 г. для коронаціи Императора Николая II изготовлено было еще 57 роговъ. Роговая музыка явленіе чисто русское (?); оркестръ, въ которомъ каждый членъ можетъ исполнять только одну ноту, могъ родиться и существовать лишь въ эпоху крѣпостного права, когда человека можно было превратить въ безотвѣтное и механическое орудіе. Первоначально Марешъ сочинялъ для рогового оркестра небольшія несложныя пьесы; постепенно репертуаръ расширился, такъ что для рогового оркестра стали аранжировать даже весьма трудныя технически симфоніи Гайдна, Моцарта, Плейеля и др., — увертюры (даже «Фрейшютцъ» Вебера въ 20-хъ годахъ!) и отдѣльные №№ оперъ, танцы и др. Мало этого, въ 1775 г. у гр. Разумовскаго роговой оркестръ сопровождалъ при постановкѣ оперы «Альцеста» Раупаха; въ 1801 г. въ Москвѣ въ Петровскомъ театрѣ въ концертѣ исполнена была опера «Наталья» Кашина, съ аккомпаниментомъ рогового оркестра графа Шереметева и т. п. Наибольшій эффектъ роговой оркестръ производилъ на открытомъ воздухѣ, гдѣ онъ былъ слышенъ за 4—5 верстъ, почему нерѣдко употреблялся при торжественномъ исполненіи кантатъ и ораторій. (Напримѣръ, въ 1792 г. «Слава въ вышнихъ Богу» Сарти въ Спб.).

¹⁾ Князь Потемкинъ-Таврическій купилъ замѣчательный роговой оркестръ у фельдмаршала Разумовскаго, состоявшій изъ 50 человекъ, за 40.000 рублей. Н. П.

²⁾ Этотъ полный комплектъ инструментовъ русскаго рогового хора найденъ былъ въ Германіи профессоромъ Спб. Консерваторіи Н. Ѳ. Соловьевымъ. Н. П.

Появленіе мѣдныхъ инструментовъ съ пистонами изгнало изъ употребленія въ началѣ 2-й четверти XIX вѣка рога съ натуральными тонами» (см. J. Chr. Hinrichs «Entsteh., Fortgang u. jetztige Beschaff. der russ. Jagdmusik Спб. 1796). «Роговая музыка въ Россіи» (Русск. муз. газ. 1896, іюнь); «Краткій истор. очеркъ роговой музыки въ Россіи» бар. Штакельберга (Спб. 1896) и «Роговая музыка въ Россіи» во 2-мъ выпускѣ «Музык. Старины» (Спб. 1903 г.). Ст. Теодора Роде (1821—1823) о русской роговой музыкѣ въ журн. «Neue Zeitschrift für Musik» и «Neue Berliner Musikzeitung»¹⁾».

Magillon (см. Catal., стр. 377) со словъ М. О. Пѣтухова пишетъ, что Марешъ изготовилъ для гр. Нарышкина 37 роговъ величиною отъ 1 до 7 фут. длины. Каждый рогъ могъ издавать только основной звукъ; лишь въ 12 рогохъ высшаго регистра можно было получать отъ основнаго тона октаву кверху. Такимъ образомъ создана была хроматическая

гамма въ размѣрѣ 3 октавъ отъ до .

В. Михневичъ въ «Оч. Ист. Муз. въ Россіи» приводитъ относительно русской роговой музыки нѣсколько характерныхъ мнѣній очевидцевъ, изъ которыхъ многіе свидѣтельствуютъ, что несмотря на трудность достиженія ансамбля, роговыми оркестрами исполнялись цѣлыя симфоніи въ темпахъ *andante*, *allegro*, *presto*, причемъ отчетливо слышны были тріоли и трели!

Приведено также и мнѣніе извѣстнаго Массона по поводу слышаннаго имъ рогового хора: «подобная музыка можетъ быть организована только въ такой странѣ, гдѣ существуетъ рабство!» Нельзя не согласиться съ этими словами, такъ какъ участіе въ подобномъ оркестрѣ дѣйствительно превращало человѣка въ машину, слѣдно повинующуюся мановенію капельмейстера. Можно представить себѣ, какую суровую школу проходилъ здѣсь каждый крѣпостной музыкантъ, прежде чѣмъ достигнуть совершенства!..

Не только люди непосвященные въ музыку, но даже композиторы и капельмейстеры, пріѣзжавшіе въ Петербургъ, чрезвычайно удивлялись роговому оркестру и сочиняли для него спеціальныя пьесы. Графъ Сегюръ, слышавшій хоръ Потемкина, называетъ музыку эту «необыкновенной».

¹⁾ Кромѣ упомянутыхъ выше р. оркестровъ графа Нарышкина, графа Шереметева, князя Потемкина-Таврическаго (бывшій р. о. А. Разумовскаго), назову еще извѣстные роговые хоры графа Строганова и Григорія Орлова. Н. П.

Магильонъ въ своемъ каталогѣ помѣстилъ гравюру времянъ Императора Александра I, представляющую одинъ изъ такихъ хоровъ (Catalogue, II, p. 376). Этотъ рисунокъ прислалъ ему М. О. Пѣтуховъ. Я воспроизвожу здѣсь, однако, изображеніе рогового оркестра изъ упомянутого выше сочиненія Hinrichs (рис. 107), такъ какъ въ немъ хоръ представленъ въ болѣе полномъ составѣ, чѣмъ на рисункѣ, помѣщенномъ у Магильона, и притомъ въ эпоху Екатерины, т.-е. во время разцвѣта роговой музыки (рис. у Магильона болѣе поздній).

Рис. 107.

Въ Брюссельскомъ музеѣ хранится (подъ № 1145) одинъ изъ такихъ охотничьихъ роговъ, доставленный туда бельгійскимъ консуломъ изъ Москвы. Онъ сдѣланъ изъ латуни (желтой мѣди), на широкомъ концѣ прямой, на узкомъ отогнуть кверху. Длина этого экземпляра 0,7 м., причемъ можно на немъ издавать слѣдующіе тона:

Такая форма охотничьяго рога извѣстна была на Руси, очевидно не позже конца XVII столѣтія, потому что въ букварѣ царевича Алексѣя Петровича имѣется изображеніе съ надписью, не оставляющею

сомнѣнія (см. «Московская Оружейная Палата», опись № 9463) (рис. 109).
 подъ буквою *p*, въ различныхъ
 ея надписаніяхъ (уставомъ, по-
 лууставомъ и скорописью), по-
 мѣщены изображенія различ-
 ныхъ предметовъ, названія ко-

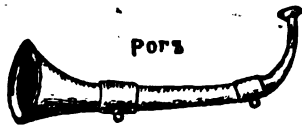

Рис. 108.

торыхъ (начинающіяся всѣ на *p*)
 надписаны надъ ними (ризы, ри-
 пиды, рыбы, рукавицы, руки и
 т. д.). Въ томъ числѣ и *рогъ*
 (рис. 108). Внизу поучитель-
 ные стихи слѣдующаго содер-
 жанія:

Ры писмено се и глаголь ры творить,
 Рука щедрая добро всѣмъ говорить.
 Ризу вадѣнь, рыбу яждь, *рогъ* не возноси.
 Смиранныхъ блаженствъ убога не проси...
 и т. д.

Сравнивая это изображеніе съ рис. 101
 (труба XVI ст. изъ Герберштейпа) не остается
 сомнѣнія, что русскій охотничій рогъ получился
 изъ этой военной трубы посредствомъ ея уко-
 рачиванія.

Изображенія рога изъ коллекціи Брюссель-
 скаго музея не привожу, такъ какъ онъ ничѣмъ
 не отличается отъ общаго типа этихъ инстру-
 ментовъ. Но воспроизвожу рисунки роговъ раз-
 ной величины изъ книги 1796 г. J. Chr. Hin-
 richs (Entsteh., Fortgang e. t. c. der Russischen
 Jagdmusik) (см. рис. 109).

Послѣдній, самый большой, изображенъ въ
 нѣсколько уменьшенномъ масштабѣ. Составъ роговъ, судя по прилагае-
 мымъ партитурамъ пьесъ въ книгѣ Hinrichs, носилъ слѣдующія названія:

Рис. 109.

Canto: B, A, G, F, E, D; *Alto*: C, B, A, G, F, E, D; *Tenore*: C, B, A, G, F, E, D; *Basso*: C, B, A, G, F, E, D; *Contra B.*: C.

Исполняемая роговымъ хоромъ пьеса разучивалась сначала медленнымъ темпомъ, какъ видно изъ слѣдующаго нотнаго примѣра, воспроизведеннаго изъ той же самой книги:

The first system of the musical score consists of three systems of staves. Each system has a grand staff with a treble clef on top and a bass clef on the bottom. The key signature has one flat (B-flat) and the time signature is common time (C). The first system shows the beginning of the piece with a slow tempo. The second system continues the melody and accompaniment. The third system concludes the first part of the example with a double bar line.

Потомъ, ускоряя, приводимъ пьесу къ слѣдующему виду (пишу только верхнюю строку):

The second system of the musical score shows the same piece as the first system, but at a faster tempo. It consists of three systems of staves, each with only the top staff (treble clef) shown. The key signature remains one flat and the time signature is common time. The first system shows the beginning of the piece with a faster tempo. The second system continues the melody. The third system concludes the second part of the example with a double bar line.

Изъ другихъ, исполняемыхъ роговыми оркестрами пьесъ, Hinrichs указываетъ на симфонію Allegro (in Si ♭) Гайдна:

и т. д.

И даже на пьесу технической трудности (Менуэтъ Lau):

и т. д.

Hinrichs называетъ слѣдующія оперы, исполненныя роговымъ придворнымъ хоромъ: 1) *le Déserteur*, 2) *la belle Arsène*, 3) *le tableau parlant*, 4) *le marchand de Smirne*, 5) *Semire et Asore*.

Magillon пишетъ, что роговые русскіе хоры были заграницею: Въ 1817 г. въ Маангеймѣ въ Германіи съ громаднымъ успѣхомъ исполненъ былъ *Te Deum* роговымъ русскимъ оркестромъ. Въ концѣ 1833 г. роговой хоръ выступалъ въ Парижѣ въ концертной залѣ Монтескье.

Какъ было сказано выше, въ Спб. музеѣ Придворнаго Оркестра имѣются какъ старинныя, такъ и новыя специально изготовленныя въ полномъ комплектѣ рога. Во время коронаціонныхъ торжествъ 1883 и 1896 гг. на этихъ рогахъ исполнены были — національный гимнъ, а на парадныхъ спектакляхъ въ Московскомъ театрѣ—«Слався» изъ эпилога оп. «Жизнь за Царя», которое и было задумано М. И. Глинкою, какъ это видно изъ его записокъ, для рогового хора. При репетиціяхъ въ помѣщеніи оркестра дрожали полъ и стекла. Говорятъ, что въ XVIII сто-

лѣтніи роговая музыка, игравшая во время обѣдовъ, помѣщалась надъ заломъ пиршества, такъ что звуки неслись въ особое отверстие въ потолокъ этой залы,—иначе невозможно было бы сидѣть въ послѣдней.

Мнѣ удалось услышать роговой хоръ совмѣстно съ полнымъ составомъ Придворнаго оркестра во время одного изъ концертовъ послѣдняго зимою 1904 г. въ залѣ Дворянскаго Собранія въ Спб., причеиъ этимъ ансамблемъ исполнены были «Слався» и гимнъ, звучавшіе, дѣйствительно, необыкновенно мощно.

Виже-Лебрѣнъ въ своихъ запискахъ («О древней и новой Россіи» 1877 г.) рассказываетъ о томъ, что слышала прекрасный роговой оркестръ графа Строганова, причеиъ въ числѣ разныхъ пьесъ серьезной классической музыки исполнена была увертюра къ «Ифигеніи». «Меня крайне удивило, — пишетъ она, — что каждый музыкантъ здѣсь издаеъ лишь по одному звуку. Я никакъ не могла понять, какъ всѣ эти отдѣльные звуки могли сливаться въ одно чудное цѣлое и откуда бралась выразительность при столь машинномъ исполненіи».

Шлецеръ въ своей автобиографіи (Сборн. II отд. Акад. Наукъ, т. XIII, 161) пишетъ:

«Въ душный лѣтній вечеръ сижу я за своимъ письменнымъ столомъ и слышу: вотъ ѣдетъ Григорій Орловъ на яхтѣ внизъ по Невѣ. За нимъ вереница придворныхъ шлюпокъ... впереди лодка съ 40 приблизительно молодцами, производящими музыку, какой я въ жизни не слышала, — а я воображала, что знаю всѣ музыкальные инструменты образованной Европы. Казалось, какъ будто играли на нѣсколькихъ большихъ церковныхъ органахъ съ закрытыми трубами въ двухъ низкихъ октавахъ и, вслѣдствіе отдаленности, звукъ казался переливающимся и заглушеннымъ. Это было также ново для слуха, какъ изобрѣтенная впоследствии гармоника».

Русскіе пастушьи рожки.

Въ трудахъ 1-го Археол. Съѣзда въ Москвѣ въ 1869 г. (I, Москва, 1871) въ статьѣ «о народно-инструментальной музыкѣ» прот. Д. Разумовскій говоритъ о рожкѣ слѣдующее: «Рожокъ — пастушій музыкальный инструментъ, выдѣлывался изъ рога животного, память объ этомъ инструментѣ воспроизведена въ известной народной пѣснѣ: «Не будите меня молоду раннимъ-рано поутру; разбудите меня молоду, когда солнышко взойдетъ; пастухъ выйдетъ на лужокъ — заиграетъ во рожокъ!.. хорошо пастухъ играетъ — выговариваетъ!..» и т. д. Вообще, духовыми

*

музыкальными инструментами русскаго народа Д. В. Разумовскій называетъ: *трубы, сурны, жилийку, рожокъ, дудку и волюнку.*

Въ Запискахъ ген.-м. Тучкова (1780—1809 гг.) духовыми народными русскими инструментами считаются: *дудка, свирель, свирель военная, свистокъ, рожокъ, волюнка, рогъ охотничій, труба и варганъ.* По его описанію, «*рожокъ*—есть орудіе едва ли не самими Россіянами изобрѣтенное. Онъ имѣетъ обыкновенно въ длину отъ 9 до 12 дюймовъ, дѣлается изъ тонкой коры или изъ дерева, кверху уже, а внизу шире, на подобіе трубы, скрѣпляется мѣдными кольцами или проволокой. Верхній конецъ его дѣлають въ видѣ мундштука валторны или музыкальной трубы, а по длинѣ дѣлають 6 круглыхъ скважинокъ—пять сверху, и одна снизу. Въ него дуютъ, какъ въ трубу. Голосъ его громокъ и не похожъ ни на кларнетъ, ни на трубу, но имѣетъ нѣчто особенное. На немъ можно играть разныя пьесы и употреблять также при пѣніи хоромъ».

Опять остается только отдать дань уваженія почтенному генералу, который описывалъ, очевидно, то, что самъ своими ушами слышалъ и собственными глазами видѣлъ. Дѣйствительно, тембрь рожка, благодаря особенному устройству его мундштука, совершенно самобытенъ. Но объ этомъ сказано будетъ ниже, а теперь поспѣшу только сдѣлать оговорку, что русскіе пастушьи *рожки* представляютъ по существу своему трубы; примѣняются они для двухъ цѣлей: 1) для пастушьихъ сигналовъ хозяевамъ и хозяйкамъ сгонять въ стадо коровъ, овецъ, лошадей и 2) въ качествѣ музыкальныхъ инструментовъ. Рожки первой категоріи не имѣютъ голосовыхъ отверстій по длинѣ, т.-е. могутъ примѣняться лишь въ качествѣ трубъ, не дающихъ другихъ тоновъ, кромѣ натуральныхъ фанфаръ. Они такъ и называются *пастушьими трубами*, бываютъ различной длины и даже иногда изгибаются; приготавливаются какъ изъ дерева, такъ и изъ мѣди, желѣза и жести. Рожки 2-й категоріи, т.-е. музыкальные, имѣютъ по длинѣ голосовыя отверстія для пальцевъ рукъ, такъ что на нихъ можно играть различныя мелодіи, всегда дѣлаются деревянные и *всегда прямой формы.* ¹⁾

М. О. Пѣтуховъ въ брошюрѣ «Нар. муз. INSTR. музея Спб. консерваторіи» описываетъ *пастушью трубу*, имѣющую 2 аршина длины. Она имѣетъ видъ усѣченного конуса, сдѣлана изъ бересты и перевязана въ 8 мѣстахъ берестою же (рис. 110).

¹⁾ Изображенный выше на рис. 92 деревянный пастушескій рогъ Олонецкій губ. хотя и имѣетъ голосовыя отверстія, но сдѣланы они лишь въ виду малой длины его, и употребляется онъ не въ качествѣ музыкальнаго орудія, а для сигналовъ.

Самая обыкновенная и простѣйшая пастушья труба дѣлается изъ мѣди или жести, съ мѣдными кольцами по длинѣ. Она дѣйствительно имѣетъ видъ конуса, т.-е. типъ византійскихъ трубъ (ср. выше, рис. 53 и 54), но только длина ея гораздо больше, достигая иногда 3 ар-

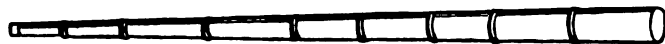

Рис. 110.

шинъ, т.-е. напоминая туркестанскую *суннаю* (см. выше, рис. 29) или индусскую трубу, изображенную раньше на рис. 8. Отверстій по длинѣ, какъ уже сказано выше, она не имѣетъ. По утрамъ пастухи, сзывая стадо, играютъ на этихъ трубахъ родъ протяжныхъ фанфаръ, въ родѣ слѣдующихъ:

Каждый изъ читающихъ эти строки навѣрное слыхалъ, живя въ деревнѣ или на дачѣ, сквозь утренній сонъ, эти, далеко раздающіеся звуки, напоминающіе по тембру сигналы обыкновенныхъ военныхъ трубъ. Такого типа пастушьи трубы въ окрестностяхъ Петербурга покупаются въ городѣ, гдѣ ихъ изготовляютъ въ слесарныхъ мастерскихъ: жестяная стоитъ 2 р. 50 к., мѣдная дороже ¹⁾.

Въ хранилищѣ Русскаго Собранія (въ Сиб.) имѣется жестяная пастушья труба съ раструбомъ обычной формы военной трубы и небольшой сравнительно длины (1 метръ).

Любопытны экземпляры трубъ Корель изъ Олонецкой губерніи. Онѣ дѣлаются изъ выдолбленныхъ обыкновеннымъ долотомъ деревянныхъ половинокъ, которыя складываются вмѣстѣ по длинѣ, склеиваются и обвиваются берестю. Амбшурныхъ чашекъ почти нѣтъ: отверстіе для губъ дѣлается прямо въ срѣзанномъ вертикально концѣ, очень рѣдко имѣющемъ небольшое углубленіе. Форма отверстія, да почти и весь каналъ трубы (до раструба) въ поперечномъ сѣченіи квадратнаго, четырехугольнаго очертанія. На *рис. 111* изображеніе прямой трубы съ конически-цилиндрическимъ раструбомъ. На *рис. 112* тоже, съ раструбомъ цилиндрическимъ, въ родѣ китайской трубы, помѣщенной раньше на рис. 19.

¹⁾ Эта первобытная форма трубы, очень тяжелая и неудобная, любопытна какъ типичный остатокъ восточной старины въ обращеніи русскаго народа. По всей вѣроятности она попала на Русь во время Монгольскаго періода, да такъ и осталась до сихъ поръ неизмѣненною.

Въ послѣдніе годы на Корельскихъ трубахъ отразились современныя мѣдныя формы. Произошло это, благодаря сосѣдству съ Финляндіей, гдѣ духовыя оркестры очень распространены, и существуютъ даже

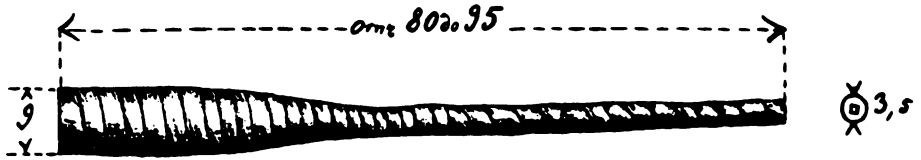

Рис. 111.

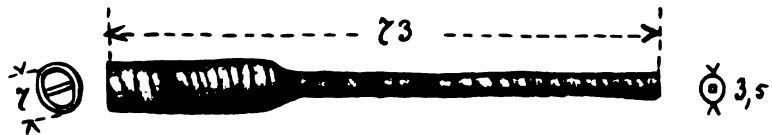

Рис. 112.

бродячія труппы изъ 6—7 человекъ съ мѣдными инструментами въ рукахъ. На *рис. 113* мы видимъ Корельскую трубу въ формѣ оркестровой мѣдной (изображенъ видъ сбоку и видъ сверху), а на *рис. 114*—

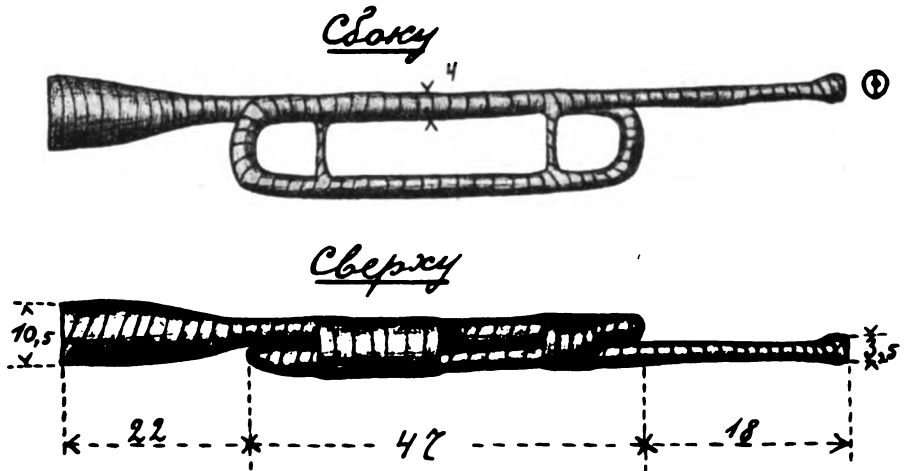

Рис. 113.

труба изогнута въ видѣ валторны. Подобныя экземпляры имѣются въ Музеѣ Императора Александра III, куда онѣ доставлены студентомъ Спб. университета Д. Т. Яновичемъ, который приобрѣталъ эти трубы въ Повѣнецкомъ уѣздѣ Олонецкой губерніи отъ пастуховъ, платя за экземпляръ на мѣстѣ по 3 р. 50 к. ¹⁾

¹⁾ Цѣна эта считалась очень высокою, потому что трубы были „заговорены“ у мѣстныхъ колдуновъ, и, отдавая ихъ, пастухи не были увѣрены, что медвѣди не разорвутъ ихъ коровъ. Въ мою коллекцію подобныя-же пастушья корельскія трубы любезно доставлены горнымъ инженеромъ А. К. Васильевымъ.

На рис. 115 изображенъ пастушескій рожокъ Ямбургскаго уѣзда Спб. губерніи. Онъ сдѣланъ, какъ и Олонекія трубы, т. е. изъ двухъ половинокъ, сложенныхъ по длинѣ и обвитъ берестою; по верху имѣеть 3 голосовыхъ отверстія для пальцевъ рукъ; музыкальнымъ инструментомъ его считать, однако, тоже нельзя, такъ какъ длина его слишкомъ мала (0,25 метра) и слѣдовательно фанфары на немъ не выйдутъ, а будетъ получаться лишь одинъ топъ; при помощи же голосовыхъ отверстій можно, хотя и съ трудомъ, извлекать четыре ноты, которыми пастухъ производитъ свои сигналы

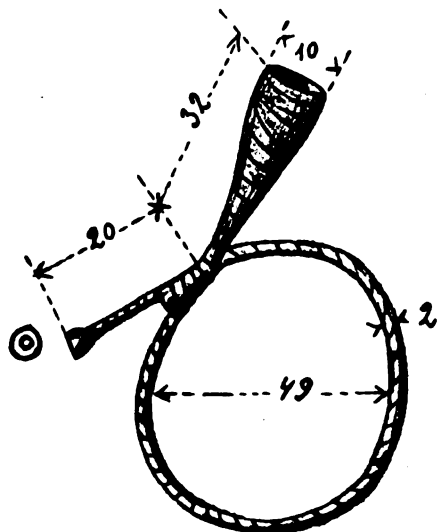

Рис. 114.

Настоящіе же «музыкальные» рожки встрѣчаются среди пастуховъ С.-Петербургской, Новгородской, Тверской, Смоленской, Московской и главнымъ образомъ Владимірской губерніи. Пастухи съ любовью развиваютъ технику игры на рожкахъ и, пася стадо, подбираютъ на слухъ или варьируютъ народныя пѣсни. Тамъ гдѣ пастуховъ много, они соединяются по два, по три и болѣе чело-вѣкъ. Такимъ образомъ, среди природы создавался самобытный и чарующій русскій народный хоръ рожечниковъ.

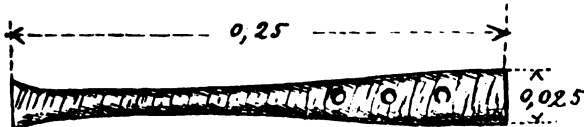

Рис. 115.

Гютри въ «Diss. sur les ant. de Russie» 1795 г. даетъ два рисунка русскихъ народныхъ рожковъ XVIII столѣтія и слѣдующее краткое описаніе: «Рожокъ (rojoek) это родъ *chalumeau* русскихъ пастуховъ. Весьма замѣчательнъ и интересенъ, какъ по формѣ, такъ и по звуку, причемъ въ рукахъ людей изъ общества не встрѣчается. По простотѣ формы онѣ должны быть отнесены къ глубокой древности (въ родѣ дудокъ пастуховъ идилій Теоокрита). Звукъ его не особенно мягокъ, но между пастухами рожокъ весьма употребителенъ». Прилагаемый рис. 116 (у Гютри табл. 1, фиг. 1) представляетъ обвитой берестою рожокъ съ 3 отверстіями по верхней сторонѣ инструмента. На рис. 117 изображенъ у Гютри (табл. 1, фиг. 5) *Сибирскій рожъ* (Cor de Sibérie), пред-

ставляющій собою пастушью трубу безъ голосовыхъ отверстій, изогнутую по формѣ русскихъ военныхъ трубъ XVII столѣтія (см. выше рис. 102). По описанію Гютри «это родъ трубы, употребляемой пастухами въ Сибири, сдѣланной по формѣ *салтинъ* (*Σάλπιγξ*) и можетъ быть прототипъ военной трубы, употребляющейся обыкновенно въ европейской кавалеріи. Онъ составляется изъ 2 кусковъ дерева, обвитыхъ березовою корою, какъ и во многихъ другихъ духовыхъ инструментахъ русскихъ крестьянъ».

Рис. 116.

Въ русскихъ деревняхъ гдѣ и теперь еще много игроковъ на рожкахъ, выработались особые мастера, какъ любители занимающіеся изготовленіемъ этихъ инструментовъ между дѣломъ, среди своихъ крестьянскихъ работъ. Всѣ современные деревенскіе рожки, какъ и въ

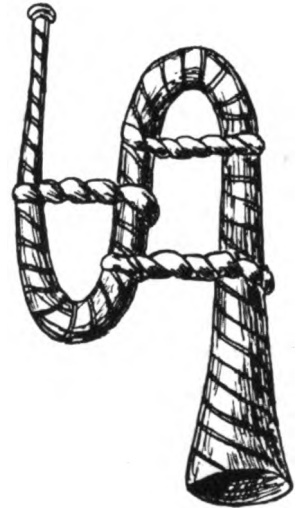

Рис. 117.

XVIII ст., имѣютъ одинъ общій типъ (см. рис. 118 и рис. 119)—извѣстной намъ византійской трубы, съ весьма малымъ растробомъ на

Рис. 118.

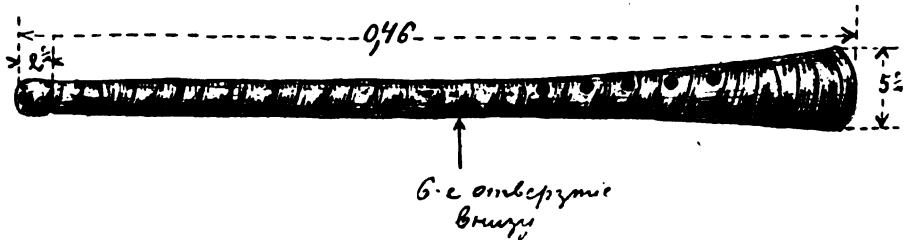

Рис. 119.

ея концѣ; скорѣе это конусъ, чѣмъ труба привычнаго нашему глазу типа. Другой конецъ инструмента имѣетъ мундштукъ, въ видѣ гладко выструганной и приклеенной чашечки съ весьма малымъ углубленіемъ для губъ. Каналь рожка вначалѣ узкій, въ видѣ длинной щели круглой формы въ поперечномъ сѣченіи, къ раструбу уширяется. Теперь рожки дѣлаются точно такъ же, какъ указалъ и Гютри въ XVIII ст., т.-е. изъ двухъ продольныхъ половинокъ, которыя выстрагиваются каждая въ отдѣльности, потомъ складываются вмѣстѣ по длинѣ, причѣмъ по шву прокладывается

пакля, затѣмъ онѣ склеиваются столярнымъ клеемъ и плотно обвертываются берестю (иногда перевязываются еще поперекъ и проволокою). Мунштукъ изготовляется отдѣльно, и послѣ накрѣпко приклеивается къ концу инструмента. Голосовыхъ отверстій рожки имѣютъ по верху 4—тамъ, гдѣ игра на нихъ менѣе развита (какъ, на примѣръ, въ Спб. губерніи) и 5—въ мѣстностяхъ, гдѣ рожки имѣютъ большее распространение и развитіе (въ Тверской, Владимірской и нѣкоторые другихъ губерніяхъ); кромѣ того внизу дѣлается еще одно отверстіе, закрываемое при игрѣ большимъ пальцемъ руки музыканта. Вырѣзываніе этихъ отверстій производится особенно тщательно, причѣмъ они дѣлаются въ видѣ возможно болѣе пологого конуса, основаніе котораго обращено внутрь рожка, а срѣзанная вершина кнаружи. Это вырѣзываніе голосниковъ производится пока половинки инструмента еще не склеены. Когда рожокъ окончательно готовъ, его промазываютъ деревяннымъ масломъ. Толщина стѣнокъ рожка не болѣе $\frac{3}{4}$ сантиметра въ крупныхъ экземплярахъ и около $\frac{1}{2}$ сант. въ малыхъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ на раструбъ надѣвается еще роговой наконечникъ, иногда украшенный зубцами, а на экземпляры большой величины—мѣдный,

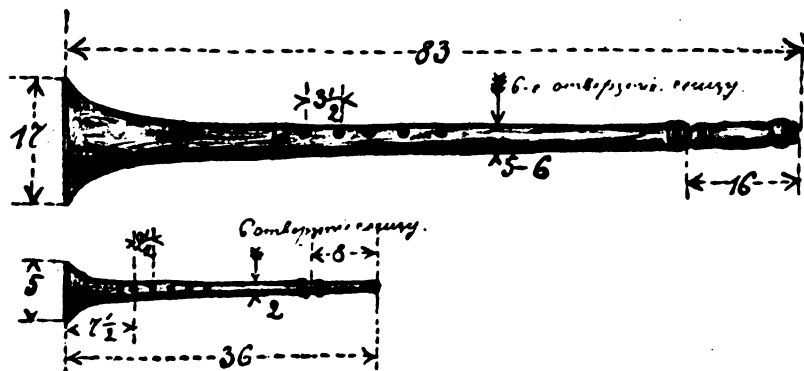

Рис. 120.

Въ Тверской губерніи рожки мѣстнаго изготовленія (на примѣръ, въ Корчевскомъ уѣздѣ) стоятъ отъ 75 коп. (малые) и до 2 рублей (большіе) за штуку. Матеріаломъ для рожковъ служитъ можжевельникъ, считающійся для этой цѣли лучшимъ деревомъ. Береза также примѣняется, но только для пастушескихъ трубъ, потому что березовые рожки на голосовыхъ отверстіяхъ почему-то плохо играютъ. Во Владимірской губерніи въ Ковровскомъ уѣздѣ Едемской волости, гдѣ игра на рожкахъ особенно развита, существуетъ специалистъ «мастеръ», вытачивающій на токарномъ станкѣ рожки изъ цѣльнаго куска пальмоваго дерева, съ раструбомъ явственной формы (рис. 120). По дороговизнѣ матеріала большіе рожки (басы) изготовляются изъ сосноваго дерева съ мѣднымъ на-

конечникомъ (раструбомъ). Эти рожки берестою не обвиваются, оставаясь снаружи бѣлыми; работа ихъ очень тщательная и гладкая. Стоимость на мѣстѣ—малый рожокъ 5 рублей, большой отъ 8 р. и дороже.

Величины рожковъ бываютъ вообще различны: отъ 30 сантиметровъ и до 1 метра. Но это для сольной игры, или же для пѣнія съ хоромъ. Музыкальный ансамбль для совмѣстнаго исполненія, какъ я это наблюдалъ неоднократно, составляютъ только *два* инструмента: *малый* рожокъ или какъ его мѣстные игроки называютъ *визгункъ*, и *большой рожокъ* (или по мѣстному названію *басъ*) *вдвое длиннѣе малаго*¹⁾. Это положеніе я установилъ путемъ долгихъ и многихъ наблюденій и лично произведенныхъ мною опытовъ. Звучить басъ *всегда октавою ниже «визгунка»*.

Если сойдутся двое деревенскихъ рожечниковъ, то они играютъ, обыкновенно, на рожкахъ одинаковой величины, — скажемъ, напимѣръ, на малыхъ. Въ случаѣ, ежели соберутся три игрока, то двое играютъ на малыхъ, третій на басу. Когда же соберется нѣсколько рожечниковъ, то $\frac{1}{3}$ всего количества играетъ на басахъ, а $\frac{2}{3}$ на «визгункахъ». Такъ, на всероссійской кустарной выставкѣ 1902 г. въ Спб. игралъ хоръ владимірскихъ рожечниковъ подъ управленіемъ крестьянина Николая Васильевича Кондратьева въ количествѣ 11 человекъ—семеро на визгункахъ, четверо на басахъ. На короткихъ рожкахъ играть, вообще, труднѣе, — поэтому, въ случаѣ сольной игры, или вдвоемъ, рожечники берутъ, обыкновенно, инструменты средней длины (45—46 сант.), въ которые дуть легче и звукъ они даютъ нѣсколько ниже. Для совмѣстной игры нѣсколькихъ человекъ эти рожки не годятся, потому что пришлось бы дѣлать къ нимъ басы слишкомъ длинные, у которыхъ нельзя было бы даже достать руками до голосовыхъ отверстій. Поэтому рожечники Тверской губерніи дѣлаютъ «визгунки» длиною въ 32 сантиметра, а «басы» въ 60—62 см. Владимірскіе рожечники примѣняютъ «визгунки» въ 36 см., басы въ 83 сант. Болѣе чѣмъ двойная величина дѣлается въ виду того, чтобъ на басахъ можно было давать больше силы, потому что въ зависимости отъ степени вдуванія воздуха звукъ рожка можетъ нѣсколько повышаться или понижаться.

Игра на рожкѣ, вообще, очень трудна. Благодаря маленькой и мелкой чашечкѣ мундштука, губы музыканта вкладываются только частью, такъ что воздухъ вдувается въ рожокъ тонкою струею. Малые рожки (визгунки) обыкновенно прижимаютъ къ углу рта, такъ что инструментъ рѣдко обращенъ прямо, а почти всегда вбокъ отъ игрока²⁾. Звукъ въ

¹⁾ А иногда и еще больше.

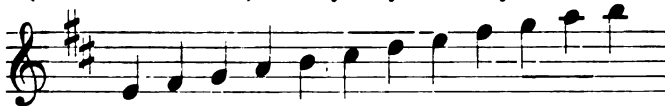
²⁾ Нѣкоторые, впрочемъ, играютъ и на визгункахъ прямо, какъ на обыкновенной трубѣ (Смоленскіе рожечники, по словамъ Тверскихъ игроковъ).

басахъ производится очень легко, но чѣмъ меньше величина рожка, тѣмъ дуть въ него труднѣе ¹⁾).

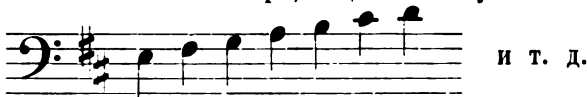
Первобытное устройство мундштука рожка, создавая неудобства при игрѣ на немъ, обуславливаетъ самобытную чарующую прелесть пасторального тембра инструмента. Я пробовалъ спиливать деревянный народный мундштукъ и вставлять на мѣсто его въ рожокъ мундштукъ современного мѣднаго корнета: получался тембрь очень плохой трубы, причѣмъ голосовыя отверстія начинали фальшивить.

На деревенскихъ рожкахъ, благодаря узкому внутреннему каналу инструмента, расположеніе голосовыхъ отверстій, закрываемыхъ пальцами рукъ игрока, вообще абсолютной точности не имѣетъ: необходимо только, чтобы они относительно другъ друга были на одинаковомъ разстояніи. Всю систему можно подвинуть ближе къ раструбу или дальше отъ него—звукъ почти не измѣняется. Такъ мнѣ говорили сами игроки на рожкахъ, и изготовляющіе ихъ мастера. Точно также рожки, разнящіеся въ длинѣ другъ противъ друга не болѣе, какъ на 3—4 сантиметра даютъ почти одинаковый тонъ. Вѣрнѣе сказать, разница должна быть непремѣнно, но она уравнивается силою дутья, такъ какъ въ зависимости отъ дутья можно, какъ я уже говорилъ ранѣе, повышать или понижать тонъ. А сила дутья при игрѣ на рожкахъ вообще велика, потому что на нихъ *никогда не играютъ на нижней октавъ*, а всегда на верхнихъ октавахъ. Нижняя даетъ невѣрный и непріятный тембрь плохой трубы, а звуки верхнихъ октавъ имѣютъ красивый и самобытный тонъ,—нѣчто среднее между звуками кларнета или человѣческаго голоса.

Крестьянинъ Тверской губерніи Корчевскаго уѣзда деревни Молоди Никита Корзиновъ, очень искусственный рожечникъ, извлекъ мнѣ изъ своего инструмента (длиною 0,46 м.) слѣдующую гамму:

Это тона, на которыхъ рожечникъ играетъ обыкновенно. Корнетистъ извлекалъ изъ этого же экземпляра, еще и гамму октавою т.-е.:

Magillon извлекалъ изъ рожка, (имѣющаго 5 голосовыхъ отверстій по верху и шестое внизу) хранящагося въ музеѣ Брюссельской

¹⁾ Игроки на „визгункахъ“ краснѣютъ и напрягаются до того, что становится страшно, какъ бы не лопнули у нихъ жилы на шеѣ!

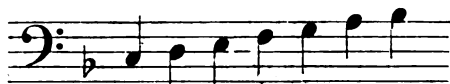
консерваторіи подобную-же скалу:
(Catalogue, II, № 1186).

Изслѣдованіе партитуры Владимірскихъ рожечниковъ (Ковровскаго и другихъ уѣздовъ), прилагаемой ниже, даетъ слѣдующую гамму общаго ихъ исполненія

Очевидно, можно получить также и тоны нижней октавы:

и т. д. Это при длинахъ рожковъ,

какъ мы выше видѣли, въ 36 и 83 сантиметра.

Многочисленные произведенные мною опыты надъ инструментами Тверской губерніи Корчевскаго уѣзда, длиною въ 32 и 60 сантиметровъ, показали, что самый низкій тонъ, даваемый малымъ рожкомъ, когда всѣ

голосовыя отверстія закрыты, былъ: ; но какъ уже говорилось раньше, играется всегда октавоювыше, причеъ, при постепенномъ открываніи

отверстій, получается гамма .

Большой рожокъ (басъ) давалъ при аналогичныхъ условіяхъ .

но игралось въ гаммѣ и т. д.,

т.-е. въ верхнихъ октавахъ.

Хранитель Брюссельскаго музея Консерваторіи, спеціалистъ своего дѣла и великій знатокъ музыкальныхъ инструментовъ всего міра Magillon, произведя рядъ опытовъ, установилъ слѣдующія основныя положенія для всѣхъ трубъ, т.-е. амбушурныхъ инструментовъ:

Характеръ и высота получаемого тона зависятъ отъ формы трубы и отъ устройства мундштука, но не отъ матеріала, изъ котораго она изготовлена.

Такимъ образомъ, трубы изъ дерева, стекла, кости, мѣдя и т. д. при одинаковомъ мундштукѣ и одинаково изогнутыя, издають одинъ и

тотъ же звукъ (тонъ) одинаковаго тембра. И наоборотъ, если мы возьмемъ трубы изъ одного матеріала и одинаковой длины,—одну изъ нихъ оставимъ прямою, а другую изогнемъ, онѣ будутъ издавать тона одинаковой высоты, но различнаго тембра.

Точно также, поставивъ на одинаковыя трубы мундштуки различнаго устройства, мы замѣтимъ, что мундштукъ съ глубокою чашечкою дастъ глухой тонъ (приближающійся къ звуку валторны), а мундштукъ съ чашечкою мелкою—дастъ яркій звукъ трубы.

Рожки, представляющіе собою, въ сущности говоря, трубы съ маленькою и мелкою чашечкою мундштука, должны были бы подчиняться всѣмъ этимъ законамъ. Но къ моему великому изумленію звукъ рожковъ почему-то всегда получался *въ зависимости отъ матеріала*, изъ котораго дѣлался инструментъ.

Такъ напримѣръ, по моему заказу и подъ моимъ личнымъ наблюденіемъ въ Спб. выточенъ былъ рожокъ изъ березоваго дерева по образцу Владимірскихъ инструментовъ. Народный виртуозъ, крестьянинъ Тверской губерніи Корчевскаго уѣзда Иванъ Колобковъ съ трудомъ могъ выдуть изъ этого инструмента основную ноту, а на переборѣ голосовыхъ отверстій рожокъ и вовсе не игралъ! Взяли мы съ нимъ рожокъ совершенно такой же величины деревенской работы, сдѣланный изъ можжевельника, обвитый берестюю и выстроганный куда перяшливѣе, чѣмъ нашъ, точеный на станкѣ,—и на деревенскомъ рожкѣ звукъ шелъ свободно, переборы лились чисто въ интервалѣ болѣе чѣмъ двухъ октавъ. Разница слышалась и въ тембрѣ: нашъ городской рожокъ давалъ рѣзкій и въ то же время спловатый тонъ, — деревенскій же — легкій и свѣтлый.

Тщательно сравнивъ оба экземпляра, мы замѣтили, что у нашего рожка отверстія выточены отвѣсно, а не конусомъ, какъ у инструмента народнаго изготовленія. Передѣлали отверстія, и тембръ, сравнительно съ деревенскимъ рожкомъ, оставался по прежнему сиплый и рѣзкій, напоминающій плохую трубу.

Сдѣлали еще другой (березовый же) рожокъ, обративъ особенное вниманіе на тщательность и гибкость внутренней обточки и педантически подражая народному экземпляру, срѣзавъ голосовыя отверстія возможно болѣе пологимъ конусомъ и опять вымазавъ инструментъ деревяннымъ масломъ. Мундштукъ до мелочи былъ скопированъ съ народнаго.

Результаты получились совершенно тѣ же: опять у насъ была дикая, ревущая труба, извлекать звуки изъ которой игрокъ могъ съ большимъ

трудомъ и страшно сильно вдувая воздухъ, приче́мъ по прежнему изъ шести отверстій, играли лишь два-три, а объ октавахъ нечего было и думать!

Послѣ этого я изготовилъ рожокъ изъ пальмоваго дерева, съ соблюденіемъ, конечно, всѣхъ упомянутыхъ выше народныхъ особенностей. На этомъ рожкѣ можно было играть довольно свободно, дѣйствуя всѣми голосовыми отверстиями. Тембръ его приближался къ звуку деревенскаго инструмента, но все-таки отличался отъ него нѣкоторой тускловатостью тона и былъ гораздо рѣзче. Въ можжевеловые народные рожки дуть было легче и звуки получались болѣе чистые, свѣжіе и въ то же время мягкіе.

Тѣмъ не менѣе, за недостаткомъ подходящаго матеріала, комплектъ рожковъ для хора въ 9 человекъ былъ все-таки выточенъ изъ пальмоваго дерева. На басахъ игралось, конечно, свободно, тѣмъ на малыхъ рожкахъ.

Такъ какъ во всѣхъ этихъ опытахъ мундштуки рожковъ были одинаковые, точно такъ же, какъ и форма самихъ инструментовъ, то положительно приходится установить вліяніе матеріала, изъ котораго они изготовлены, на характеръ получаемаго звука. Какимъ образомъ уладить это противорѣчіе съ положеніями, выработанными столь авторитетнымъ ученымъ, какъ Magillon, — я не знаю. Быть можетъ, упомянутыя свойства рожкамъ придаетъ особенное устройство ихъ мундштука? Вопросъ этотъ остается пока открытымъ ¹⁾.

Въ народномъ употребленіи, какъ уже сказано раньше, рожокъ применяется часто при хоровомъ пѣніи. Въ этомъ случаѣ рожечникъ выводитъ, обыкновенно, запѣвъ, подхватываемый хоромъ, во время пѣнія котораго и выдѣлываетъ на рожкѣ разныя фіоритуры. Еще недавно такіе хоры можно было слышать въ Петербургѣ, проходя лѣтнимъ вечеромъ по берегамъ Малой Невы или Невки: рабочіе на баркахъ, усѣвшись въ кружокъ послѣ ужина, пѣли свои родныя пѣсни, а если между ними находился игрокъ на рожкѣ, то онъ подлаживался къ общему хору и скрашивалъ исполненіе, придавая ему деревенскую самобытность и запахъ полей.

Въ Тверской губерніи рожечники встрѣчаются довольно часто, но

¹⁾ Муз. фирма Ю. Г. Циммерманъ изготовляетъ (по 2 рубля цѣною) выточенные изъ дерева рожки, къ которымъ приспособленъ деревянный мундштукъ въ формѣ трубаго; но они отличаются всѣми свойствами скверной трубы и на голосовыхъ отверстияхъ вовсе не играютъ, а потому и не идутъ въ ходъ.

Рис. 121.

все-таки не въ такомъ количествѣ въ одномъ мѣстѣ, чтобы составлять оркестръ. Тѣмъ не менѣе, дуэты и тріо можно пайти. Въ деревнѣ Молоди Корчевскаго уѣзда Тверской губерніи, близъ почтовой станціи Горицы, проживаетъ крестьянинъ Никита Корзиновъ,—человѣкъ музыкальный отъ природы, обладающій большимъ запасомъ русскихъ пѣсень, заглавія которыхъ выписаны у него на листѣ бумаги («прейсь-курантъ», какъ онъ его называетъ). Будучи въ теченіе 10 лѣтъ пастухомъ, Никита отлично выучился играть на рожкѣ. Землякъ его и сосѣдъ Иванъ Колобковъ, также бывшій пастухомъ, играетъ на рожкѣ, пожалуй, даже лучше Корзинова, но не обладаетъ такою способностью подбирать пѣсни и въ особенности разрабатывать варіаціи основной мелодіи. Въ ихъ деревнѣ живетъ еще двоюродный братъ Колобкова, тоже отличный рожечникъ. Корзиновъ съумѣлъ составить тріо, благодаря отчасти и тому обстоятельству, что въ сосѣдней деревнѣ живетъ крестьянинъ, хорошо изготовляющій рожки. Такимъ образомъ, Корзиновъ имѣлъ *два визунка* и *1 басъ* для игры втроемъ, и кромѣ того нѣсколько экземпляровъ средней величины рожковъ, примѣняемыхъ имъ при игрѣ съ Колобковымъ вдвоемъ или solo.

Съ теченіемъ времени судьба забросила обоихъ виртуозовъ въ Спб., на заводы. Но не смотря на то, что Корзиновъ работалъ на Путиловскомъ заводѣ за Нарвской заставою, а Колобковъ на фабрикѣ за Московской, они находили время и возможность сходиться вмѣстѣ по праздникамъ и играть пѣсни, привлекая вниманіе другихъ рабочихъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ пріѣхалъ къ нимъ и братъ Колобкова, такъ что опять составилось тріо.

Совмѣстная игра на рожкахъ, вообще, очень трудна. Надобно приять во вниманіе трудность техники инструмента, представляющаго въ сущности скопленіе несовершенствъ,—но въ силу этихъ-то именно несовершенствъ и отличающагося отъ трубы, въ сравненіи съ которою онъ имѣетъ свою особую чарующую прелесть. Кромѣ того, при исполненіи необходимо соразмѣрять степень силы вдуванія воздуха, для того чтобы не перевысить тона. А такъ какъ дуть приходится вообще необыкновенно сильно, то легко себѣ представить всю степень трудности *не передуть* при этомъ. Но даже и кромѣ этихъ чисто техническихъ затрудненій встрѣчаются препятствія слѣдующаго свойства: рожечники люди простые, необразованные и въ большинствѣ случаевъ даже неграмотные, слѣдовательно о нотахъ не имѣютъ никакого понятія. Поэтому составлять хоръ приходится *по слуху*, причемъ каждый долженъ быть импровизаторомъ и въ то же время «не рознить отъ

другихъ». Дирижеръ хора только распредѣляетъ голоса, говоря одному: «ты пѣсню играй» (т.-е. другими словами— «держи основную мелодію»). Другому: «а ты верхи забирай» (т.-е. этотъ долженъ разрабатывать варіаціи основной темы). Третьему: «а ты изъ-подъ баса» (т.-е. играй верхній басъ); четвертому: «а ты за баса» и т. д.

Никогда никому дирижеръ не показываетъ его темы на рожкѣ, предоставляя каждому разрабатывать свой голосъ самостоятельно. Когда я пробовалъ спросить Н. В. Кондратьева—чѣмъ же долженъ руководствоваться игрокъ, сочиняя себѣ партію, старикъ отвѣтилъ мнѣ: «не маленькій, самъ знаетъ!»

Дирижеръ, обыкновенно, выбираетъ самага искуснаго изъ игроковъ, который и дѣлаетъ запѣвку, подхватываемую всѣмъ хоромъ, или же запѣваетъ самъ на своемъ «визгункѣ»: Выслушавъ критическимъ ухомъ общій ансамбль, онъ дѣлаетъ замѣчаніе тому игроку, который по его мнѣнію, не ладитъ съ хоромъ. Но по большей части самъ дирижеръ не можетъ точно формулировать, въ чемъ ошибка игрока,— онъ говоритъ только ему: «неладно», молъ; пѣсня повторяется нѣсколько разъ,—и въ концѣ концовъ обыкновенно получается «ладно». Вообще, хоръ, составившійся по какому-либо случаю, съ мѣсяцъ играетъ нестройно, но потомъ исполненіе уплотняется, игроки одинъ къ другому привыкають, и въ концѣ концовъ получается стройный музыкальный ансамбль. Игрока окончательнаго не подладившагося, удаляютъ изъ хора, или онъ, обыкновенно, и самъ догадывается уходить.

Легко себѣ представить, какъ трудно составленіе хора рожечниковъ при подобныхъ условіяхъ, гдѣ, кромѣ преодоленія чисто техническихъ трудностей, каждый изъ музыкантовъ долженъ такъ сказать быть еще и композиторомъ, умѣющимъ разрабатывать данную ему тему, не выходя въ то же время изъ предѣловъ общаго ансамбля! Когда я пробовалъ давать играть па рожкѣ интеллигентнымъ музыкантамъ-трубачамъ, съ цѣлью нотировать этотъ инструментъ для составленія теоретически правильного оркестра, они, недолго побившись надъ рожкомъ, въ концѣ концовъ отъ него всегда отказывались!

Во Владимірской губерніи игра на рожкахъ очень распространена и сохраняется по традиціи до настоящаго времени, хотя уже и въ сильной степени упадка противъ прежнихъ временъ—вслѣдствіе распространенія гармоніи, вездѣ вообще убивающей коренную русскую пѣсню и русскіе инструменты. Въ Ковровскомъ и другихъ сосѣднихъ съ нимъ уѣздахъ мужички-рожечники часто собираются «поиграть вмѣстѣхъ» по 3—4 человекъ. Когда на какой-нибудь деревнѣ предстоитъ свадьба или

ной какой общественный праздник, рожечники за мѣсяцъ или за двѣ недѣли начинаютъ собираться вмѣстѣ и сыгрываться, а потомъ играютъ пѣсни на торжествѣ, будучи почетными гостями. Въ 70-хъ годахъ XIX столѣтія особенно выдѣлился крестьянинъ деревни Мишневой Едемской волости Ковровскаго уѣзда Николай Васильевичъ Кондратьевъ, необыкновенно искусно владѣвшій рожкомъ и обладавшій неисчерпаемымъ запасомъ пѣсенъ; онъ явился талантливымъ организаторомъ большого хора рожечниковъ, который извѣстнымъ антрепренеромъ Картавовымъ былъ провезенъ по всей Россіи, а затѣмъ и за границей. *На рис. 122* представленъ хоръ рожечниковъ подъ управленіемъ Н. В. Кондратьева во время полного его разцвѣта и славы, т.-е. въ началѣ 80-хъ годовъ¹⁾. *На рис. 123* тотъ же хоръ черезъ 20 слишкомъ лѣтъ, игравшій зимою 1902 г. въ Таврическомъ дворцѣ на всероссійской кустарной выставкѣ,— уже въ меньшемъ составѣ; въ серединѣ сидитъ самъ Н. В. Кондратьевъ, который сильно уже постарѣлъ, лишился зубовъ и не могъ поэтому выводить запѣвки, для чего былъ имъ поставленъ другой рожечникъ, а Кондратьевъ только дирижировалъ, да подхватывалъ пѣсню въ хорѣ. Дирижерство это заключалось больше въ томъ, что, играя съ хоромъ, Кондратьевъ отбивалъ тактъ ногою; а изрѣдка, при веселыхъ пѣсняхъ, подмахивалъ рожкомъ, какъ капельмейстерскою палочкою, да этимъ же подавалъ и сигналъ конца пьесы. Репертуаръ составлялся исключительно изъ пѣсенъ, причемъ протяжная смѣнялась, обыкновенно, веселою.

Я помню еще два наѣзда рожечниковъ въ Спб.: одинъ разъ они играли всю масляницу на балаганахъ въ 80-хъ годахъ, а въ другой разъ въ 1895 или 1896 г. въ саду «Америка»—все у того же Картавова, но уже подъ руководствомъ одного изъ товарищей Кондратьева. Тогда рожечники выступили однажды въ большомъ ансамблѣ съ хорами гармонистовъ и пѣсенниковъ. Въ 1903 г., когда я хотѣлъ добыть отъ Н. В. Кондратьева рожки и обратился къ нему объ этомъ письменно, то получилъ отвѣтъ отъ его племянника, что Н. В. уѣхалъ по внутреннимъ городамъ Россіи опять гастролировать со своимъ хоромъ²⁾.

Зимою настоящаго (1906—7 г.) хоръ Н. В. Кондратьева опять игралъ въ Петербургѣ въ ресторанѣ на углу Садовой и Горохой улицъ.

На обѣихъ приведенныхъ выше группахъ (см. рис. 122 и 123) мы можемъ найти одни и тѣ же лица игроковъ. Кромѣ того, замѣтно, что вторая группа значительно меньше первой. Дѣйствительно, какъ мнѣ

¹⁾ Н. В. Кондратьевъ стоитъ въ серединѣ хора, дирижуя рожкомъ.

²⁾ Поѣздки эти обыкновенно составляются на зиму, потому что лѣтомъ рожечники неохотно бросаютъ полевые работы и хоръ въ то время составить трудноѣе.

говорилъ и самъ Н. В. Кондратьевъ, искусство игры на рожкахъ въ ихъ мѣстности падаетъ; при дешевыхъ ангажементѣхъ въ поѣздки приходится собирать по разнымъ уѣздамъ стариковъ, уже побывавшихъ въ его хорѣ раньше; молодые играютъ плохо и изъ нихъ рѣдко можно найти способныхъ примѣниться къ ансамблю. И хотя молодые уже пробовали не разъ составить свой отдѣльный хоръ, но у нихъ не хватало на это ни умѣнія, ни терпѣнія. Такимъ образомъ, старые рожечники вымираютъ, а новыхъ нѣтъ, и самобытный русскій хоръ постепенно разрушается.

Въ наше время, когда сильно обращено вниманіе на музыкальное творчество русскаго народа, пѣсни котораго записываются въ правильно

Рис. 122.

организованномъ для этого учрежденіи (Пѣсенная коммиссія при Рус. Геогр. О-вѣ), а инструменты широко распространяются въ интеллигентныхъ кругахъ,—появленіе рожечниковъ въ 1902 г. не прошло незамѣченнымъ. В. В. Андреевъ, возстановитель русскихъ народныхъ инструментовъ и основатель великорусскаго оркестра, обратился тогда въ редакцію «Новаго Времени» съ слѣдующимъ письмомъ:

«Образчики истинно-народной инструментальной музыки — явленіе чрезвычайно рѣдкое; единственными представителями таковыхъ является хоръ рожечниковъ-владимірцевъ подъ управленіемъ Кондратьева; они въ настоящее время въ Петербургѣ играютъ на кустарной выставкѣ. Народныя пѣсни, передаваемыя рожечниками со всѣми исключительными особенностями, свойственными только русской народной музыкѣ, зача-

стую идутъ въ разрѣзъ со всеѣми теоретическими музыкальными требоваціями. Рожечники совершенно незнакомы съ правилами и законами современной музыки: у нихъ свои правила и законы, вѣянія общевропейской музыки ихъ не коснулись нисколько. Эти-то свои законы и представляютъ особый интересъ, такъ какъ создаютъ чистѣйшій образецъ народной передачи, въ смыслѣ мелодіи и гармоніи, и въ особенности со стороны ритма со всей его причудливостью и неуловимымъ разнообразіемъ». Далѣе, авторъ письма рекомендуетъ Имп. Рус. Геогр.

Рис. 123.

О-ву обратить вниманіе на этотъ хоръ и записать при помощи фонографа исполненіе хора рожечниковъ и solo Кондратьева съ его богатымъ репертуаромъ пѣсень, пока еще не поздно и музыканты-пахари не разошлись по своимъ угламъ.

Е. Линева, собирательница народныхъ пѣсень при помощи фонографа, дѣйствительно записала «камаринскую» въ исполненіи хора рожечниковъ Н. В. Кондратьева. Переведа фонограмму на ноты, г-жа Линева помѣстила партитуру въ «Извѣстіяхъ О-ва музыкальныхъ Собраній» (Спб., февраль—мартъ, 1903 г.), со своею статьею, изъ которой я воспроизвожу слѣдующіе интересные отрывки:

«Въ наше время трудной и сложной изысканной музыки непосредственная простота народныхъ пѣсенъ производитъ чарующее впечатлѣніе. Вѣроятно этимъ нужно объяснить тотъ изъ ряда выходящій успѣхъ, который имѣли владимірскіе рожечники на кустарной выставкѣ 1902 г. въ Петербургѣ. Свѣжестью музыкальнаго воображенія, радостью къ жизни и любовью къ своей пѣснѣ вѣяло отъ этого маленькаго оркестра народныхъ импровизаторовъ въ длинныхъ пастушьихъ сермягахъ, зипунахъ и высокихъ шапкахъ-грешневичкахъ, съ красивыми берестяными рожками въ рукахъ ¹⁾). Сначала, какъ они сами говорили, у нихъ дрожали и руки и губы. Но скоро они освоились съ непривычной обстановкой дворца и съ публикою, недовѣрчиво на нихъ поглядывавшей. Мало того, они просто ее завоевали своей наивной музыкой, выросшей среди полей и лѣсовъ. Петербургская толпа, съ истрепанными нервами и неудовлетворенными стремленіями, стояла какъ прикованная передъ этими мужиками, которыхъ она привыкла нѣсколько презирать, слушала богатые, вольные звуки, которые разносились по всему Таврическому дворцу, — и въ душѣ многихъ наростало неожиданное мягкое чувство къ этимъ «сермяжникамъ».

«Оркестръ рожечниковъ собственно можно бы назвать «пѣсеннымъ оркестромъ». Они играютъ на своихъ рожкахъ только пѣсни, и играютъ до такой степени выразительно, что иногда представляется — будто они выговариваютъ слова. Складъ ихъ игры также пѣсенный. Каждая пѣска начинается запѣвомъ высокаго рожка (напоминающаго по звуку флейту), который ведетъ основную мелодію, а потомъ вступаютъ все остальные рожки и разрабатываютъ основной напѣвъ. Вотъ эта разработка глапнаго мотива въ видѣ его вариантовъ и есть въ высшей степени интересная и характерная черта, составляющая отличительный признакъ гармонизаціи великорусской народной пѣсни. Предразсудокъ, утверждающій, что народъ поетъ всегда въ унисонъ, подрѣзывается тутъ же въ самомъ корнѣ. Напротивъ, хорошій народный хоръ *не поетъ и не можетъ* пѣть въ унисонъ. Живая толпа состоитъ изъ разнообразныхъ личностей со своими особыми способностями, съ разными голосами, высокими и низкими, съ особымъ тембромъ, различной степенью мягкости голоса, разнымъ музыкальнымъ вкусомъ. Складъ народной пѣсни даетъ полную свободу проявленію таланта пѣвцовъ-импровизаторовъ. Хорошій народный хоръ звучитъ необыкновенно богато и полно. Это идеальное сліяніе въ одно цѣлое различныхъ индивидуальностей съ полнымъ сохраненіемъ характера личности. Народный хоръ не знаетъ, что значить быть «подъ

¹⁾ Не совсѣмъ точно: рожки были пальмовые, точеные, съ гладкой деревянной поверхностью; обивки берестю не было и слѣда. Н. П.

пятой» дирижера, который стремится подчинить своей индивидуальности всё разнообразие таланты под его руководством. Запѣвало, если онъ хорошъ, можетъ увлечь за собою хоръ, создать известное настроеніе, но вступившіе послѣ запѣвалы голоса ведутъ пѣсню по своему, часто неожиданно для запѣвалы являются другіе, доминирующіе голоса, вносящіе новый своеобразный рисунокъ въ гармонію. Начиная большею частью, *но не всегда* съ унисона, каждый хоршій пѣвецъ импровизируетъ свой вариантъ мелодіи и сходится съ другими голосами на каденціи, въ концѣ полустішія или стиха, опять въ унисонъ. Каждый голосъ, отдѣльно пропѣтый, даетъ самостоятельную мелодію пѣсни, болѣе или менѣе красивую».

«Все, что здѣсь сказано о пѣснѣ, можно вполне приложить и къ оркестру рожечниковъ, который по своему складу и по протяжному звуку своего инструмента очень близокъ къ народному хоровому исполненію и служить примѣромъ и доказательствомъ существованія своеобразнаго народнаго контрапункта»¹⁾:

Партитура «Камаринской» въ исполненіи хора рожечниковъ.

М. М. ♩ = 168.

Запѣвъ.

The musical score consists of four staves labeled I, II, III, and IV. Staff I is the lead voice, starting with a forte (f) dynamic and a melodic line. It is followed by a piano (p) section. Staves II, III, and IV provide harmonic support, with some parts in unison. The score is written in 2/4 time and has one flat in the key signature.

¹⁾ Эту фразу редакторъ „Изв. О-ва муз. собр.“ въ особомъ примѣчаніи оставилъ на совѣсть автора статьи.

The image displays a musical score for four staves, labeled I, II, III, and IV, arranged in three systems. Each staff begins with a treble clef and a key signature of one flat (B-flat). The first system features a complex melodic line in staff I with many beamed notes, while staffs II, III, and IV provide a more rhythmic accompaniment. The second system starts with a dynamic marking of *mf* (mezzo-forte) above staff I. The third system begins with a dynamic marking of *f* (forte) above staff I. The notation includes various note values, rests, and articulation marks throughout the piece.

Прилагаемая партитура «Камаринской» въ исполненіи владимірскаго хора рожечниковъ Н. В. Кондратьева представляет воспроизведеіе упомянутой выше фонограммы г-жи Линевой.

При С.-Петербургскомъ городскомъ попечительствѣ о народной трезвости существуютъ классы бесплатнаго обученія игрѣ на балалайкахъ, домрахъ, гусяхъ и другихъ инструментахъ русскаго народа, вмѣстѣ съ хоровымъ пѣніемъ, основанные и руководимые авторомъ настоящихъ строкъ. Въ 1904 г. мною предприняты были и опыты возстановленія хора рожечниковъ. Для этого, пригласивъ въ качествѣ преподавателей въ упомянутыхъ классахъ тверскихъ рожечниковъ Никиту Корзинова и Ивана Колобкова (о которыхъ говорилось выше), я открылъ запись желающихъ обучаться игрѣ на рожкахъ. Сначала явилось ихъ человекъ до 50, по

потомъ, благодаря трудности техники игры, или отсутствію у большинства музыкальныхъ способностей, количество это сократилось до 14, которые и составили первоначальный хоръ. Вскорѣ, однако, нѣсколькихъ изъ нихъ, рабочихъ Невскаго судостроительнаго завода отправили по случаю войны въ Портъ-Артуръ, да двоихъ пришлось уволить, окончательно убѣдившись въ ихъ полной неспособности участвовать въ ансамблѣ, не смотря на страстную любовь къ музыкѣ.

Оставшіеся 8 человекъ выработали небольшой, но стройный хорикъ, который я и демонстрировалъ на вечерѣ въ Русскомъ Собраніи въ февралѣ 1905 года. До послѣдняго времени этотъ хоръ рожечниковъ съ большимъ успѣхомъ выступалъ потомъ и на концертныхъ эстрадахъ въ театрахъ Спб. Попечительства о нар. трезв. Составленіе этого хора и изготовленіе инструментовъ у петербургскихъ токарей стоило мнѣ страшныхъ трудностей, но за то я могъ на практикѣ произвести многія цѣнныя наблюденія, часть которыхъ и была изложена въ этой статьѣ.

Ввести рожки въ общій ансамбль великорусскаго оркестра я не могъ, потому что они играли въ тонѣ *sol mineur*, а для совмѣстной съ балалайками и гусями игры нужно было повысить тональность по крайней мѣрѣ до *ля*. Хотя запасъ накопленныхъ мною фактовъ давалъ достаточно матеріала для того, чтобы установить размѣры *виолука*, играющаго въ тонѣ *ля*, но онъ получался слишкомъ короткій; играть на немъ было бы черезчуръ трудно.

Заключеніе

Сдѣлаемъ общій обзоръ всего, что было сказано выше о трубахъ на Руси. Одно изъ древнѣйшихъ извѣстій о славянахъ, относимое къ концу VI в. (Ееофилактъ Симокатскій) гласитъ, что хотя трубы и были имъ извѣстны, однако, не получили еще въ ихъ народѣ примѣненія ¹⁾. Точно также, арабскіе писатели не находятъ трубъ въ обращеніи Славянъ даже въ X вѣкѣ ²⁾. Съ XI вѣка мы имѣемъ, однако, несомнѣнныя (дѣтописныя) свидѣтельства о примѣненіи трубъ въ русскихъ войскахъ, причемъ нѣкоторыя литературныя свѣдѣнія, а также русскія народныя пѣсни говорятъ намъ, что трубамъ предшествовали животные рога. Все это могло, конечно, явиться въ тѣ отдаленныя эпохи, какъ слѣдствіе вліянія восточныхъ кочевыхъ племенъ, съ которыми русскіе приходили въ соприкосновеніе на южныхъ границахъ нарождавшагося русскаго государства; вѣрнѣе-же всего, что трубы заимствованы были на Руси изъ Византіи, такъ какъ гре-

¹⁾ См. примѣчаніе на стр. 70.

²⁾ См. тамъ-же.

ческое вліяніе въ X—XI вв. шло по цареградскому пути на Русь широкою волною.

Понятно теперь, почему русскія ратныя трубы древняго періода имѣли восточную или византійскую формы, т.-е. были прямыя, конусообразныя ¹⁾. Приглашеніе ратныхъ трубачей играть за столами на богатыхъ пирахъ князей и знатныхъ русскихъ вельможъ, повело къ тому, что трубы скоро появились въ обращеніи специалистовъ музыкантовъ тѣхъ временъ, т.-е. скомороховъ, а отъ нихъ перешли и въ народъ. Послѣдній, не имѣя возможности изготовлять трубы металлическія, началъ дѣлать ихъ изъ дерева, подражая византійскимъ образцамъ; такъ создался народный хоръ рожечниковъ. Въ періодъ монгольскаго ига русскія трубы не утратили своего восточнаго типа,—напротивъ, наша современная пастушья металлическая труба, какъ я уже говорилъ, представляетъ яркій образчикъ восточнаго наслѣдія.

Рис. 124. Сарты музыканты съ бачей.

При концѣ печатанія настоящей статьи были мною получены изображенія музыкантовъ Сартовъ (рис. 124) и тибетскихъ ламъ (рис. 125),

¹⁾ Вѣроятно, въ X и XI вѣкахъ мѣдныя трубы пріобрѣтались для русскихъ войскъ прямо въ Царьградъ, а потомъ уже русскіе позже научились дѣлать ихъ у себя дома.

которыя я и помѣщаю здѣсь въ видѣ дополненія ¹⁾; на обоихъ можно видѣть гигантской величины прямыя трубы; непосредственными потомками ихъ и являются, очевидно, наши современные пастушьи ²⁾. Иногда трубы бурятскихъ ламаитовъ (въ нашей Сибири) достигаютъ такихъ грандіозныхъ размѣровъ, что для производства въ нихъ звука недостаточно одного человѣка: въ послѣднихъ случаяхъ къ отверстию трубы, въ которое дуютъ губами, придѣлывается еще одно—для другого исполнителя. Называется этотъ инструментъ *бишкуръ*; изготовляется онъ изъ мѣди, украшенной бѣлымъ металломъ (иногда серебромъ). Фотографическія карточки съ изображеніемъ игроковъ на бишкурѣ были на выставкѣ въ Нижнемъ Новгородѣ въ 1896 г. въ отдѣлѣ Восточной Сибири.

Рис. 125. Ламайское духовенство.

Съ XV столѣтія начинаетъ проникать на Русь западное вліяніе, приносимое иностранцами, которые отчасти сами пріѣзжаютъ изъ Германіи, Голландіи, Италіи и прочихъ европейскихъ государствъ для торговли, отчасти же приглашаются на службу русскими государями. Такъ рейтарскіе нѣмецкіе и французскіе полки приносятъ съ собою весь свой военный обиходъ, въ томъ числѣ и трубы какъ прямыя, такъ и различно изогнутыя: сперва (до XVI в.) по формѣ рис. 68 (извѣстной въ Европѣ съ XIV столѣтія), а потомъ, начиная съ XVI вѣка,— по общеизвѣстной и донинѣ сохранившейся формѣ (рис. 73 и др.). Въ XVII в. трубы эти входятъ во всеобщее употребленіе и специально

¹⁾ При богослуженіи ламаитовъ-бурятъ примѣняется еще труба-раковина, подъ названіемъ *дунъ-буръ* или *дунъ-гаръ*, введеніе которой они относятъ по временамъ Сакіа-муни.

²⁾ Оба эти рисунка любезно предоставлены мнѣ барономъ Н. Ф. Фивейзенемъ изъ его богатой музыкально-исторической коллекціи.

въ русскихъ войскахъ, причемъ украшаются завѣсами, кистями и проч., будучи выписываемы прямо изъ Голландіи.

Петръ Великій сразу вводитъ въ русскій военный оркестръ трубы по установившимся въ Западной Европѣ образцамъ, чему въ особенности мы обязаны взятымъ въ плѣнъ подъ Полтавою шведамъ-музыкантамъ, въ количествѣ 128 человекъ. Съ тѣхъ поръ, всякое европейское усовершенствованіе въ мѣдномъ духовомъ хорѣ немедленно же переходить и къ намъ въ Россію.

Н. Приваловъ.

Спб. 4 октября 1905 г.

Древнѣйшая Ливонская хроника и ея авторъ.

Извѣстная нынѣ подъ названіемъ «*Heinrici Chronikon Livoniae*» древнѣйшая Ливонская хроника, изданная по кодексу Замойскаго (въ «*Scriptores rerum Germanicarum*»), относимому къ концу XIV в., требуетъ пересмотра. На дѣлѣ текстъ этого кодекса далеко не свободенъ отъ интерполяцій и ошибокъ переписчика. Если географическія и личныя имена, приводимыя въ хроникѣ, не могутъ быть возстановлены съ полною достовѣрностію, то во всякомъ случаѣ знатоки мѣстныхъ туземныхъ языковъ могутъ указать болѣе или менѣе правдоподобные варианты. Пересмотръ хроникѣ въ отношеніи географической и личной номенклатуры требуетъ сравненія всѣхъ списковъ хроникѣ и затѣмъ сопоставленія приводимыхъ въ ней именъ съ сохранившимися въ мѣстныхъ названіяхъ и историческихъ документахъ древними именами языческихъ временъ. Въ настоящей статьѣ я попытаюсь указать позднѣйшія вставки и противорѣчія въ хроникѣ и обосновать новое предположеніе о личности ея автора.

Отрывочное сообщеніе о томъ, что еп. Мейнгардъ участвовалъ въ походѣ шведскаго князя на куронъ въ союзѣ съ нѣмцами и готами, причѣмъ буря загнала ихъ въ Виронію, эстонскую провинцію, откуда послѣ трехдневнаго опустошенія страны и полученія дани, князь вернулся обратно (I, 13), ставитъ историковъ въ затрудненіе. Оно приведено безъ всякой связи съ предшествующимъ разсказомъ съ обычнымъ у хроникера связующимъ звеномъ «*jam tunc idem episcopus*» (т.-е. Мейнгардъ). Самъ хроникеръ прямо заявляетъ, что еп. Мейнгардъ не имѣлъ возможности отлучаться изъ Ливоніи, такъ какъ ливы подстерегали его по дорогамъ, и лишь благодаря благочестивой хитрости его сотруднику брату Теодориху удалось выбраться изъ Ливоніи и предстать папѣ съ плачевною вѣстью о Ливонской миссіи. Затѣмъ прибитіе бурей крестоносцевъ съ южнаго берега Балтійскаго моря къ концу Финскаго залива, неупоминаніе имени князя и союзъ его съ нѣмцами и готами свидѣтельствуютъ о неправдоподобности этого сообщенія.

Свѣдѣнія хроняки о постройкѣ Динаминдскаго монастыря несомнѣнно представляютъ позднѣйшія вставки посторонняго лица. Подлинныя свѣдѣнія о существованіи монастыря въ Динаминдѣ авторъ сообщаетъ лишь мимоходомъ, при случаѣ. Такъ, въ 1211 г., при случаѣ назначенія Теодориха сотрудиномъ еп. Альберта и посвященія епископомъ въ Эстонію упоминается о существованіи въ Динаминдѣ цистерціанскаго ордена, аббатомъ котораго состоялъ Теодорихъ. На его мѣсто аббатомъ въ Динаминдѣ въ томъ же году былъ посвященъ Бернгардъ изъ Липпін при первомъ его прибытіи въ Ливонію (XV, 4). Затѣмъ при посвященіи аббата Бернгарда въ епископа Земигалліи хроникеръ не упоминаетъ о его преемникѣ. Второй разъ при случаѣ возвращенія папскаго легата Вильгельма въ 1226 г. хроникеръ, имѣвшій поводъ подробнѣе остановиться на Динаминдскомъ монастырѣ, не дѣлаетъ этого, а говоритъ лишь, что онъ долго сидѣлъ при корабляхъ около моря, между тѣмъ, какъ изъ актовъ извѣстно, что легатъ Вильгельмъ былъ въ Динаминдѣ съ 28 апрѣля до 28 мая 1226 г. По всей вѣроятности, Динаминдскій монастырь еще не былъ благоустроенъ и не служилъ удобнымъ мѣстопребываніемъ Ливонскихъ господъ. Вышеупомянутая интерполяція о Динаминдскомъ монастырѣ слѣдующая. Описывая въ 1202 г. епископство Альберта, хроникеръ сообщаетъ, что Альбертъ по обыкновенію отправился въ Германію за сборомъ пилигримовъ и возвратился въ слѣдующемъ году. Въ его отсутствіе дѣйствовалъ въ Ливоніи его братъ Энгельбертъ въ сотрудничествѣ съ братомъ Теодорихомъ Торейдскимъ и священникомъ Алабрандомъ и прочими братьями. Одобряя жизнь и принадлежность Энгельберта къ тому же ордену Зигеберскаго монастыря, какъ и блаженной памяти еп. Мейнгардъ, братья конвента Пр. Дѣвы Маріи въ Ригѣ выбрали его пробстомъ. Присовокупивъ, что еп. Альбертъ перевелъ этотъ конвентъ, основанный Мейнгардомъ, изъ Икесколы въ Ригу, хроникеръ будто бы продолжаетъ: «*claustrum quoque Cysterciensium monachorum in ore Dune construxit, quod claustrum Dunemunde vel montem Sancti Nicolai appellavit. Cui cenobio cooperatorem suum in ewangelio, fratrem Theodericum de Thoreyda, abbatem consecravit*» (VI, 5). Кто построилъ? Если еп. Альбертъ и если постройка одновременна переводу конвента изъ Икесколы въ Ригу, то постройка относится не къ 1202, но къ 1201 г., когда строилась Рига (V, 1). Но, во-первыхъ, постройка монастыря и города Риги одновременно или въ ближайшее время весьма мало вѣроятна, во-вторыхъ, по прямому свидѣтельству хроникера, братъ Теодорихъ Торейдскій былъ назначенъ сотрудиномъ еп. Альберта лишь въ 1211 г.:

«Theodericum abbatem Cysterciensis ordinis in Dunemunde sibi cooperatorem continui sui laboris assumpsit» (XV, 4), а сотрудникомъ по евангелію братъ Теодорихъ былъ у еп. Мейнгарда (I, 10). Слѣдовательно, авторъ хроники не могъ называть брата Теодориха въ 1202 году сотрудникомъ еп. Альберта по евангелію. Очевидно, приведенное сообщеніе объ основаніи Динаминдскаго монастыря въ 1202 г. представляетъ позднѣйшую вставку, сдѣланную постороннимъ лицомъ, вѣроятно, монахомъ Динаминдскаго монастыря. Вторично объ основаніи Динаминдскаго монастыря говорится въ 1205 г., когда еп. Альбертъ, по возвращеніи изъ Германіи со своимъ братомъ Ротмаромъ и множествомъ знатныхъ воиновъ и пилигримовъ изъ Саксоніи, «volens tantorum virorum consilio et auxilio vinee Domini palmites extendere in gentibus, post introitum Dune claustrum Cysterciensium monachorum locaverunt in Dunemunde, quibus episcopus abbatem prefecit antedictum fratrem Theodericum. mittitque ad castrum...» (IX, 67). Установимъ связь повѣствованія. Хроникеръ сообщаетъ, что Альбертъ со множествомъ крестоносцевъ пріѣхалъ въ Ригу, гдѣ былъ торжественно принятъ всею милиціею крестоносцевъ и затѣмъ, желая распространить среди язычниковъ вѣтви виноградника Господа, предпріялъ походъ противъ Двинскихъ ливовъ, жившихъ въ замкахъ Икесколѣ, Аскраты и Леневарденѣ. Походъ былъ побѣдоносный. Очевидно, что въ данномъ случаѣ мѣсто о Динаминдскомъ монастырѣ, начиная со словъ «post introitum»... кончая словами «fratrem Theodericum», представляетъ вставку, не имѣющую связи съ ходомъ рѣчи. Замѣчательна въ этомъ мѣстѣ необычная для хроники конструкція рѣчи, выражающаяся въ помѣщеніи сказуемаго предъ дополненіемъ, причемъ къ одному подлежащему относится сказуемое въ разныхъ числахъ («locaverunt», «mittitque»). Страшно и то, что Теодорихъ называется здѣсь «antedictus frater», тогда какъ среди перечисленныхъ впереди лицъ его имя не встрѣчается, а упоминается онъ лишь пятью страницами раньше въ 1204 г. по случаю возвращенія его изъ Рима (VIII, 6). Вставка эта, очевидно, сдѣлана послѣ составленія хроники или данной части ея, но самимъ ли авторомъ, или постороннимъ лицомъ, трудно рѣшить. Слѣдуетъ прибавить, что основаніе въ указанномъ 1205 г. Динаминдскаго монастыря весьма вѣроятно, такъ какъ въ слѣдующемъ 1206 г. Теодорихъ впервые именуется аббатомъ (X, 1), въ 1204 г. въ устьѣ Двины упоминается гавань (VIII, 2), въ 1206 г. при входѣ въ Двину рижскій конвентъ встрѣчаетъ Лунденскаго архіеп. Андрея и еп. Николая, а въ 1208 г. еп. Альбертъ уже останавливается надолго въ Динаминдѣ (XI, 8. 9). Повидимому, монастырь тогда уже существовалъ. Указаніе на

его существованіе мы имѣемъ въ томъ же 1208 г., когда говорится, что нѣкоторые изъ прибывшихъ въ Ливонію духовныхъ лицъ избрали своимъ мѣстопребываніемъ Динаминдъ (XII, 5). Прямо о монастырѣ въ хроникѣ упоминается въ 1210 г. при нападеніи куронъ на Ригу, когда часть нѣмцевъ укрылась въ Динаминдскомъ монастырѣ (XVI, 5).

Послѣ окончательнаго покоренія Ливоніи въ 1206 г. началась усиленная миссіонерская дѣятельность въ отсутствіи еп. Альберта, подъ руководствомъ брата его пробста Энгельберта и согласно указанію Лунденскаго архіеп. Андрея, повидному, мѣстоблюстителя Альберта. Были разосланы священники въ Торейду, Метсеполе и Идумею и къ двинскимъ ливамъ, были организованы приходы, построены церкви, назначены постоянные священники (X, 14, 15). Между тѣмъ въ слѣдующемъ году, по возвращеніи еп. Альберта, тоже самое повторяется и о его дѣятельности: «*post hec episcopus, de conversatione et baptismo Lyvonum gavisus, sacerdotes mittit ad omnes et in Thoreida et in Methsepole et in Ydumeam et iuxta Dunam, et constructis ecclesiis locantur sacerdotes in parrochiis suis*» (XI, 2). Затѣмъ, рассказавъ о раздѣлѣ завоеванныхъ земель (XI, 3), хроникеръ прибавляетъ: «*divisa taliter Lyvonia, episcopus sacerdotes in partes suas mittens, fratribus milicie partes suas procurandas reliquit*» (XI, 4). Приписываемая здѣсь еп. Альберту миссіонерская дѣятельность относится хроникеромъ ко времени послѣ заключенія Альбертомъ союза съ Кукенойскимъ княземъ Вячко противъ литовцевъ и послѣ раздѣла Ливоніи. Какъ видно будетъ изъ дальнѣйшихъ соображеній, хроника подвергалась передѣлкѣ самимъ авторомъ и не была написана за одинъ приемъ. Разбираемое мѣсто я считаю дополненіемъ, внесеннымъ авторомъ послѣ составленія этой главы. Логическую связь я усматриваю между заключеніемъ союза съ Кукенойскимъ княземъ Вячко противъ литовцевъ (XI, 2) и дальнѣйшимъ повѣствованіемъ о нападеніи литовцевъ (XI, 5), начинающимся словами: *post hec recordati Lethones...*, такъ что приписываемая еп. Альберту церковная организація Ливоніи, начинающаяся словами: *post hec episcopus...* вставлена хроникеромъ послѣ для возвеличенія еп. Альберта.

То же слѣдуетъ сказать и о повѣствованіи автора о препирательствахъ между орденомъ и епископомъ по поводу раздѣла земель (XI, 3. 4). Вопросъ о раздѣлѣ земель рѣшенъ папою Иннокентіемъ III въ 1210 и слѣд. годахъ (См. Liv. U. В. нр. 16. 18. 19. 23. 25). Правда, хроникеръ въ своемъ повѣствованіи замѣчаетъ, что эти препирательства послѣ дошли до свѣдѣнія папы, который и рѣшилъ ихъ, но изъ этого слѣдуетъ заключить лишь, то, что препирательства эти происходили до

1210 г. Что хроникеръ при своемъ изложеніи событій не имѣлъ въ виду касаться отношеній между орденомъ и епископомъ, а желалъ лишь описать обращеніе язычниковъ, великія и славныя побѣды надъ ними христіанъ, доказательствомъ этому служить несомнѣнная позднѣйшая вставка автора по поводу того же раздѣла земли подъ 1211 годомъ. Эта вставка гласитъ: «episcopus autem eodem anno cum Wolguino magistro fratrum milicie Romam veniens, a summo pontifice benignissime receptus est et super divisione Livonie ac Lettie privilegia recipiens, et super predicatione in remissionem peccatorum auctoritatem renovatam accipiens, cum gaudio reversus est»... (XV, 2). Эта вставка явно нарушаетъ обыкновенную у хроникера связь между началомъ и концомъ каждаго года епископства Альберта. Предъ этою вставкою рѣчь кончается обыкновеннымъ выраженіемъ объ ожиданіи возвращенія епископа: «adventum episcopi et peregrinorum expectabant», а начало слѣдующаго года: «et non quievit ecclesia a bellis» (ср. конецъ гл. XVII, 6 и начало гл. XVIII, 1, а также конецъ гл. XIX, 10 и начало гл. XX). Затѣмъ, по акту еп. Альбертъ съ магистромъ Вольквиномъ былъ у папы не въ 1211, а въ 1210 году. Кромѣ того въ этой вставкѣ говорится о возвращеніи епископа, между тѣмъ какъ объ его возвращеніи уже подробно было сказано въ началѣ 13 года его епископства послѣ этой вставки. Вообще слѣдуетъ отмѣтить, что авторъ хроники очень мало интересуется орденомъ меченосцевъ и упоминаетъ о немъ только при случаѣ. Да и самое извѣстіе объ учрежденіи ордена монахомъ Теодорихомъ въ 1202 году (VI, 6) кажется мнѣ позднѣйшею вставкою автора. По актамъ братья рыцарства впервые упоминаются лишь въ 1204 г. (Livl. U. B. nr. 14), а по хроникѣ они впервые принимаютъ участіе въ походѣ противъ языческихъ Литовцевъ въ 1205 г. (IX, 2).

Обширную вставку, сдѣланную авторомъ послѣ написанія хроники или части ея, представляетъ интересное описаніе очевидцемъ путешествія еп. Рацебургскаго Филиппа и еп. Эстонскаго Теодориха на Латеранскій соборъ въ 1215 г. (XIX, 5—7). Къ такому заключенію приводитъ контекстъ рѣчи. Непосредственно предъ вставкою говорится: «Et missi sunt sacerdotes Petrus Kakuwalde de Virlandia et Otto fratrum milicie sacerdos, et perrexerunt in Saccale, et consummaverunt baptismum usque ad Palam, et in Ugaunia usque ad Matrem aquarum. Quo facto reversi sunt in Livoniam nondum valentes cohabitare cum eis propter aliorum Estonum ferocitatem» (XIX, 4). Продолженіе разсказа послѣ вставки: «Roma dictat jura, Riga vero rigat gentes. Nam Petrus Kakuwalde et

Otto sacerdos, a Riga missi, Saccalam et Ugauniam interim sacro fonte gigantes ad vitam invitant eternam» (XIX, 7). После повествованія о проповѣди священниковъ Петра Кайкивальта и Оттона (XIX, 4) продолженіе первоначальнаго текста гласило: «Rotalienses vero adhuc rebelles» и т. д. Очевидно, для установленія связи между концомъ и началомъ раздвоеннаго текста авторъ прибѣгъ къ повторенію конца, который связалъ выраженіемъ: «Roma dictat jura, Riga vero rigat gentes». Эти слова, повторенныя еще дважды (IV, 5; XXX, 6), а равно стиль и способъ выраженія, употребляемаго въ описаніи путешествія на Латеранскій соборъ (напр., относительно еп. Филиппа Рацебургскаго: «et elevans oculos suos et manus utras ad celum» (XIX, 5) и «et oculis ac manibus in celum semper intentus» (XVII, 1) и въ описаніи вида моря при нападеніи куронъ на Ригу въ 1210: «et apparente sequenti diei diluculo apparet totum mare quasi nube tenebrosa perfusum» (XIV, 5) и въ вышеупомянутой вставкѣ: «et facto diluculo primo mane totum mare contra nos tenebrosum apparuit pyraticis ipsorum repletum» (XIX, 5) свидѣтельствуютъ о тождествѣ автора хроники и вставки. Тоже подтверждаетъ и одинаковая транскрипція имени священника «Kakuwalde» въ разбираемомъ мѣстѣ.

Къ концу хроники, когда событія усложняются, авторъ становится предъ трудною задачею по собственной памяти и рассказамъ очевидцевъ привести все въ хронологическомъ порядкѣ. Немудрено, что онъ повторяется, дѣлаетъ вставки, путается въ послѣдовательности. Ниже я постараюсь указать нѣкоторыя повторенія, дополненія, вставки.

XXII, 7 (1218): «Tunc Lettonum quidam surgentes cum paucis intraverunt Rusciam, et alios captivantes, et spolia tollentes, in vindictam suorum fecerunt omnia mala, que potuerunt. Et illis redeuntibus iterum alii abierunt, nihil omnium malorum, que facere potuerunt, omittentes».

XXIII, 5 (1219): Interea Letti de Kukenois et alii quidam Letti fratrum milicie, Meluke et Warigribbe, non immemores omnium malorum, que Rutheni de Plescekowe et Norgardenses anno preterito in Livonia perpetraverant, abierunt in Rusciam, et depredantes villas, et viros interficientes, et mulieres captivantes, omnem terram circa Plescekowe desertam posuerunt, et redeuntibus illis alii abierunt et similia mala fecerunt et predam multam omne tempore retulerunt. Въ отместку имъ псковичи въ свою очередь опусто-

нили землю Леттовъ... nihil eorum malorum que facere poterant, obmiserunt.

XXVII, 4 (1223): «Interim fratres milicie et alii Theutonici cum paucis obsederant castrum Tarbatense, et pugnabant cum eis diebus quinque. Et non volentes castrum tam forte cum paucis expugnare terram in circuitu despoliabant et cum omni rapina sua reversi sunt in Livoniam».

Событія, предшествовавшія и послѣдовавшія паденію Тарбаты (Юрьева) въ 1224 г., весьма спутаны у хроникера. Тутъ можно усмотрѣть нѣсколько повтореній или вставокъ. Трудно установить здѣсь дѣйствительную послѣдовательность событій, каковы: раздѣленіе Эстоніи, представленіе приморскими эстами дани, прибытіе еп. Германа въ Оденпе, дѣятельность князя Вячко, посольства отъ окрестныхъ народовъ. Вѣроятно, взятію Тарбаты предшествовали раздѣленіе Эстоніи и дѣятельность князя Вячко, а представленіе Викскими эстами дани, поселеніе еп. Германа въ Оденпе и посольства отъ разныхъ народовъ имѣли мѣсто послѣ паденія Тарбаты.

До взятія Тарбаты.

XXVII, 6 (1223 г.): Nuncii interim regum Ruthenorum erant in Riga, rerum eventum expectantes et ammirantes quam plurimum, eo quod Rigenses sine victoria nunquam reversi sunt inanes... Должно быть во время осады Тарбаты, такъ какъ при набѣгѣ нѣмцевъ на Гаррію не предвидѣлось особаго событія, наступленія котораго русскіе послы могли ожидать.

XXVIII, 2 (1224 г.): Et audientes Maritimi, quod ad ecclesiam Rigensem pertinerent, gavisissimi sunt valde et tributa duorum annorum, que prop-

XXVIII, 1 (1224): Sed et fratres milicie post pascha colligentes iterum exercitum, obsederunt Darbitam et pugnauerunt diebus quinque cum eis et non potuerunt pro paucitate suorum castrum comprehendere et spoliantes terram in circuitu cum spoliis suis reversi sunt in Livoniam.

Послѣ взятія Тарбаты.

XXVIII, 9 (1224 г.): Miserunt et Rutheni de Nogardia et Plescekowe nuncios in Rigam petentes ea que pacis sunt. Et receperunt eos Rigenses, facientes pacem cum eis, et tributum quod semper habebant in Tolowa, eis restituentes.

XXVIII, 7 (1224): Maritimi vero Rigam venientes ad obedientiam episcopi redierunt, et censum duplicem, quem propter Donos duo-

ter Dunorum impugnationem neglexerunt integraliter solvebant. Въ гл. XXIX, 1 (1225 г.) прямо сказано, что приморскіе эсты прислали пословъ своихъ въ Ригу послѣ паденія Тарбаты.

XXVIII, 2: Ugaunenses quoque similiter de dominio episcopi Hermannus gaudebant, qui erat in Odempe, sed impediabat eos rex Viesceka cum Tarbatensibus suis.

Заслуживаетъ вниманія различное употребленіе спеціальныхъ терминовъ и формъ въ разбираемомъ мѣстѣ, напр., «kilegunda» (XXVIII, 2; XXIX, 7; XXX, 5), «provincia» (XXVIII, 7; XXIX, 3), «provincia id est kulegunda» (XXVIII, 8) въ Угауни. О Варбольцахъ говорится, что они представили нѣмцамъ «tributa et waypas» (XXVII, 6), «tributum et munera» (XXVIII, 7), «tributa duorum annorum» (XXVIII, 2). Тутъ же употреблены различныя глагольныя формы при описаніи однихъ и тѣхъ же событій, напр., *obsederant* = *obsederunt*, *pugnabant* = *pugnaverunt*, *solvebant* = *persolverunt* и др. Врядъ ли однако, на основаніи подобныхъ вариантовъ, можно заключать о двухъ или болѣе авторахъ хроники.

Въ виду того, что хроника отчасти составлена по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ очевидцевъ (XXIX, 9), понятпо, что въ ней возможны противорѣчія и преувеличенія. Прямыхъ противорѣчій я могу указать два. Первое. Послѣ убіенія еп. Бертольда въ 1198 г. клирики сначала бѣгутъ изъ Икскюля въ Гольмъ, а потомъ, когда ливы постановляютъ убить каждаго клирика, остающагося въ ихъ странѣ послѣ пасхи, они отправляются въ Саксонію (*clerici Saxoniam pergunt*. II, 9. 10), между тѣмъ когда въ 1200 г. еп. Альбертъ по приѣздѣ въ Ливонію отправляется въ Икскюль, то, по словамъ хроникера, его встрѣчаютъ здѣсь братья, пребывающіе тамъ со времени перваго епископа (*fratres ibidem morantes a tempore primi episcopi*. IV, 2). Но можетъ быть хроникеръ различаетъ «*fratres*» отъ «*clerici*» (II, 10)? Второе. Въ 1219 г. между Вирляндскими старшинами упоминается Табелинъ, нѣкогда крещенный нѣмцами на Готландѣ (*quondam a nostris in Gothlandia baptisatus*. XXIII, 7), а въ слѣдующемъ 1219 г. тотъ же старшина былъ вновь окрещенъ нѣмцами въ Вироніи (*et baptisati sunt omnes ab eis de quatuordecim villis cum Tabellino seniori ipsorum*. XXIV, 1).

*

bus annis neglexerunt, integraliter persolverunt et fidelitatem perpetuam ecclesie Rigensi promittentes ad fidem christianam redierunt.

XXVIII, 6: Episcopus vero Hermannus abiit cum suis in Ugauniam et cepit Odempe edificare.

Хроника обилуетъ явными преувеличеніями и несообразностями, вытекающими изъ пристрастія автора къ нѣмцамъ, старающагося представлять въ благопріятномъ свѣтѣ или оправдывающаго несправедливый, жестокий дѣйствія господъ страны. Неправдоподобно, что ливскіе старшины, собранные у ора еп. Мейнгарда, выражали общую радость имѣть у себя поваго епископа (I, 14). По свидѣтельству самого же хроникера, ливы питали къ нѣмцамъ-миссіонерамъ глубокую ненависть, и поэтому такое желаніе могли выражать лишь тѣ, которые остались вѣрными христіанству. Не вѣроятно, чтобы второй епископъ Бертольдъ явился въ страну по зову ливовъ, которые между тѣмъ замышляютъ его извести и, когда тотъ возвращается съ войскомъ, вступають съ нимъ въ битву (II, 2). Неправдоподобно, что два латыша цѣлый день воюють съ девятью эстами (XV, 7). Трудно вѣрить тому, чтобы ливы неотступно просили еп. Альберта вовсе освободить ихъ изъ-подъ ига русскихъ (XVI, 2). По словамъ автора, туземцы почти всегда «съ радостію» принимаютъ условія мира, предлагаемыя нѣмцами. Авторъ настолько злоупотребляетъ этимъ терминомъ, что приводитъ его и тамъ, гдѣ было завѣдомое недовольство, напр. при встрѣчѣ туземцами неправеднаго судьи князя Владимира, котораго латыши съ идумейцами приняли не особенно радуясь (*licet non multum gaudentes*. XVII, 6). Въ 1244 году 3 тысячи нѣмцевъ должны были отступить предъ 20 тыс. русскихъ и эстовъ и запереться въ замкѣ Оденпе, гдѣ настала голодъ, такъ что лошади перегрызали другъ у друга хвосты; «*tandem tercia die post conflictum colloquuti sunt cum Theutonicis. Fecerunt quoque pacem cum eis ita tamen, ut Theutonici omnes relicto castro in Livoniam redirent*» (XX, 7. 8). Авторъ не хочетъ сознаться, что нѣмцы были побѣждены, и даетъ рѣчи такую форму, будто бы русскіе просили мира. Въ битвѣ въ Угауніи въ 1218 г., когда ливы и летты были обращены въ бѣгство, осталось лишь сто рыцарей, которые будто бы выдерживали въ теченіе цѣлаго дня всю тяжесть битвы противъ 16 тыс. русскихъ, и когда русскіе возвратились къ своимъ огнямъ, крестоносцы повернули въ Ливонію, потерявъ будто бы одного рыцаря и другого летта, который наконецъ палъ, сражаясь у дерева противъ девяти русскихъ (XXII, 3). Наивная попытка скрыть пораженіе крестоносцевъ съ союзниками и явное преувеличеніе ихъ доблести.

Извѣстіе о горѣ и прекраснѣйшей роцѣ на ней въ предѣлахъ Вироніи, гдѣ будто бы по разсказамъ туземцевъ родился великій богъ эзельцевъ Tharapita и улетѣлъ отсюда на Эзель, а равно и уничтоженіе здѣсь священникомъ священныхъ изображеній и подобій боговъ

(XXIV, 5) никакъ не вяжутся со всѣмъ тѣмъ, что сообщается въ хроникѣ о религіи языческихъ эстовъ. Несомнѣнно, что туземцы не могли назвать бога эзельцевъ «Тагарита», такъ какъ у древнихъ эстовъ высшій богъ между прочимъ носилъ имя «Таага», а Таага аvита (Тара, помощи!) употреблялось при воззваніи къ его помощи, какъ и обращались къ своему богу эзельцы (XXX, 4). Во-вторыхъ, объ идолопоклонствѣ эстовъ, ливовъ и латышей нѣтъ въ хроникѣ никакихъ прямыхъ указаній. Миссіонеры нигдѣ не видали идоловъ. Обвиненіе туземцевъ въ поклоненіи «богамъ», въ «идолослуженіи» представляетъ общее мѣсто и опровергается прямыми указаніями, по крайней мѣрѣ, относительно эстовъ, на то, что они почитали одного бога. Старшина одной области Вироніи, по имени Кирьяванъ, просилъ нѣмцевъ дать ему добраго бога, говоря, что онъ доселѣ имѣлъ злого бога (XXIII, 7). Единобожіе признавали и ливы. Это явствуетъ изъ словъ одного лива, видѣвшаго во снѣ бога ливовъ въ видѣ образа, выросавшаго изъ дерева отъ груди и выше (X, 14). Въ другой священной роцѣ, упоминаемой при деревнѣ Карстенѣ въ Гервіи и оскверненной кровію убитыхъ крестоносцами туземцевъ, объ идолахъ не говорится (XXIII, 9). Упоминаемая въ хроникѣ гора съ священной роцею, по всей вѣроятности, тождественна съ горою, которая нынѣ называется Еваwege и находится въ им. Вакъ на границѣ между Виронією и Гервією. Трудно думать, чтобы католическій миссіонеръ, бывшій на этой горѣ, выдумалъ цѣликомъ миозъ о великомъ богѣ эзельцевъ и идолахъ. Въ основѣ разсказа долженъ лежать дѣйствительный фактъ или преданіе, такъ какъ современное названіе горы Еваwege очевидно имѣетъ связь съ религіознымъ вѣрованіемъ, ибо эст. «ева» значитъ ложный, суевѣрный, напр. ева-usk—суевѣріе, ложная вѣра, «ева-jumal»—идолъ. Вѣроятно, что на этой горѣ въ XIII в. сохранились слѣды языческаго культа населенія, перекочевавшаго отсюда на Эзель.

Вопросъ объ авторѣ древнѣйшей Ливонской хроники доселѣ остается спорнымъ. Всѣ изслѣдователи согласны лишь въ томъ, что онъ былъ духовное лицо. Относительно же его національности и личности мнѣнія расходятся. Общераспространеннымъ является мнѣніе, по которому авторомъ хроники считается священникъ Генрихъ Латышскій. Это мнѣніе, котораго придерживался прежде и я, опровергнуто Ив. Юргенсомъ (Записки Русскаго Отд. Импер. Русск. Археолог. Общества. Т. V вып. 2). Юргенсъ выражаетъ справедливое недоумѣніе, какъ могла появиться, а еще болѣе удержаться гипотеза, не имѣющая за собою никакого серьезнаго основанія, и удивляется, почему жребій палъ именно на Генриха, въ

пользу авторства котораго нѣтъ ни прямыхъ, ни косвенныхъ свидѣтельствъ. Я вполне соглашаюсь съ мнѣніемъ Юргенса, что изъ извѣстныхъ намъ по хроникѣ лицъ Генрихъ представляется менѣе всего подходящимъ для искомаго автора хроники. Юргенсъ отказывается дѣлать какія-либо предположенія о дѣйствительномъ авторѣ и заявляетъ лишь, что кто бы ни былъ авторъ, по несомнѣнно, это человекъ близкій къ власти, все знавшій, всѣхъ слышавшій. Я попытаюсь пойти дальше и представить новыя соображенія объ авторѣ хроники, его происхожденіи и личности, основанныя исключительно на данныхъ хроники.

Авторъ несомнѣнно жилъ въ самомъ центрѣ политической жизни древней Ливоніи, въ гор. Ригѣ, куда стекались всѣ свѣдѣнія о происходящихъ кругомъ событіяхъ и откуда исходили распоряженія и начинались дѣйствія властей. Онъ неоднократно сообщаетъ о вѣстникахъ, прибывавшихъ въ Ригу къ епископу и сообщавшихъ о происшедшемъ, напр. X, 8; XI, 7; XX, 3. Онъ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ Бернгардомъ изъ Липпіи («ut ipse sepius retulit». XV, 3), посвященнымъ въ 1211 г. въ аббаты Динаминдскаго монастыря и въ 1218 г. во епископа Земигалии, который въ 1211 году упоминается въ Ригѣ, откуда принималъ участіе въ походѣ противъ эстовъ въ Торейду (XV, 4). Постоянное присутствіе автора въ Ригѣ подтверждается сообщеніемъ именъ болѣе знатныхъ пилигримовъ, ежегодно прибывавшихъ въ Ригу и уѣзжавшихъ обратно на родину. Понятно поэтому, почему городъ Рига, мѣстожительство автора, часто просто называется «civitas» (VIII, 2; IX, 1; X, 6. 9; XIV, 5; XXV, 2) Авторъ представляетъ себя пребывающимъ въ Ригѣ, когда говоритъ о выступленіи войска изъ города «вонъ» (foras. IX, 2) и о ежедневныхъ страхахъ внѣ и внутри (intus et foris. XVII, 1). Ниже, гдѣ рѣчь будетъ о личности автора, всюду предполагается его присутствіе въ Ригѣ, о жизни въ которой авторъ передаетъ иногда самыя незначительныя свѣдѣнія, напр. что Земигальскій вождь собиралъ для своего войска фуражъ отъ отдѣльныхъ домовъ въ Ригѣ (IX, 2), о встрѣчѣ и разговорѣ рижскаго горожанина Мартина съ Земигальскимъ вождемъ Свелгатомъ, вышедшаго изъ города и предложившаго послѣднему медокъ для питья (IX, 1), о великомъ голодѣ въ городѣ (X, 9) и т. п.

Высказываютъ мысль, не была ли хроника составлена нѣсколькими лицами. За это предположеніе нѣтъ достаточныхъ основаній. Вся хроника проникнута однимъ духомъ и написана въ одномъ стилѣ, общій планъ ея выдержанъ какъ въ выборѣ матеріаловъ, такъ и въ освѣщеніи событій, такъ что, если исключить интерполяціи и позднѣйшія дополне-

нія автора, хроника представляет цѣльное художественное произведение. Но главный признак принадлежности хроники перу одного лица представляют характерныя излюбленныя выраженія, къ которымъ авторъ очень часто прибѣгаетъ. Вотъ эти выраженія: *Riga nova fide rigata et quia per eam gentes in circuitu sacro baptismatis fonte rigantur* (IV, 5), *Roma dictat jura, Riga vero rigat gentes* (XIX, 2), *sic Riga semper rigat gentes* (XXX, 6); *murum se pro domo Domini ponentibus* (VI, 1), *qui se murum pro domo Domini die ac nocte ponerent* (XIV, 4), *murum pro domo Domini ponentes* (XI, 5), *murum se pro domo Domini ponere non formidant* (XI, 9), *ut se murum pro domo Domini ponerent* (XXI, 1), *ut starent pro domo Domini in die prelii* (XXII, 1), *stare pro domo Domini in die prelii* (XXIII, 1), *ad ponendum se murum domo Domini* (XXVII, 1); *quod tamquam canes ad vomitum, sic a fide sepius ad paganismum redierint* (II, 5), слова еп. Бертольда о ливахъ; *tamquam canes ad vomitum redire, eo quod fidei olim suscepto obliviscantur* (IX, 8), говоритъ авторъ хроники о ливахъ. Хожденіе еп. Альберта въ Германіи авторъ характеризуетъ словами: *circuitivit in Theutonia per vicos et plateas et ecclesias* (X, 17), *per vicos et plateas, per civitates et castra querens* (XIV, 4); *sicut infra dicetur* (XVII, 2; XXV, 2; XVIII, 8). О замкѣ Герсике авторъ говоритъ: *cum esset Gercike semper in laqueum et quasi in diabolium magnum omnibus in ipsa parte Duna habitantibus* (XIII, 4). Такъ же характеризуется и русскій князь Вячко въ Дарпарѣ: *qui erat in laqueum et in diabolium magnum Saccolanensibus et alliis Estonibus adiacentibus* (XXVIII, 2). Ливы и летты восхваляются такъ: *qui nomen Christi filii sui deportaverunt hactenus ad alias gentes et adhuc portabunt nobiscum* (XXV, 2). Такъ же хвалить леттовъ и папскій легатъ Вильгельмъ: *qui nomen domini nostri Jesu Christi ad Estones et ad alias gentes late portantes* (XXIX, 3). Хроника написана во славу Господа нашего Иисуса Христа, *qui fidem et nomen suam portari vult ad omnes gentes* (XXIX, 9); *rebus certis territi* (XI, 5; XV, 3). Обычное увѣщаніе непокорныхъ язычниковъ текстами Св. Писанія съ предложеніемъ покориться и креститься принимается язычниками или съ радостію, или съ негодованіемъ: *quo audito Estones nimium indignati a castro diverterunt* (XII, 6), *quo audito indignati sunt* (XV, 7), *talibus monitis salutaribus auditis gavisii sunt Livones* (XVI, 4), *quod ut mediunt statim baptismi sacramentum... recipere cum gaudio pollicentur* (XIX, 8), *quo audito gavisii sunt* (XX, 6), *quod audientes gavisii sunt* (XXI, 5), *et placuit eis verbum* (XXIII, 7), *et placuit verbum* (XXIII, 10).

Относительно времени написанія хроники въ наукѣ не существуетъ

споровъ. По содержанию ея время написанія можетъ быть опредѣлено довольно точно. Что хроника написана почти за одинъ приѣмъ, это явствуетъ изъ многократныхъ указаній на имѣющія послѣдовать событія, напр. I, 10; XIV, 2; XIV, 6; XV, 4; XVIII, 2; XXIV, 2. 5 и др. Точное время можно вывести изъ сопоставленія слѣдующихъ мѣстъ. Описывая походъ крестоносцевъ въ 1219 г. въ Леальскую провинцію и оттуда къ морю, авторъ прибавляетъ: «ubi nunc Dani claustrum suum in vicino edificaverunt» (XXII, 9). Слѣдовательно, хроника или по крайней мѣрѣ гл. XXII, 9 написана въ то время, когда датчане построили близъ Леаля монастырь, но это могло быть лишь до конца 1226 г., послѣ чего область эта перешла къ папѣ (XXIX, 6. 7) Затѣмъ въ 1221 г., говоря о деревнѣ Kettis, авторъ прибавляетъ: «ubi postea Dani ecclesiam edificaverunt, sicut et in aliis pluribus villis a nobis baptisatis fecerunt» (XXIV, 5); но это могло быть только до конца 1226 года, когда Виронія перешла къ папѣ (XXIX, 6). Подъ 1221 годомъ сообщается о жестокой смерти князя Вячко при взятіи Тарбаты въ 1224 г. (XXVIII, 5) и оплѣненіи датскаго короля, происшедшемъ въ томъ же 1224 г. (XXVIII, 1). Изъ этого слѣдуетъ заключить, что хроника могла быть писана лишь послѣ 1224 г. Сопоставляя далѣе содержаніе рѣчей папскаго легата Вильгельма, котораго тотъ держалъ при визитаціи Ливонской церкви господамъ и туземцамъ (XXIX, 3), съ увѣщаніями хроникера, обращенными къ господамъ страны при описаніи событій 1221 г. (XXV, 2), необходимо думать, что хроникеръ воспользовался рѣчами папскаго легата, слѣдовательно, писалъ хроникѣ въ концѣ 1225 или въ началѣ 1226 г., когда легатъ Вильгельмъ обзрѣвалъ Ливонскую церковь. Хроникеръ, повиднмому, имѣлъ намѣреніе закончить свой трудъ отъѣздомъ легата изъ Риги весной 1226 г. (XXIX, 8. 9), которому и могъ быть врученъ экземпляръ для представленія папѣ.

Никакихъ прямыхъ указаній на національность автора не имѣется. Напрасны ссылки на барбаризмы, допущенныя въ хроникѣ. Они скорѣе доказываютъ не туземное происхожденіе автора, приведшаго ихъ какъ любопытныя примѣры мѣстныхъ нарѣчій. Эстонская фраза: laula, laula, rari (пой, пой, попь. XVIII, 8), оставленная безъ перевода, приведена совершенно правильно. Смыслъ другихъ двухъ выраженій на эстонскомъ языкѣ (magetas [вм. magada' — спать, лежать] — manere in perpetuum; maga magamos (лежи лежмя) — jacebis hic in eternum) переданъ совершенно правильно. Воззваніе языческихъ Эзельцевъ къ своему богу «Taara abita» (Тара, помоги) авторъ считаетъ за имя божества, причемъ однако знаетъ значеніе слова, сходнаго по звуку первой половинѣ «Thorapita»,

переводя его латинскимъ *nemus* (XXX, 4; ср. лив. *tara*, эст. *tahr*, *taar*—дворъ, загонъ). Изъ латышскаго языка онъ приводитъ только одно слово *draugus* (вм. *draugs*—другъ) *id est consocius* (XVI, 4). Несомнѣнно, что автору представлялось много случаевъ выказать знаніе мѣстныхъ языковъ, особенно при переводѣ географическихъ и личныхъ именъ. Но онъ этого обыкновенно не дѣлаетъ. Всего два раза онъ переводитъ эстонскія географическія названія, а именно замокъ *Odenpe id est Caput ursi* (XII, 6) и р. *Емајогі* (одна течетъ изъ *Вирцгерва* въ Чудское озеро, другая изливается мимо гор. *Перпова* въ сѣверную часть *Рижскаго залива*) «*Mater aquarum*» (XV, 7; XXX, 3), но въ обоихъ случаяхъ переводъ, вѣроятно, сдѣланъ при русскомъ посредничествѣ, такъ какъ у русскихъ *Оденпе* всегда именуется «*Медвѣжья Голова*», а р. *Емајогі* «*Омовжа*», «*Омовыжа*» (изъ эст. *Emavesi*—*Мать-вода*). Последнее предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ XIII в. во время написанія хроники рѣки эти у эстовъ назывались не *Emavesi*, а *Емајогі* (*Livl. U. B.* нр. 62 отъ 1244 г. «*Емаіога*» и нр. 2721 отъ 1234 г. «*Емібаш*» нынѣ нѣм. *Embach*). Изъ сказаннаго я заключаю, что авторъ древнѣйшей *Ливонской хроники* не зналъ ни одного изъ туземныхъ языковъ и былъ чужестранцемъ. Самъ авторъ всегда отождествляетъ себя съ нѣмцами, а не съ туземцами. Многократныя выраженія «*ex nostris*», «*ad nos*», «*nobis*», «*nobiscum*» и т. п. взяты въ отдѣльности, конечно, могутъ быть толкуемы лишь въ смыслѣ обособленія нѣмцевъ-христіанъ отъ язычниковъ, и въ такихъ случаяхъ авторъ-христіанинъ былъ въ правѣ причислять себя къ нѣмцамъ. Но когда подобныя выраженія употребляются при противоположеніи нѣмцевъ ливамъ, леттамъ и эстамъ, уже принявшимъ христіанство, то было бы натяжкой придавать этимъ выраженіямъ другой смыслъ, кромѣ того, что авторъ хотѣлъ ими выразить національное различіе дѣйствующихъ лицъ. Мѣста эти слѣдующія. Въ 1209 г. о двухъ отрядахъ латышей, опустошавшихъ *Литву*, говорится, что они вернулись «*ad nostros in Kukenois*», но въ *Кукенойсѣ* были только крестоносцы (XIII, 1). Въ 1214 году относительно крестоносцаго и туземнаго войска, отправлявшагося въ походъ на эстовъ, говорится: «*et erant ex nostris circiter tria milia Theutonicorum, et Lyvonum et Lettorum alia totidem*» (XVIII, 5). Въ 1220 г. о павшихъ въ битвѣ въ *Гервіи* говорится: «*ex nostris vero ceciderunt duo, et ex Letthis duo, frater Russini et frater Drivalde de Astigerwe, comes juvenis de familia episcopi milesque ducis unus*» (XIII, 9). Въ 1221 г. въ увѣщаніи, обращенномъ къ господамъ страны и судьямъ, авторъ говоритъ: «*ne pauperes nimium opprimatis, pauperes dico Livones et Lettos sive quoscun-*

que neophitos, beate Virginis servos, qui nomen Christi filii sui deportaverunt hactenus ad alias gentes, et adhuc portabunt nobiscum» (XXV, 2). Сюда же слѣдуетъ отнести характеристику авторомъ мѣстнаго климата, на что врядь ли обратилъ бы вниманіе хроникеръ-туземець. Приступая къ описанію обозрѣнія легатомъ Вильгельмомъ эстонскихъ церквей въ 1226 г. послѣ праздника Крещенія Господня, авторъ предпосылаетъ замѣчаніе, что «propter nivis et gelu via sit in frigidis terris illis melior ad eundum» (XXIX, 7).

Авторъ хроники долженъ былъ появиться въ Ливоніи въ началѣ епископства Альберта. Всѣ прежніе дѣятели, напр. монахъ Теодорихъ, священники Алобрандъ, Александръ, Даніиль, которые могли быть въ числѣ братьевъ, пребывавшихъ въ Ливоніи со времени перваго еп. Мейнгарда, исчезаютъ со сцены раньше написанія хроники. Будь кто-либо изъ нихъ авторомъ хроники или первой части ея, онъ непременно сообщилъ бы о времени еп. Мейнгарда и Бертольда гораздо болѣе, чѣмъ сколько мы находимъ въ хроникѣ. Хроника сразу становится богаче событіями со времени приѣзда въ Ливонію братьевъ еп. Альберта Теодориха (1203 г.) и Ротмара (1205 г.). Этотъ фактъ заслуживаетъ особаго вниманія. Въ заключеніи хроники авторъ говоритъ, что онъ началъ писать хронику по просьбѣ господъ и товарищей (rogatu domiporum et sociorum) и что онъ передалъ по памяти лишь то, что видѣлъ собственными глазами или слышалъ отъ очевидцевъ (que vidimus oculis nostris fere cuncta, et que non vidimus propriis oculis, ab illis intelleximus, qui viderunt et interfuerunt. XXIX, 9). Такъ какъ авторъ увѣряетъ, что почти все записанное онъ видѣлъ собственными глазами, чему мы не можемъ не вѣрить, то слѣдуетъ думать, что онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, выступившихъ рано на аренѣ Ливонской исторіи и дожившихъ по меньшей мѣрѣ до 1227 года, когда кончается хроника. Трудно предположить, чтобы среди простыхъ ливонскихъ священниковъ было лицо столь выдающихся дарованій, какъ авторъ хроники. Лицо, къ которому обращались епископы и магистръ ордена и товарищи съ просьбою написать хронику, должно было быть по своему положенію выше простаго священника. Такое лицо слѣдуетъ искать среди ближайшихъ сотрудниковъ еп. Альберта, въ числѣ прелатовъ конвентовъ.

Далѣе я попытаюсь разсмотрѣть всю хронику съ цѣлію отыскать въ числѣ очевидцевъ описываемыхъ событій лицо, болѣе всего подходящее въ качествѣ автора хроники. Такое лицо прежде всего должно быть очевидцемъ большинства событій. Первое событіе хроники, записанное

очевидцемъ или со словъ очевидца, представляетъ битва крестоносцевъ съ эзельскими пиратами въ 1203 г. (VI, 1—3). Въ числѣ крестоносцевъ тогда былъ и братъ Альберта Теодорихъ. О томъ, какъ папа принялъ ливскаго князя Каупо, облобызавъ его, могъ разсказать очевидецъ братъ Теодорихъ, съ которымъ Каупо былъ у папы (VII, 5). Описаніе погрома литовцевъ въ 1205 году, шедшихъ мимо Риги на эстовъ и на обратномъ пути разбитыхъ на голову земигалами и нѣмцами, составлено очевидцемъ (IX, 1—5). Такъ какъ еп. Альбертъ въ свое отсутствіе изъ Ливоніи обыкновенно назначалъ своимъ замѣстителемъ довѣренное лицо, а таковымъ въ настоящее время могъ быть его братъ Теодорихъ, то можно думать, что онъ и есть источникъ этого описанія. Въ 1205 г., возвращаясь изъ Германіи, еп. Альбертъ привозитъ съ собою множество пилигримовъ, въ числѣ которыхъ упоминаются два знатныхъ лица и кромѣ того на первомъ мѣстѣ его братъ Ротмаръ изъ Зигебергскаго монастыря, такъ какъ Альберту было дано папою Иннокентіемъ право брать изъ любого монастыря по одному брату въ сотрудники (*socium laboris*. IX, 6). Съ этого года большая часть событій описывается подробно и матеріалъ хроники становится обильнѣе. Живость описанія событій подтверждаетъ заявленіе автора о личномъ его присутствіи при большинствѣ ихъ. Напр. рыцаря, посланнаго Альбертомъ въ Икесколу, ливы утромъ призываютъ къ себѣ; тотъ выходитъ къ нимъ вооруженный со своею свитою и ведетъ съ ними продолжительный разговоръ (*ad eos foras egreditur, et illis cum eo multa confabulantibus ad singula queque competenter respondit*. IX, 9). Пилигримы поднимаются вверхъ по Двишѣ, и вотъ ливы изъ замка Леневадена, услышавъ о происшедшемъ, ищутъ надежныхъ убѣжищъ въ лѣсу (IX, 9). Устрашенный Кукенойскій князь спѣшитъ навстрѣчу еп. Альберту и они привѣтствуютъ другъ друга рукопожатіемъ (*datis hinc inde dextris salutassent se*. IX, 10). Убитый Гольмскими ливами священникъ Іоаннъ оказывается близкимъ знакомымъ автору хроники, который сообщаетъ, что Іоаннъ былъ родомъ изъ Вироніи и попалъ мальчикомъ въ плѣнъ, изъ котораго былъ выкупленъ еп. Мейнгардомъ и помѣщенъ имъ въ Зегебергскомъ монастырѣ для наученія Священному Писанію, послѣ чего пріѣхалъ съ еп. Альбертомъ въ Ливонію, гдѣ былъ рукоположенъ во священника Гольмскаго прихода. Здѣсь, по словамъ хроникера, онъ многихъ отвратилъ отъ служенія идоламъ. Тѣло его и кости, собранныя впоследствии другими священниками, были похоронены съ благоговѣніемъ еп. Альбертомъ въ церкви Пр. Дѣвы Маріи въ Ригѣ (X, 7). Навѣрное, этотъ священникъ, воспитанный въ одномъ монастырѣ вмѣстѣ

съ братомъ Альберта Ротмаромъ, является однимъ изъ источниковъ хроникера для времени перваго еп. Мейнгарда. Въ 1206 г., въ то время, когда нѣмцы бились съ Гольмскими ливами, авторъ, повидимому, совершалъ въ Ригѣ миссу вмѣстѣ съ еп. Альбертомъ. «Епископъ, говорить хроникеръ, совершалъ со своими клириками миссу, со страхомъ Божиимъ и молитвами ожидая появленія кого-либо, кто бы могъ сообщить о происходящемъ. Сердце его было полно надежды на Господа. И внезапно издали показалось судно, на которомъ возвращаясь нѣкто изъ братьевъ рыцарства съ нѣсколькими ранеными представляетъ епископу голову Ако въ знакъ побѣды» (X, 8). Авторъ, повидимому, участвовалъ въ битвѣ нѣмцевъ съ литовцами при Ашераденѣ, гдѣ «язычники, видя, что ихъ преслѣдуютъ, всѣ вмѣстѣ подняли великій крикъ и, созвавъ своихъ, повернули павстрѣчу христіанамъ. Христіане, поднявъ знамена, внезапно обрушились на нихъ, тамъ и сямъ убивая» (XI, 5). Въ 1209 г., по поводу смерти пробста соборной церкви Энгельберта, авторъ отзывается съ величайшею похвалою о его преемникѣ Иоаннѣ, какъ человѣкѣ кроткомъ, скромномъ и разумномъ на всѣхъ путяхъ своихъ, и съ особою любовью останавливается на дѣлахъ соборной церкви и конвента. Такъ какъ Иоаншъ былъ изъ Августинскаго ордена, братья котораго въ знакъ чистоты носили бѣлое одѣяніе, то епископъ приказалъ каноникамъ рижской соборной церкви носить бѣлое одѣяніе и клобуки вмѣсто прежнихъ черныхъ. «И такъ какъ доселѣ опасались язычниковъ внутри и внѣ, то конвентъ жилъ внутри стѣнъ перваго города въ церкви впервые построенной; послѣ пожара этой церкви и города (въ 1215 г.) начали строить новую церковь Пр. Дѣвы Маріи и тамъ жить» (XIII, 3). Въ дальнѣйшемъ повѣствованіи авторъ не забываетъ соборной церкви, упоминая напр. въ 1224 г. о передачѣ ей приморской области Эстоніи съ семью килегундами, на которую рижская церковь имѣла полное право, такъ какъ она была приобрѣтена какъ завоеваніемъ и крещеніемъ, такъ и платежемъ дани и владѣніемъ заложниками, которыхъ никогда не возвращала датскому королю (XXVI, 13; XXVIII, 2. 7). Въ 1210 году авторъ, повидимому, былъ въ Ригѣ, когда куроны напали на нее, и пишетъ какъ очевидецъ: «На разсвѣтѣ слѣдующаго дня все море показалось заволоченнымъ какъ бы темнымъ облакомъ. Находившіеся на корабляхъ, при видѣ наступающаго на нихъ множества язычниковъ и громаднаго войска, то готовятся на защиту, то бѣгутъ въ монастырь. Язычники, падѣясь взять городъ внезапно, минуя корабли пилигримовъ, быстро плывутъ къ городу. Но рыбаки съ обоихъ береговъ Двины, видя ихъ, бѣгутъ въ Ригу, сообщая о приближеніи войска. Горожане, братья

рыцарства и стрѣлометы (balistarii), хотя малочисленные, вмѣстѣ съ клириками и женщинами берутся за оружіе, подъ звуки колокола, въ который ударяли лишь во время войны, созываютъ народъ, и, идя навстрѣчу непріятелю, ранять изъ нихъ многихъ на берегу Двины. Куроны, оставивъ на Двинѣ корабли, построили свое войско на полѣ; каждый изъ нихъ несъ передъ собою деревянный щитъ, сколоченный изъ двухъ досокъ, и палку на подобіе пастушескаго жезла для поддержанія его. И когда солнце освѣтило бѣлые щиты, то они отражались на водахъ и полѣ. Ибо то было большое и сильное войско и приближалось къ городу» (XIV, 5). Живость описанія битвы крестоносцевъ съ эзельцами и приморскими эстами въ Торейдѣ при замкѣ Каупо въ 1211 г. также предполагаетъ участіе въ ней автора. «И тотчасъ, ударивъ въ тимпанъ радости, музыкальными инструментами и пѣніемъ развеселя духъ мужей и призывая на себя милосердіе Божіе, быстро устремляются на язычниковъ и, перешедши ручей, нѣсколько приотстанавливаются, чтобы собраться вмѣстѣ. Видя это, устрашенные язычники хватаютъ щиты, иные спѣшатъ къ конямъ, другіе перепрыгиваютъ ограду, собираясь вмѣстѣ, возмущаютъ воздухъ своими криками, идутъ христанамъ навстрѣчу, въ великомъ множествѣ посылаютъ на нихъ копья, подобно дождю. Христіане принимаютъ копья своими щитами, по истощеніи копій хватаются за мечи, подходятъ ближе, вступаютъ въ битву, падаютъ ранеными, язычники мужественно сражаются. Видя ихъ храбрость, воины быстро устремляются въ центръ непріятеля, наводя на нихъ страхъ своими убранными конями, многихъ повергаютъ на землю; иныхъ обращаютъ въ бѣгство, преслѣдуютъ бѣгущихъ, убиваютъ захваченныхъ на дорогѣ и на поляхъ» (XV, 3). Авторъ стоялъ очень близко къ еп. Филиппу Рацебургскому, человѣку весьма набожному, глаза и руки котораго всегда во время молитвы были обращены къ небу (XVII, 1; XIX, 5), который никогда не хотѣлъ прерывать положеннаго богослуженнаго чина; ни во время пожара въ Ригѣ, когда послѣ воспламененія всего онъ бѣжалъ изъ своего дома, ни среди самихъ враговъ на морѣ, ни въ третью смѣну, когда, будучи ночью на стѣнѣ въ молитвѣ, былъ тяжело раненъ сторожемъ (XIX, 6). Авторъ несомнѣнно сопровождалъ еп. Филиппа Рацебургскаго и еп. Эстонскаго Теодориха на Латеранскій соборъ въ Римѣ въ 1215 г. Чрезвычайно живое описаніе опасностей, которымъ они подвергались въ Новой Гавани на о. Эзелѣ отъ нападенія эзельцевъ, сдѣланное въ первомъ лицѣ (мн. числа), можетъ исходить только отъ очевидца (XIX, 5—7). Отсутствіе автора изъ Ливоніи до возвращенія въ слѣдующемъ 1216 г. еп. Альберта и

еп. Теодориха подтверждается неопредѣленностью описанія событій конца 1215 и начала 1216 г., передашихъ, повидимому, по разсказу постороннихъ лицъ (XIX, 8—10). Судя по живости описанія и повѣствованія въ первомъ лицѣ, можно думать, что авторъ принималъ непосредственное участіе въ слѣдующихъ позднѣйшихъ событіяхъ: въ набѣгѣ на Гаррію въ 1216 г., причемъ дружиною епископа командовалъ братъ его Теодорихъ (XX, 2), въ набѣгѣ на Гервію въ томъ же году, причемъ въ деревнѣ Кеттисѣ были крещены нѣсколько язычниковъ (XX, 6), въ битвѣ крестоносцевъ съ эстами въ Сакалѣ, причемъ палъ ливскій князь Каупо, вѣрный сынъ ливонской церкви, никогда не пренебрегавшій бранями Господними и походами (XXI, 2—4), въ битвѣ крестоносцевъ при Омовжѣ въ Угауніи, кончившейся бѣгствомъ крестоносцаго войска (XX, 2—4), въ набѣгѣ на Леальскую провинцію въ 1219 г., причемъ крестоносцы сильно пострадали отъ мороза, такъ что у всѣхъ въ послѣдствіи дома выросла на лицѣ новая кожа (XXII, 9), въ набѣгѣ на Виронію въ 1220 г., когда въ деревню Торму къ нѣмцамъ явились старшины Вироніи, принявшіе отъ нихъ крещеніе (XXIII, 7), въ осадѣ Земигальскаго замка въ Месіотѣ въ томъ же году (XXIII, 8). Описание набѣга крестоносцевъ въ союзѣ съ ливами и леттами въ Гервію въ 1220 г. заслуживаетъ особаго вниманія потому, что авторъ тогда находился въ дружинѣ (*cum viris ecclesie*) епископа, которою предводительствовалъ братъ епископа Теодорихъ. Войско крестоносцевъ состояло изъ ливовъ, леттовъ и нѣмцевъ, и съ ними былъ Саксонскій князь Альбертъ, ихъ старшій, магистръ со своими рыцарями и Теодорихъ братъ епископа съ прочими мужами церкви. «По жребію ливы получили путь налѣво, эсты путь направо, нѣмцы съ леттами по обыкновенію заняли средній путь. Поднявшись рано до разсвѣта, продолжаетъ хроникеръ, мы отправились среднимъ путемъ въ Нурмекунду и съ восходомъ солнца нашимъ глазамъ представились множество огней и дыма въ Гервенской землѣ». Это эзельцы жгли и грабили Гервенцевъ. «Нѣкоторые изъ насъ, именно князь Альбертъ со своими рыцарями, надѣвъ доспѣхи, пошли въ Гервію навстрѣчу непріателямъ... Мы поспѣшили къ нимъ и послѣ девятаго часа захватили четырехъ изъ нихъ, поджигавшихъ деревню, убивъ которыхъ и отнявъ коней, мы погнались за другими и вмѣстѣ съ леттами, которые были болѣе легки къ преслѣдованію ихъ, подошли къ деревнѣ, которая называется Карстенъ, гдѣ былъ ихъ почлегъ (*maja*) и сборный пунктъ (*congregatio*)... Они шли къ намъ съ громкимъ крикомъ и ударяя въ щиты... и, замѣтивъ нашу малочисленность, подбѣжали, метая на насъ свои конья. Закричали и

летты, и тѣ, которые были съ нами, которые сперва пришли и еще были малочисленны, и также подбѣжали къ нимъ, метая свои копья. Нашъ путь былъ тѣснѣе отъ замерзшаго снѣга, и одинъ шелъ за другимъ. Нѣмцы, идя сзади далеко, не успѣли еще подойти, и ихъ медленность была для насъ первыхъ тягостна. Итакъ, уповая на Господа, мы расположили леттовъ налѣво. Нѣмцы же, идя отдѣльно по пути, построились вправо. И когда мы увидѣли знамя братьевъ рыцарства, а также князя, слѣдующаго со своимъ большимъ знаменемъ, то мы весьма возрадовались... И тотчасъ съ братьями рыцарства, а равно и съ другими нѣмцами и леттами мы устремились на нихъ... Нѣмцы гнались за ними изъ деревни въ поле. Летты же, идя около деревни, встрѣчали нѣкоторыхъ бѣгущихъ и, разсѣвая ихъ, убивали... Изъ нашихъ пали двое и изъ леттовъ двое... Ливы же, которые пошли по другому пути влѣво, и эсты, которые уклонились вправо, какъ не пришедшіе на битву, не получили и долей при дѣлежѣ добычи, но, направляясь по своему пути, вступили ночью въ Гаррію... Слѣдя за ними, нѣмцы съ леттами на слѣдующій день совершали подобное же зло и сдѣлали своимъ сборнымъ мѣстомъ деревню Лоне, которая находится посреди страны. Ливы же избрали въ другомъ мѣстѣ свой ночлегъ и Сакаланцы сѣли близъ Ревеля... Варбольцы прислали къ намъ просить мира и ухода изъ ихъ предѣловъ... По требованію магистра Вольквина Варбольцы дали заложниковъ, которыхъ, впрочемъ, по требованію датчачъ они вернули родителямъ. «И оставивъ тамъ заложниковъ этой области, мы съ своею добычею вернулись въ Ливонію... И послѣ этого ливы вернулись съ нѣмцами, благословляя Бога»... (XXIII, 9. 10). Какъ очевидецъ большей части описываемыхъ событій, авторъ долженъ былъ принимать въ нихъ непосредственное участіе, и, зная по вышеприведенному примѣру, что онъ находился въ дружинѣ епископа, которою предводительствовалъ братъ епископа Теодорихъ, мы имѣемъ основаніе думать, что онъ участвовалъ во многихъ тѣхъ набѣгахъ и битвахъ, въ которыхъ упоминается дружина епископа.

Авторъ хорошо освѣдомленъ объ организаціи Дерптской епископіи. Назначенный въ 1220 г. во епископа Дерптскаго братъ Альберта Германъ поселяется въ 1224 г. въ Оденпе, начинаетъ строить замокъ, помѣщаетъ въ немъ знатныхъ мужей, въ томъ числѣ своего брата Теодориха, даруя каждому изъ нихъ въ феоде по одной провинціи. Другого своего брата Ротмара назначаетъ пробстомъ, преуказываетъ мѣсто конвента своего въ Тарбатъ и приписываетъ ему 24 деревни и достаточно доходовъ и полей, дѣлаетъ распоряженіе о назначеніи регулярныхъ ка-

ношниковъ и постановляетъ мѣстомъ своей кафедральной церкви. Онъ призываетъ въ Угаунію также священниковъ, даетъ имъ въ ленъ церкви и снабжаетъ ихъ достаточно рогою (аннона) и полями (XXVIII, 3). Замѣчательно, что здѣсь мы опять встрѣчаемъ вмѣстѣ двухъ братьевъ Альберта—Теодориха и Ротмара и что такихъ подробностей не сообщается въ хроникѣ ни объ одной изъ учрежденныхъ въ завоеванныхъ земляхъ епископій. Слѣдовательно, авторъ хроники долженъ былъ быть особенно близкимъ къ еп. Герману.

Несомнѣнную близость автора хроники къ семьѣ брата еп. Альберта Теодориха доказываетъ сообщеніе свѣдѣній о семейныхъ дѣлахъ Теодориха, женатаго на дочери Псковскаго князя Владиміра. По словамъ хроникера, князь Владиміръ былъ изгнанъ въ 1212 г. изъ Пскова со всѣмъ своимъ семействомъ за то, что выдалъ свою дочь замужъ за Теодориха. Не будучи принятъ Полоцкимъ княземъ, онъ принужденъ былъ переселиться со своими людьми въ Ригу къ своему зятю, гдѣ былъ съ почетомъ принятъ зятемъ и дружиною епископа (XV, 13). Послѣ своего возвращенія изъ Германіи въ 1212 г. еп. Альбертъ благословилъ Владиміра, любовно одарилъ его изъ всего того, что привезъ изъ Германіи, и приказалъ относиться къ нему съ почетомъ (XVI, 1). Въ Ливоніи князь Владиміръ дѣйствовалъ какъ вѣрный помощникъ нѣмцевъ и уже въ томъ же 1212 г., при едва не происшедшемъ кровавомъ столкновеніи нѣмцевъ съ Полоцкимъ княземъ, онъ уговорилъ послѣдняго уладить дѣло миромъ (XV, 2). Онъ сперва былъ судьей въ Аутине, пока эта область не перешла въ собственность ордена; послѣ въ Идумеѣ мѣсто судьи своего зятя Теодориха, который уѣхалъ въ Германію (XVI, 7). Но здѣсь, по словамъ хроникера, «онъ много жалъ, чего не сѣялъ» и поэтому по общему желанію онъ былъ вынужденъ уѣхать на Русь (XVII, 4). Однако въ слѣдующую зиму онъ опять вернулся въ Ливонію съ женою, дѣтьми и всею семьей и опять занялъ мѣсто въ Аутине (иск. Metimne). Семья его жила въ Ригѣ, и всѣ прислуживали ей съ любовью. Послѣ упрековъ, сдѣланныхъ ему священникомъ Алебрандомъ за его несправедный судъ, тотъ грозилъ уничтожить имущество Алебранда и спустя короткое время со всею семьей удался навсегда на Русь (XVII, 6; XVIII, 1. 2). Свою угрозу князь Владиміръ привелъ въ исполненіе въ 1218 г., при опустошеніи Ливоніи въ качествѣ Псковскаго князя въ союзѣ съ новгородцами (XXII, 4).

Таковы данныя, могущія служить ключемъ къ разгадкѣ имени автора хроники. По этимъ даннымъ слѣдуетъ заключить, что авторъ хроники прибылъ въ первые годы епископства Альберта, жилъ преим-

щественно въ городѣ Ригѣ, былъ особенно близокъ къ пробстамъ и конвенту Рижскаго кафедральнаго собора, путешествовалъ въ Римъ на Латеранскій соборъ вмѣстѣ съ еп. Филиппомъ Радебургскимъ, съ которымъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ, участвовалъ въ многочисленныхъ походахъ крестоносцевъ, вѣроятно, въ отрядѣ еп. Альберта, которымъ предводительствовалъ братъ Альберта Теодорихъ (котораго семейную жизнь онъ близко зналъ), былъ хорошо освѣдомленъ объ организаціи Дерптской епископіи. Такъ какъ хроника написана, по словамъ автора ея, по просьбѣ господъ и товарищей и не «ради лести или временной выгоды» (*adulationis aut lucri temporalis causa*. XXIX, 9), то слѣдуетъ думать, что авторъ не былъ однимъ изъ господъ страны, а былъ приближеннымъ къ нимъ лицомъ. Кто же именно былъ авторъ хроники? За неимѣніемъ прямыхъ свидѣтельствъ, отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только гипотетическій. Если онъ былъ лицомъ, упомянутымъ въ самой хроникѣ, то всѣ вышеприведенныя данныя говорятъ въ пользу брата еп. Альберта Ротмара, который прибылъ въ Ливонію въ 1205 г. и былъ назначенъ въ 1224 г. пробстомъ Дерптской кафедральной церкви. Его имя упоминается въ хроникѣ еще разъ и опять вмѣстѣ съ братомъ Теодорихомъ, когда въ 1215 г. они вернулись изъ Германіи въ Ливонію (XIX, 2). И лишь гадательно можно думать, что онъ разумѣется въ числѣ «*sapientes et discreti viri*» или «*prelati conventuum*», которые нерѣдко упоминаются въ хроникѣ въ качествѣ совѣтниковъ господъ или въ качествѣ лицъ, сопровождавшихъ ихъ.

Георгій Трусманъ.

Раскопки близъ слоб. Гусевки Царицынскаго у.

П. П. Грековымъ въ 1903 г. въ имѣніи О. П. Грековой близъ слоб. Гусевки раскопаны были два кургана, одинъ старый, другой болѣе новый.

№ 1. Курганъ расположенъ на возвышенности, въ $1\frac{1}{2}$ в. отъ рѣки, близъ насыпей, раскопанныхъ г. Грековымъ въ прежнее время и оказавшихся совершенно разграбленными (квадратныя могилы съ закругленными углами). Насыпь кургана незначительна. Яма грабительская глубиною до 1 саж., неправильной формы, совершенно затянута землею. Въ ней на разныхъ глубинахъ найдены: сверху золотая серьга съ

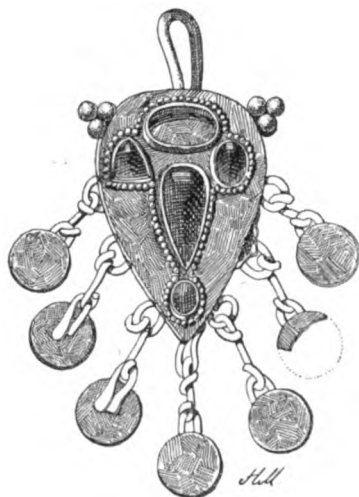

Рис. 1. $\frac{1}{4}$.

Рис. 2. $\frac{1}{4}$.

Рис. 3. $\frac{1}{4}$.

Рис. 4.

гранатами (рис. 1 и 4), золотая бляшка съ гранатомъ и зернью (рис. 3), 2 золотыя полушарія и 3 золотыя съ рубчиками бляшки (рис. 2), ниже обломки мѣдныхъ пластинокъ и ушко отъ значительнаго по размѣрамъ потиноваго зеркала, на днѣ черепки отъ отличнаго сосуда и отъ блюда изъ черной глины съ блестящей поверхностью (рис. 5 и 6).

Паходка золотыхъ вещей въ верхней части ямы показываетъ, что онѣ были выброшены снизу грабителями на борта ямы, никѣмъ не были замѣчены и вновь свалились внизъ, вмѣстѣ со слоями выкида.

Изъ перечисленныхъ вещей особаго вниманія заслуживаетъ серьга, изящная и пріятная подѣлка. Она представляетъ собою растянутой сердцевидной формы бляшку съ ушкомъ и подвѣсками вдоль края. Бляшка имѣетъ выпуклую поверхность и туго набита внутри какою-то твердою массою. Лицевая сторона орнаментирована 5 гнѣздами изъ гранатовъ густого темно-краснаго цвѣта, расположенными такъ, что въ общемъ бляшка напоминаетъ очертаніе челоуѣческаго лица. Гнѣзда окаймлены линіею изъ крупной зерни. Пирамидки изъ зерни еще болѣе крупной при-

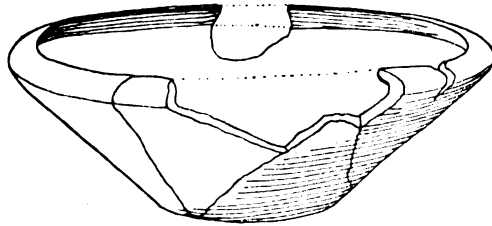

Рис. 5. К. 1.

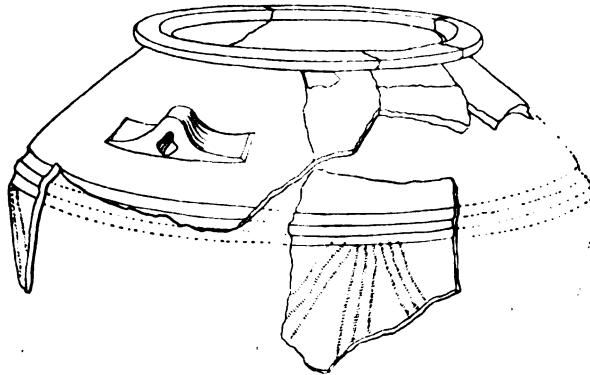

Рис. 6. К. 1.

крѣплены по бокамъ въ верхней части (не составляютъ ли эти пирамидки остатковъ роговъ, и въ такомъ случаѣ бляшка не представляетъ ли изображеніе головы рогатаго животнаго?). Золото очень хорошее. Всѣ серьги довольно значительный— $2\frac{1}{2}$ зол.

№ 2. Червоный курганъ, расположенный въ $\frac{1}{2}$ в. отъ оврага, на очень возвышенномъ мѣстѣ, высотой до 1 саж. Вблизи два большей высоты, сажени по двѣ, и одинъ маленькій, который оказался начисто ограбленнымъ. Насыпь состоитъ изъ сухой, рассыпчатой, сильно красноватой обожженной глины съ прослойками песку, золы и массой углей и комочковъ сильно красящей красной и желтой глины. Съ одной стороны насыпь очень крута, съ противоположной отлога. Въ центрѣ продолговатой формы глубокая грунтовая яма (размѣровъ $3 \times 1\frac{1}{2} \times 3$ арш.) съ округленными углами, въ направленіи съ З. на В. Параллельно ямѣ съ южной стороны березовая слегка толщиной въ $1\frac{1}{2}$ вершк., по срединѣ которой узкій, въ видѣ остраго шпнца небольшой наконечникъ дротика со втулкою. Въ ямѣ разстроенное погребеніе, можетъ быть, отъ

*

норы животного. Дно ямы корыто-образное. Костякъ лежалъ головою на З., среди остатковъ гробовища, прикрытаго сверху слоемъ бересты. У черепа справа кусокъ изоржавѣвшаго желѣза со слѣдами прикосновенія плохого серебра, слѣва тонкая серебряная серьга съ неопредѣленною рассыпавшеюся бусою на концѣ (рис. 7), у праваго плеча 4 желѣзные наконечника стрѣль (3 острые и 1 вырѣзной лопаточкой), у голени правой ноги серебряная чашка обычной кавказской формы съ растительнымъ орнаментомъ на днѣ и вдоль края (серебро очень пло-

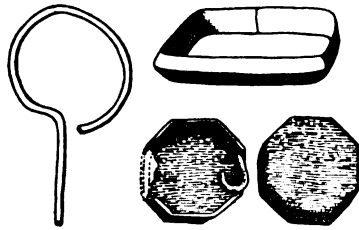

Рис. 7. 1/1. К. 2.

хое) и обломки приставшихъ къ ней желѣзныхъ пластинокъ, сильно озоржавѣвшихъ. Слева отъ таза до колѣнъ какая-то желѣзная полоса (не сабля, тупая на оба лезвія), а вдоль лѣвой голени такая же полоса искривленная. У ступни лѣвой ноги обломки стремени. На тазу найдены: 10 серебряныхъ бляшекъ съ проволочными крючками на оборотѣ, серебряная обоймица (рис. 7) и часть серебряной пластинки. На костякѣ найдены остатки довольно тонкой матеріи, а на чашкѣ—слѣды матеріи золотной. Съ лѣваго боку оказалась нижняя половина обыкновенной костяной булавки, типа встрѣчаемыхъ при окрашенныхъ костякахъ, орнаментированной тонкими нарѣзками.

Описанный курганъ весьма интересенъ какъ показаніе того, что оставившее его население получало вещи изъ одного источника съ черкесами (адиге), такъ какъ всѣ находки его тождественны съ обнаруженными въ черкесскихъ курганахъ XIV—XV в. Давно полагаемъ, что такимъ источникомъ ближе всего долженъ быть г. Маджары.

Нахожденіе при костякѣ костяной подѣлки мѣднаго вѣка загадочно: она происходитъ или изъ какого-нибудь разстроеннаго мѣстнаго погребенія, или занесена человѣкомъ, а не то

Рис. 8. 2/3. К. 3.

и животнымъ. Вѣроятно же всего, что червоная насыпь принадлежитъ именно позднему костяку, а не раннему, такъ какъ глубина впускнаго погребенія на 2 сажени совершенно необычайна. Въ Саратовской губ. червоныхъ насыпей еще не встрѣчалось.

Въ 1905 г. въ томъ же имѣніи г. Грековымъ, вмѣстѣ съ В. И. Соколовымъ, вскрыты были еще 3 курганныя насыпи.

№ 3. Насыпь размѣровъ 15 саж. \times $2\frac{2}{2}$ арш., въ сѣверной сторонѣ очень крутой склонъ, остальные бока очень отлогіе. Находится на

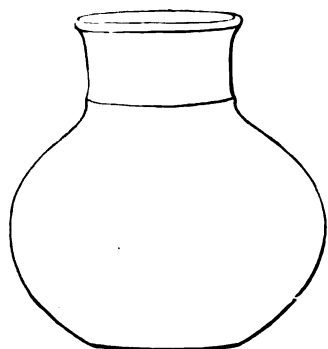

Рис. 9. К. 4.

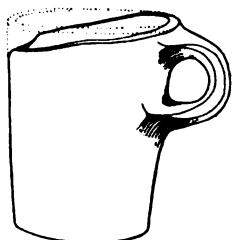

Рис. 10. К. 5.

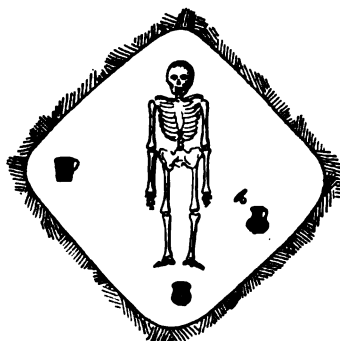

Рис. 11. К. 5.

Рис. 12. К. 5.

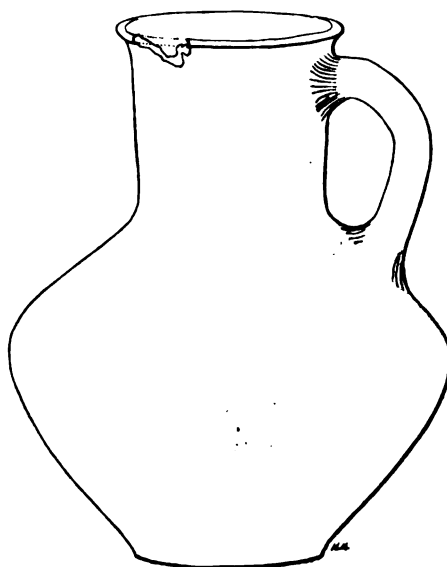

Рис. 13. К. 5.

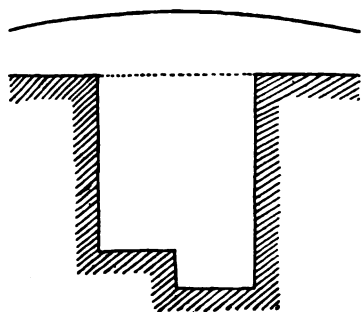

Рис. 14. К. 6.

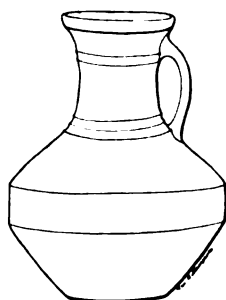

Рис. 15. К. 6.

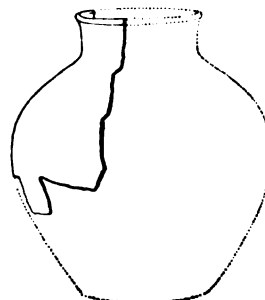

Рис. 16. К. 6.

возвышенномъ берегу Иловли; отсюда широкій видъ на долину рѣки.

а) На глубинѣ 1 арш. позднее христіанское погребеніе. б) На поверхности материка разрушенное погребеніе (въ безпорядкѣ остатки костей), надъ которымъ, въ разстояніи свыше аршина, интереснѣйшій мѣдный ножъ, оставленный грабителями (рис. 8). Онъ кованый, изогнутый, съ тупымъ обухомъ, на хвостѣ слѣды деревянной рукояти, лезвіе отковано вторично. Такъ какъ ножъ этотъ по формѣ въ сущности есть обычный мѣдный ножъ культуры скорченныхъ костяковъ, но съ вырѣзаннымъ или отточеннымъ однимъ лезвіемъ, то ясно, что изъ этой же формы произошли и искривленные ножи бронзового періода.

№ 4. Курганъ размѣровъ 8 саж. \times $\frac{3}{4}$ арш.; распаивается. Въ грунтовой ямѣ съ закругленными углами, размѣровъ $2\frac{1}{2} \times 2\frac{1}{2} \times 1\frac{3}{4}$ арш., сильно попорченной, расположенной въ исправленіи ЮВВ. — СЗЗ., остатки разграбленнаго костяка. Въ ЮВ. углу черепки чернаго лакированного сосуда, высотой 18 сант. (рис. 9); у горлышка его легкій поясокъ.

№ 5. Курганъ размѣровъ 8 саж. \times $\frac{3}{4}$ арш. Грунтовая яма размѣровъ $2\frac{1}{2} \times 2\frac{1}{2} \times 2\frac{1}{4}$ арш.; на стѣнкахъ ясно видны слѣды ударовъ узкимъ остроконечнымъ орудіемъ. Костякъ лежитъ изъ угла въ уголь, головою на Ю., плохой сохранности (рис. 11). Снизу, съ боковъ и сверху костей масса сѣраго пенла, подъ головой дерево и пепель. Въ правомъ углу кружка изъ хорошей сѣрой глины (рис. 10), съ поломаннымъ и сточеннымъ верхомъ, въ лѣвомъ сосудъ съ ручкой изъ темной глины съ гладкою поверхностью (рис. 13), въ ногахъ небольшой сосудъ изъ черной глины, сравнительно плохой работы (рис. 12); два послѣдніе въ черепкахъ. У кисти лѣвой руки, предъ сосудомъ, обломокъ кремневой шлифованной подѣлки въ видѣ точилки, и тутъ же маленькая каменная пронизка конической формы.

№ 6. Курганъ размѣровъ 8 саж. \times $\frac{3}{4}$ арш., распаиванный. Грунтовая яма размѣровъ 3 арш. \times $1\frac{3}{4} \times 2$ арш. 6 верш., съ закругленными углами, небрежной работы; справа костяка уступъ, во всю ширину ямы, длиною 14 верш., вышиною 6 верш. (рис. 14). Въ ямѣ костякъ хорошей сохранности, головою на ЮВ., небрежно положенный. У лѣвой руки ниже локтя довольно большой, красивый сосудъ изъ темной глины съ гладкою поверхностью (рис. 15), ниже его 10 желѣзныхъ трехперыхъ стрѣлъ типа Гляден. кост. табл. XII, 24, въ углу въ ногахъ значительный обломокъ большого сосуда свѣтлой глины (рис. 16); на тазу желѣзная круглая поясная пряжка (какъ Гляден. кост. табл. XIII, 21) и обломки желѣзнаго обоюдоостраго клинка

(между прочимъ, острый конецъ со слѣдами дерева). На уступѣ большой сточенный брусокъ въ формѣ челночка. Въ сосудѣ были видны слѣды бѣлой массы, приставшей къ стѣнкамъ. Въ могилѣ попадались остатки дерева, въ видѣ отдѣльныхъ щепокъ.

Курганы № 4—6 расположены въ группѣ, гдѣ были производимы раскопки въ прежнее время ¹⁾, въ 2-хъ в. отъ Иловли, по дорогѣ изъ усадьбы.

А. С.

¹⁾ Зап. Имп. Русск. Археол. Общ. т. XI в. 1, стр. 312 и т. XII в. 1 стр. 295—299.

Изъ собранія Н. К. Рериха.

I. Вещи изъ «Коломцовъ» близъ Новгорода:

- 1) Обломокъ толстаго желобчатаго клина изъ сѣраго сланца;
- 2) Часть небольшого долота изъ того же матеріала, замѣчательно правильной, ровной и гладкой шлифовки;

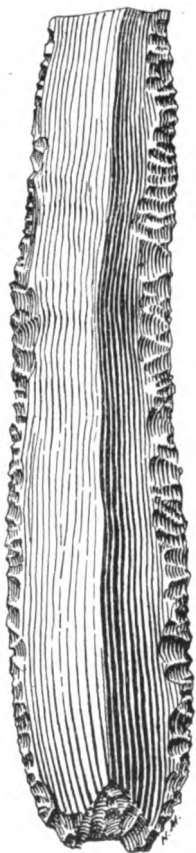

Рис. 17. 2/3.

3) Крошечный наконечникъ стрѣлы (длиною 1 1/2 сант.) и обломки двухъ другихъ стрѣлъ;

4) Черепокъ, повидимому, каменнаго вѣка съ тычковымъ орнаментомъ и слѣдами какъ бы травяной сѣтки на обратной сторонѣ.

Сравнительно новыя вещи, по словамъ продавца, отсюда же:

5) Головка отъ большого глинянаго сосуда, на которомъ она служила ручкой (рис. 17). Подбородокъ выдается впередъ, для захвата пальцемъ, носъ попорченъ. Глина красная, очень хорошая, напоминающая татарскую;

Рис. 18. 1/1.

6) Обычная круглая костяжка въ видѣ пуговицы съ отверстіемъ посрединѣ, часто встрѣчаемая въ кочевническихъ курганахъ юга Россіи. Украшена кружками съ точкою посрединѣ. Орнаментъ любопытенъ тѣмъ, что весь проложенъ какою-то массою вродѣ черни;

- 7) Обломокъ обычнаго пряслица изъ лилового шифера;
- 8) Пряслице изъ головки кости;
- 9) Костяная четырехугольная пластинка съ отверстіемъ.

№ 5—7 можно относить къ одному времени. «Коломцы» — урочище, известное по раскопкамъ г. Передольскаго.

II. Фигурки изъ кремня (рис. 19), изъ разныхъ мѣстностей:

№ 1. Нѣкоторая часть головки отломана; ясно, что она не выступала въ видѣ отчетливаго закругленія, какъ на рис. 4. Кремень сѣрый. Фигурка обработана, видимо, изъ тонкаго ножичка, и потому задняя часть совершенно плоская и слегка вогнутая; края ретушированы и здѣсь. Одна изъ граней лицевой стороны круче и уже, какъ и бываетъ нерѣдко у ножей. Озеро Мстино.

Рис. 19. 1/1.

№ 2. Совершенно непонятная подѣлка изъ бураго кремня, въ видѣ оленьяго рога. Не есть ли это какой-нибудь мелкій хирургическій инструментъ? Основная часть подѣлки, полукругъ, крѣпка и массивна. Рабочія части — четыре острія (изъ нихъ одно поломано); посрединѣ полукруга маленькая рукоятка, пластинчатая, искусно изогнутая. При

работѣ двумя лѣвыми остріями инструментъ кладется на согнутый указательный палецъ и прижимается сверху большимъ у рукоятки (одно изъ острій отогнуто въ сторону для лучшаго дѣйствія); при работѣ правыми остріями инструментъ удобно захватывается тремя пальцами. Озеро Мстино.

№ 3. Фигурка изъ сѣроватаго кремня (изображеніе женское). Обратная сторона гладкая, слегка вогнутая, почти не ретушеванная, лицевая—очень выпуклая, безъ граней. Правая нога преднамѣренно уменьшена, голова цѣлая. Озеро Мстино.

№ 4. Фигурка изъ кремня желтоватаго тона, тонкая. Обратная сторона гладкая, передняя безъ граней. Поломокъ нѣтъ. Оттуда же.

№ 5. Ассиметричная фигура человѣка, тонкая, изъ свѣтлаго кремня. Обратная сторона гладкая. Одна рука и одна нога поломана. По краямъ ретушь. Озеро Пирось.

№ 6. Крѣпкая и толстая подѣлка изъ сѣраго кремня, видимо, не поломанная. Волосово близъ Муромъ.

Фигурки человѣка, конечно, могутъ имѣть самостоятельное мѣстное происхожденіе, но могутъ также представлять подражаніе подобнымъ издѣліямъ изъ янтаря, зашедшимъ съ береговъ Балтійскаго моря. вмѣстѣ съ тѣмъ допустимо, что это не болѣе, какъ хирургическія подѣлки или вообще какіе-нибудь инструменты, въ которыхъ рабочими частями являются руки и ноги. Вспомнимъ также Мордовскаго кремневаго божка Кардазь-Сярко.

III. Кремневый ножъ, изъ с. Кмятово Житомирскаго у. (рис. 17). Отличный прозрачный кремень темнаго и сѣраго цвѣта. Ножъ, по обыкновенію, изогнутъ; внизу, въ широкой части, выемка, можетъ быть, для болѣе удобнаго заземленія въ рукоятъ. Ретушь съ одного бока крутая (здѣсь болѣе крутая грань), съ другого отлогая. Поверхность лѣвой грани и гладкой стороны блестящая, какъ бы лакированная. Верхняя часть ножа обломана находчикомъ. Вѣроятно, изъ кургана. Принадлежитъ, надо думать, уже мѣдному вѣку.

IV. Вещи изъ Зеньковскаго клада, Кладъ, по сообщенію В. А. Городцова, найденъ былъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ г. Зенькова Полтавской губ. и состоялъ, по слухамъ, изъ нѣсколькихъ пудовъ вещей. Отсюда въ собраніе Н. К. Рериха поступили: мѣдная фибула (рис. 20) и серебряный браслетъ (рис. 22). Фибула Пастерскаго типа, съ весьма схематическими изображеніями, напоминающими фигуры человѣка; украшена, кромѣ того, головками грифона. Такой фибулы еще не было находимо.

V. Вещи съ Кафтинскаго городища.

Городище расположено въ 150 шагахъ отъ берега Кафтинскаго озера, на мысу, имѣющемъ до 12 арш. длины и до 7 саж. вышины. Это самая высокая точка мѣстности на разстояніи 50 верстъ вокругъ.

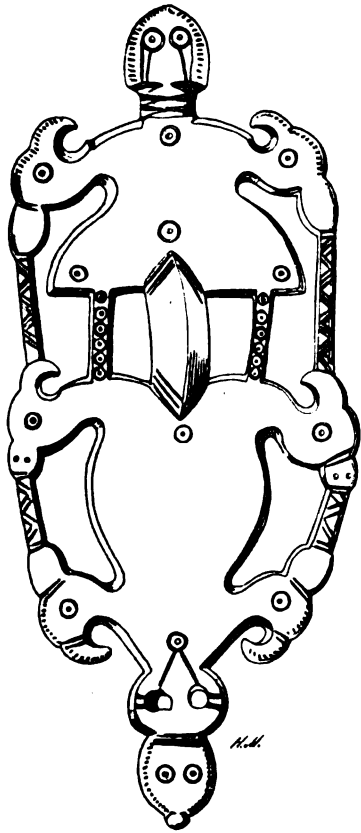

Рис. 20. $\frac{2}{3}$.

Рис. 21. $\frac{1}{2}$.

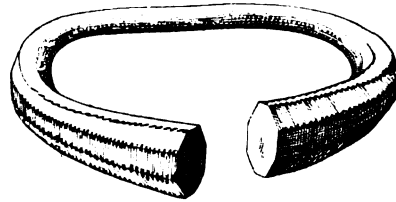

Рис. 22.

Рис. 23. $\frac{1}{1}$.

Рис. 24. $\frac{2}{3}$.

На городищѣ Н. К. Рерихомъ въ 1905 г. были произведены небольшія раскопки, показавшія, что культурный пластъ сползъ сверху на скаты, далеко отъ вершины. Еще на серединѣ ската онъ имѣетъ всего $\frac{1}{4}$ арш. толщины, а ниже доходить до 2 арш. массивности. Пластъ плотенъ и проникнуть угольками. Вала нѣтъ. (Présentation de nombreux objets préhistoriques, provenant de fouilles exécutées en Russie par le prince Poutiatine въ Трудахъ Археологическаго съѣзда въ Перигѣ 1905 г.).

Въ собраніи имѣются слѣдующія вещи съ этого городища.

1) Черепки. Крупные, темнаго цвѣта, преимущественно сѣтчатаго орнамента, характернаго для городищъ Дьякова типа; есть орнаментъ псевдо-ямочный (съ неправильными мелкими ямочками), крупно-зубча-

тый, тычковый (угломъ). Сосуды, видимо, были низкіе, въ видѣ глубокихъ чашекъ, слегка расширяющихся въ верхней части и съ слегка отвороченнымъ краемъ. Есть обломокъ какой-то толстой глиняной подѣлки.

2) Глиняныя пряслица. Одно цѣлое и два обломка обычнаго типа съ высокимъ стержнемъ; по краю низа рубчики, по верху зубцы изъ двойной линіи. Пряслице въ видѣ низкаго цилиндра.

3) Подѣлки изъ кости. Разнаго рода заготовки, часто орнаментированные, обломки и обрубки роговъ. Свистокъ изъ птичьей кости съ штриховымъ орнаментомъ, длиною около 14 сант. (рис. 21).

4) Тонкая мѣдная подвѣска въ видѣ пирамидки (рис. 23); по четыремъ угламъ горошинки.

5) Подѣлки изъ желѣза. Три ножа, съ круглымъ обухомъ. Одинъ изъ нихъ съ прекрасною массивною рукоятью изъ рога (рис. 24); орнаментъ одинаковъ по обѣ стороны. Часть кельта, съ очень подержаннымъ лезвиемъ. Обычный язычокъ съ ушкомъ, расширяющійся книзу, въ видѣ огнива.

6) Кремневые осколки, не имѣющіе вида подѣлокъ каменнаго вѣка, а также 3 кремневыхъ скребка хорошей обработки.

7) Зубы бобра, куницы, лося, медвѣдя, кабана и домашнихъ животныхъ, позвонки рыбъ (особенно большихъ размѣровъ щуки).

VI. Вещи изъ Боровичскихъ кургановъ. Весьма любопытные курганы эти открыты близъ озера Пирось у границы Боровичскаго у. Они продолговатые, плоскіе, окружены канавками, заключаютъ слѣды трупосожженій, не пиже материка. Отсюда въ собраніи имѣются 2 неправильной формы кремневые осколка и отдѣльные черепки отъ 4 сосудовъ. Черепки плохіе, съ обильною примѣсью грубой дресвы, почти всѣ краснаго цвѣта; орнаментъ—городки изъ зубцовъ по плечикамъ, зубчатый чеканъ по краю. Сосуды имѣютъ форму чашекъ.

А. С.

Отчетъ о раскопкахъ, произведенныхъ въ 1906 г. В. Н. Глазовымъ въ Смоленской губ.

В. Н. Глазову въ 1906 г. было поручено Императ. Русскимъ Археологическимъ Обществомъ произвести раскопки русскаго могильника XII в., открытаго И. С. Абрамовымъ близъ д. Клименокъ Порѣчскаго у. ¹⁾). Приѣхавъ на мѣсто, г. Глазовъ пришелъ къ убѣжденію, что могильника тамъ нѣтъ, а имѣются лишь остатки нѣсколькихъ распаханыхъ кургановъ, почти совершенно сглаженныхъ. Насыпи эти, по словамъ крестьянъ, распахиваются лѣтъ тридцать; мѣста ихъ при бороньбѣ поля выдѣляются въ видѣ круговъ болѣе свѣтлой земли.

Клименковская сопка сложена изъ чистаго песку. Въ стѣнкахъ пробитыхъ въ ней картофельныхъ ямъ видны 1—2 угольно-пепельныя прослойки до 2 сант. толщиною. Въ сопкѣ этой у самой подошвы г. Глазову удалось найти нетронутое пространство около 1 арш. шириною, въ которомъ на глубинѣ 1 арш. обнаруженъ раскопкою костякъ плохой сохранности, лежавшій головою на З., длиною 2 арш. 5 верш. Другой такой же костякъ найденъ былъ въ стѣнкѣ одной изъ картофельныхъ ямъ. Оба эти костяка, безъ сомнѣнія, впускные, можетъ быть, позднѣйшіе. Былъ подвергнутъ раскопкѣ также интервалъ между картофельной ямой у западной подошвы сопки и линіей берега, гдѣ лежалъ найденный г. Абрамовымъ костякъ съ вещами. «На глубинѣ $\frac{1}{2}$ арш. и около 1 арш. отъ перерытыхъ костей» оказался второй костякъ, дѣтскій, плохой сохранности, головою на З., длиною 2 арш. Проведены были также пробныя траншеи саженьхъ въ 30 отъ сопки вверхъ по теченію рѣки, гдѣ, по словамъ крестьянъ, вывалились 2 черепа и кости, и ниже сопки у устья ручья, гдѣ при обвалѣ берегового песку было найдено мѣдное, довольно большое кольцо, но раскопки не дали результатовъ. Берегъ рѣки осыпается ежегодно, но вещи и кости изъ него выпадаютъ крайне

¹⁾ Зап. Русск. Отдѣл. И. Р. А. О. т. VIII, в. 1, стр. 209.

рѣдко, что болѣе всего и доказываетъ отсутствіе здѣсь могильника. Лично я раздѣляю мнѣніе В. Н. Глазова, по считаю возможнымъ, что небольшое количество грунтовыхъ погребеній XI—XII в. при подошвѣ сопки находилось и что раскопанное И. С. Абрамовымъ принадлежитъ именно къ числу ихъ. Аналогіи въ Оедовскомъ могильникѣ и въ раскопкахъ Бранденбурга на Волховѣ. Отъ одного изъ крестьянъ г. Глазовымъ приобрѣтена мѣдная витая нагрудная пряжка съ звѣриными головками на концахъ (типа Глаз. табл. XXIII, 4), найденная на остаткахъ кургана.

При д. Ланскіе Шарки, находящейся въ 7—8 в. отъ Клименокъ, имѣется остатокъ сопки, свалившейся съ берега на двѣ трети. Вышина оставшейся части около сажени. По мнѣнію В. Н. Глазова, основаніе сопки было выложено крупными валунами. По словамъ крестьянъ, при распашкѣ земли при подошвѣ сопки попадаютъ человѣческія кости, выпадающія и изъ берега, но раскопки здѣсь нельзя было произвести, такъ какъ поле засѣяно было льномъ. «Срѣзываніе насыпи сопки свѣрху тонкими пластами обнаружило нѣсколько тонкихъ угольно-пепельныхъ, маркихъ слоевъ (2—3 сант. толщиною), шедшихъ параллельно основанію кургана и другъ другу на довольно ровномъ одинъ отъ другого разстояніи въ 4—5 верш. и нѣсколько сближавшихся концами въ краяхъ насыпи; всѣхъ слоевъ наблюдалось до шести. Въ насыпи попадались и небольшія гнѣзда угля и отдѣльные средней величины камни, шедшіе по прямой линіи (по 3 и по 5 штукъ), но правильныхъ фигуръ, стѣнокъ или другихъ сооружений не наблюдалось. Срединна насыпи была вынута траншеей до 2 саж. шириною до самаго основанія насыпи, гдѣ по всей площадкѣ шель довольно ровный угольно-пепельный слой до 3 сант. толщиною».

Въ трехъ верстахъ отсюда, противъ д. *Силуяновой* оказалась также опавшая на половину сопка. Высота ея $2\frac{1}{2}$, діаметръ до 7 саж. По

Рис. 25.

словамъ крестьянъ, при рытвѣ погребя въ боку сопки было найдено много череповъ. При изслѣдованіи сопки со стороны осыпи оказалось, что она насыпана на природномъ возвышеніи, состоящемъ изъ одно-

цвѣтнаго материкового песку (рис. 25). Насыпь имѣетъ въ вышину не болѣе 1 саж. и проникнута нѣсколькими угольно-пепельными слоями, болѣе тонкими и менѣе правильными, чѣмъ въ предъидущей сопкѣ. На другомъ берегу Каспли имѣется еще сопка, нѣсколько меньшей величины.

Близъ д. Боръ имѣются двѣ сопки, вышиной по 2 саж., на берегу рч. Рытовца, и еще одна за деревней среди пахотнаго поля.

На берегу рч. Рытовца у д. Ковали, почти противъ д. Боярщины, расположены остатки какой-то большой насыпи, имѣющіе форму высокой удлиненной сопки, длиною до 18, шириною до 5 саж. Насыпь въ дѣйствительности имѣетъ едва ли болѣе 2 саж. вышины, но она сооружена на природномъ возвышеніи и кажется огромною. На верху площадка, покрытая культурнымъ слоемъ до $\frac{3}{4}$ арш. толщины, въ которомъ попадаются гнѣзда угля и золы, кости животныхъ, черепки съ волнистымъ и линейнымъ орнаментомъ и разныя вещицы. Такъ здѣсь были найдены: мѣдная подвѣска въ видѣ крестика въ кругу (типа Ивановск. табл. XII, 34), пряслицы, обрывокъ тонкаго мѣднаго листа, точилка изъ песчаника, топоръ и другія вещицы времени отъ XI в. Но тутъ же были собраны г. Глазовымъ черепки типа Дьяковыхъ городищъ (Тр. Вил. Съѣзда т. II, табл. XXIV № 1, 9, 12, 19, 25) съ мелко-зубчатымъ орнаментомъ и примѣсю крупной дресвы и костяная цилиндрическая подѣлка той же культуры. Весьма вѣроятно, что это не болѣе какъ остатки небольшого городка Дьякова типа, окруженнаго котловиной.

Саженья въ 50 отъ городка, на болѣе отлогомъ берегу, въ небольшой котловинѣ, расположена группа низкихъ расплывчатой, но правильной формы кургановъ, высотой 1—2 арш., шириною 2—3 саж., числомъ до 20. Насыпаны они изъ тонкаго свѣтлаго песку; каменныхъ огражденій и ровиковъ не замѣчено. Изъ группы раскопано было 18 насыпей.

Курганы № 1 и 2, размѣровъ $1\frac{3}{4} \times 6$ арш., соединенные сѣдловиною. Въ обоихъ на второмъ штыхѣ обнарушено по небольшой грудкѣ золы и угольковъ, перемѣшанныхъ съ сожженными человѣческими костями, въ количествѣ не болѣе 2—3 пригоршней. Въ насыпи мѣстами уголь мелкими зернами, гнѣзда и прослойки золы. По всему основанію обычный тонкій угольно-пепельный слой (до 2 сант.).

№ 3. Курганъ размѣровъ $1\frac{1}{2} \times 6$ арш. Въ центрѣ, на глубинѣ также $\frac{1}{2}$ арш., слой человѣческихъ пережженныхъ костей, угля и золы до $\frac{1}{2}$ арш. въ діаметрѣ и до 2 верш. толщины, на который опрокинутъ былъ вверхъ дномъ небольшой горшокъ, имѣвшій до 3 верш. вышины. Горшокъ грубой работы съ примѣсю крупной дресвы съ мелко-зубчатымъ орнаментомъ типа Дьяковыхъ городищъ по вѣнчику. Въ насыпи кое-гдѣ угольки и зола, по основанію обычный слой.

№ 4. Курганъ того же размѣра и совершенно такого же устройства и содержанія.

№ 5. Курганъ совершенно такой же, но слой золы и костей расположенъ по срединѣ высоты насыпи и не въ центрѣ, а съ боку. Горшка не было.

№ 6 и 7. Совершенно такіе же курганы, какъ № 4. Горшки найдены въ черепкахъ.

№ 8. Курганъ размѣровъ $1\frac{1}{4} \times 6$ арш., такого же устройства и содержанія.

№ 9—15. Курганы болѣе или менѣе аналогичные предыдущимъ. Во всѣхъ слоеи золы и костей, горшки, обращенные вверхъ дномъ, и угольно-пепельные слоеи въ основаніи.

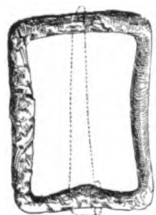

Рис. 26. К. 16. $\frac{2}{3}$.

№ 16. Курганъ размѣровъ 2×6 арш. На половинѣ высоты въ восточной полѣ болѣе массивный слой угля, золы и костей (до 1 арш. ширины и до 3 верш. толщины), прикрытый горшечкомъ, обернутымъ вверхъ дномъ. Среди костей найдена желѣзная поясная тонкая четырехугольная пряжка съ вогнутыми боками (рис. 26). По основанію шелъ зольный слой съ примѣсью черной, жирной, маркой сажи и мелкихъ пережженныхъ камушковъ, толщиной до 3 саж.

№ 17 и 18. Аналогичные первымъ двумъ насыпямъ. Горшковъ не было.

По собраннымъ свѣдѣніямъ, много мелкихъ кургановъ и сопки имѣются на частной землѣ у д. Мѣнаки.

При выѣздѣ изъ д. Рубежицы Витебскаго у. имѣются 2—3 небольшие кургана (не выше $1\frac{1}{2}$ арш.), съ грубо вытесанными каменными крестами у подошвы. Тутъ же современное кладбище.

А. С.

Мелкія замѣтки.

Янтари каменнаго вѣка. Курганы съ янтарями и каменными орудіями, раскопанные въ Боровичскомъ уѣздѣ (см. мою статью «Нѣкоторыя древности пятинъ Деревской и Бѣжецкой»), до сихъ поръ стоятъ у насъ одинокой находкой. Русскія находки янтарей единичны и разбросаны; онѣ мало приурочены къ неолиту. Въ Берлинскомъ музеѣ янтарныя находки случайны. Свѣдѣнія объ очагѣ янтаря — Балтійскомъ морѣ—только по рисункамъ и статьямъ мало убѣдительны. Все таки единственнымъ мѣстомъ, гдѣ культъ янтаря живъ даже до сихъ поръ, является только Кенигсбергъ.

Янтарь надо наблюдать въ Кенигсбергѣ, въ музеяхъ Prussia Museum и Bernsteinmuseum. Лѣтомъ 1906 г. мнѣ наконецъ удалось осмотрѣть на мѣстѣ Балтійскіе янтари. Цѣлый рядъ находокъ каменнаго вѣка изъ Luxhausen, German, Fischhausen, Wiskiauten, Neukuhren, Schwarzort, Schonklitten, Gross Waldeck и другихъ мѣстъ представляютъ поразительное сходство съ нашими находками; матеріаль, величина, точнѣйшая форма, характерная обдѣлка (сверленіе и штриховка), такъ называемыя пуговицы и двойныя пуговицы—все говоритъ не только объ общемъ происхожденіи, но какъ бы объ однихъ рукахъ, обточившихъ эти вещи. Такое же сходство и въ каменныхъ орудіяхъ, найденныхъ вмѣстѣ, — скребки, острія и стрѣлки съ вогнутымъ насадомъ. Гончарство, какъ часто, мало схоже съ нашимъ; особенно типичный нашъ крупномчатый орнаментъ замѣняется мелкимъ палочнымъ и шнуровымъ.

Мѣстные изслѣдователи D-г R. Klebs и H. Kemke (хранитель Prussia Museum), какъ оказалось, уже знали, по сообщенію изъ Гельсингфорса, о нашей находкѣ. Они очень интересовались ею, какъ доказательствомъ сношеній на большихъ сравнительно разстояніяхъ уже въ каменномъ вѣкѣ. Въ нашей находкѣ единственно не встрѣчено фигуръ человѣка и живоотнообразныхъ, замѣченныхъ во многихъ поморянскихъ мѣстахъ. Такъ какъ находки Кенигсбергскихъ янтарей случайны, то трудно го-

ворить о картинѣ погребеній, при которыхъ онѣ собраны. Любопытно, что ни въ одной находкѣ поморской янтари не попались въ такомъ большомъ количествѣ, какъ въ нашемъ курганѣ.

Отмѣтимъ, что Кенигсбергскіе ученые относятъ нѣкоторыя подѣлки данныхъ типовъ изъ янтара въ конецъ Галльштадтскаго періода.

Н. Рѣрихъ.

Фигурныя подѣлки изъ кремня. Въ отдѣлѣ каменнаго вѣка Музея въ Римѣ обращаютъ на себя вниманіе странныя кремневая подѣлки изъ окрестностей Вероны. За 1905 годъ на страницахъ *L'Homme Préhistorique* (№ 7, 8, 9) подъ общимъ названіемъ «*Les faux du Musée préhistorique de Rome*» появился обмѣлъ мнѣній гг. Seton Karr'a, Pigorini, de Mortillet, Cartailhac и Renato Cirilli, причѣмъ послѣдній ссылается на аналогичныя русскія находки. Seton Karr въ рѣзкихъ выраженіяхъ упрекалъ Pigorini за то, что тотъ держитъ въ Римскомъ Музеѣ завѣдомо фальшивыя вещи, одного взгляда на которыя достаточно, чтобы признать ихъ поддѣльность. De Mortillet присоединился къ мнѣнію Seton Karr'a. Но проф. Pigorini и Renato Cirilli, ссылаясь между прочимъ на мнѣніе Картальяка, не менѣе упорно отстаивали подлинность Веронскихъ находокъ. Главнымъ опорнымъ пунктомъ ихъ было указаніе на двѣ спеціальныя ученныя комиссіи, производившія изслѣдованія въ окрестностяхъ Вероны и свидѣтельствовавшія о подлинности кремневыхъ находокъ странной формы, не имѣющей аналогіи въ древностяхъ Италіи. Единственное сходство можно было найти въ древностяхъ американскихъ и, какъ ѡссылается Renato Cirilli, въ находкахъ изъ Россіи (очевидно, онѣ имѣютъ въ виду Труды Московскаго международнаго съѣзда). Самымъ большимъ допущеніемъ со стороны Pigorini и Cirilli было, что Веронскія находки могутъ не относиться къ дѣйствительному неолиту и имѣть происхожденіе позднѣйшее или относиться къ періоду кимвровъ (по свидѣтельству Marco Pezzo въ XVIII вѣкѣ, знавшимъ эти кремневая подѣлки въ окрестностяхъ Вероны), или принадлежать дикому горному племени, сохранившему свою примитивность даже до конца Римской республики.

Такъ или иначе, но Веронскія вещи сослужили плохую службу для нашихъ русскихъ находокъ. Нынче въ Парижѣ я показывалъ французскимъ ученымъ результаты моихъ послѣднихъ изслѣдованій озерной области. Они особенно интересовались нашими фигурками. Но, пожимаая плечами, спрашивали, увѣренъ ли я что это не поддѣлки? Насколько они увѣрились моими сообщеніями, мнѣ неизвѣстно.

Не имѣя достаточно матеріала, чтобы судить о поддѣльности всѣхъ

кремневыхъ Веронскихъ находокъ, я считаю интереснымъ обратить вниманіе на подобныя подѣлки, нѣсколько экземпляровъ изъ которыхъ находятся въ моемъ собраніи и которыя дѣйствительно схожи съ подѣлками изъ Мурома, Новгорода и Твери (рис. 19 на стр. 233). Меня здѣсь занимають три стороны дѣла ¹⁾:

1) утвердить несомнѣнную подлинность нашихъ человѣкообразныхъ подѣлокъ; 2) отмѣтить вопросъ, почему форма этихъ вещей дѣйствительно схожа лишь съ американскими и итальянскими находками; 3) сравненіе русскихъ находокъ съ древностями Америки и Италіи не можетъ ли пролить свѣтъ на темное время русскаго озернаго каменнаго вѣка.

Н. Рѣрихъ.

Изъ области каменнаго вѣка близъ Костромы. Въ обширной низинѣ, тянущейся между р. Костромою и Волгою съ западной стороны, извѣстно не малое количество отдѣльныхъ возвышеній, почти всегда занятыхъ деревьями. На нѣкоторыхъ изъ нихъ найдены слѣды обитанія человѣка въ глубокой древности: таково напр. Фатьяновское возвышеніе, знаменитое своимъ могильникомъ, таковы холмы въ низовьѣ р. Костромы, извѣстные находками вещей каменнаго вѣка. На одномъ изъ такихъ же возвышеній, находящемся близъ с. Сельцо Шунгенской вол. г. Виноградовъ лично собралъ коллекцію предметовъ каменнаго вѣка, заключающую интересные экземпляры. Самый любопытный предметъ — топоръ въ видѣ клина (рис. 27), являющийся единственнымъ въ своемъ родѣ. Подѣлка состоитъ изъ клина и длинной четырехгранной рукояти, назначенной для ущемленія въ рукоять и установленія равновѣсія; для лучшаго упора въ рукоять клинъ оканчивается боровкомъ. Шлифовка лишь на ударяющей части орудія, т.-е. на клинѣ; матеріалъ — темный плотный камень, длина — $16\frac{1}{2}$ сант. Остальныя вещи:

Рис. 27. 1).

1) Молотокъ съ тупымъ тыльемъ (типа гр. Уварова К. В. XXXIX, 912) и вторично подправленнымъ остриемъ, изъ плотнаго чернаго камня.

¹⁾ Въ собраніи Н. К. Рериха имѣется нѣсколько описываемыхъ вещей, приобретенныхъ имъ въ самой Веронѣ. Мы лично не сомнѣваемся, также какъ Н. К. Рѣрихъ, въ ихъ поддѣльности: форма ихъ странная, кремль лишень блеска и при очисткѣ водою даетъ матъ.

А. С.

*

2) Молотъ (?) изъ сѣраго песчаника въ видѣ плоской гальки, перетянутой неглубокимъ желобкомъ (какъ гр. Уварова К. В. XXXVI № 608, но съ болѣе тупыми концами и болѣе плоскимъ желобкомъ).

3) Клинь изъ сѣраго сланца типа Балахн. XXII, 13, но больше, толще и съ болѣе широкими боковыми гранями, сильно попорченный. Есть еще неопредѣленный грубый обломокъ той же формы, также изъ сланца.

4) Круглый, почти шаровидный, отбойникъ изъ крѣпкаго розоваго песчаника, удобно захватываемый рукою.

5) Тонкая подвѣска изъ сѣраго шифера въ видѣ язычка съ ушкомъ, типа гр. Уварова К. В. XXI № 4094.

6) Обломокъ хорошаго кремневаго скребка типа Болог. XII, 13, и нѣсколько неопредѣленныхъ подѣлокъ, напоминающихъ скребки.

7) Неопредѣленная подѣлка изъ кремня, вродѣ Болог. IV, 16, грубой работы изъ плохого желтаго кремня. Что-то похожее на скребокъ съ рукояткою.

8) Кремневая стрѣлка: двѣ красивыя удлиненныя съ тупымъ насадомъ типа Болог. V, 6 (одна сторона почти плоская, другая выпуклая); такая же съ выпуклою стороною на 2 грани, грубоватой обработки изъ сѣровато-желтаго кремня; одна типа Болог. V, 1, почти той же величины, но нѣсколько шире, не толстая, кремень желтоватый съ лиловыми пятнами, самый конецъ немного оттянуть въ сторону; одна съ плечиками, типа Болог. VIII, 29, но много уже и зубцы отчетливѣе, почти какъ Болог. VIII, 15, насадъ поломанъ; одна типа Болог. V, 8, изъ сѣраго кремня, грубой работы, толстая.

9) Три грубыя подѣлки въ видѣ ножичковъ.

10) Нѣсколько десятковъ кремневыхъ обломковъ неправильной формы, безъ слѣдовъ ретуши.

Черепковъ каменнаго вѣка въ собраніи вовсе не имѣется. Всѣ черепки очень поздніе, съ линейнымъ орнаментомъ. Къ тому же времени относятся: обломокъ мѣдной монеты начала XIX в., колотыя кости домашнихъ животныхъ, глиняный рыбацкій ташъ для сѣти, почти круглый.

Вещи изъ одного Терскаго кургана. Въ 1906 г. недалеко отъ г. Георгіевска Терской обл. былъ хищнически раскопанъ курганъ съ скелетомъ и вещами. Положеніе скелета осталось неяснымъ. При немъ были найдены, близъ черепа:

1) Любопытный плоскій большой топоръ (рис. 28), изъ крѣпкаго камня вродѣ діорита. Что въ немъ принадлежитъ природѣ и что искус-

ству человѣка, трудно разобрать. Несомнѣнно рукою человѣка отточено лезвіе и выбиты двѣ выемки для прикрѣпленія къ рукояті помощи ремней; носъ, повидимому, также подвергался обработкѣ. Остроумное и весьма внушительное орудіе. Длина его около 20 сант.

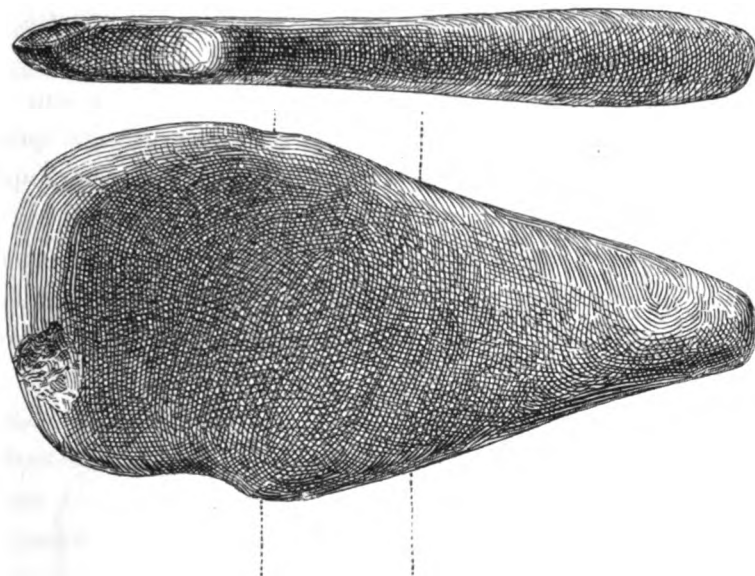

Рис. 28. $\frac{1}{2}$.

2) Кастеть изъ гальки (рис. 29), длиною $14\frac{1}{2}$ сант. изъ крѣпкаго темнаго камня. Захватывается очень удобно; даже есть выемка для пальцевъ. Зажатый въ кулакъ, высовывается дюйма на два. Также очень удобное орудіе.

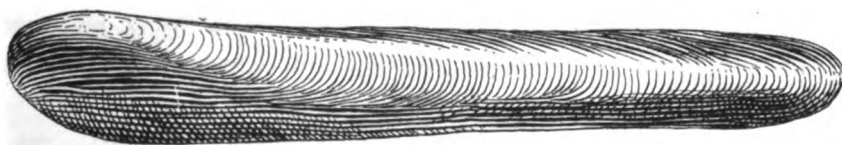

Рис. 29. $\frac{2}{3}$.

3) Три обломка толстой глиняной жаровни на ножкѣ, извѣстнаго типа (см. Отчетъ Импер. Археол. Ком. 1902 г. стр. 86 и 89). Она была прикрыта тремя каменными плитами.

Послѣдняя находка опредѣляетъ съ полной точностью, что курганъ принадлежалъ къ типу насыпей, заключающихъ скорченные и окрашенные костяки. По словамъ А. И. Кельина, принесшаго вещи въ даръ Императ. Русскому Археологическому Обществу, курганъ расположенъ въ группѣ, заключающей не менѣе 20 насыпей, еще нетронутыхъ.

Дубровенскій курганъ близъ Смоленска. Заимствуемъ изъ письма, доставленнаго въ И. Р. А. О. въ 1905 г. И. И. Прокушинскимъ, свѣдѣнія о какомъ то курганѣ, находящемся въ 5 в. отъ Смоленска въ имѣніи Дубровенка. «Курганъ» представляетъ собою длинную насыпь, размѣровъ 50×8 саж. (?), съ сѣдловиной посрединѣ, расположенную на другой насыпи еще бѣльшихъ размѣровъ, вокругъ основанія которой, повидимому, имѣется широкая канава. Высота обоихъ кургановъ приблизительно 8 саж. Вокругъ верхней насыпи широкой ровный карнизъ. Много лѣтъ тому назадъ на курганѣ были произведены небольшія раскопки, именно проведена неглубокая канава, шириной въ аршинъ и длиной сажени три. При этомъ были найдены: часть меча, желѣзное кольцо, глиняный горшокъ, нѣсколько человѣческихъ костей и еще что-то. Трудно допустить, что описанная насыпь дѣйствительно курганъ, но тѣмъ не менѣе слѣды искусственной обработки ея несомнѣнны. Что это такое?

Городище на р. Оби. По сообщенію Е. П. Клевакина, жительствоващаго въ Барнауль, на станціи Сибирской желѣзной дороги «Обь» имѣется «Чертово городище». Оно расположено на мысу межъ двумя глубокими оврагами, при устьѣ р. Каменушки, сейчасъ за постройками поселка Ново-Никольскаго. Длина мыса свыше 200 шаговъ, ширина до 15 саж., стрѣлка тупая. Городище ограждено валомъ, имѣющимъ въ вышину до 2¹/₂ арш., и рвомъ такой же глубины. Почти посрединѣ городища замѣтны слѣды еще другого вала со рвомъ, очень низкаго. Вдоль лѣваго ската идутъ два широкіе «карниза», одинъ подъ другимъ. Черезъ главный валъ на площадку пробить проѣздъ. Видъ на р. Обь съ городища прекрасный. Съ юго-западной стороны площадки городища г. Клевакинымъ собрано было безъ труда много черепковъ. По мнѣнію Н. С. Гуляева, черепки эти очень древніе, приблизительно времени Р. X.

Мѣстные жители (напр. г. Александровъ) указываютъ, что нѣсколько выше поселка по Оби имѣется много кургановъ. Напомнимъ, что при сооруженіи желѣзно-дорожнаго моста въ 1896 г. на лѣвомъ берегу Оби найдены были мѣдные наконечники стрѣлъ, коническая полвѣска, зеркальце и бляшка въ видѣ горнаго барана (Отч. И. А. К. 1896, стр. 138).

Изъ коллекцій Женевскаго Археологическаго Музея. Въ музеѣ находится серебряное позднее блюдо съ изображеніемъ животныхъ (см. Атласъ Я. И. Смирнова табл. LXI), найденное въ Швейцаріи близъ Augst, на глубинѣ 1,50 м., съ углями. Въмѣстѣ съ

блюдомъ (non loin de l'endroit ou il reposait) собрано было 11 экз. подѣлокъ изъ серебра, хранящихся съ блюдомъ и имѣющихъ, къ удивленію, близкое отношеніе къ русскимъ древностямъ. Представляемъ ихъ изображеніе по фотографическому снимку, оказавшемуся въ бумагахъ В. Г. Бока (отъ директора музея г. Госса) и доставленному намъ Я. И. Смирновымъ (рис. 30). На рисункѣ видимъ: два височныя кольца съ завитками, 4 маленькіе сьюлгана безъ орнамента, браслетъ съ витой

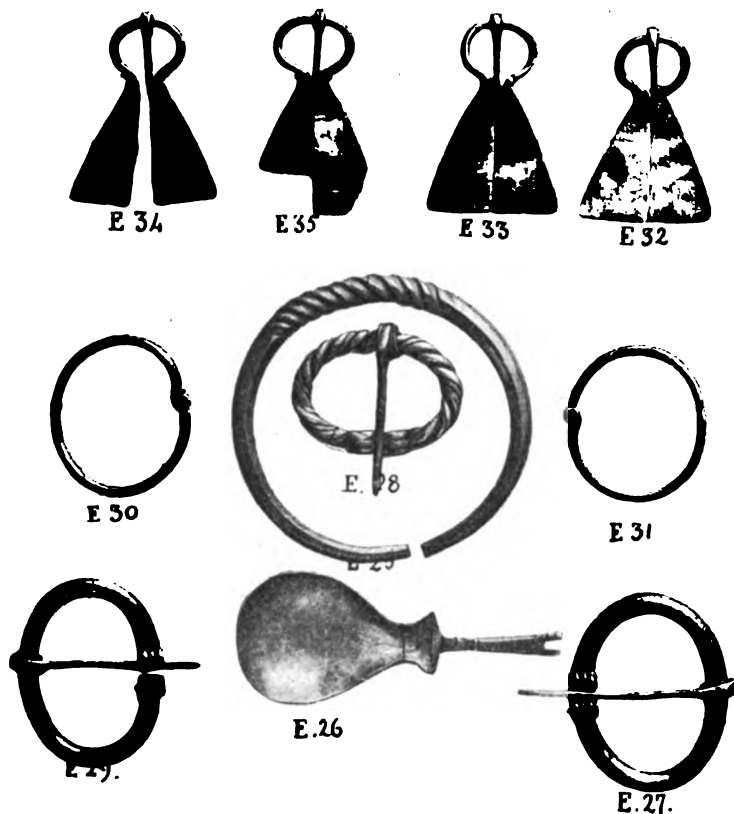

Рис. 30. ²/₃.

срединой, 3 пряжки удлиненной формы и ложку. Всѣ эти вещи, кромѣ ложки и браслета, совершенно аналогичны во всѣхъ подробностяхъ находимымъ въ мордовскихъ могильникахъ XIV в. (Сергачскій, Мурманскій и пр.). Источникъ мордовской культуры XIV в.—Золотая Орда. Какъ эти вещи могли попасть изъ Орды въ Швейцарію? Не изготовлялись ли онѣ на западѣ? Нѣтъ ли подобныхъ гдѣ-нибудь въ другихъ западныхъ музеяхъ?

Шестоперъ. Въ собраніи П. П. Грекова имѣется любопытный мѣдный шестоперъ, приобретенный имъ изъ сел. Владиміровки Черно-

ярскаго у. Астраханской губ. (рис. 31). Перья длинныя и узкія, гранчатая. Мы считаемъ эту подѣлку татарской, хотя и не имѣемъ на то большихъ основаній; другихъ подобныхъ намъ неизвѣстно. Мѣдь желтая.

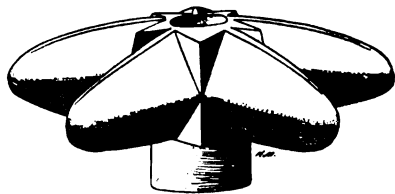

Рис. 31. 23.

Курганы въ окрестностяхъ озера Жеймяны. Въ Свѣнцянскомъ у. Виленской губ. верстахъ въ 7 отъ станціи Варшавской жел. дороги Игналино расположена отдѣльная группа большихъ и малыхъ озеръ (Вайона, Кретона, Жеймяна, Кретонище и др.).

Рельефъ мѣстности здѣсь холмистый, но озера лежатъ вообще въ низкихъ берегахъ, какъ и соединяющія ихъ рѣчки. Нѣкогда вся мѣстность была покрыта дремучими лѣсами, что не мѣшаетъ ей быть богатою въ археологическомъ отношеніи.

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ намъ В. А. Каширскимъ, на возвышеніи близъ д. Камень расположена группа изъ 34 кургановъ, уже значительно опавшихъ, вышиною приблизительно въ аршинъ, а въ діаметрѣ до 4 саж. По срединѣ замѣтны углубленія; у нѣкоторыхъ вокругъ основанія имѣются каменные кольца, и почти у каждого слѣды трехъ ямъ, изъ которыхъ выбиралась земля для насыпей. Одинъ изъ кургановъ бросается въ глаза своею правильною овальною формою, высотой до 1¹/₂ арш., съ опавшей вершиной.

Другая группа кургановъ лежала къ З., на самомъ берегу озера Вайона. Она была невелика, и въ настоящее время совершенно распахана.

Въ В. углу озера, у заст. Цегельна, на обрывистомъ берегу, находится Лысая гора (названная такъ по отсутствію растительности), считаемая пилекальписомъ. Неровная площадь горы лѣтъ 10 тому назадъ покрыта была большимъ количествомъ кургановъ; въ настоящее время совершенно исчезнувшихъ и оставившихъ послѣ себя лишь сѣрыя пятна. По песку разсыяна масса осколковъ перегорѣвшихъ костей. Между камнями при раскопкѣ были находимы бусы, глиняныя пряслица, мѣдные обломки, топоры, копья.

Почти всѣ курганы упомянутыхъ двухъ группъ раскопаны мѣстными любителями, искавшими вещей и не обращавшими вниманія на обрядъ погребенія. По рассказамъ крестьянъ, производившихъ раскопки, трупы помѣщались иногда въ грунтовыхъ ямахъ, иногда же выше; «надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ лежали кости, были находимы сѣрыя пепельныя пятна».

Проходъ между озерами Вайона и Жеймяна загражденъ валомъ,

западный конец котораго хорошо сохранился, благодаря покрывающему его лѣсу, а восточный уже распаханъ. Высота вала до 1 арш. Онъ насыпанъ изъ песку, въ которомъ попадаются кусочки угля и маленькіе осколки костей. Съ сѣверной стороны вдоль вала идетъ ровъ глубиною до $1\frac{1}{2}$ арш. Съ той же стороны вала расположена значительная группа кургановъ, разбросанныхъ на площади до $\frac{1}{2}$ в. длиною. Къ югу отъ вала также имѣются двѣ группы курганныхъ насыпей, небольшія. Вторая, расположенная близъ д. Ракуци, уже совершенно исчезла и опредѣляется разбросанными камнями, сѣрыми пятнами угля и пепла и осколками костей.

Въ той же мѣстности, въ казенномъ лѣсу близъ фолв. Кавини, на крутомъ берегу озера Жеймяна расположена группа приблизительно изъ 30 кургановъ. Насыпи сферической формы, высотой отъ $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ арш. до 2 арш., въ окружности 35—40 шаговъ; всѣ въ основаніи имѣютъ кольца изъ камней (булыжника и плитняка), въ одинъ рядъ; камни располагаются въ разстояніи четверти другъ отъ друга, группами, въ 1, 2, 3, 4. Одиночные камни массивнѣе; кольца трехъ насыпей состоятъ изъ очень большихъ камней, выступающихъ наружу. Рвовъ вокругъ основаній кургановъ нѣтъ, но ямы (по три) почти у cadaго. Г. Каширскимъ лѣтомъ 1906 г. здѣсь раскопаны были двѣ насыпи. Первая вышиной 14 верш., въ діаметрѣ $10\frac{1}{2}$ арш., вокругъ основанія кольцо изъ камней, внутри насыпи, и три ямы. Вершина была углублена. На глубинѣ 7 верш. отъ верху, почти посрединѣ, обнаруженъ слой пепла и углей въ діаметрѣ до 1 арш., толщиной 4 верш.; на ЮЗ. части слоя попадались сожженные кости. Кругомъ положено нѣсколько головешекъ, одна стояма; съ С. стороны слой очень сбитаго песку, почти не поддающагося лопатѣ, толщиной до 2 четв., шириной такой же, желтаго цвѣта. За нимъ на той же глубинѣ еще такой же слой, въ діаметрѣ до 5 четвертей, толщиной 2 четверти; въ немъ на глубинѣ $\frac{1}{4}$ арш. сожженные кости и кость какого то животнаго. Въ сѣверной полѣ на томъ же горизонтѣ небольшая кучка пепла и угольковъ съ небольшимъ количествомъ жженныхъ костей, толщиной до 3 верш. Песокъ подъ слоємъ и около него краснаго цвѣта. Во второй насыпи не найдено даже пепельнаго слоя; вѣроятно, она была раскопана въ прежнее время.

Любопытно, что въ курганѣ по другую сторону дороги найдено было погребеніе несожженнаго трупа, при которомъ оказалась желѣзная пряжка съ вдавленными боками.

Всѣ вообще курганы круче съ западной стороны.

Г. Каширскій получилъ въ свое распоряженіе всё сохранившіяся вещи изъ числа собранныхъ въ мѣстныхъ курганахъ и съ Лысой горы при прежнихъ раскопкахъ. Въ собраніе это входятъ:

1) Вещи каменнаго или мѣднаго вѣка: 18 кремневыхъ осколковъ въ видѣ ножичковъ, довольно грубый небольшой каменный топорикъ изъ сѣраго плотнаго камня типа гр. Увар. К. В. табл. XLIX, 3015 (Волинская губ.), обломокъ другого топорика и каменный коническій стержень, обычный для древностей бассейна Западной Двины.

2) Вещи культуры двинско-нѣманскихъ кургановъ съ погребеніями, VI—VIII в.: большая мѣдная фибула типа Межанскихъ (Гр. Виленск. Археол. С. т. II таб. XI, 19, но много меньше), нѣсколько мѣдныхъ пронизокъ изъ проволоки съ суженными концами, спиралька изъ широкой ленты и, можетъ быть, той же культуры (если не слѣдующей) нѣсколько мѣдныхъ тонкихъ браслетовъ съ массивными, постепенно утолщающимися концами (такъ называемаго готскаго типа).

Рис. 31. 1/3.

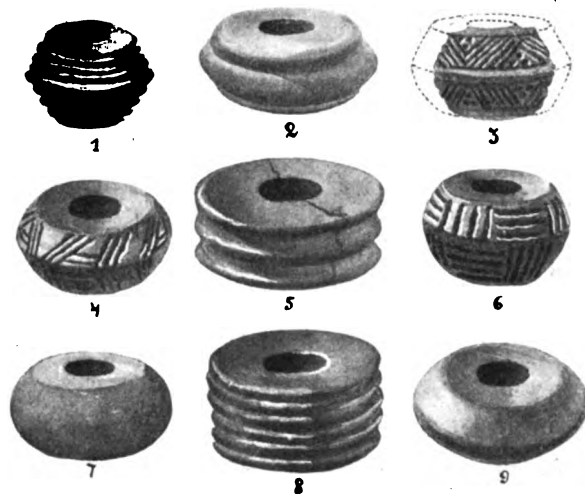

Рис. 32. 2/3.

Рис. 33. 1/3.

3) Желѣзные вещи культуры виленскихъ кургановъ VIII—IX в. съ сожженіями (Зап. И. Р. А. О. т. VIII в. 1 стр. 103—114); четыре топора типа рис. 4., два копья типа рис. 5 того же изданія, два копья типа рис. 6 того же изданія, копье правильной лавролистной формы (рис. 31), удила (простой формы, половина мундштука витая), желѣзное остріе типа Гнѣзд. Серг. рис. 97 (Изв. И. А. К. XV стр. 62), обвитое внизу спиралькою изъ желѣзной проволоки, до десятка ножей, изъ которыхъ одинъ большой, тщательной работы (рис. 33, длиною 29 сант.).

Почти всё перечисленные вещи носят слѣды пребыванія на огнѣ. Изъ копій два и одинъ топоръ, по слухамъ, были найдены лежащими на-крестъ на Лысой горѣ; слѣдовъ огня на нихъ нѣтъ. Къ той же культурѣ можно отнести большинство пряслицъ собранія, довольно многочисленныхъ, собранныхъ главнымъ образомъ на Лысой горѣ (рис. 32). По составу глины, формѣ и орнаменту пряслицы ясно дѣлятся на двѣ группы: 1) сѣрая и желтоватая изъ хорошей глины, хорошей работы, орнаментъ изъ желобковъ или линеекъ (№ 1, 2, 5, 8), 2) красная или сѣрая изъ грубой глины, въ примѣсъю песку, украшенная зубцами и точками, или же гладкія (№ 3, 4, 7, 9). Пряслице № 6 принадлежитъ, повидимому, къ числу первыхъ, болѣе древнихъ.

4) Мѣдные вещи типовъ Люцинской культуры: витыя шейныя гривны типа Люц. таб. IX, 12 и стр. 24 рис. 6, пластинчатая типа стр. 25 рис. 12, браслеты, чаще пластинчатые, нагрудныя пряжки типа стр. 33 рис. 17, перстни типа таб. XI, 9, спиральки, цѣпочки, бубенчики типа таб. I, 2 и пр. Изъ числа браслетовъ есть такія, какихъ не найдено въ Люцинскомъ могильникѣ, и вообще инвентари могильника и описываемаго собранія не вполне совпадаютъ, какъ и обрядъ погребенія. Всё вещи собранія носятъ слѣды продолжительнаго пребыванія на огнѣ, а Люцинскій могильникъ заключаетъ почти исключительно погребенія несожженныхъ труповъ. Совершенно неизвѣстно, изъ кургановъ или могильника происходятъ входящія въ собраніе вещи данной культуры, но самая культура примыкаетъ почти непосредственно къ предыдущей. Къ этой же группѣ ближе всего можно относить находящіяся въ собраніи бусы: желтыя, бѣлыя, красныя, синія, зеленныя, черныя, лиловыя, одинарныя, двойныя, тройныя, цилиндрическія, въ видѣ растянутаго боченочка, гранчатыя; нѣкоторыя бусы сплавлены.

Городище «Черная Гора» въ Тверской губ. Городище это, относимое къ типу Дьяковыхъ, уже извѣстно (Зап. Русск. Отд. И. Р. А. О. т. V в. 1 стр. 136). На немъ находится толстый слой черной культурной земли, откуда и получилось самое наименованіе городка. Городище обваливается, а культурный пластъ его сильно перерытъ мѣстными охотниками до кладовъ. Въ свѣже-выброшенной землѣ А. И. Ивановымъ, лично и при помощи ребяташекъ, собраны различныя мѣдныя и иныя подѣлки, рисунки которыхъ здѣсь предлагаются (рис. 34).

№ 1. Кольчужка, повидимому, литая. 1 экз.

№ 2 и 7. Бляшки. Ушки припаяны изъ ленточки, чѣмъ и обьясняются выступы по бокамъ: это концы ушковъ. 5 экз. цѣлыхъ.

№ 3. Поломанная стеклянная буса свѣтло-зеленаго цвѣта.

№ 4. Мѣдная булавка, въ двухъ обломкахъ. Головка имѣеть далекое подобіе фигуры человѣка съ поднятыми руками. Проволока припаяна. Булавка была согнута и поломана.

№ 5. Мѣдная проколка безъ ушка, кованая. 2 экз. цѣлыя и части четырехъ другихъ.

№ 6. Стекляная буса нѣжно-аметистоваго цвѣта, типа золоченыхъ, т.-е. покрытыхъ слоемъ прозрачнаго стекла.

№ 8. Выпуклая бляшка меньшей величины. 7 экз.

№ 9. Мѣдная кольчужка въ видѣ сжатого кольца. Не менѣе 25 экз. Нормальные экземпляры съ прямымъ основаніемъ и закругленнымъ верхомъ. У нѣкоторыхъ спайка разошлась, такъ что ихъ легко панизывать въ цѣпочку.

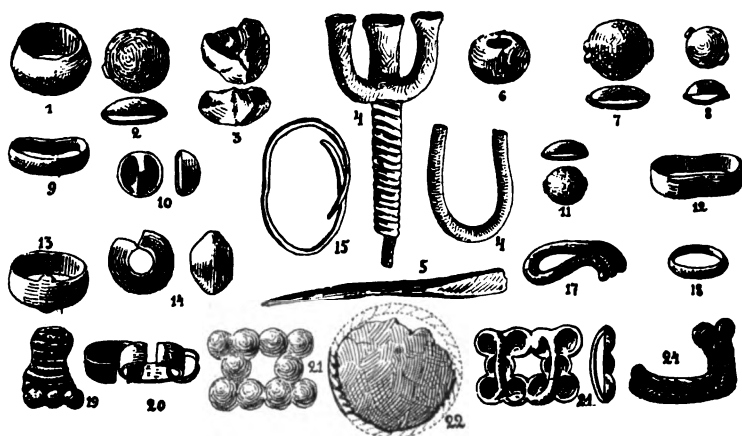

Рис. 34. 1/1.

№ 10 и 11. Мѣдныя бляшки средней величины между № 2 и 8. 6 экз.

№ 12. Мѣдная кольчужка шире № 9, но той же формы, со спаянными и несаянными концами. До 10 экз.

№ 13 и 14. Круглыя кольчужки, съ гранями и безъ нихъ, данной и меньшей величины, концы или спаяны, или свободны, 13 экз.

№ 15. Тонкое мѣдное колечко съ заходящими другъ на друга концами. Такихъ же маленькаго діаметра 3 экз.

№ 17. Мѣдная подвѣска изъ проволоки.

№ 18. Тонкія проволочныя колечки, данной и меньшей величины; концы спаяны и несаяны. До 25 экз.

№ 19. Крошечная мѣдная подвѣска изъ проволоки, въ видѣ лапки, съ ушкомъ позади.

№ 20. Цѣпочка, искусственно составленная изъ кольчужекъ.

№ 21. Маленькая мѣдная бляшка, спаянная изъ крошечныхъ бляшекъ, съ 2 ушками позади. Обломки другой.

№ 22. Слегка выпуклая мѣдная бляшка съ ушкомъ позади и съ каймой. Такихъ же безъ каймы 3 экз.

№ 24. Обломокъ украшенія изъ мѣдной проволоки.

Кромѣ того, тамъ же найдены:

1) Обломки 3—4 стеклянныхъ маленькихъ бусъ сапфирнаго, голубого и темнаго цвѣтовъ.

2) Коническая подвѣска изъ какого-то легкаго темнаго матеріала землистаго вида, типа подобныхъ глиняныхъ, найденныхъ Ю. Г. Гендуне на городищѣ Топорокъ.

3) Обломокъ пластинчатой мѣдной подвѣски въ формѣ язычка, со слѣдами трехъ отверстій по угламъ.

4) Обломки мелкихъ проволочныхъ завитковъ изъ проволоки отъ какихъ-то украшеній.

5) Мѣдныя иглы отъ пряжекъ, а можетъ быть и фибулъ, около десятка. Нѣкоторое количество неопредѣленныхъ обрывковъ проволоки въ видѣ иголокъ.

6) Неопредѣленные разогнутыя колечки, мелкія колечки, кольчужки, части спиралекъ и пр.

7) Много горошинъ отъ сплавившихся мѣдныхъ вещей.

8) Желѣзный браслетъ, болѣе половины, со слѣдами пребыванія на огнѣ.

9) До двухъ десятковъ мелкихъ кремневыхъ ножичковъ и 2 кремневыя стрѣлочки, обработанныя изъ ножичковъ.

10) Черепки отъ сосудовъ, въ значительномъ количествѣ.

Простое сравненіе дѣлаетъ яснымъ, что перечисленные вещи относятся къ культурѣ Кошибеевскаго могильника, какъ и находки съ городища Топорокъ. По нашей хронологіи, это VI—VII в.

Всѣ находки поражаютъ своими малыми размѣрами. Такія вещицы можно собрать лишь при тщательномъ вниманіи и массѣ труда. Обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что нѣкоторыя изъ нихъ носятъ слѣды пребыванія на огнѣ; обиліе мѣдныхъ слиточковъ показываетъ, что не мало вещей подвергалось весьма сильному дѣйствию огня. Чѣмъ это объясняется, мы пока не знаемъ.

Свѣдѣнія о древностяхъ Вологодской губ. 1) Заимствуемъ изъ записки, представленной В. Н. Глазовымъ, слѣдующія свѣдѣнія о древностяхъ Вельскаго и Тотемскаго у., собранныя имъ въ 1906 г.

Термины «курганъ», «сопка», «жальникъ» въ мѣстномъ населеніи неизвѣстны.

Въ 7 в. отъ г. Вельска при д. Городищѣ имѣется городокъ, расположенный на высокому мысу, короткомъ и широкомъ, размѣрами 90×120 шаговъ. Въ тылу находится валъ, имѣющій до 1 саж. высоты, въ насыпи котораго найдены угольки, зола, пережженный песокъ и камни. На площади городища В. Н. Глазовымъ произведены были основательныя раскопки помощью траншей, заложенныхъ по всему ея протяженію. На срединѣ слой былъ толщиною менѣе $\frac{1}{2}$ арш., по краямъ не болѣе $\frac{1}{4}$ арш., а ближе къ валу доходилъ до 1 и $1\frac{1}{2}$ арш. глубины. Въ немъ мѣстами попадалось много перегорѣлаго камня, пережженаго бѣловатаго песку, мелкихъ колотыхъ каменныхъ плитокъ и крупнаго угля, а также кости животныхъ (барава, лошади, коровы, свиньи, птичьи) и поздніе русскіе черепки съ ливейнымъ орнаментомъ. Въ одномъ мѣстѣ обнаружена была яма, около 2 арш. въ діаметрѣ, наполненная перегорѣлымъ камнемъ съ примѣсью золы, перегорѣлыхъ кусковъ дерева, костей домашнихъ животныхъ и черепковъ; тутъ же найдены были желѣзныя удила. Другія находки: два ножа со слѣдами деревянныхъ рукоятей, поздніе, желѣзный наконечникъ копья съ широкою втулкою и узкимъ четырехграннымъ остриемъ (почти какъ у штыка) и большой гвоздь съ круглою шляпкой. Въ прежніе годы на городищѣ при бороньбѣ были находимы топоры, бруски, пряслица, монетки и разныя другія мелкія вещи, изъ которыхъ была приобрѣтена мѣдная подвѣска въ видѣ собачки типа Глаз. табл. XXIV, 23 (XIII—XIV в.).

По увѣренію крестьянъ, въ $\frac{1}{2}$ в. отъ городка въ лѣсу на возвышеніи (видномъ съ городища) имѣются чудскія ямы.

Въ собраніи вельскаго любителя старины В. Ф. Кулакова имѣется нѣсколько подѣлокъ каменнаго вѣка, приобрѣтенныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ уѣзда: часть шлифованнаго молотка, прекрасной формы, изъ черно-зеленаго камня, два клина, нѣсколько стрѣлокъ, нуклеусъ, скребокъ, острога. Одинъ изъ упомянутыхъ клиньевъ (типа приблизительно гр. Увар., табл. VI, 3382, кажется, изъ сланца) и стрѣлка (типа гр. Увар. табл. XXXII, № 4567) были В. Н. Глазовымъ приобрѣтены. Стрѣлка узкая и длинная, изъ желтоватаго кремня, обработана гладко; зажимъ трудно опредѣлить, такъ какъ онъ нѣсколько обломанъ. Клинья приобрѣтены въ верховьяхъ р. Устья, притока Ваги. У крестьянъ д. Келаревой-Горки, расположенной на р. Синегѣ, приобрѣтены: наконечникъ стрѣлы такой-же формы, съ выемкой на зажимѣ, также изъ желтаго

кремня, наконечникъ изъ бѣлаго кремня съ насадомъ типа гр. Увар. табл. XXXII № 4590, поломанный наконечникъ дротика грубой работы, длиной 8 сант., и нуклеусъ изъ бѣлаго кремня. Стрѣлка и нуклеусъ найдены на «Островкѣ», расположенномъ близъ деревни на болотѣ, у ручья, будто бы въ ямѣ съ перегорѣвшими камнями и углями, которую считаютъ остаткомъ жилища какого-то пустышника или знахаря.

На Кокшенгѣ при д. Городокъ (10.—12 в. отъ с. Спасскаго) осмотрѣна была мѣстность кругомъ церкви, по никакихъ слѣдовъ городища здѣсь не найдено. Разспросы о находкахъ дали отрицательный результатъ.

Рис. 35. 1/2.

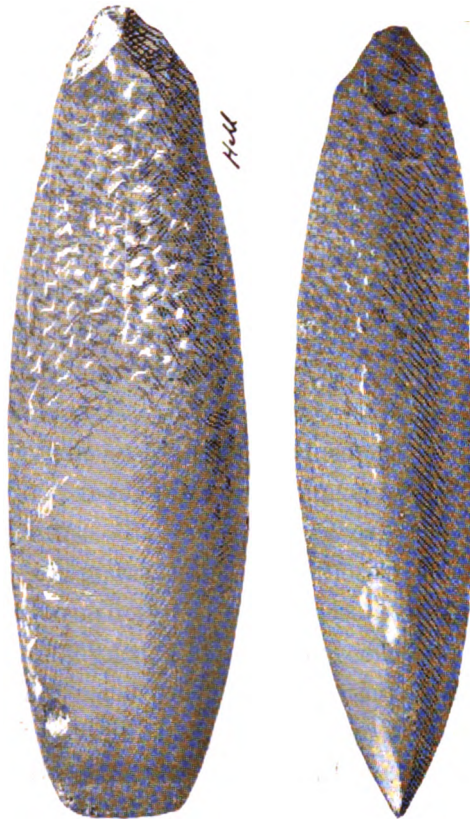

Рис. 36. 1/2.

На Никольскомъ городищѣ близъ погоста Спасскаго культурный слой оказался незначительнымъ, не болѣе 4 верш. Пробныя раскопки, произведенныя здѣсь г. Глазовымъ помощью траншеекъ, не дали даже черепковъ. Въ д. Клевцовѣ приобрѣтенъ поздній желѣзный наконечникъ копьа съ длинною втулкою.

2) Близъ д. Подкусть (Игнатовская) заборской вол. Тотемскаго

у. въ 1905 г. найденъ былъ каменный топоръ-клинь, приобретенный М. Б. Едемскимъ. Мѣсто находки—уроч. Пендусы (низкая пахоть) въ 4 в. отъ деревни. Топоръ большой и массивный (рис. 36) и имѣеть видъ продолговатой гальки съ выпуклыми сторонами, зашлифованной въ острие на одномъ концѣ и сглаженной до половины; другой конецъ острие и грубо оббитъ на три грани или выемки. Матеріаль—плотный сѣрый камень. Острие совершенно цѣлое. Такого орудія въ атласѣ гр. Уварова не имѣется.

3) Деревянный крестъ въ часовнѣ препод. Агапита Маркушевскаго. Часовня эта, построенная, по преданію, еще при самомъ преп. Агапитѣ, находится въ д. Исаковской у с. Подмонастырскаго Тотемскаго у. на р. Тарногѣ, притокѣ р. Кокшеньги. Крестъ, ошибочно приписываемый тому же святому, тщательно оберегается крестьянами, затрудняющими даже простой осмотръ его. М. Б. Едемскому въ 1906 г. удалось съ большими затрудненіями снять спѣшную кальку съ него и списать надпись, хотя и не вполне точно. Крестъ (рис. 35) имѣеть въ вышину 30 дюйм., вырѣзанъ изъ сосны, широкій. Кайма и буквы выкрашены бѣлой краской, фонъ синей; обратная сторона не крашена. Буквы рельефныя, вырѣзаны между рельефными же линейками. Надпись можно читать слѣдующимъ образомъ (очевидно, не вполне точно): «Освященна бысть сѧ церко(въ) иже во святыхъ отца нашего Николы архіепископа Мирликиискаго чудотворца и Великорѣцкаго лѣта 7000 восьмьдесятъ седмаго сентября въ 7 день на память святаго мученика Созонта при благовѣрномъ царе и великомъ кн(язѣ) Иване Васильевиче всея Росіи и при благовѣрныхъ царевичахъ кн(язѣ) Иванѣ и кн(язѣ) Феодорѣ и при освящ(енномъ) мит(рополит)е архіеписк(опѣ) Антоніе вс(еа) Росіи и при начальникѣ (начальномъ?) строителе старце Агапите. И пришелъ старецъ Агап(ить) на сие мѣсто на рѣку Маркушу да на рѣку на Тарнагу со образомъ Николы чудотворца Великорицкаго, и на томъ мѣсте поставилъ часовню во имя чудотворца Николы Великорицкаго и монастырь зачалъ строити лѣта 7089 июля въ 20 день. И на томъ мѣсте отъ образа Николы чудотворца исцѣленіе людемъ и до сего дни. Сему образу молится старецъ Васьянъ Онежанинъ». Въ двухъ мѣстахъ надписи, кромѣ того, имѣются отрывочныя слова изъ похвалы кресту. Расположеніе словъ надписи передано на рисунокѣ наудачу и не соотвѣтствуетъ дѣйствительности; контуры креста точны.

Разсматривая надпись, убѣждаемся, что она состоитъ изъ трехъ разнородныхъ записей, взятыхъ изъ разныхъ мѣстъ: 1) надписи съ

храмозданнаго креста Никольской церкви, освященной 7 сент. 1580 г. (любопытной, между прочимъ, по титулу нареченнаго митрополита, архіепископа Антонія), 2) записи изъ часовни о началѣ ея, 3) записи о принадлежности какого-то образа (вѣроятно, святителя Николая), старцу Васьяну. Не былъ ли прикрѣпленъ этотъ образъ на крестъ? По размерамъ образъ св. Николая Великорѣцкаго (Вятскаго) подходитъ къ средокрестію Исаковскаго креста. Скорѣе всего, крестъ сооруженъ именно инокомъ Вассіаномъ.

А. Спицынъ.

Грамоты на кормленія XVI вѣка.

Издаваемые ниже двѣ грамоты 1543 и 1581—1582 гг. представляютъ высокій интересъ въ томъ отношеніи, что являются безспорно подлинными и потому рѣдкими экземплярами этого рода документовъ. Первая изъ нихъ сообщена Н. П. Лихачевымъ; вторая принадлежитъ Псковскому Археологическому Музею, въ который она поступила въ даръ отъ г-жѣ Окуневыхъ. Воздерживаясь отъ анализа содержанія грамоты, представляющаго собою весьма извѣстныя нормы стараго административнаго порядка, предлагаемъ полный текстъ грамоты и ихъ фототипическіе снимки.

I.

«Се яз княз великїи Иван васил(ь)евич всеа руси пожаловал есми григорья петрова сна арцыбышева в свои отч(и)нѣ в великом новѣгородѣ половиною ямским в кормлен(ь)е. а вѣдати ему ямское и пошлина своя имати о всем по тому как было преж сего. писана на москвѣ лѣта 43и перваго (1543) июн».

II.

(Лицевая сторона).

«Се яз ц(а)рь великїи княз іван васил(ь)евич всеа русїи пожаловали есмя леонтья ондрѣевича окунева городом бѣлоу в кормлен(ь)е по тому ж как было за прежними намѣсники со всѣми пошлинами і вы всѣ люди того города чтите его и слушанте а он вас вѣдает и судит и ходит у вас о всемъ по тому как преж сего, а хто кого взведет моег ц(а)ря і великог князя пристава а будет (оба) исца тог города и пристав мои тѣх обоих исцов ставит перед леонтьем или перед его тиуном а не поставит пристав мои тѣх обоих исцов перед леонтьем

или перед его тиуном и он ѣзду лишен, а которой тѣх обоих испов перед леонтьем или перед его тиуном не учнет искати или отечати и яз ц(а)рь і великий княз велѣл того обвинити и грамоту правую на тог дати. писана на м(о)сквѣ лѣта 4316 (1581) апрѣл въ ».

(Оборотная сторона).

«Ц(а)рь і велики княз іван васил(ь)івич всеа русіи».

«Лѣта 4317 (1582) ноября в кѣ (25) ден(ь) гсдрь ц(а)рь і великни княз іванъ васильевич всеа русіи пожаловал леонтья ондрѣевича окунева городомъ бѣлою в коръмлен(ь)е со всѣми намѣстничн доходы на другой год сряду апрѣля с перваго числа девяносто перваго году да по апрѣл по первое ж число девяносто второго году. а подписал ц(а)ря і великог князя діакъ ондрѣй щелкалов».

*

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ

Отдѣленія Славянской и Русской Археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества за 1905 и 1906 годы.

Засѣданіе 19-го февраля 1905 г.

Подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова, присутствовали: В. С. Борзаковскій, Н. И. Веселовскій, М. Г. Деммени, Н. П. Лихачевъ, К. А. Иностранцевъ, Н. П. Павловъ-Сильванскій, Кн. П. А. Путятинъ, Н. К. Рерихъ, А. С. Раевскій, А. А. Спицынъ и гости: г.г. Макаренко, Печенкинъ и Рѣпниковъ.

I.

Н. П. Павловъ-Сильванскій прочелъ рефератъ: «Мѣстная грамота XIV в. изъ бумагъ кабинетъ-министра Волынскаго». Жалованныхъ мѣстныхъ грамотъ извѣстно двѣ, и обѣ онѣ принадлежать князю нижегородскому Дмитрію Константиновичу. Одна отыскана была въ бумагахъ кн. Волынскаго и напечатана Соловьевымъ, другая, Мазуринская, упоминается проф. Ключевскимъ (Боярская дума, 1902 г., стр. 120). Докладчикъ подробно разобралъ содержаніе грамоты, указавъ всѣ ея странности, которыя наводятъ на мысль о поддѣлкѣ, и показалъ, что хотя очень многое въ ней и не подтверждается другими источниками, но что въ ней нѣтъ ни одного рѣзкаго противорѣчія съ ними, ни одной явной несообразности.

Н. П. Лихачевъ рѣшительно высказался противъ подлинности мѣстной грамоты князя Дмитрія Константиновича, и не въ подробностяхъ, а въ цѣломъ ея составѣ. Съ точки зрѣнія дипломатики обращаютъ на себя вниманіе: 1) необычное титулованіе великаго князя и владыки нижегородскаго («и городенскій, и сарскій, и курмышскій»), 2) рукоприкладство бояръ, при чемъ приказано прикладывать руки бо-

грамъ и вмѣстѣ съ ними дяку, 3) руку приложилъ архимандритъ Іона, а высшее духовное лицо княжества, владыка Серапіонъ, только благословилъ, а руку не прикладывалъ, 4) дякъ писанъ съ отчествомъ и фамиліей, 5) подробно указаны заслуги Новосильцева, за которыя онъ былъ пожалованъ боярствомъ, 6) пропускъ словъ «Се язъ» и неправильная, слишкомъ сокращенная, датировка могутъ быть объяснены случайнымъ пропускомъ, но при наличности другихъ странностей увеличиваютъ подозрѣніе. Съ исторической точки зрѣнія по содержанію грамоты нельзя не отмѣтить: 1) имена епископа и архимандрита неизвѣстны изъ другихъ источниковъ, при чемъ архимандритъ Іона является едва-ли не предшественникомъ основателя монастыря архимандрита Діонисія, 2) князя Курмышскій, Березопольскій—князя сомнительные, вѣрнѣе, прямо небывалые, какъ и князь Городецкій, въ то время, когда въ Городцѣ находился братъ великаго князя, 3) выѣзжій князь Волынскій является тысяцкимъ, а тысяцкіе обыкновенно имѣютъ тѣсную связь съ земствомъ. Грамота поддѣльна, но едва-ли сдѣлана для самого Волынскаго. Документы поддѣлываются, когда есть спросъ; въ эпоху Анны Іоанновны такого спроса не было, но если обратиться ко времени составленія новаго родословца (Бархатной книги 1682—1687 г.), то легко замѣтить, что сотни молодыхъ, перодословныхъ родовъ заняты были разысканіемъ фамильныхъ документовъ. Опытные люди, прекрасно знавшіе состояніе приказныхъ архивовъ, пришли на помощь. Появились древнія грамоты на кормленія, составленныя по образцу позднѣйшихъ, грамоты на выѣздъ, многіе подлинныя документы были интерполированы, сочинены были и цѣлые вымышленные разряды такихъ, главнымъ образомъ, походовъ, какъ на Смоленскъ, Казань, Колывань. Разряды этихъ походовъ существовали, но къ XVII столѣтію утратились. Въ вымышленныхъ разрядахъ имѣются и мѣстныя дѣла, и невмѣстныя грамоты, и списки боярскіе съ обиліемъ бояръ и окольничихъ изъ такихъ фамилій, которыя и до думнаго дворянства не доходили. Въ мѣстной грамотѣ великаго князя Дмитрія Константиновича подозрительно упоминаніе двухъ Новосильцовыхъ, при чемъ лѣтописный гость сталъ бояриномъ. То обстоятельство, что въ собраніи Мазурина найдена вторая грамота великаго князя Дмитрія Константиновича, сходная съ «мѣстной», говоритъ скорѣе за поддѣльность ихъ обѣихъ, чѣмъ наоборотъ. Самое количество лицъ во второй грамотѣ а priori вызываетъ на размышленіе и заставляетъ отнестись скептически къ выводамъ В. О. Ключевскаго.

Докладчикъ высказалъ, что при изученіи грамоты онъ все время колебался между признаніемъ ея подлинною и подложною, но въ концѣ

пришелъ къ убѣжденію, что если въ ней и есть признаки поддѣлки, то лишь въ частяхъ, а въ общемъ несомнѣненъ элементъ старый и подлинный. Онъ не можетъ не признать странности въ указаніи отчества дьяка, но появленіе тысяцкаго не изъ мѣстныхъ бояръ и рукоприкладство бояръ къ грамотѣ можно объяснить особенностями только что налаживавшагося гражданскаго мѣстнаго быта. Языкъ грамоты не только хорошъ, но заключаетъ своеобразныя выраженія, встрѣченныя лишь здѣсь. Указанія на мѣста въ грамотѣ очень точны и вполнѣ реальны. При назначеніи мѣсть поздній поддѣлыватель написалъ бы прежде князя Курмышскаго, а уже потомъ Березопольскаго. Грамота очень далека отъ выдуманныхъ кормленныхъ, поддѣланныхъ весьма грубо и наивно. Но, безъ сомнѣнія, въ грамотѣ есть сомнительныя мѣста; напр., страннымъ представляется отсутствіе упоминанія въ ней князя Бориса Константиновича.

Н. П. Лихачевъ настаивалъ на своей точкѣ зрѣнія и высказалъ предположеніе, что грамота могла быть навѣяна извѣстными мѣстными памятниками (напр., Геннадія Бутурлина), заключающими свѣдѣнія о томъ, гдѣ кто сидѣлъ въ томъ или другомъ случаѣ. По дипломатическому обычаю XIV в. грамоты вообще не подписывались. Подписи участниковъ появились позднѣе. Дьякъ, который писалъ документъ, руки не прикладывалъ, какъ и всякій иной писецъ. Вся грамота цѣликомъ сама собою являлась его рукоприкладствомъ. При критикѣ грамотъ нужно быть очень осторожнымъ. Если есть малѣйшій поводъ къ сомнѣнію, то слѣдуетъ воздержаться отъ безусловнаго довѣрія къ документу.

А. Р. Раевскій призналъ грамоту князя Дмитрія Константиновича наивною смѣсью дворцовыхъ разрядовъ съ жалованными грамотами. Курмышъ въ XIV в. былъ пезначительною крѣпостцю на границѣ между мордвою и черемисою, безъ сельскаго населенія, и не могъ имѣть своего князя. Отсутствіе начала грамоты и неправильная дата ея могутъ быть объяснены тѣмъ, что она не была закончена и осталась въ черновомъ видѣ.

По мнѣнію докладчика, князь назывался курмышскимъ не по городу, а по волости.

С. Ѳ. Платоновъ, заключая пренія, призналъ съ своей стороны грамоту подозрительною. Языкъ ея не вполнѣ удовлетворителенъ, географическія указанія возбуждаютъ сомнѣнія.

II.

Н. К. Рерихъ сдѣлалъ сообщеніе «О каменномъ вѣкѣ на оз. Пирось». Предпославъ краткую характеристику положенія изысканій въ Новгородской и Тверской губ., докладчикъ сообщилъ о раскопкахъ, произведенныхъ имъ въ 1904 г., вмѣстѣ съ кн. М. П. Путятинымъ, на берегахъ оз. Пирось, пограничнаго Валдайскому и Боровичскому у. Новгородской губ. Особый интересъ представляла настоящая раскопка въ области каменнаго вѣка въ связи съ находками докладчика въ Боровичскомъ у. при оз. Шерёгодро, давшими коллекцію янтарныхъ украшеній. Происхожденіе оз. Пирось искусственное, вслѣдствіе шлюзовъ на р. Березаѣ, расширившихъ устье р. Валдайки. Главныя находки сдѣланы на широкихъ пляжахъ песчанаго берега. Дождливое лѣто, удержавшее уровень воды, лишило части находокъ, но все-таки составила обширная коллекція орудій и гончарства. Большинство типовъ этой коллекціи имѣетъ аналогіи въ собраніяхъ кн. П. А. Путятина изъ Бологовской стоянки, но есть и нѣкоторые отличные типы, часто превосходной обработки. Среди такихъ подѣлокъ слѣдуетъ прежде всего назвать стрѣлы со срѣзанною и врѣзанною внутрь насадкою, встрѣчаемая въ сѣверныхъ областяхъ впервые; найдены отличные экземпляры налицъ и дротиковъ, а также орудія (острія), напоминающія бельгійскія находки de Puuyt и находки изъ Ріеппе. Замѣчательнъ по обработкѣ наборъ ножей, скребковъ и навертышей. Найдена также и янтарная привѣска со сверлиной. Кромѣ находокъ, сдѣланныхъ въ 3-хъ пунктахъ озера, приуроченныхъ къ устью р. Валдайки, въ одномъ мѣстѣ, послѣ долгихъ поисковъ, былъ найденъ культурный слой и обнаружены раскопкою ямы, наполненныя углемъ и культурными остатками. Культурный слой подвергся значительной порчѣ, такъ какъ верхняя часть его была разрушена пашней и покатою холма способствовала усиленному смыву его въ озеро. Кромѣ черепковъ и орудій (особенно хорошихъ экземпляровъ въ ямахъ не найдено), найдены остатки пережженной кости и часть зуба лося. Обширное озеро было обследовано въ разныхъ частяхъ берега, но остатки каменнаго вѣка видимо приурочиваются къ устью р. Валдайки. Попутно на землѣ крестьянъ дер. Рютино и дер. Заостровье были раскопаны 3 кургана и одно жальничное погребеніе. Курганы представили обычную картину сожженія на материкѣ; при жальничномъ погребеніи, отмѣченномъ крупными валунами на В. и З., предметовъ не найдено. Костякъ оказался въ полной сохранности. Въ заключеніе докладчикъ со-

общилъ о небольшой раскопкѣ такого же типа кургановъ вблизи станціи Валдайка.

А. А. Спицынъ привѣтствовалъ докладчика съ счастливыми находками, давшими обильный и точный матеріалъ, и заявилъ о желательности скорѣйшаго изданія наиболѣе важныхъ частей коллекціи.

Чтеніе Н. К. Рериха демонстрировалось коллекціею въ полномъ ея составѣ.

Засѣданіе 4-го марта 1905 года.

Подъ предсѣдательствомъ секретаря Отдѣленія С. В. Рождественскаго присутствовали члены Общества: В. С. Борзаковскій, М. Г. Деммени, В. М. Иверсень, К. А. Иностранцевъ, кн. П. А. Путятинъ, И. Ф. Романченко, А. А. Спицынъ; гости: гг. Витбергъ, Макаренко, Мироновъ, Печенкинъ, кн. М. П. Путятинъ, Ревелліоти, Рѣпниковъ.

I.

Былъ прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II.

Н. И. Рѣпниковъ прочиталъ докладъ о Крымскихъ долменахъ. Сдѣлавъ общую характеристику мегалитическихъ памятниковъ Крыма, докладчикъ подробно описалъ изученные имъ долмены.

А. А. Спицынъ, сравнивая долмены крымскіе съ кавказскими, обратилъ вниманіе на то, что, крымскіе долмены не могутъ считаться долменами въ точномъ смыслѣ; скорѣе, это долменообразные ящики. Съ такими ящиками можно связывать происхожденіе кургановъ съ крапешеными костяками.

Мелкія замѣчанія по поводу доклада сдѣланы были кн. Путятинымъ, гг. Романченко и Деммени.

III.

Н. М. Печенкинъ сдѣлалъ сообщеніе о произведенныхъ имъ раскопкахъ въ окрестностяхъ Севастополя, между Сѣверной бухтой, рѣкой Бельбекомъ и желѣзной дорогой. Мѣстность эта въ археологическомъ отношеніи оставалась доселѣ совершенно неизвѣстной. Произведенныя докладчикомъ раскопки дали значительное количество предметовъ,

которые и были демонстрированы въ засѣданіи. Имѣя въ виду продолжать въ будущемъ свои изысканія и надѣясь найти большій матеріалъ для выводовъ, докладчикъ отъ какихъ-либо обобщеній или точныхъ опредѣленій воздержался.

А. А. Спицынъ высказалъ нѣсколько соображеній о хронологіи изслѣдованныхъ докладчикомъ могильниковъ и указалъ на трудность опредѣленія народностей, къ которымъ они принадлежать.

IV.

Князь П. А. Путятинъ сообщилъ о результатахъ раскопокъ 1904 года близъ станціи Бологое около имѣнія Высокое. Найдены предметы палеолитической эпохи и скелетъ собаки, уже изслѣдованный Штурцемъ и оказавшійся весьма цѣннымъ.

Засѣданіе 8-го мая 1905 года.

Подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова присутствовали члены Общества: Д. В. Айналовъ, Н. И. Веселовскій, Д. И. Иловайскій, Хр. М. Лопаревъ, В. В. Майковъ, Н. В. Покровскій, кн. П. А. Путятинъ, В. Э. Регель, С. В. Рождественскій, Н. И. Рѣпинковъ, А. А. Спицынъ; гости: гг. Каменскій, Мионовъ, Печенкинъ.

I.

Быль заслушанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго собранія.

II.

Д. В. Айналовъ прочиталъ рефератъ: «О дарахъ русскимъ посламъ въ Царьградъ». Эти дары, по даннымъ лѣтописи, представляли вещественные и денежные подарки, которые должны быть отличаемы отъ посольскаго и мѣсячнаго содержанія. Списки денежныхъ суммъ, полученныхъ княгиней Ольгой и ея свитой въ Царьградъ, повидимому, перечисляютъ мѣсячное и посольское содержаніе. Отвѣтные дары она должна была получить особо.

Замѣчанія по поводу реферата сдѣланы были С. Ѳ. Платоновымъ, Н. В. Покровскимъ, Д. И. Иловайскимъ, Хр. М. Лопаревымъ.

III.

А. А. Спицынъ сдѣлалъ сообщеніе о работахъ, изготовляемыхъ для Владимірскаго областного археологическаго сѣзда. По поводу затронутого докладчикомъ вопроса о культурныхъ связяхъ Суздальской области съ другими сдѣланы были замѣчанія С. Ө. Платоновымъ, Н. В. Покровскимъ и Д. И. Иловайскимъ.

IV.

Н. И. Веселовскій и А. А. Спицынъ изложили соображенія о предстоящихъ лѣтомъ 1905 г. раскопкахъ. А. А. Спицынъ высказалъ, что, по его мнѣнію, въ настоящемъ году слѣдовало бы продолжать прошлогоднія раскопки С. А. Гатцука, давшія обильный и опредѣленный матеріалъ, направивъ ихъ въ сторону полоцкихъ кривичей. Также желательно произвести изслѣдованіе старѣйшаго Гнѣздовскаго городища, которое можетъ дать матеріалъ для характеристики смоленской до-норманской культуры. Раскопки могли бы быть поручены члену-сотруднику Археологическаго Института И. С. Абрамову.

Засѣданіе 10-го декабря 1905 года.

Подъ предсѣдательствомъ С. Ө. Платонова присутствовали члены Общества: Д. А. Клеменць, В. М. Иверсенъ, К. А. Иностранневъ, С. Л. Пташицкій, князь П. А. Путятинъ, С. В. Рождественскій, А. А. Спицынъ; гости гг. Клочковъ, Мионовъ, Печенкинъ, Рѣпниковъ, Сиверсъ, Хилинскій.

I,

Былъ прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго собранія.

II.

Было выслушано предложеніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ обсудить составленный въ Министерствѣ проектъ законоположеній объ охранѣ памятниковъ древности. По поводу этого проекта присутствующими высказаны были слѣдующія мнѣнія.

С. Ө. Платоновъ признавалъ проектъ нецѣлесообразнымъ въ виду того, что онъ подвергаетъ свободную научную дѣятельность мѣст-

ныхъ ученыхъ обществъ (особенно архивныхъ комиссій) стѣснительной административной опеки и регламентаціи.

Д. А. Клеменць высказался вообще противъ формальныхъ способовъ охраны памятниковъ старины.

А. А. Спицынъ заявилъ, что проектъ охраны памятниковъ древности путемъ расширенія сѣти субсидируемыхъ казною ученыхъ мѣстныхъ учрежденій есть не болѣе, какъ слабый палліативъ, такъ какъ никакая реальная охрана ихъ невозможна. Древности отъ разрушенія можетъ охранить лишь тотъ общественный институтъ, который все охраняетъ, т. - е. законъ. Соотвѣтственнымъ государственнымъ актомъ должно быть установлено, что всѣ памятники древности составляютъ государственную собственность, и опредѣлить кару за уничтоженіе ихъ, примѣняясь къ дѣйствующему гражданскому и уголовному законодательству. Памятники древности, находящіеся на частныхъ земляхъ, принадлежать собственникамъ земли, но безъ права уничтоженія и изслѣдованія ихъ, которое принадлежитъ государству.

К. Ѳ. Хилинскій, присоединяясь къ изложенному мнѣнію, возразилъ только противъ предложенія запретить собственникамъ древностей изслѣдованіе ихъ, если оно не сопровождается порчей.

По мнѣнію С. Л. Пташицкаго, устройство археологическихъ округовъ, по предложенному Министерствомъ Внутрен. Дѣлъ плану, для науки не только нежелательно, но даже вредно и опасно, такъ какъ осуществленіе его можетъ повлечь за собою порученіе охраны памятниковъ древности во многихъ случаяхъ учреждениямъ некомпетентнымъ въ этомъ дѣлѣ.

Выслушавъ эти мнѣнія, Отдѣленіе постановило: признать составленный Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ проектъ по дѣлу объ охранѣ памятниковъ древности вообще нецѣлесообразнымъ.

III.

А. А. Спицынъ сдѣлалъ докладъ по вопросу о происхожденіи южно-русскихъ майдановъ. Признавая вполне доказаннымъ взглядъ г. Городцева на майданы, какъ на раскопанные курганы, докладчикъ высказалъ, что такое раскапываніе производилось въ XVI—XVII вв. для добыванія изъ курганной земли селитры, какъ о томъ ясно говорятъ многочисленные письменные памятники. Устройство майдановъ при селитренной теоріи ихъ происхожденія объясняется даже въ мелочахъ. Найдены горны для вывариванія селитренной жидкости, куски чугуна, стекла,

поздней посуды, пемзы и т. д. Майданы расположены лишь по краю степи, ближе къ лѣсамъ.

С. Л. Пташицкій, признавъ весьма счастливымъ разрѣшеніе вопроса о селитряныхъ майданахъ, съ своей стороны прибавилъ, что польская лексикографія знаетъ это слово еще въ другихъ значеніяхъ: 1) площадь въ лагерѣ, съ 4-хъ сторонъ застроенная палатками, 2) площадь при выдѣлкѣ лѣса, застроенная шалашами, 3) площадь для выдѣлки поташа, 4) срединная часть лука, 5) отъ себя прибавилъ, что въ Бѣльскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи называется майданомъ огороженная площадь передъ скотнымъ дворомъ; этого послѣдняго значенія словари не знаютъ.

Нѣсколько замѣчаній о значеніи названія «майданъ» сдѣлали К. Θ. Хилинскій и К. А. Иностранцевъ.

IV.

И. С. Абрамовъ сообщилъ о раскопкахъ, произведенныхъ имъ въ 1905 г. въ Смоленской губерніи. Докладчикъ изслѣдовалъ Ольшанское городище въ Гнѣздовѣ Смоленской губ. и раскопалъ 24 кургана вблизи этого городища. Наибольшіе результаты получены отъ раскопки 2-хъ большихъ кургановъ (№№ 23 и 24), содержавшихъ разнообразныя вещи при остаткахъ трупосожженія. Затѣмъ докладчикъ осмотрѣлъ городища въ с. Старыгинѣ, Щучьемъ, Городкахъ, Можавѣ, Каленидовѣ, Городищѣ, Заборѣ, Хвоцевѣ, Репсовѣ, Кошевичахъ и Клименкахъ. Всего раскопано 76 кургановъ. Найдено вещей около 125 нумеровъ. Обращаетъ на себя вниманіе славянскій могильникъ XII в. на берегу Каспли (Скрябинскій могильникъ).

По заключенію А. А. Спицына, городище на р. Ольшѣ, въ Гнѣздовѣ, можетъ быть признано позднимъ. Раскопки кургановъ параллельно теченію р. Двины установили близость этой мѣстности въ культурномъ отношеніи къ другимъ мѣстностямъ Смоленской области. Курганный инвентарь близокъ также и къ находкамъ во Владимірскихъ курганахъ, но височныя кольца по преимуществу большія, хотя попадаются и малыя. Колець съ ромбическими расширеніями почти нѣтъ. Весьма важна находка близъ д. Клименки Порѣчьскаго уѣзда могильника XI—XII вв., изслѣдованіе котораго должно быть поставлено на ближайшую очередь, вмѣстѣ съ Бѣльскими курганами.

V.

Предсѣдатель доложилъ письмо г. Прокушинскаго съ указаніемъ желательности раскопокъ въ имѣн. Дубровенкахъ въ 5 верстахъ отъ Смоленска. Передано на заключеніе А. А. Спицына.

VI.

Кн. П. А. Путятинъ сдѣлалъ сообщеніе къ вопросу объ эолитическихъ орудіяхъ.

Засѣданіе 1-го января 1906 г.

Подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова присутствовали: Д. В. Айналовъ, В. С. Борзаковскій, И. Я. Гурляндъ, М. Г. Демени, К. А. Иностранцевъ, Х. М. Лопаревъ, С. Л. Пташицкій, А. А. Спицынъ, А. В. Щусевъ; гость А. А. Мионовъ.

1) Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія Отдѣленія.

2) Въ виду истеченія срока исполненія обязанностей секретаря Отдѣленія С. В. Рождественскимъ, управляющій Отдѣленіемъ С. Ѳ. Платоновъ возбудилъ вопросъ о выборѣ секретаря Отдѣленія на новый срокъ.

Постановлено: просить С. В. Рождественскаго продолжать исполненіе обязанностей секретаря на слѣдующее трехлѣтіе.

3) И. Я. Гурляндъ сдѣлалъ сообщеніе на тему: «Къ вопросу о ямской гоньбѣ». Предпославъ общее замѣчаніе по исторіи организаціи ямской гоньбы въ Россіи съ половины XVI в. (назначеніе особыхъ должностныхъ лицъ, организацію охотничьихъ станицъ, устройство ямскихъ слободъ), докладчикъ сообщилъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ особенностяхъ вытнаго порядка въ ямскихъ слободахъ XVII в.: о правѣ полного владѣнія вытчика своею долею, о припущеніи въ выть родственниковъ и вкупщиковъ, о необыкновенной дробности вытей, доходящихъ до $\frac{1}{12}$, о возможности постепеннаго перехода ямщиковъ изъ вытчиковъ въ полувытчики, въ захребетники и наконецъ въ ямскіе бобыли (сидѣвшіе также на пашнѣ), объ удобствахъ самоуправленія въ слободахъ, въ силу котораго даже у бобылей были свои старосты.— С. Ѳ. Платоновъ выразилъ удовольствіе, что докладчикъ сумѣлъ найти конкретный случай перехода одного и того же лица изъ состоянія полного вытчика до ямскаго бобыля. Такія наблюденія имѣютъ рѣшающее значеніе. А. А.

Спицынъ просилъ нѣкоторыхъ дополнительныхъ свѣдѣній о денежныхъ вкладахъ вкупщиковъ и высказалъ мнѣніе, что ямскіе бобыльскіе старосты могли быть назначаемы отъ слободы для управленія бобылями. И. Я. Гурляндъ отмѣтилъ встрѣчное имъ въ актахъ первой четверти XVII в. непонятное выраженіе: «Сажень, а на ней татарское письмо».

4) Д. В. Айналовъ прочелъ сообщеніе: «Два примѣчанія къ лѣтописному исповѣданію вѣры». Запона судища Христова, принесенная философомъ Владиміру, по понятію лѣтописца, представляла собою завѣсу, написанную красками, а не тканую. Она соотвѣтствуетъ настолько же дверной или алтарной завѣсѣ, насколько и синдону, т.-е. картинѣ, написанной красками на полотнѣ. Густынская лѣтопись упоминаетъ о златотканной завѣсѣ. Въ Кенигсбергской лѣтописи запона обращается въ икону съ изображеніемъ Спасителя. Татищевъ сообщаетъ, что Петръ Великій въ 1716 году видѣлъ въ Данцигѣ картину Страшлаго Суда, по преданью, ту самую, которая была показана Владиміру. Извѣстіе о Тельчей главѣ, слитой Аарономъ, замѣнившее указаніе Исхода о вылитомъ цѣломъ тельцѣ, представляетъ подробность, взятую изъ паломнической литературы. Уже мнихъ Епифаній говоритъ о мѣстѣ стана израильтянъ у Синайской горы и о той печи или ямѣ, въ которой была тельчья голова. Изъ нашихъ паломниковъ объ этой печи упоминаетъ Вас. Поздняковъ. С. О. Платоновъ замѣтилъ, что чѣмъ далѣе идутъ изслѣдованія, тѣмъ яснѣе становится необыкновенная сложность состава первоначальной лѣтописи. Возбуждены были вопросы о значеніи выраженій: «да будемъ золоти яко золото», «дотчеса копіемъ», о клятвѣ обручами.

Засѣданіе 4-го марта 1906 г.

Подъ предсѣдательствомъ С. О. Платонова присутствовали члены Общества: О. А. Браунъ, В. С. Барзаковскій, Н. И. Веселовскій, К. А. Иностранцевъ, О. Э. Леммъ, Х. М. Лопаревъ, В. В. Латышевъ, В. В. Майковъ, Н. В. Покровскій, Е. М. Придикъ, В. Э. Регель, Н. К. Рерихъ, С. В. Рождественскій, Я. И. Смирновъ, А. А. Спицынъ, Б. В. Фармаковскій, К. В. Хилинскій; гости: гг. Мироновъ, Печенкинъ, Раевскій, Титовъ.

I.

Быль прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II.

Ө. А. Браунъ сдѣлалъ сообщеніе о камнѣ съ рунической надписью, найденномъ на о. Березани. Камень этотъ найденъ лѣтомъ 1905 г. проф. Э. Р. фонъ-Штерномъ въ могилѣ, сложенной изъ каменныхъ плитъ, впущенной въ насыпь большого кургана VI вѣка до Р. Хр. Камень лежалъ подъ черепомъ и верхней частью туловища покойника, т. е. онъ найденъ не *in situ*, а, вѣроятно, стоялъ первоначально на одномъ изъ близкихъ кургановъ. Надпись состоитъ изъ 43 руническихъ знаковъ. Текстъ ея гласитъ: *Grani gserthi staf thisi iftir Ka(r)l félagi sin*, т. е. «Грани соорудилъ столбъ сей въ память Карла, своего товарища». Время надписи—вѣроятно, середина XI вѣка, въ крайнемъ случаѣ конецъ X вѣка. Вниманіе привлекаетъ *staf*, столбъ. Референтъ привелъ три шведскія надписи, въ которыхъ «столбъ» упоминается рядомъ съ «камнемъ», и высказалъ предположеніе, что надъ могилами обыкновенно ставились деревянные столбы, на которыхъ писалось имя покойника. Это подтверждается свидѣтельствомъ Ибнъ-Фодлана о погребеніи древне-русскаго гостя на берегахъ Волги. Референтъ полагаетъ, что этимъ объясняется отсутствіе руническихъ надписей на Руси. Обычай ставить камни вмѣсто столбовъ вошелъ въ Швеціи въ общую моду лишь въ XI в., когда наплывъ скандинавовъ на Руси уже ослабѣлъ.

А. А. Спицынъ, отмѣтивъ цѣнность находки первой рунической надписи въ Россіи, высказался противъ мнѣнія о большихъ поселеніяхъ норманновъ на Руси. Многіе курганы со скандинавской культурой надо признать русскими.

III.

А. А. Спицынъ сдѣлалъ сообщеніе о Мономаховой шапкѣ. Докладчикъ защищалъ слѣдующія основныя положенія:

- 1) Ни одинъ изъ русскихъ великихъ князей не могъ быть вѣнчанъ на царство до паденія Константинополя;
- 2) Владимиръ Всеволодовичъ едва ли былъ называемъ Мономахомъ: это прозвище позднее, книжное;
- 3) Вѣнчанье на царство 1498 г. было первымъ церковнымъ поставленіемъ; оно еще перемѣшано съ обрядами гражданскаго поставленія;
- 4) Сказаніе о Мономаховой шапкѣ составлено не для вѣнчанія 1498 г., а, по всей вѣроятности, нѣсколько позднѣе, однимъ изъ агіографовъ школы Пахомія;
- 5) Мономахова шапка извѣстна съ Ивана Калиты и, вмѣстѣ съ

другими регаліями, употреблялась при гражданскомъ поставленіи на великое княженіе;

6) Шапка есть, внѣ сомнѣнія, издѣліе востока, что доказывается какъ общимъ характеромъ орнамента ея, такъ и подробностями орнамента (особенно же арабскимъ цвѣткомъ) и техникой скани (плющенной);

7) По особенностямъ арабскаго цвѣтка можно заключить, что Мономахова шапка не относится ни къ концу XIV в., ни къ XIII в. (развѣ къ концу его);

8) Мѣсто изготовленія Шапки пока не можетъ быть указано; она могла быть сдѣлана и въ Сиріи, и въ Персіи, и въ Средней Азій;

9) По орнаменту и технике Шапка очень близка къ подѣлкамъ изъ золота и серебра, находимымъ въ древностяхъ Золотой Орды XIV в. (Болгары, Царевъ, Сѣверный Кавказъ, низовья Днѣпра) и должна имѣть съ ними одно происхожденіе.

Н. В. Покровскій находилъ, что и до 1498 г. существовалъ церковный обрядъ поставленія князей. Чинъ вѣнчанія Дмитрія Ив.— не полный цареградскій. Этотъ послѣдній чинъ былъ принятъ лишь при второмъ вѣнчаніи Грознаго. Восточный характеръ орнамента Шапки не можетъ служить доказательствомъ ея восточнаго происхожденія; восточный орнаментъ былъ распространенъ и въ Византіи.

Н. И. Веселовскій указалъ аналогію формъ и орнаменту Шапки въ головныхъ уборахъ Средней Азій.

Х. М. Лопаревъ и С. О. Платоновъ отмѣтили, что прозвище Владиміра Мономахомъ встрѣчается въ памятникахъ XIII вѣка, въ Словѣ о погибели русской земли и въ Русской Правдѣ.

Засѣданіе 25-го апрѣля 1906 г.

Подъ предсѣдательствомъ С. О. Платонова присутствовали: Д. В. Айналовъ, В. Г. Дружининъ, К. А. Иностранцевъ, П. П. Кочковцевъ, В. В. Майковъ, Н. Я. Марръ, князь П. А. Путятинъ, Н. К. Рерихъ, С. В. Рождественскій, А. А. Спицынъ; гости: гг. Клочковъ, Макаренко, Печенкинъ, Рѣпниковъ.

I.

Быль прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II.

Доложено отношеніе предсѣдателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 27 февраля сего года съ приглашеніемъ принять участіе въ подготовительныхъ изслѣдованіяхъ къ предстоящему Черниговскому Археологическому Съѣзду. Постановлено: доложить общему собранію общества, что Отдѣленіе Русской и Славянской Археологіи готовитъ къ Черниговскому съѣзду нѣсколько изслѣдованій по мѣстной археологіи и исторіи; между прочимъ обѣщаны труды проф. Д. В. Айналова объ архитектурѣ Борисоглѣбскаго собора въ Черниговѣ и А. А. Спицына—о могильникахъ и городищахъ Черниговскаго края.

III.

Избраны: на должность управляющаго Отдѣленіемъ, на новое трехлѣтіе, С. О. Платоновъ и на должность члена Совѣта общества Н. И. Веселовскій.

IV.

А. А. Спицынъ предложилъ Отдѣленію назначить въ 1906 г. раскопки въ двухъ мѣстностяхъ: по р. Касплѣ, главнымъ образомъ для изслѣдованія Скрябинскаго могильника, и близъ Сестрорѣцка, гдѣ г. Гамченко открылъ нѣсколько группъ кургановъ, повидимому, русскаго происхожденія. Постановлено: изъ 300 р., имѣющихся въ распоряженіи Отдѣленія, 100 р. назначить С. С. Гамченку на раскопки Сестрорѣцкихъ кургановъ, а остальную сумму передать В. Н. Глазову на изслѣдованія въ Смоленской губ.

V.

Д. В. Айналовъ прочиталъ рефератъ о лѣтописныхъ свѣдѣніяхъ о Палестинѣ. Свѣдѣнія лѣтописи о христіанахъ, владѣвшихъ Палестиной, подъ 986 г. относятся, повидимому, къ крестоносцамъ и вошли въ лѣтопись послѣ завоеванія Палестины крестоносцами. Объ остаткахъ Вавилонскаго столба, упоминаемыхъ въ рѣчи философа къ Владиміру, упоминаютъ въ это время и другіе источники, но не обозначаютъ размѣровъ остатковъ въ тѣхъ цифрахъ, какъ въ лѣтописи. Гора Вамская представляетъ, повидимому, не ту гору, которая извѣстна по Палеѣ. Свѣдѣніе о колодцѣ Благовѣщенія очень близко къ свѣдѣнію, сообщаемому Даніиломъ Паломникомъ. Хожденіе 40 каликъ новгородскихъ (въ отрывкѣ лѣтописи Импер. Публич. Библ.) даетъ новыя свѣдѣнія о предметахъ, приносимыхъ каликами на Русь: копкаръ, чаши, скатерть, св. мощи.

Замѣчанія по поводу реферата были сдѣланы С. Θ. Платоновымъ, Н. Я. Марромъ и К. А. Иностранцевымъ.

VI.

А. А. Спицынъ сдѣлалъ общій очеркъ открытій послѣдняго времени въ области каменнаго и мѣднаго вѣковъ, сарматскихъ древностей, древностей аланскихъ, финскихъ, болгарскихъ, русскихъ и описаніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ находокъ Средней Азіи и Поволжья.

VII.

Князь П. А. Путятинъ сообщилъ нѣкоторыя новыя данныя объ золотахъ, добытыхъ берлинскимъ проф. Ranke.

Засѣданіе 27-го октября 1906 года.

Подъ предѣлательствомъ С. Θ. Платонова присутствовали члены и сотрудники Общества: Д. В. Айналовъ, В. М. Иверсенъ, К. А. Иностранцевъ, Хр. М. Лопаревъ, В. В. Майковъ, С. В. Рождественскій, Н. В. Султановъ, Б. В. Фармаковскій; гости: гг. Клочковъ, Мироновъ, Сиверсъ.

I.

Быль прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II.

Д. В. Айналовъ прочиталъ докладъ: «Къ вопросу о реальныхъ данныхъ у Данила Заточника».

III.

С. В. Рождественскій сдѣлалъ сообщеніе о боярской книгѣ 7155 года, хранящейся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и дающей цѣпныя свѣдѣнія о землевладѣніи XVII вѣка.

Засѣданіе 25-го ноября 1906 года.

Подъ предѣлательствомъ С. Θ. Платонова присутствовали члены Общества: К. А. Иностранцевъ, кн. П. А. Путятинъ, Н. К. Рерихъ, С. В. Рождественскій, Н. И. Рѣвниковъ, А. А. Спицынъ, К. В. Хилинскій; гости: гг. Апухтинъ, Макаренко, Мироновъ, Щусевъ.

I.

Быль прочитанъ и утверждень протоколъ предыдущаго засѣданія.

II.

Постановлено напечатать въ Запискахъ Отдѣленія изслѣдованіе г. Трусмана о древнѣйшей Ливонской хроникѣ и ея авторѣ.

III.

А. А. Спицынъ доложилъ о раскопкахъ лѣтомъ 1906 г. аланскаго могильника на верховьяхъ Дона, близъ г. Коротояка. Могильникъ этотъ аналогиченъ Верхле-Салтовскому, но видимо принадлежитъ къ нѣсколько болѣе раннему времени. Докладчикъ привелъ лѣтописныя и археологическія данныя въ пользу предположенія, что алане обитали въ данной мѣстности и въ болѣе позднее время, вплоть до разрушенія ея татарами, и высказалъ мнѣніе, что часть донскихъ аланъ передвинулась въ Рязань, гдѣ и слилась съ мѣстнымъ населеніемъ. По мнѣнію докладчика, долженъ быть подвергнутъ пересмотру вопросъ о вятичахъ и опредѣлено ихъ отношеніе къ аланамъ.

IV.

Н. Е. Макаренко доложилъ о произведенныхъ имъ лѣтомъ 1906 г. разысканіяхъ въ Полтавщинѣ. Эти разысканія коснулись: 1) посульскихъ городищъ, 2) полтавскихъ могильниковъ, 3) майдановъ, 4) полей урнъ и 5) кургановъ разныхъ эпохъ.

Посульскія городища, описанныя по виѣшности В. Г. Ляскоронскимъ, относятся къ неизвѣстной культурѣ. Городище «Монастырище», близъ Роменъ, расположено на лугу при рѣкѣ Роменъ, овальной формы, размѣрами 115×58 арш. Подъ культурнымъ слоемъ на материкѣ землянки 6×6 арш., съ печками. Культурные остатки, орнаментъ и форма сосудовъ не даютъ почвы для хронологическихъ опредѣленій. Подобнаго же характера по культурѣ круглое нагорное городище Г. С. Вашкевича внизъ по Сулѣ, отъ Роменъ 18 верстъ, частью изслѣдованное. Городище Медвѣжьевское и Липовское, судя по даннымъ, добытымъ на нихъ, другого типа: типъ черепковъ характерный славянскій XII—XIII вв. Культурные остатки городища у сс. Басивки и Будокъ (глиняные горшки и сосуды) аналогичны грубымъ сосудамъ кургановъ Аксютинцевъ, Волховцевъ, кромѣ того найдены обломки красныхъ и сѣрыхъ остродонныхъ амфоръ, ручка съ клеймомъ II—III в. до Р. Хр. Замѣ-

чены остатки очаговъ и, быть можетъ, землянокъ. Культурные признаки указываютъ на скиво-сарматское происхожденіе городища.

Подробное изслѣдованіе мѣстъ съ находками бронзовыхъ, мѣдныхъ и другихъ подѣлокъ, иногда съ эмалью VI—VIII вв., заставляющихъ предполагать въ этихъ мѣстахъ существованіе могильниковъ, не привело къ желательному результату.

Работа надъ майданами осталась не выполненной въ виду того, что почти всѣ майданы, изслѣдованные въ то же лѣто г. Мазараки, оказались расхищенными.

Между селами Константиново и М. Будки въ полѣ, на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ аршинъ, обнаружены урны съ сожженными костями и остатками бусъ и желѣзныхъ пряжекъ. Форма нѣкоторыхъ сосудовъ напоминаетъ поздній Ла-Тецъ. Время неопредѣлено.

У с. Липляво Золотоношск. у. расположено около 300 курганныхъ насыпей неправильной формы. Вскрыто 6 насыпей. Погребальный инвентарь: стеклянныя позолоченныя бусы, кольца, ножи, изящныя желѣзные топорики, деревянныя ведра съ желѣзными обручами и каменныя топилки. Положеніе костяковъ обычное; могильныя ямы иногда значительныхъ размѣровъ. Въ с. Липовомъ, Роменскаго у., едва ли не единственная въ Россіи по количеству группа славянскихъ кургановъ (около 3000). Вскрыто 9 кургановъ, давшихъ очень небольшое количество бусъ, колецъ и пр. Изъ 2-хъ курганныхъ группъ у с. М. Будокъ вскрыто 4 насыпи, принадлежащія къ скиво-сарматскому типу, ограбленныя.

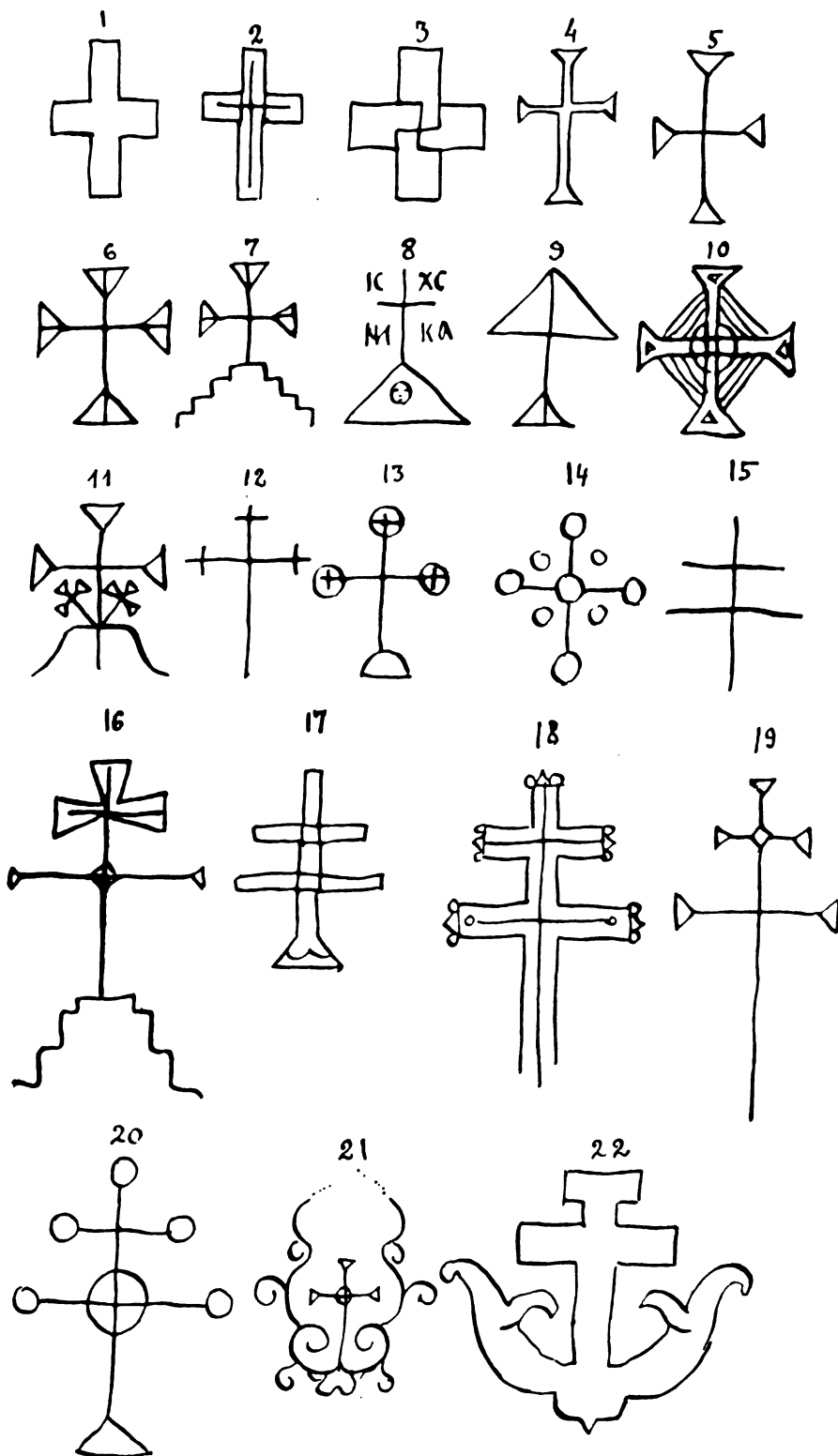
V.

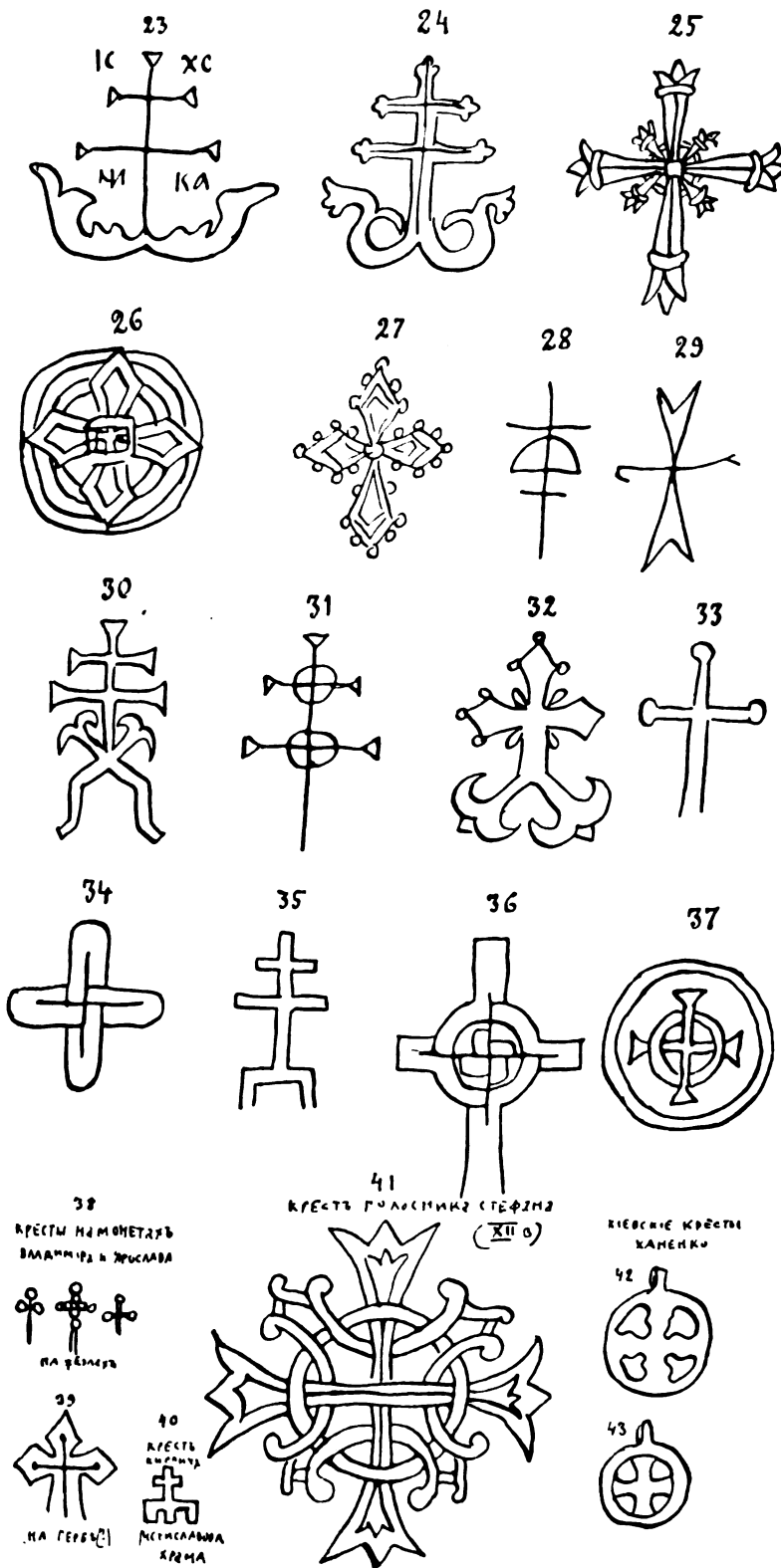
Н. К. Рерихъ сдѣлалъ сообщеніе о находимыхъ въ Новгородской и Владимірской губ. каменныхъ фигуркахъ, изображающихъ людей. Аналогичныя, встрѣчающіяся въ Зап. Европѣ, вызвали полемику по вопросу объ ихъ подлинности.

VI.

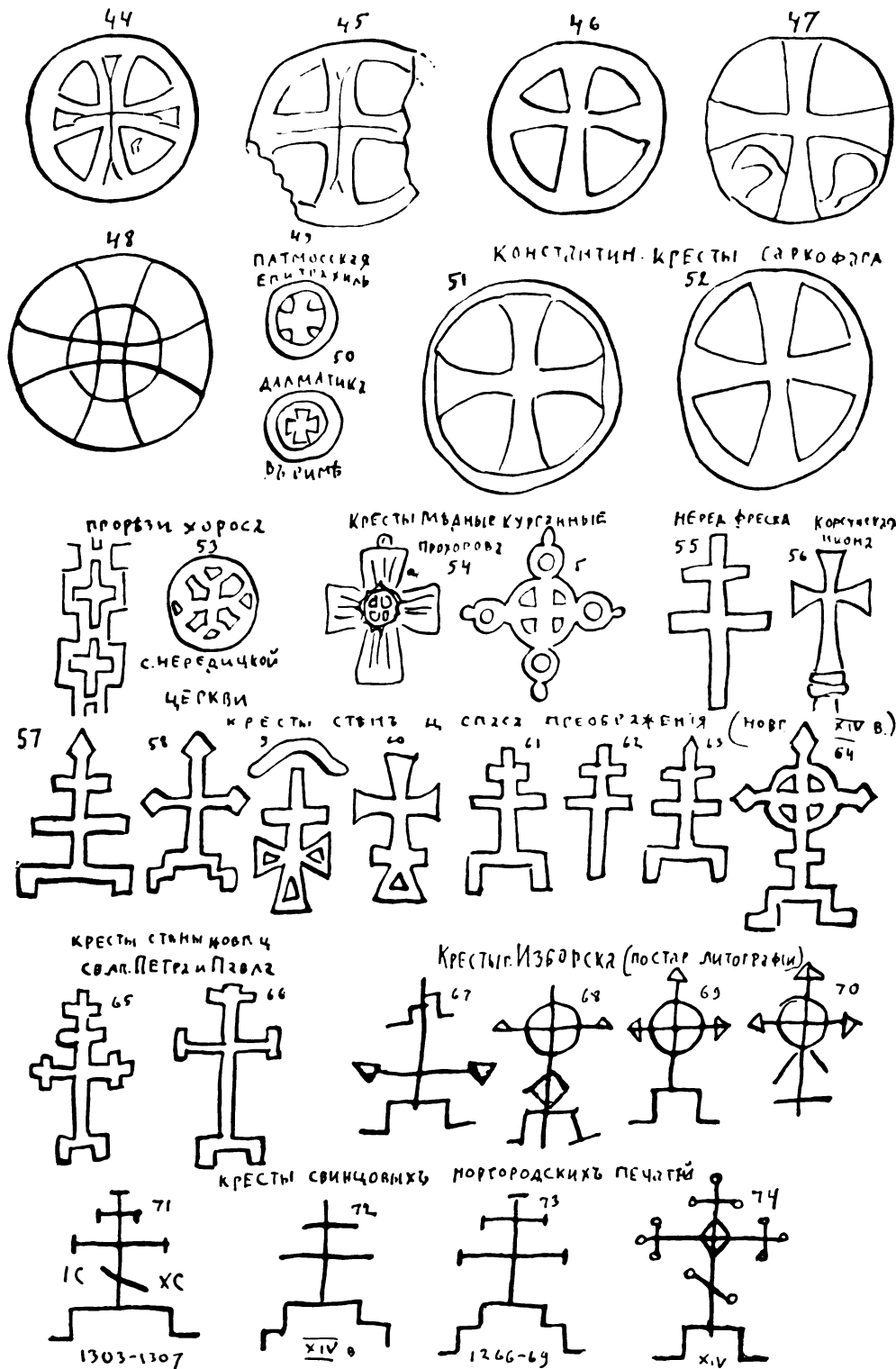
К. В. Хилипскій демонстрировалъ рисунки вещей, найденныхъ въ 1906 г. на глиняныхъ площадкахъ въ Подольской губерніи.

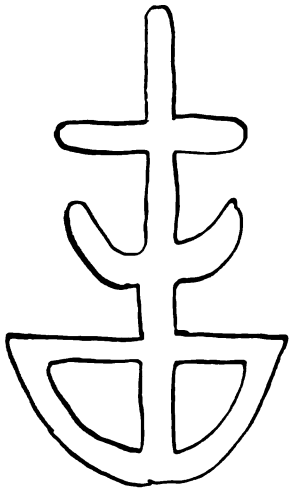
Новгородскіе GRAFFITI

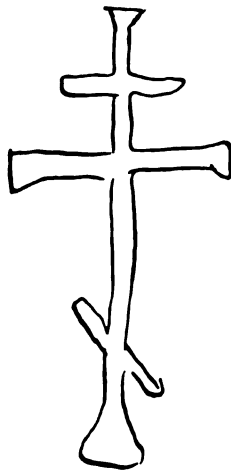

Сирийскіе кресты (по Успенскому)

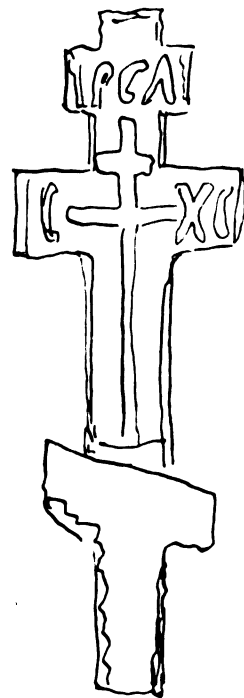

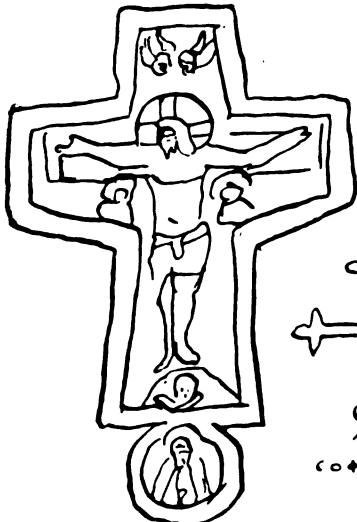
79 КРЕСТЬ НА КАМНѢ
ИСТ МУЗЕЯ

80 КРЕСТЬ АНТИМИНСА
1144г.

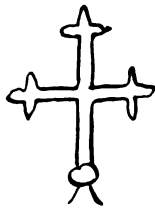

81 КРЕСТЬ СВ. МОИСЕЯ
(XIV)

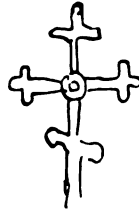

82 КРЕСТЬ ВАРЛААМ ЧЛСОВНИ

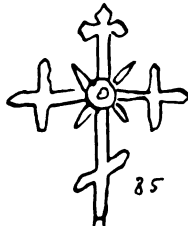
КРЕСТЫ НА КУПОЛАХЪ НОВЫХЪ ЦЕРКВЕИ

СОФ ЗВОННИЦЫ
83

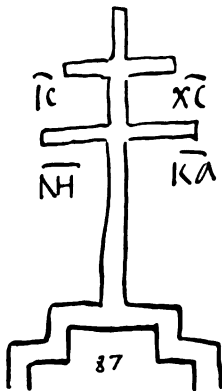
Ц СВ. КАМЕНТА
84

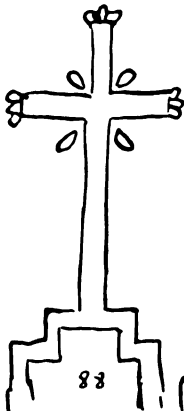
Ц СПАСА
ПРЕОБРАЖЕНА
85

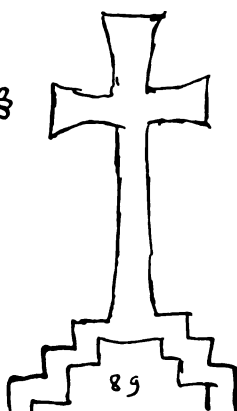
Ц СПАСА
ПРЕОБРАЖЕНА
86

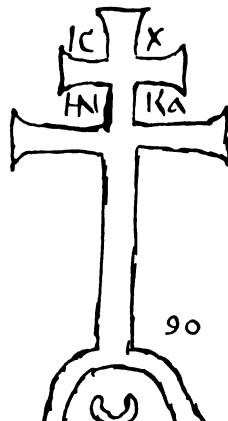
РОГВОЛОДОВЪ КАМЕНЬ.

88

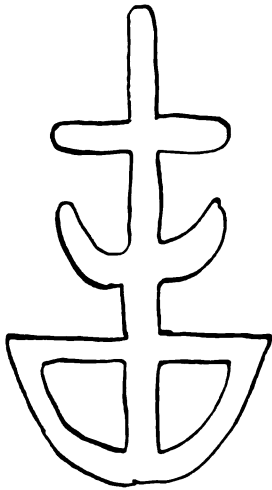

89

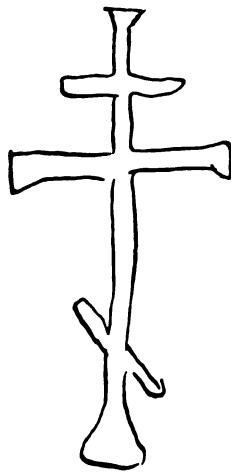

90

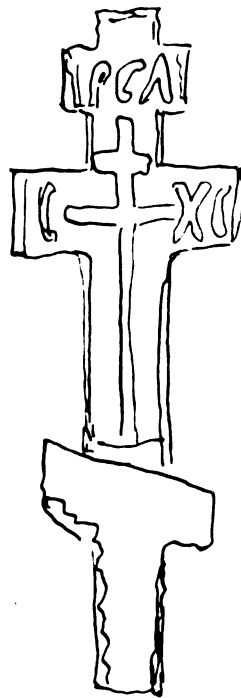
ДВИНСКІЕ БОРИСОВЫ КРЕСТЫ НА КАМНЯХЪ

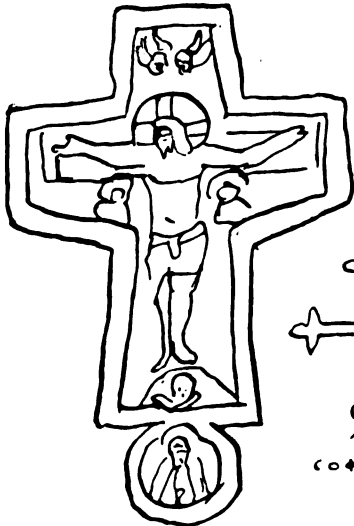
79 КРЕСТЬ НА КАМНѢ
ИСТ. МУЗЕЯ

80 КРЕСТЬ АНТИМИНСА
1144 г.

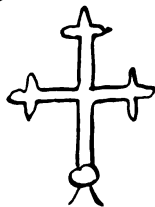

81 КРЕСТЬ СВ. МОИСЕЯ
(XIV)

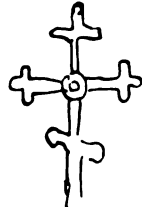

82 КРЕСТЬ ВЪ РАДЛѢ ЧАСОВНИ

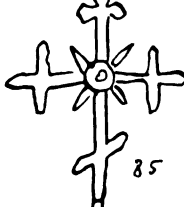
КРЕСТЫ НА КУПОЛАХЪ НОВГ. ЦЕРКВЕИ

83
СОФ. ЗВОННИЦЫ

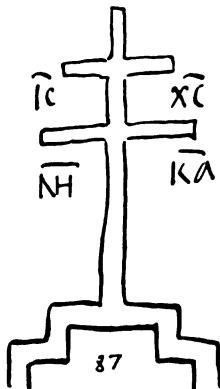
84
Ч. СВ. КЛИМЕНТА

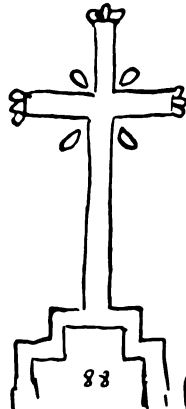
85
Ч. СПАСА
ПРЕОБРАЖЕНА

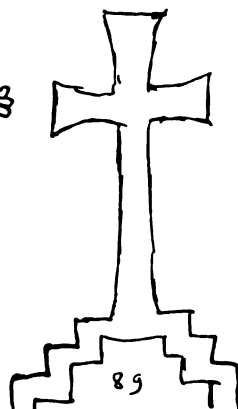
86
Ч. СПАСА
ПРЕОБРАЖЕНА

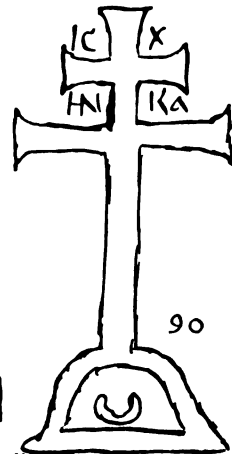
87
РОГВОЛОДОВЪ КАМЕНЬ.

88

89

90

ДВИНСКІЕ БОРИСОВЫ КРЕСТЫ НА КАМНЯХЪ

КРЕСТЬ КЛИМА ХРИСТИНИЧА.

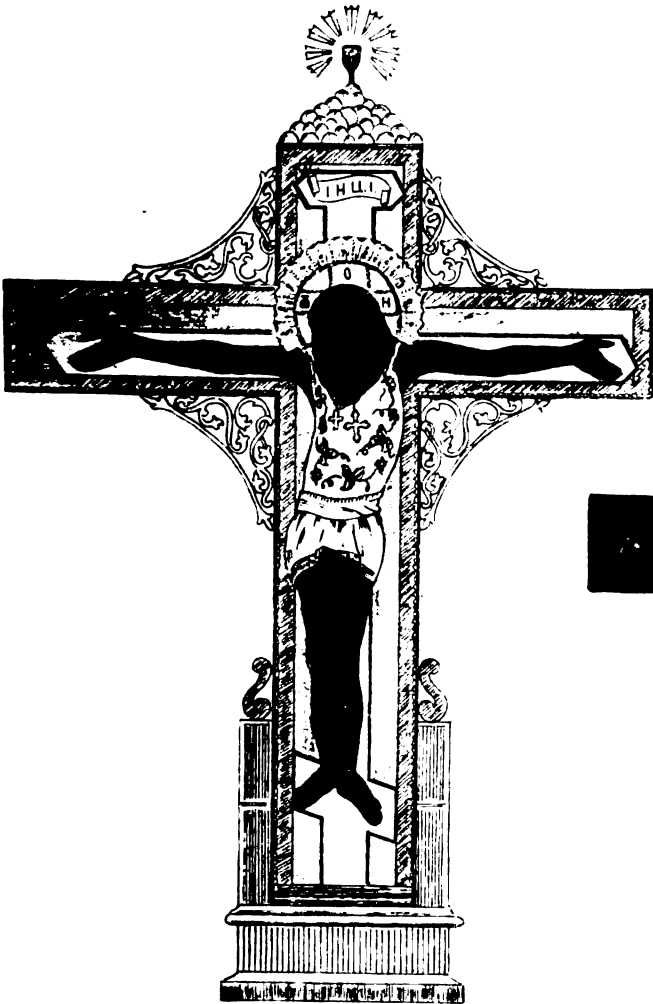

БОРОВИЧСКИЙ КРЕСТЬ.

XIV—XV В

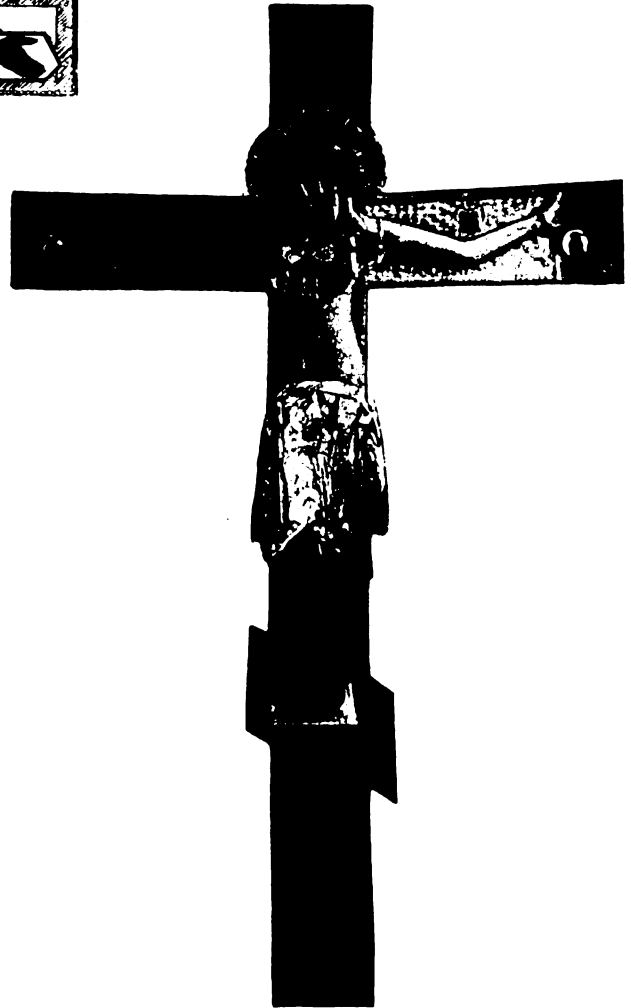

НЕРЕДИЦКИЙ ФРАГМЕНТ.
XIV—XV В.

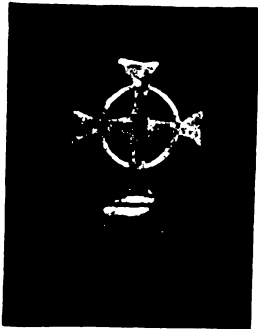
КРЕСТЬ ДМИТРОВСКАГО УСПЕНСКАГО СОБОРА.

(1291 г. ?).

КРЕСТЬ НИКОЛЬСКАГО РОСТОВСКАГО МОНАСТЫРЯ.

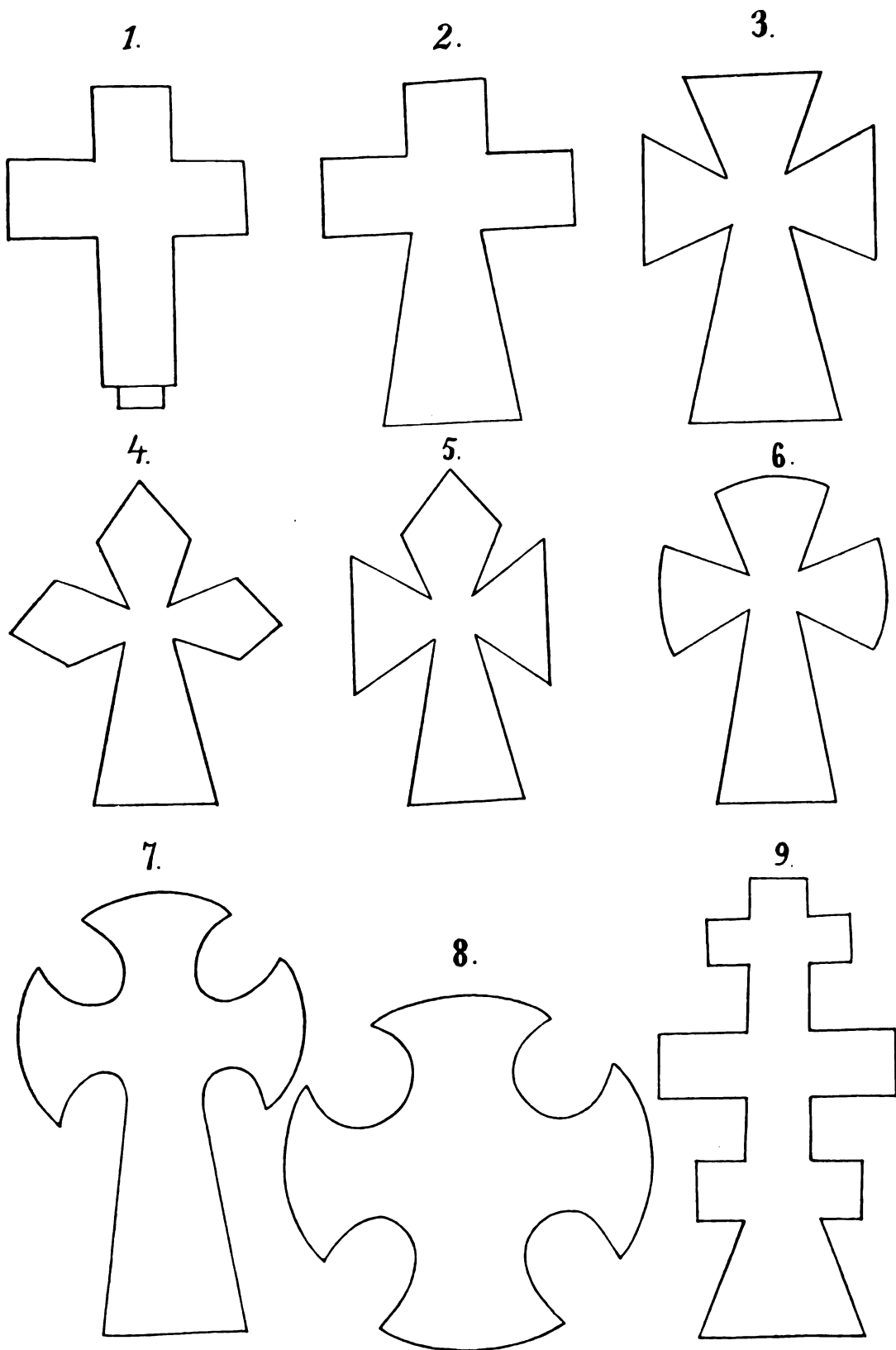
XIV в.

РЕГЕНСБУРГСКИЙ КРЕСТЬ.

НОВГОРОДЪ. ЧУДНЫЙ КРЕСТЬ НА
ВОЛХОВСКОМЪ МОСТУ.

ТИПЫ КАМЕННЫХЪ КРЕСЛОВЪ.

Παλαια ἀρχιστρατορὰ πρὸς ἀποφά
(πρὸ ἀρχὴν βυζαντινὰν βασιλείαν καὶ βυζαντινὰν
ἀποφάσιν ἀποφάσιν. πολὺ ἀποφάσιν ἀποφάσιν
βυζαντινὰν καὶ ἀποφάσιν ἀποφάσιν ἀποφάσιν)

Παλαια ἀρχιστρατορὰ πρὸς ἀποφά
(πρὸ ἀρχὴν βυζαντινὰν βασιλείαν καὶ βυζαντινὰν
ἀποφάσιν ἀποφάσιν. πολὺ ἀποφάσιν ἀποφάσιν
βυζαντινὰν καὶ ἀποφάσιν ἀποφάσιν ἀποφάσιν)

βυζαντινὰν καὶ ἀποφάσιν ἀποφάσιν ἀποφάσιν

Ποσειδωνος ἀρχιστρατορὰ πρὸς ἀποφά
ποσειδωνος ἀρχιστρατορὰ πρὸς ἀποφάσιν ἀποφάσιν
ποσειδωνος ἀρχιστρατορὰ πρὸς ἀποφάσιν ἀποφάσιν

ποσειδωνος ἀρχιστρατορὰ πρὸς ἀποφάσιν ἀποφάσιν

ποσειδωνος ἀρχιστρατορὰ πρὸς ἀποφάσιν ἀποφάσιν

ποσειδωνος ἀρχιστρατορὰ πρὸς ἀποφάσιν ἀποφάσιν

ποσειδωνος ἀρχιστρατορὰ πρὸς ἀποφάσιν ἀποφάσιν

ποσειδωνος ἀρχιστρατορὰ πρὸς ἀποφάσιν ἀποφάσιν

ποσειδωνος ἀρχιστρατορὰ πρὸς ἀποφάσιν ἀποφάσιν

ποσειδωνος ἀρχιστρατορὰ πρὸς ἀποφάσιν ἀποφάσιν

ποσειδωνος ἀρχιστρατορὰ πρὸς ἀποφάσιν ἀποφάσιν

B. S. P. F.

Археологическіе труды А. Н. Оленина. Т. I—4 р. 50 к.,	
т. II—2 р.	6 р. 50к.
Очеркъ жизни и дѣятельности Д. В. Полѣнова. И. П. Хрущова.	1 » 50 »
Опись древнихъ рукописей, хранящихся въ музеѣ Имп. Русск.	
Арх. Общ. Д. И. Прозоровскаго	1 » —»
Поѣздка въ Румелию. Архим. Антонина	3 » —»
Изъ Румелии. Архим. Антонина	6 » —»
Критическія наблюденія надъ формами изящныхъ искусствъ.	
I. Зодчество древняго Египта. А. В. Прахова.	3 » —»
Рязанскія древности	1 » —»
Собраніе древнихъ памятниковъ искусства въ Павловскѣ.	
Л. Э. Стефани.	1 » —»
Сборникъ еврейскихъ надписей. Д. А. Хвольсона (съ 8 таб-	
лицами)	4 » —»
Библиографическое обзоріе трудовъ Имп. Русскаго Археол.	
Общества. Д. В. Полѣнова	1 » —»
Опись предметовъ, хранящихся въ Музеѣ Имп. Русскаго	
Археол. Общества. Д. И. Прозоровскаго.	1 » —»
Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini grae-	
cae et latinae. Edidit Basilius Latyschev, vol. I—7 р., II—10 р.,	
V—10 р. (т. III печатается)	27 » —»
В. В. Латышевъ. Сборникъ греческихъ надписей христіан-	
скихъ временъ изъ Южной Россіи	2 » —»
Ю. Б. Иверсенъ. Медали въ честь русскихъ государственныхъ	
дѣятелей и частныхъ лицъ. Т. III	3 » —»
Н. Е. Бранденбургъ. Старая Ладога. Рисунки и техническое	
описаніе акад. В. В. Сулова	25 » —»
Н. И. Веселовскій. Рѣчь, читанная въ торжественномъ со-	
браніи 15-го декабря 1895 г.	— » 30»
Н. И. Веселовскій. Исторія Императорскаго Русскаго Археол-	
огическаго Общества за первое пятидесятилѣтіе его существо-	
ванія 1846—1896 г.	4 » —»

Съ требованіями просятъ обращаться въ книжный магазинъ
К. Риккера. (С.-Петербургъ, Невскій пр., № 14).

Цѣна 2 руб.

Princeton University Library

32101 074201037

